

НЕГОСУДАРСТВЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ

16+
ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ

«ОМСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ»

НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ: ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал
Издается с декабря 2007 года
Выходит четыре раза в год

№ 1 (19)
28 марта 2015 г.

Главный редактор – *А.Э. Еремеев*, доктор филологических наук, профессор,
ректор НОУ ВПО «Омская гуманитарная академия»

Редакционная коллегия

Е.А. Акелькина – доктор филологических наук, профессор;
В.О. Бернацкий – доктор философских наук, профессор;
Л.О. Бутакова – доктор филологических наук, профессор;
В.А. Евдокимов – доктор политических наук, профессор;
О.Ю. Патласов – доктор экономических наук, профессор;
С.Н. Рягин – доктор педагогических наук, профессор

Выпускающий редактор – *С.М. Ильченко*, кандидат экономических наук, доцент
Редактор, ответственный секретарь – *В.А. Брагина*
Корректор – *Л.И. Козякова*
Компьютерная верстка – *И.Ю. Ерофеев*.
Макет обложки: *Н.С. Сивко, И.Ю. Ерофеев*

В оформлении обложки использована фотография скульптуры Огюстена Пажу «Каллиопа» (ок. 1763 г.).

Рукописи подвергаются редакционной обработке.
Точки зрения авторов и редакционной коллегии могут не совпадать.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ55-00374 от 11.09.2012
выдано Управлением Роскомнадзора по Омской области
Подписной индекс в каталоге «Пресса России», «Роспечать» 43161
Журнал «Наука о человеке: гуманитарные исследования» включен в систему
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
Ссылки на журнал при цитировании обязательны
Цена свободная
ISSN 1998-5320
© НОУ ВПО «ОмГА», 2015

Адрес редакции: Омск-105, ул. 4-я Челоскинцев, 2а.
Тел./факс 28-47-37. E-mail: nou_ogu@mail.ru, <http://journal.omg.a.su>
Подписано в печать 26.03.15. Формат 84x108/8. Уч.-изд. л. 16,39. Печ. л. 23,37.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–100). Заказ № 263.
Полиграфический центр издательства НОУ ВПО «ОмГА».
Омск-105, ул. 4-я Челоскинцев, 2а.

**Издание включено в Перечень российских рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук**

NON-STATE
EDUCATIONAL
INSTITUTION

HIGHER
PROFESSIONAL
EDUCATION

«OMSK ACADEMY OF THE HUMANITIES»

THE SCIENCE OF PERSON: HUMANITARIAN RESEARCHES

Scientific journal
Published since December 2007
Issued four times a year

№ 1 (19)
28 march 2015 г.

Chief Editor – *A.E. Eremeev*, Doctor of Philology Sciences, Professor

Editorial staff

E.A. Akelkina – Doctor of Philology, Professor;
V.O. Bernatskiy – Doctor of Philosophy, Professor;
L.O. Butakova – Doctor of Philology, Professor;
V.A. Evdokimov – Doctor of Political Science, Professor;
O.Yu. Patlasov – Doctor of Economy Sciences, Professor;
S.N. Ryagin – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor;

Managing editor – *S.M. Ilchenko*, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Editor, executive secretary – *V.A. Bragina*
Proof-reader – *L.I. Kozyakova*
Computer-aided makeup – *I.Y. Erofeev*.
Cover layout: *N. S. Sivko, I.Y. Erofeev*

Manuscripts are subjected to the editorial processing.
The viewpoints of the authors and the editorial board may not coincide.
Registration certificate PI № TY55-00374 from 11.09.2012.
issued by Directorate of Roskomnadzor of the Omsk region

Subscription index in the catalog «Russian Press», "Rospechat" 43161
The journal «The science of person: humanitarian researches» is included in the system of Russian science citation index (RINTS)
References to the journal citation are required

Price free
ISSN 1998-5320
© NOUVPO «OmGA», 2015

**The publication is included in the List of Russian reviewed
scientific journals, in which basic scientific results of dissertations
on competition of scientific degrees of doctor and candidate of Sciences should be published**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Бессонов Борис Николаевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и религиоведения Московского городского педагогического университета;

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович, академик РАН, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой этики МГУ им. М.В. Ломоносова, директор Института философии РАН;

Диев Владимир Серафимович, доктор философских наук, профессор, декан философского факультета Новосибирского государственного университета;

Донских Олег Альбертович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления;

Перцев Александр Владимирович, доктор философских наук, профессор, декан философского факультета Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, проректор УрГУ по работе с территориями и довузовской подготовке, вице-президент Российского философского общества (с 1999 г.);

Разумов Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского;

Розов Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра социальной философии и теоретической истории при Институте философии и права СО РАН и Новосибирском государственном университете;

Смолин Олег Николаевич, член-корреспондент РАО, доктор философских наук, председатель Общероссийского общественного движения «Образование – для всех», заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, первый заместитель председателя Комитета по образованию ГД РФ. Награжден медалью К.Д. Ушинского.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ван Ли, Dr. Habil. Philol., профессор Пекинского университета иностранных языков, Института русского языка (Китай), член Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, член Международного сообщества писателей (СПб.), член редакционного совета Тайваньского научного журнала «Вопросы изучения русского языка, истории и культуры России»;

Иссерс Оксана Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, декан факультета филологии и медиа коммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского;

Карташова Ирина Вячеславовна, доктор филологических наук, почетный профессор Тверского государственного университета, заслуженный работник высшей школы РФ;

Катаев Владимир Борисович, доктор филологических наук, заведующий кафедрой истории русской литературы МГУ, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации, председатель Чеховской комиссии Совета по истории мировой культуры РАН (с 1996 г.);

Лебедева Ольга Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета, лауреат Государственной премии РФ, почетный работник высшего профессионального образования;

Лозовский Борис Николаевич, доктор филологических наук, профессор, директор департамента «Факультет журналистики» Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина;

Ормонбекова Ардакбубу Ормонбековна, доктор филологических наук, проректор по учебной работе Бишкекского гуманитарного университета им. К. Карасаева (Кыргызстан);

Янушкевич Александр Сергеевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета, лауреат Государственной премии РФ, почетный работник высшего профессионального образования.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бережнова Елена Викторовна, доктор педагогических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, заведующая лабораторией методологии исследований проблем управления качеством образования;

Далингер Виктор Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики обучения математике Омского государственного педагогического университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

Досанова Сая Сабировна, доктор педагогических наук, профессор, первый вице-президент Кокшетауского университета им. Абая Мырзахметова (г. Кокшетау, Казахстан);

Загвязинский Владимир Ильич, действительный член РАО, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий академической кафедрой методологии и теории социально-педагогических исследований Тюменского государственного университета, член научно-редакционного совета и редколлегии «Большой Тюменской энциклопедии»;

Звонников Виктор Иванович, доктор педагогических наук, профессор, проректор Государственного университета управления (Москва), член Совета Минобрнауки России по программе МРА, руководитель Рабочей группы Комитета Совета Федерации по образованию и науке, член Комитета Торгово-промышленной палаты РФ по содействию профессиональному и бизнес-образованию, член Американской ассоциации по оценке;

Лапчик Михаил Павлович, действительный член (академик) РАО, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой информатики и методики обучения информатике Омского государственного педагогического университета;

ческого университета, директор Омского научного центра РАО;

Ромм Татьяна Александровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии Института истории, гуманитарного, социального образования Новосибирского государственного педагогического университета;

Рыжиков Михаил Викторович, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор, директор Института содержания и методов обучения РАО, академик-секретарь Отделения общего среднего образования, председатель Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальностям: 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования; 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания;

Чечель Ирина Дмитриевна, доктор педагогических наук, профессор Института управления образованием РАО.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Безвиконная Елена Владимировна, доктор политических наук, и.о. заведующего кафедрой правопедения, государственного и муниципального управления Омского государственного педагогического университета;

Волох Олег Владимирович, доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры правопедения, государственного и муниципального управления, ректор Омского государственного педагогического университета;

Коваленко Валерий Иванович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой российской политики факультета политологии МГУ им. Ломоносова;

Пляйс Яков Андреевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Общая политология» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, заместитель председателя экспертного совета ВАК РФ по политическим наукам, член руководства Российской ассоциации политической науки (РАПН), член двух диссертационных советов (докторских советов по политологии и социологии), член редколлегии журналов «ПОЛИС» (с 1999 г.) и «Власть» (с 2001 г.), кавалер ордена «Знак почета»;

Рой Олег Михайлович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Региональная экономика и управление территориями» Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского;

Ромат Евгений Викторович, доктор наук государственного управления, профессор Киевского национального торгово-экономического университета (Украина), академик Академии экономических наук Украины, председатель Союза рекламистов Украины;

Смолин Олег Николаевич, член-корреспондент РАО, доктор философских наук, председатель Общероссийского общественного движения «Образование – для всех», заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, первый заместитель председателя Комитета по образованию ГД РФ. Награжден медалью К.Д. Ушинского;

Сморгунова Валентина Юрьевна, доктор философских наук, профессор, декан юридического факультета Российского государственного педагогического университета им.А.Н. Герцена (г.Санкт-Петербург), член Международной ассоциации политической науки (IPSA);

Шабров Олег Федорович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, генеральный директор консалтинговой компании «Академ-Групп», президент Академии политической науки.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Апенько Светлана Николаевна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой «Инновационное и проектное управление» Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского;

Апсаямов Надирбек Апсаямович, доктор экономических наук, профессор, президент Казахстанского инновационного университета (г. Семей), почетный работник образования РК. Отмечен знаками «Отличник образования Казахской ССР», «Отличник образования СССР», удостоен медали INSAM «За безупречную деловую репутацию», международных наград – имени Сократа и «Европейское качество»;

Беляев Виктор Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, предпринимательства и маркетинга Алтайского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования;

Зайцева Ольга Петровна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой бухгалтерского учета и финансов Сибирского университета потребительской кооперации (г.Новосибирск);

Кисель Роман, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой хозяйственной и региональной политики Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Польша);

Осипов Юрий Мирзоевич, доктор экономических наук, доктор технических наук, профессор, основатель и первый заведующий отделением кафедры ЮНЕСКО, член Учебно-методического совета по инноватике вузов России;

Чимпоеш Драгош, доктор экономических наук, профессор Государственного аграрного университета (Кишинев, Республика Молдова);

Шумакова Оксана Викторовна, доктор экономических наук, проректор по учебной работе, заведующая кафедрой бухгалтерского учета и аудита Омского государственного аграрного университета им. П.А. Столыпина.

EDITORIAL BOARD

PHILOSOPHY OF SCIENCE

Bessonov Boris Nikolayevich, doctor of philosophical Sciences, Professor, head of Department of philosophy and religious studies of Moscow State Pedagogical University;

Guseinov Abdusalam Abdulkerimovich, academician of Russian Academy of Sciences, doctor of philosophical Sciences, Professor, head of Department of ethics of Lomonosov Moscow State University, Director of Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences;

Diev Vladimir Serafimovich, doctor of philosophical Sciences, Professor, Dean of the philosophical faculty of the Novosibirsk State University;

Donskih Oleg Albertovich, doctor of philosophical Sciences, Professor, head of philosophy Department, Novosibirsk State University of Economics and Management;

Pertsev Alexander Vladimirovich, doctor of philosophical Sciences, Professor, Dean of the philosophical faculty of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Vice-rector of the Ural State University for the work with the territories and pre-University preparation, Vice-President of the Russian philosophical society (since 1999);

Razumov Vladimir Ilyich, doctor of philosophical Sciences, Professor, head of the philosophy Department of the Omsk F.M. Dostoevsky State University;

Rozov Nikolai Sergeevich, doctor of philosophical Sciences, Professor, head of the Center for social philosophy and theoretical history at the Institute of Philosophy and Law at SB RAS and Novosibirsk State University;

Smolin Oleg Nikolaevich, member-correspondent of Russian Academy of Education, doctor of philosophical Sciences, head of all-Russian public movement "Education for all", honored worker of higher school of the Russian Federation, first Deputy Chairman of the education Committee of the state Duma of the Russian Federation. Awarded the medal K.D. Ushinsky.

PHILOLOGICAL SCIENCE

Van Lie, Dr. Habil. Philol., Professor of Beijing University of Foreign Languages and of Russian Language Institute (China), member of the Chinese Association for the study of Russian literature, member of the International community of writers (St. Petersburg), member of the editorial board of the Taiwan scientific journal "The studies of Russian language, history and culture of Russia";

Issers Oksana Sergeevna, doctor of philological Sciences, Professor, head of Department of theoretical and applied linguistics, Dean of the faculty of Philology and media communications of Omsk F.M. Dostoevsky State University;

Kartashova Irina Vyacheslavovna, doctor of Philology, Emeritus Professor of Tver State University, honored worker of higher school of the Russian Federation;

Kataev Vladimir Borisovich, doctor of philological Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University, honored worker of science of the Russian Federation, Chairman The Chekhov Commission under the Council on the History of World Culture of the Russian Academy of Sciences (since 1996);

Lebedeva Olga Borisovna, doctor of philological Sciences, Professor of Russian and foreign literature of the National Research Tomsk State University, laureate of the State prize of the Russian Federation, honorary worker of higher professional education;

Lozovsky Boris Nikolayevich, doctor of philological Sciences, Professor, Director of the Department of "The journalism aculty" of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin;

Ormonbekova Ardakbubu Ormonbekovna, doctor of philological Sciences, Vice-rector on educational work of the Bishkek Humanities University named after K. Karasaev (Kyrgyzstan);

Yanushkevich Alexander Sergeevich, doctor of philological Sciences, Professor, head of Department of Russian and foreign literature of the National research Tomsk State University, laureate of the State prize of the Russian Federation, honorary worker of higher professional education.

PEDAGOGICAL SCIENCE

Berezhnova Elena Viktorovna, doctor of pedagogical Sciences, Professor of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, head of the laboratory of methodology of research of the quality of management education;

Dalinger Victor Alekseevich, doctor of pedagogical Sciences, Professor, head of chair of theory and methodology of teaching mathematics of Omsk State Pedagogical University, honored worker of higher school of the Russian Federation;

Dosanova Saya Sabirovna, doctor of pedagogical Sciences, Professor, first Vice-President of the Kokshetau University named after A. Myrzakhmetov (Kazakhstan);

Zagvyazinskiy Vladimir Ilyich, full member of Russian Academy of Education, doctor of pedagogical Sciences, Professor, honored science worker of the Russian Federation, head of the academic Department of methodology and theory of socio-pedagogical research of Tyumen State University, member of the scientific editorial board and the editorial board of the "Big Tyumen encyclopedia";

Zvonnikov Viktor Ivanovich, doctor of pedagogical Sciences, Professor, Pro-rector of State University of Management (Moscow), member of the Board of the Ministry of education of Russia in the MPA program, the head of the Working group of the Federation Council Committee on education and science, member of the Committee of the chamber of Commerce of the Russian Federation for the promotion of professional and business education, a member of the American Association for the evaluation;

Lapchick Mikhail Pavlovich, full member (academician) of Russian Academy of Education, doctor of pedagogical Sciences, Professor, head of Department of Informatics and methodology of teaching computer science of Omsk State Pedagogical University, Director of the Omsk scientific center of RAE;

Romm Tatyana Aleksandrovna, doctor of pedagogical Sciences, Professor, head of Department of pedagogy and psychology of the Institute of History, Humanities and Social Education of Novosibirsk State Pedagogical University;

Ryzhakov Mikhail Viktorovich, academician of the Russian Academy of Education, doctor of pedagogical Sciences, Professor, Director of the Institute of Content and Methods of Teaching of the Russian Academy of Education, academician-Secretary of the Department of General secondary education, Chairman of the Council for doctoral and master's theses of major: 13.00.01 - General pedagogics, history of pedagogics and education; 13.00.02 - Theory and methodology of education and upbringing;

Chechel Irina Dmitrievna, doctor of pedagogical Sciences, Professor of the Institute of Management Education of RAE.

POLITICAL SCIENCES

Bezvikonnaya Elena Vladimirovna, doctor of political Sciences, acting head of the Department of law, state and municipal management of Omsk State Pedagogical University;

Volokh Oleg Vladimirovich, doctor of political Sciences, candidate of legal Sciences, Professor of the Department of law, state and municipal administration, rector of Omsk State Pedagogical University;

Kovalenko Valery Ivanovich, doctor of philosophical Sciences, Professor, head of Department of Russian politics at the faculty of political science of Lomonosov Moscow State University;

Plyais Yakov Andreevich, doctor of historical Sciences, Professor, head of the Department "General politics" of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Deputy Chairman of the expert Council of the higher attestation Commission of the Russian Federation in political Sciences, member of the administrative board of the Russian Association of political science (RAPS), a member of two dissertation councils (doctoral Council of political science and the doctoral Council of the sociology), member of the editorial Board of the journals "POLIS" (1999) and "Power" (2001), Chevalier of the order "Badge of honor";

Roy Oleg Mikhailovich, doctor of sociological Sciences, Professor, head of the "Regional Economics and management" Department of Omsk F.M. Dostoevskystate University;

Romat Evgeny Viktorovich, doctor of Sciences in public administration, Professor of the Kiev National Trade and Economic University (Ukraine), academician of Academy of Economic Sciences of Ukraine, Chairman of the Union of advertisers of Ukraine;

Smolin Oleg Nikolaevich, member-correspondent of Russian Academy of Education, doctor of philosophical Sciences, head of all-Russian public movement "Education for all", honored worker of higher school of the Russian Federation, first Deputy Chairman of the education Committee of the State Duma of the Russian Federation. Awarded the medal K.D. Ushinsky;

Smorgunova Valentina Yurievna, doctor of philosophical Sciences, Professor, Dean of the law faculty of Herzen State Pedagogical University (Saint-Petersburg), member of the International Political Science Association (IPSA);

Shabrov Oleg Fedorovich, doctor of political Sciences, Professor, head of Department of political science and political management of the Russian Presidential Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation, General Director of consulting company "Academ-Group", the President of the Academy of political science.

ECONOMIC SCIENCE

Apenko Svetlana Nikolaevna, doctor of economic Sciences, Professor, head of "Innovation and project management" Department of Omsk F.M. Dostoevsky State University;

Apsalyamov Nadirbek Apsalyamovich, doctor of economic Sciences, Professor, President of the Kazakh Academy of Finance and Economics, honorary worker of education of Kazakhstan. Honored with "High achiever of education of the Kazakh SSR", "Excellence in education of the USSR", awarded INSAM medal "For impeccable business reputation", the international Socrates award and the "European quality" award;

Belyaev Viktor Ivanovich, doctor of economic Sciences, Professor of the Department of economics, entrepreneurship and marketing of Altai State University, honored worker of higher professional education;

Zaitseva Olga Petrovna, doctor of economic Sciences, Professor, head of Department of accounting and finance of Siberian University of Consumer Cooperatives (Novosibirsk);

Kisel Roman, doctor of economic Sciences, Professor, head of the Department of economic and regional policy of the University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Poland);

Osipov Yuriy Mirzoevich, doctor of economic Sciences, doctor of technical Sciences, Professor, founder and first head of the Department UNESCO chair, member of the Educational-methodical Council on the universities of Russia innovations;

Cimpoies Dragos, doctor of economic Sciences, Professor of the State Agrarian University (Chisinau, Republic of Moldova);

Shumakova Oksana Viktorovna, doctor of economic Sciences, Professor, Pro-rector for academic Affairs, head of the chair of accounting and auditing of Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin.

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

РАЗДЕЛ 1. ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PART 1. PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>Большаков Н.Н.</i> Размышления по поводу логического развертывания «Философии права» Г. Гегеля.....	9
<i>Bolshakov N.N.</i> Reflections on the logical deployment of Gegel's "Philosophy of the Right".....	9
<i>Ваганова Е.Г.</i> Языковая картина мира: онтологический анализ.....	20
<i>Vaganova E.G.</i> Language worldview: ontological analyses.....	20
<i>Горбачева А.Г.</i> Философский анализ изменения мыслительного процесса людей в постиндустриальном обществе и футурологический образ «человека ассоциирующего».....	30
<i>Gorbacheva A. G.</i> Philosophical analysis of transformations in thinking process of a human being in postindustrial society and a new image of «associative human».....	30
<i>Федорова Н.В.</i> Понятие «субъект» как философско-антропологическая проблема.....	35
<i>Fedorova N. V.</i> Concept of the "subject" as philosophical and anthropological problem.....	35
<i>Чеснокова Л. В.</i> Концепты экзистенциального страха и тоски в немецкой и русской культурах: основные черты сходства и различия.....	39
<i>Tchesnokova L. W.</i> Concepts of existential fear (angst) and yearning (toska) in german and russian cultures: the features of likeness and distinction.....	39

РАЗДЕЛ 2. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PART 2. PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Акелькина Е.А. Л. Н.</i> Мартынов – поэт модерна.....	46
<i>Akel'kina E.A. L. N.</i> Martynov – a poet of Modern.....	46
<i>Барский О.В.</i> Композиционная функция образа «молодой горожанки» в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина.....	51
<i>Barskij O.V.</i> Composition function of image "young townswomen" in A. S. Pushkin's "Eugene Onegin".....	51
<i>Еремеев А.Э.</i> «Романная повесть» как жанровое явление в русской прозе первой трети XIX века («Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова и «Записки одного молодого человека» А.И. Герцена).....	56
<i>Yeremeyev A.E.</i> The "novel story" as a genre phenomenon in the russian prose of the first third of the xix century ("A hero of our time" by M. Y. Lermontov and "The notes of a young man" A. I. Herzen).....	56
<i>Калюга А. А.</i> Освещение прессой кризиса в Украине	61
<i>Kaluga A. A.</i> Coverage of the crisis in the Ukraine	61
<i>Массон В.В.</i> Проблема автора в произведении И.А. Гончарова «Фрегат "Паллада"».....	67
<i>Masson V.V.</i> The problem of the author in the work of I. F. Goncharov "Frigate "Pallada".....	67
<i>Никитина А. С.</i> Влияние авторской установки на формирование стиля «Выбранных мест из переписки с друзьями».....	71
<i>Nikitina A. S.</i> The impact of the author's installation on the formation of style "Selected passages from correspondence with friends".....	71
<i>Подворная А.В.</i> Эволюция темы осени в лирике И. Анненского.....	75
<i>Podvornaya A.V.</i> Evolution theme of autumn in the poetry of I. Annensky.....	75

РАЗДЕЛ 3. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PART 3. PEDAGOGICAL SCIENCES

<i>Воробьева Л.А., Гребенникова Н.Б.</i> Организации системы ранней психолого-медико-социальной помощи детям с ограниченными возможностями здоровья в Омской области.....	79
<i>Vorob'eva L.A., Grebennikova N.B.</i> Organizations of system of early psycho-medico-social assistance to children with disabilities in the Omsk region.....	79
<i>Заякина Р.А., Ильин С.Е.</i> Особенности самопрезентации университетов для реальных и потенциальных сетевых партнеров (на примере вузов г. Новосибирска).....	87
<i>Zayakina R.A., Il'in S.E.</i> Peculiarities of universities' self-presentations oriented toward actual and potential network partners (a case study of Novosibirsk universities).....	87
<i>Кандаурова А.В.</i> Проблемные поля социального взаимодействия в педагогической деятельности, обусловленные социальными изменениями.....	96
<i>Kandaurova A.V.</i> Problem fields of social interaction in teaching activities, due to social change.....	96

<i>Рягин С.Н., Логинова Н.Э.</i> Готовность младших школьников с нарушениями речи к формированию регулятивных универсальных учебных действий в условиях интегрированного обучения.....	103
<i>Ryagin S.N., Loginova N.E.</i> The readiness of junior schoolchildren with speech disorders to a forming of regulatory universal educational actions in terms of integrated learning.....	103

РАЗДЕЛ 4. ПОЛИТОЛОГИЯ
PART 4. POLITICAL SCIENCES

<i>Безвиконная Е.В.</i> Коммуникативный потенциал общественных объединений на территории муниципального образования.....	111
<i>Bezvikonnaya E.V.</i> Communicative potential of public associations in the municipality.....	111
<i>Евдокимов В.А.</i> Системное искажение сообщений в постинформационном обществе.....	120
<i>Evdokimov V.A.</i> System distortion of information in the post-information society.....	120
<i>Кононов В. М.</i> Человеческий потенциал как фактор инновационной политики России в современной исторической ситуации.....	127
<i>Kononov V. M.</i> Human potential as an effective factor of modern innovation policy.....	127
<i>Смолин О.Н.</i> Образование в течение всей жизни: законодательство и проблемы.....	135
<i>Smolin O.N.</i> Education throughout life: legislation and problems.....	135
<i>Сморгунова В.Ю., Калинина Е.Ю.</i> Государственно-правовое регулирование проблемы семейного неблагополучия в России.....	143
<i>Smorgunova V.Yu., Kalinina E.Yu.</i> The fundamental aspects of the family troubles legal regulation in Russia.....	143

РАЗДЕЛ 5. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
PART 5. ECONOMIC SCIENCES

<i>Зайцева О.П., Мавлина И.Н., Чистякова О.А.</i> Учетно-аналитическая система как инструмент повышения эффективности деятельности учреждений здравоохранения.....	150
<i>Zaitseva O.P., Mavlina I.N., Chistyakova O.A.</i> Accounting and analysis system as an instrument of improving the performance of health care institutions.....	150
<i>Завгородняя Т.В.</i> Влияние базельских соглашений на деятельность коммерческих банков.....	161
<i>Zavgorodnyaya T.V.</i> The basel agreements impact on commercial banking activities.....	161
<i>Изоткина Н.Ю.</i> Организация интеллектуальной трудовой деятельности в малых инновационных предприятиях (на примере ООО «Электромехатронные системы», г. Томск).....	165
<i>Izotkina N.Y.</i> Organization of intellectual work in small innovative enterprises (for example, the company "electromechatronic system", Tomsk).....	165
<i>Марков С.Н.</i> Концептуальная модель эффективности бюджетных расходов на образование: основные элементы и взаимосвязи.....	171
<i>Markov S.N.</i> Conceptual model of efficiency of budgetary expenditure on education: key elements and relationship.....	171
<i>Патласов О.Ю.</i> Ликвидность специалиста, конкурентоспособность и жизненный цикл профессии.....	179
<i>Patlasov O.Yu.</i> Liquidity specialist, competitiveness and life cycle professions.....	179
Требования к оформлению научных статей.....	189
Requirements for scientific articles.....	192

РАЗДЕЛ 1 ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PART 1 PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 101.3

Н.Н.Большаков,
Омская гуманитарная академия

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ЛОГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ «ФИЛОСОФИИ ПРАВА» Г. ГЕГЕЛЯ

В статье автор, рассматривая логическую структуру «Философии права» Гегеля, совершает аналитическую реконструкцию системы базисных сюжетов социальной реальности – личности, собственности и свободы, «скованных одной цепью» – цепью разума. В статье раскрывается значение указанной «триады» для системного развертывания всеобщего правового гражданского общества.

Ключевые слова: Г.Гегель, «Философия права», личность, свобода, собственность, разумность собственности, право, реальное право, гражданское общество, гражданин, государство, государственный интерес, мораль, нравственность

Объектом своего философствования в первой части работы Г. Гегель делает «Абстрактное право». Замечательно, что гений начинает «Философию права» [1] не с какой бы то ни было абстракции, а с конкретной абстракции – **собственности**. Более того, даже не с собственности в ее непосредственном значении. Если иметь в виду вступление к 1 отделу (§§ 30-40), то он начинается с абстракции личности, **лица**, а значит – **свободы**.

Идея неразрывной, органической связи права и свободы проходит через всю книгу. Это и понятно, ведь тема и мелодия свободы и ее правосообразности стала лейтмотивом всей эпохи, а значит, и ее философского «прочтения». Вполне понятно, что она приобрела смысловое философское значение и в ее апогее – немецкой классике.

Но возникает вопрос: как ввести и как вводится в круг философского дискурса понятие свободы? В «Абстрактном праве» у Гегеля идея неразрывной связи права и свободы вводится через понятие лица, личности (конец § 36): «Отсюда веление права гласит: будь лицом и уважай других в качестве лица». Сразу же бросается в глаза, что веление права – это, прежде всего, нравственная максима. И само по себе это не такое уж великое открытие. Но философски замечательно то, что эту древнейшую нравственную максиму Гегель возводит в ранг права, **наделяет ее правовым статусом**. Тем самым этой весьма ветхой, и потому привычной, нравственной заповеди он придает не просто нравственный характер, но и(!)

характер веления права. В чем отличие от древности? – Для архаики было достаточно призыва быть человеком и уважать других в качестве людей. Это всего лишь нравственное пожелание, потому оно не выходит за пределы **человечности**, нравственности. У Гегеля же появляется понятие **личности**, лица. А это не просто человек, **а человек, обладающий свободой**, то есть имеющий, прежде всего, **социальные условия** для того, чтобы стать свободным (§36.с 98). Четыре строки просто замечательны: «Личность содержит вообще правоспособность и составляет понятие и саму абстрактную основу абстрактного, и поэтому формального права... Отсюда веление права гласит: *будь лицом и уважай других в качестве лица*». Так переведено фактически. Однако это место было бы лучше перевести с немецкого языка несколько иначе: «будь личностью и уважай других в качестве личностей».

То есть, с точки зрения Гегеля, личность – человек, обладающий правоспособностью. Как видим, понятия личности и права у Гегеля неразрывны. В этом отличие Гегеля (который оставил и для себя право поморализаторствовать) от других моралистов, авторов всех и всяческих нравственных заповедей, от ветхозаветных времен до наших дней. Для немецкого гения личность есть основа (хотя и абстрактная) самого абстрактного права. И мы должны помнить эту мысль Гегеля, она должна постоянно «витать» в аналитическом процессе. Эту мысль можно сформулировать еще проще: основа права – личность. Если иметь эту мысль в качестве презумпции рассуждений относительно гегелевских правовых экзерсисов, то мы никогда не сможем дойти до ужасающего в своей нелепости суждения, что Гегель, де, в области права донельзя консервативен, он, дескать, – певец прусской монархии и вообще чуть ли не идеолог тоталитаризма, что у Гегеля государство венчает все общество, и оно же подминает под себя все общество. – Да ни в коем случае! В том отношении, о котором у нас здесь идет речь, «гегелевское государство» необходимо лишь постольку, поскольку необходим гарант свободы личности. А государство может выполнять такую роль гаранта свободы личности прежде всего тем, что оно является гарантом собственности. Поэтому-то во вступительных параграфах «Абстрактного права» Гегель ведет речь о личности, лице. А первый раздел «Абстрактного права» он начинает с понятия собственности. Гегель даже рассуждает о «разумности собственности». Как это понять? **Для Гегеля собственность разумна тогда и постольку, когда и поскольку она выступает необходимым условием свободы личности.** А свободная личность – всегда и прежде всего разумная личность. В §41 он пишет: «лишь в собственности лицо (мы бы сказали, личность) выступает как разум» (с. 101). И это так понятно, но, к сожалению, далеко не всем лицам, имеющим отношение к власти в постсоветской России, особенно в законодательном и правовом сегментах «закононосителей», лучше – «закононаосителей».

В этой связи уместно сделать небольшое отступление. В ту великую эпоху, правда, уже после смерти Гегеля, в России побывал французский маркиз Астольф де Кюстин. Свои впечатления он изложил в 4-х томных записках «Россия в 1839 году». Маркиз обладал просто гениальной наблюдательностью. В книге есть многозначительная сцена. Петербургские чиновники расписывают ему благолепие положения крепостных крестьян: что вот, де, о крепостном положении говорят всякие ужасы. А на самом деле русский крепостной – беззаботное существо. Ему беспокоиться не о чем, обо всем думает и обо всем заботится помещик. Так говорят маркизу, а наш маркиз думает, как европеец, совсем другое: у мужиков нет собственности, следовательно, они рабы. И он делает прямо-таки гегелевский вывод, но выраженный на общепонятном языке: «... только частная собственность делает человека существом общественным» [2]. Рабы управляют рабами – рабами управляют рабы. Именно он обнаружил чудовищную власть чиновничества в николаевской России. Историки с ужасом сообщают, что в царствование Николая I государство расплодило чудовищное количество чиновников, целых 50 тысяч! (А если сравнить с нашим временем?)

И уж совсем гениально просто – этого не могут не помнить читатели из школьной программы – выразил донельзя похожую мысль А.С.Пушкин в 1826 г.: «Наш век торгаш.

Сей век жестокий, /Без денег и свободы нет» («Разговор книгопродавца с поэтом»). И, значит, нет и не может быть и лица, и личности с социально-исторической, а в те времена – и светски-значимой, точек зрения. Как это сопоставимо и до чудовищного удивления похоже с нынешними временами уже «свободной России», в которой было как-то не по-русски манифестированно: «МЫ РОССИЯНЕ!». (Фигура восклицания входит в смысловой контекст этой сообщенной «Граду и Миру» великой новости). «А кто это такие? – могли бы вопрошать обыватели из «Града и Мира», – люди ли, личности ли?».

Но вернемся к Гегелю. Повторяем, расхожим является досужее суждение о том, что в «Философии права» у Гегеля примат государства: везде государство, государство, государство ... Совершенная неправда, категорически нет, если исходить не только из буквочек книги, но и из мысли, разума, духа, поселенных великим философом среди букв и строчек этого великого произведения. Дух, разум, мысль там ведут главную партию, главную мелодию, тему этой симфонии: **примат (хотя слово это нехорошее) личности. Везде – личность, личность, личность. А, если быть еще точнее – свобода личности. Личность тотальна, ибо ее свобода практически достижима.**

В этом плане любопытно замечание самого Гегеля. Он любил, как многие из философов, (а по нашему опыту – многие из немцев), временами погружаться в этимологические розыски. Мы уже отметили, что Гегель договорился до понятия «разумности собственности» в той мере, в какой она выступает основой свободы личности. Понятию собственности Гегель противопоставил понятие вещи. «Вещь» – «нечто несвободное, безличное и бесправное». Слово «вещь», как и слово «объект», может иметь и противоположные значения. В этом случае, когда говорят: в этом суть дела, буквально это звучит – в этом вещь. Все дело в вещи, не в лице... Тогда это слово имеет субстанциональное значение. В другом – когда вещь противопоставляют лицу, то есть не особенному субъекту, здесь «вещь» есть нечто, противоположное субстанциональному, лишь внешнее по своему определению. «Вещь» как суть, существо дела – субстанциональное значение. Это – изложение Гегелем этимологии слова в немецком языке, он не пускался на поиски в русской этимологии, в отличии от других немцев.

А вот русская версия тоже весьма интересная. Видимо, она проходила в русском языке не без влияния немецкого. Прежде всего «вещь» – древнее слово. Вначале оно имело глубокий позитивный смысл чего-то мудрого, тайного в качестве мудрого: «как ныне собирается вещей Олег», то есть обладающий даром мудрости, пророчества в древне-древнерусском языке. А вот уже в языке ново-древнерусском (эпоха протопопа Аввакума) слово «вещь» приобретает негативное значение. В это время назвать что-то вещью означало сказать, что это не истинное, а ложное, неправильное. Эта трансформация смысла, придания ему прямо противоположной смысловой оценки произошла, вне всякого сомнения, под влиянием христианства. Ведь для православного христианства дар пророчества – редкий, Богом данный дар, который языческому Олегу, безбожнику, ну никак не мог быть дан. «Вещий Олег» отождествлялся с «языческим Олегом». Разгромить язычество можно было, только разгромив, разрушив его язык. Менялись эпоха, культура, смыслы, ценности. «Вещь» связывается с «ведьмой» (знающая, ведающая), «ведуном». То, что было раньше позитивным, в этой трансформации обрекалось стать отрицательным, нехорошим. И в тенденции развития этого отрицательного отношения, неправильного, неистинного, сформировалось, в конце концов, значение «вещи» как вещи: она не истинна и не ложна. Она просто вещь, то есть нечто уже изъятое из мира живого и противопоставленное живому миру как явление неживое, бездуховное. Здесь мы видим, как слово, имевшее позитивный, даже возвышенный смысл, у православия обрело признаки смысла негативного. И, наконец, языковая практика обмирщения смыслов придала этому слову прозаический, неживой смысл – «нечто, противопоставленное существу».

Гегель не случайно погружается в этимологию. Ему важно, что собственность не есть простая совокупность вещей. А значит, нельзя полагать, что чем больше вещей, тем больше собственности. Вещь становится собственностью тогда и постольку, когда и поскольку она вступает в связь с человеком, когда и поскольку она является чем-то внешним, но, тем не менее, необходимым условием свободы личности. То есть в рассуждениях о собственности Гегель чужд вульгарному вещизму, включая и банальное потребительство. Правда, частенько с торжествующей радостью Гегеля ловят на том, что в суждениях о собственности он показал себя как буржуазный идеолог и, соответственно, проявил свою буржуазную ограниченность, неспособность выйти за пределы частной собственности. К тому же, говорят, особенно у нас, рассуждения Гегеля о собственности настолько абстрактны, что, видимо, Гегель опасался ставить их на конкурентную политэкономическую почву. Здесь мы с очевидностью наблюдаем полное непонимание смыслов Гегелевского текста. Обратите хотя бы внимание на то, что, вне всякого сомнения, Гегель знал великих экономистов Смита и Рикардо. Да, Гегель начинает «Философию права» с абстрактного права. И уже поэтому изложение здесь с неизбежностью носит абстрактный характер. Эта неслучайность обусловлена, по меньшей мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, самим методом восхождения от абстрактного к конкретному, которому Гегель остался верен и здесь, в «Философии права». Теоретическое построение должно начинаться с абстракции. Разумеется, не с первой попавшейся абстракции, а с такой или таких, которая или которые в ходе теоретического мышления будут саморазвиваться, самообогащаться, конкретизоваться, обрастать плотью и наливать кровью жизни. Но начальная или начальные абстракции должны пройти в дальнейшем через все теоретические преобразования и построения. Они должны хотя бы в самой неявной и самой скрытой форме присутствовать в любом моменте исследования. Эти абстракции придают цельность всему теоретическому движению, ибо в них содержится начало и цель исследования, его «альфа» и «омега», подобно тому, как в «Откровении Иоанна Богослова» Господь говорит: «Я есмь альфа и омега, начало и конец».

У Гегеля в «Абстрактном праве» три исходные абстракции: личность, собственность, свобода.

Вспомним знаменитую триаду Гегеля: тезис, антитезис, синтез. В «Абстрактном праве» мы тоже встречаем эту старую знакомую. Тезис, причем безусловный, категорический – личность. Собственность вначале выступает как антитезис личности, как нечто внешнее, но особенное внешнее – как внешняя сфера проявления личности, как внешнее, но необходимое условие бытия личности. Когда внешняя связь личности и собственности становится внутренней, органичной, тогда происходит синтез абстракций личности и собственности. Их синтез – это свобода, свобода личности. И вся «Философия права» есть не что иное, как теоретическое разъяснение нравственно-правовых основ, условий, гарантий и т.п. свободы личности (но это, конечно, при внимательном чтении). У Гегеля это проводится даже в самых, казалось бы, верноподданнических, монархических суждениях. Личность он не забывает никогда! Его мысль инстинктивно идет к заключению, что личность – **это человек как разум, как идея, это – свободный человек**. Есть у него смешное место, на которое набрасываются: как было бы хорошо, если бы государство выступало как личность. А ведь суть в том, что антитеза государства и личности разрешима только в том случае, если государство станет личностью. Его заявление: монархия – это власть личности. То есть его мысли глубже, чем поверхностное буквалистское прочтение. Как снять антитезу? – Если государство будет проявлять себя как личность! Решил эту задачу Гегель? Нет, не решил. Не решила ее и история, свидетелями чего мы все являемся. Но не будем переходить на политические персоны. Тем не менее, это – величайшая проблема теории и практики государства и права. Сама же идея **всеобщего правового гражданского общества** – одна из ступеней, ведущая к этой проблеме.

В суждениях о государстве Гегель крутится вокруг одной, главной для него идеи: как добиться того, чтобы государство приобрело атрибуты личности. Именно тогда исчезает извечная антитеза личности и государства. Гегель в «Философии права», с одной стороны, как бы возвышает личность до уровня государства. С другой стороны, он снижает государство до уровня личности.

Но мы пока рассуждали лишь об одном обстоятельстве, которое обусловило абстрактность рассуждений Гегеля. Было и другое. Гегель написал не «Философию права» современной ему Германии или современной ему эпохи. Он изложил философию права вообще. У такого подхода свои недостатки и свои достоинства. И только время здесь судья. А оно то показывает, что достоинств оказалось больше, чем недостатков. Видимо, Гегель понимал, что для описания современного ему права есть другие люди, а его, Гегеля, как «богоданного» философа предназначение – несколько в ином. Он пишет в «Предисловии»: «Задача философии – постичь то, что есть, ибо то, что есть, есть разум. Что же касается отдельных людей, то уж, конечно, каждый из них – сын своего времени; но и философия есть также время, постигнутое в мысли. Столь же нелепо предполагать, что какая-либо философия может выйти за пределы современного ей мира, сколь нелепо предполагать, что индивид способен перепрыгнуть через свою эпоху, перепрыгнуть через Родос. Если же его теория в самом деле выходит за ее пределы, если он строит мир, каким он должен быть, то этот мир, правда, существует, но только в его мнении, в этом податливом материале, позволяющем строить что угодно» (с. 55).

Сказано гениально. И все-таки способность философского мышления, именно философского, а не какого бы то ни было иного, состоит в способности неизбежно, будучи в рамках своего времени, вместе с тем как бы выходить за его пределы. Конечно, буквально это невозможно. Никакая философия не может выйти за пределы своего времени, но если этого сделать нельзя (здесь Гегель прав), то остается оперировать вневременными абстракциями. За пределы времени можно вырваться, если придать рассуждениям метафизический, но конкретно-всеобщий характер. Одно из величайших достижений философского классика и состояло в рождении самого понятия конкретно-всеобщего и разработке метода теоретического развертывания пространства конкретно-всеобщих определений бытия. В таком случае теоретическое сочинение, будучи продуктом своего времени, будет интересно, может быть, даже и поучительно для любой последующей эпохи. Поэтому, хотя гегелевский панлогизм умер, но его метод восхождения от абстрактного к конкретному как способ теоретической реконструкции жизни саморазвивающегося понятия конкретной всеобщности остается жизнеспособным. Впрочем, и как метод единства логического и исторического анализов.

Проблемы личности, государства, свободы и т.п. будут интересовать людей всегда, пока живет человечество. Вот почему великое множество конкретных социально-правовых, юридических опусов современников Гегеля для нас представляют чисто антикварный интерес, в лучшем случае для экзерсисов в духе постмодернизма. А в «Философии права» Гегеля мы на каждой странице обнаруживаем места, созвучные нашим современным проблемам, тем более нашим новороссийским социальным, нравственно-правовым настроениям и чаяниям. И это обусловлено, не в последнюю очередь, именно абстрактностью гегелевской «Философии права». Хитрец Гегель, придав своей философии вневременной характер, тем самым «выполз», «аки змий» мудрый, из своей эпохи, придав своей теории всевременной характер.

Пока мы ограничимся лишь замечаниям, что эти наши суждения, как мы надеемся, являются ключом к пониманию структуры гегелевской книги-учебника и ее, так сказать, вечной актуальности. Прежде чем характеризовать структуру, остановимся на знаменитейшем «Предисловии».

Давно замечено, что именно «Предисловие» и «Введение» им написаны удивительно простым языком. Они блистательны по стилю и глубине мысли, но «Предисловие» гениально в буквальном смысле этого слова. Нигде Гегель не говорит о назначении философии так искренне. Именно здесь он выражает свои самые сокровенные помыслы и надежды. Это сочинение страниц в пятнадцать называется «Предисловием», а его можно было бы назвать «Послесловием». Его можно назвать философским завещанием Гегеля. Внимательный читатель, как нам представляется, неизбежно придет к такому выводу. Но в этой связи возникает вопрос: почему философское завещание оказалось в «Предисловии» именно к «Философии права», а не к какому-либо другому труду Гегеля? Мы пока лишь поставим этот вопрос. Потом к нему вернемся.

Вот Гегель многозначительно замечает, что платоновская **идея** была как бы осью, «вокруг которой вращалось тогда предстоящее преобразование мира» (с. 53). Глубочайшая мысль, что философия Платона, идеи Платона предшествовали преобразованию мира. Рождался механизм разворачивания «осевого времени» (К. Ясперс). А мы-то обычно как судим о Платоне? Что, де, он идеалист, причем крайний идеалист, «квадратурный» идеалист и т.п. и выдаем это за постижение смысла философии Платона и его идеализма. А то, что идеализм Платона предшествовал, обуславливал предстоящее преобразование мира, не понимаем. А Гегель понимал. И вслед за этим у Гегеля появляется его знаменитый афоризм: «Что разумно, то действительно, и что действительно, то разумно» (с. 53). И далее: «Этого убеждения придерживается каждое непосредственное сознание, как и философия, и из этого убеждения философии исходит в своем рассмотрении как духовного, так и природного универсума» (с. 54). И еще раз вернемся к задаче философии, но по другому поводу: «Задача философии – постичь то, что есть, ибо то, что есть, есть разум. Что же касается отдельных людей, то уж, конечно, каждый из них сын своего времени; и философия есть также время, постигнутое в мысли» (с. 55). Как ни странно (приведен перевод во 2 издании 1990 г.), нам кажется, что перевод этого места в 1 издании 1934 г. стилистически лучше: «Постичь то, что есть, – вот в чем задачи философии, ибо то, что есть, есть разум. Что же касается отдельных людей, то уж, конечно, каждый и без того сын своего времени; таким образом, и философия точно так же современная ей эпоха, постигнутая в мышлении» (с. 16). Наконец, хотя это может быть воспринято в качестве претенциозного, но мы можем улучшить и этот перевод: «Философия есть ...современная ей эпоха, постигнутая в мышлении». В подлиннике (к сожалению, мы располагаем подлинником только этого «Предисловия», а не всей «Философии права») слово «постигнутая» – производное от глагола «erfassen», то есть «хватать». Мы, русские, собачкам порой говорим немецкое слово «фас», т.е. «хватать», «взять». Поэтому мы можем так перевести этот момент: «...современная ей эпоха, схваченная (erfassen), постигнутая в мышлении».

Итак, обстоятельства абстрактности рассмотрения Гегелем вопроса стали ясными. Идем дальше.

Возникает вопрос: как понять синтез абстрактного права и морали? Казалось бы, с чисто внешней точки зрения у Гегеля триады понятны даже по названию. В нашем случае, если Гегель сказал: «абстрактное право», он неминуемо должен был бы сказать: «конкретное право». А вместо этого абстрактному праву он противопоставляет мораль. А синтез их должен бы давать всеобще-конкретные абстракции. А нравственность в этом случае должна быть этой всеобще-конкретной абстракцией. Но как это осмыслить и раскрыть? Или, даже если взять само абстрактное право, то его разделы возникают опять-таки неожиданно. Собственность – договор. Но почему? У В.С. Нерсисянца в его монографии «Философия права Гегеля» нет объяснения.

Гегелевские триады философии права имеют самый «зашифрованный» характер. Если их сопоставить с классическими триадами Гегеля в «Науке логики», то его логические триады будешь «щелкать, как белка орешки». Ведь не случайно великий немецкий режис-

сер и драматург Б. Брехт воспринимал «Науку логики» как драматургическое произведение, где гегелевские триады выступали в качестве действующих лиц, персонажей пьесы. Современники Брехта, кому посчастливилось видеть этот, как бы сказали сейчас, авторский моноспектакль Брехта для своих коллег, были буквально потрясены тем, что Брехт действительно оказался гением. Из «Науки логики» он сотворил великолепную пьесу и великолепно ее разыграл один за всех действующих лиц. Мы не думаем, что Брехт отважился бы инсценировать «Философию права». Не отважился бы, потому что все философско-правовые триады суть некие шифры. Видимо, Гегель надеялся, что разумом обладает не только он, но и его читатели. Видимо он надеялся, что внимательные читатели поймут, почему ему, Гегелю, понадобилось шифровать здесь свои триады. Ведь внешне они действительно выступают триадами, тройками, но только потому, что в них по три пункта: первый, второй, третий. А буквально словесно нет развития от тезиса к антитезису, а затем к синтезу.

Парадоксальная ошибка первого (не отредактированного Д.А. Керимовым и В.С. Нерсесянцем) перевода великолепного знатока немецкого языка Б.Г. Столпнера (без участия М.И. Левиной) названия третьего раздела первой части: «неправда» (во втором издании правильно: «неправо»). Эта оговорка, очевидно, не случайна. Можно только догадываться о ее подоплеке. Видимо, Б.Г. Столпнера смутило явное исчезновение права в ходе аналитических размышлений Гегеля.

«Философия права» Гегеля есть развернутое развитие **идеи свободы**, и каждая ступенька развития этой идеи свободы есть особая форма права. Можно сказать, что идея свободы словно ступает по правовым ступенькам. Вот, например, первая ступень – абстрактное право. А вторая ступень – мораль. А это что такое? А мораль, утверждает Гегель, тоже есть особая форма права. Наивны те читатели, которые удивляются этому обороту мысли Гегеля: при чем здесь мораль? Но Гегель дает возможность внимательному читателю додуматься до того, что он, Гегель, продолжает рассуждать о праве: мораль – тоже право, но особое право. А третья ступень – «нравственность». Но это тоже особая форма права. А ступени, в свою очередь, состоят из ступенек. Гегелем сказано, например, что нравственность – это тоже особая форма права. А в ее пределах есть ступеньки, в том числе такая ступенька, которую Гегель называет «государственным интересом». Но в любой форме все эти ступени и ступеньки специфичны своей особой формой развития идеи свободы.

Еще раз обратимся к собственности. Как здесь развертывается идея свободы, в каком виде? Она развертывается в правовой форме. А именно: по Гегелю, свободный человек – это реальный собственник: «не раб, не крепостной – свободный человек, реальный собственник».

Ступень абстрактного права содержит первую ступеньку – собственность. Почему? Потому, что развитие идеи свободы – это человек как реальный собственник. Собственность для Гегеля – тоже особая форма права. Реальная собственность – первичное условие свободы человека.

Итак, свобода человека есть реальная собственность. Дальше идея свободы развивается, когда она воплощается в реальном собственнике. В реальности человек пребывает и развертывается как собственник. Но здесь появляется новая опасность: идея свободы будто вылетела на свободу и почувствовала себя абсолютно свободной. А абсолютная свобода – это произвол. Образец же произвольной свободы – договор. Ведь договаривающиеся стороны чувствуют себя абсолютно свободными. Они могут договариваться о чем угодно, по поводу и без повода, имея основания и не имея таковых.

Первая ступенька. – собственность, развиваемая до реального свободного собственника.

Вторая ступенька – полной свободы, произвольной свободы, произвола. Образец – договорные отношения. Произвольная свобода воображает себя свободой. Но на самом-то деле, она, именно как произвольная, – уже не свобода.

И мы видим: этой ступеньке нельзя вступать ни в каком виде, ни при каких условиях в синтез с первой ступенькой. Если они вступают в «синтез»: произвольная свобода, произвол соединяется с собственностью, то смысл этакого «синтеза» определен: в этом, с позволения сказать, «синтезе» исчезает право, без которого не может быть частной собственностью. Оно гибнет, и появляется третья ступенька – неправо. Это, видимо, и произошло в постсоветское время «недосоциализма» и «недокапитализма». Здесь нельзя синтезировать, а то получится: «родила не то лягушку...»

А ведь свобода хотела развиваться! Но она доразвивалась до неправа. Свободу надо спасать. И Гегель вызывает на помощь спасателя, «МЧС Духа» – мораль. Есть одна форма спасения права. Надо привлечь его особую форму, но особую форму реального права. Реальная собственность была гарантией свободы человека. Но когда реальный человек начинает вообразать себя абсолютно свободным, он губит себя. Теперь Гегель привлекает опять-таки нечто реальное – реальное право, то есть мораль.

В договоре люди ведут себя, как угодно. Но надо, чтобы они руководствовались разумом. Надо понять, что у людей в голове, в мыслях. Здесь в качестве ступенек появляются умысел, вина, намерение. Ты договариваешься, но сам-то знаешь, о чем договариваешься. И ступенька моральной ступени завершается синтезом – **идеей добра**. Именно идея добра спасает триаду от крушения, от окончательной гибели. Она **вытягивает право из неправо-вой могилы**.

Все это хорошо, но этого явно недостаточно. Почему недостаточно? Да потому, что в морали идея добра еще абстрактна, она здесь какая-то омертвелая, еще не живая. Эта идея добра, конечно, способна оживить право, вытянуть его из болота неправа, в котором оно оказалось, когда идея свободы вообразила, что она может быть абсолютной свободой. Морали еще недостает, чтобы право не просто ожило, а как птичка Феникс, возникла из пепла (и не в сериале книг и фильмов о Гарри Поттере, а здесь и сейчас). Важно, чтобы оно, право, ожив, дальше само пошло, встало на ножки. Поэтому-то третья часть – нравственность. И в первой же строке § 42, начального параграфа всей этой части о нравственности у Гегеля сказано прекрасно, точно и метко: «Нравственность есть *идея свободы* (курсив Гегеля), как *живое добро...* (курсив наш)» (с. 200). То есть нравственность есть мораль в действии.

Но это лишь часть логики – лишь первая, внешняя сторона логики структуры работы. У Гегеля замечательно получается. В «Науке логики» он оперировал чистыми понятиями. Раз они чистые, то, по определению, ничего скверного производить не могут. И там за эти понятия беспокоиться нечего, они будут развиваться от низшего к высшему. У них синтез всегда конструктивный, позитивный. А вот триады реальной жизни могут быть какими угодно. И именно в этом заключается их опасность. Поэтому к ним надо подходить чрезвычайно осторожно. Более того, у Гегеля есть замечательное рассуждение о том, что, право – святыня; однако святыни вечны и ненарушимы только на небесах, но не на земле. На земле они вполне могут быть нарушаемы (потому-то не устраивай себе мавзолей на земле, устраивай его на небе). Здесь Гегель с гордостью объявляет себя не просто идеалистом, а абсолютным идеалистом. Но в вопросах права он оказался невероятным реалистом: да, право – святыня, но, увы...

Гегелю часто предъявляют упрек, что же это он обошел стороной вопиющие недостатки правовых систем современных ему государств, в том числе Пруссии? Почему он обошел стороной пороки прусской правовой системы? Неужели, он их не видел? Не мог не видеть. Напугался, что ли? То есть он – филистер? Ответ таков: Гегель прекрасно знал, что право оскверняется. Но задача была не в том, чтобы описать современное ему право, а в том, чтобы люди смогли глубже понять, что же такое право, какова его реальность, каковы его смысл и назначение и чем оно **должно быть**.

Таким образом, по Гегелю, абстрактные логические триады сами собой идут к благополучному синтезу. А вот реальные триады реальной жизни могут идти к какому угодно

синтезу, в том числе и к самоубийственному, когда право может убить себя, если синтез направится по ошибочному пути.

Повторяем, у Гегеля **нравственность – это живое добро, то есть добро в действии**. Свобода человека даже тогда, когда она базируется на его реальной собственности, все-таки еще абстрактна, неустойчива. В конце концов, он может просто промотать эту свою собственность (что у русских, да и не русских зачастую и бывало). И только тогда он с ужасом вдруг обнаружит и осознает, что собственность, оказывается, это не совокупность вещей или товаров. Если бы это было так, то все было бы просто: были вещи, взял да отдал, продал их. И только лишившись этих вещей, человек вдруг с ужасом осознает: я отдал не просто вещи, а отдал, продал, прогулял свою свободу. Посему человек, будучи даже реальным собственником, еще нуждается в **укоренении устоев своей свободы**. Здесь нужны еще, по крайней мере, главные опоры – **моральные и нравственные опоры свободы человека, моральные и нравственные опоры реальной собственности**. И только тогда свобода человека из абстрактной свободы как чего-то случайного, что вполне возможно (Я случайно стал реальным собственником, и я же случайно взял, да и лишился собственности) приобретает характер наличного реального бытия. До моральных и нравственных подпорок свобода еще случайна. И только здесь она становится реальной и реализуемой свободой. Она приобретает свое начальное бытие. И только тогда свобода обретает свое устойчивое бытие – **она наличествует**.

И здесь особо существенна и даже необходима третья ступень – нравственность как живое добро, как добро в действии, действующее добро. Или еще проще – как реальное добро. Здесь необходимо вновь повторить мысль: нравственность – это особая форма права. И здесь ступеньки развития идеи свободы, или другими словами – развития живого добра – это: *семья, гражданское общество и государство*.

Семья – это первая ступенька, и не только потому, что, как принято считать, она – это ячейка общества и государства в том числе, что семья разрастается, умножается, из совокупности семей вырастет население. А где население, там неизбежно появляются общество, государство. Да, в этом есть определенный смысл. Но суть этого рассуждения довольно наивна и проста: общество и государство – это большая семья. По такому пути можно идти. Гегель и не отрицает возможности этого пути. Дело в другом. Семья – первичная ячейка реальной органичной общности людей. До сего времени в ходе рассуждений мы имели дело с абстрактным индивидом и полагали, что если есть у него собственность, стало быть, он свободен. Этот индивид может вступать в какие угодно связи и отношения с другими людьми, в том числе внешние, случайные, кратковременные, никого ни в чем не обязывающие, но тем и опасные и т.п. А связи членов семьи по самой ее природе – внутренние, органические, кровные связи и отношения, родные. И здесь сразу возникает глубокая проблема: как развивать дальше триаду? Пока что нам ясно одно: оставшиеся две ступени должны быть проявлением тоже органической, внутренней связи, но на более высокой ступени, более высокой организации. То есть возникает вопрос: как и когда свободный человек вместе с тем становится общественным существом, общественным человеком? Ответ на этот вопрос дает **идея гражданского общества**. Человека делает общественным существом общность граждан, гражданская общность. Здесь более сложная и потому более высокая форма организации связи людей. И пока мы не будем характеризовать эту внутреннюю органику гражданского общества. Это у нас еще впереди как особая тема разговора.

Следующая ступень – ступень синтеза – государство, и даже – как Гегель в одном месте замечает – **государственный интерес как особая форма права**. А как это понимать? Семья – тезис. Гражданское общество – антитезис. А что, государство появляется буквально из синтеза семьи и гражданского общества? Здесь нам важно понять (на это Гегель и рассчитывает), что мы сталкиваемся с самой сложной формой синтеза. Внешне, формально, этот синтез выглядит даже забавным и смехотворным: возьмем семью – получим государ-

ство. Исходя из своего мировосприятия и своего стиля мышления, гегелевская критика либерального и марксистского толка потешалась над тем, что «Философию права» Гегель завершил, увенчал государством, именно государством. Дескать, если в общей философии он свою философию совершенно серьезно считал венцом всей философии (что, собственно, так и было, он исчерпал весь прежний стиль самого философствования...), то в области права он государство счел ее венцом. Так что остается навязчивое впечатление, что раздел о государстве он писал по специальному, государственному заказу прусского короля. Однако Гегель дает понять (хотя, к сожалению, и не развертывает эту мысль так, как бы нам, читателям, этого хотелось), как бы между прочим замечает, что вот, де, семья и государство исторически появились раньше гражданского общества. То есть мою триаду нельзя понимать в буквальном, историческом смысле: семья разрастается в гражданское общество, а то, в свою очередь, трансформируясь, рождает, производит государство. Это был бы наивный и даже смехотворный подход. В этой триаде все ее объекты реальные, все они – в наличном бытии. Но здесь связь логическая, здесь каждая ступенька обуславливает саму себя и остальные ступеньки. Синтез этих ступенек абсолютно не означает, что куда-то исчезают эти ступеньки, они, дескать, как бы растворяются в синтезе в более высокой форме. Это в абстрактной диалектике, в «Науке логики» первые два растворяются в третьем, в синтезе. Результат подобного растворения таков, что получается «насыщенный раствор» двух ступенек. А здесь у Гегеля по-другому: семья и гражданское общество синтезируются, но это не означает, что семья и общество растворяются в государстве, исчезают в его утробе. Они продолжают существовать в наличном бытии, какое бы ни было государство... Каким угодно может быть государство, но семья и гражданское общество остаются в данном, реальном мире людей.

Мы на этом очень настаиваем потому, что критики Гегеля рассуждают следующим образом: вы, господин Гегель, начали свои рассуждения со свободы человека, а завершили свою «Философию права» тем, что сделали идеалом свободного человека чиновника, государственного человека. Вы всю философию права свели к жизни государства. И куда-то пропали, исчезли реальные семьи, реальные общности и общества людей. Везде у вас не люди, а чиновники, скучные в своей морально-нравственной безупречности. Вы, господин Гегель, возможно, и гениальный философ, но в еще большей мере, в стократ большей степени вы гениальный бюрократ, вы – бюрократ в степени бюрократизма, ибо выступаете генеральным, абсолютным идеологом бюрократии, адептом бюрократизма.

Конечно, на страницах своей книги Гегель не ведет открытой полемики с подобными суждениями. Но он дает понять читателю, что здесь государство его интересует не как государство вообще, а как особая, правовая форма. Его, прежде всего, интересует государственный интерес. Ведь Гегель сознательно ушел от характеристики государства как системы законов. А ведь это было бы просто сделать. Но тогда все дело свелось бы к перечислению всех будущих буржуазных законов, которые нужны для должного бытия государства. Перечислять можно, но это скучное занятие, а учитывая временной фактор (ибо все течет), занятие бесперспективное, поскольку дурно-бесконечное. И из этого с необходимостью не следует, что понимаешь хотя бы один закон из перечня. Гегеля интересует государство, прежде всего, как правовое государство. И все это потому, что здесь у Гегеля государство – не конечный пункт развития семьи и общественной жизни, как это может показаться на первый взгляд, а по существу дела – самый большой из всех возможных гарантов – гарант семейной и гражданской свободы. Поэтому в последней большой триаде вторая и третья ступеньки настолько взаимосвязаны и взаимопроникают друг в друга, что их отдельно друг от друга (вот – гражданское общество, а вот – государство) можно рассматривать лишь в учебно-методическом плане. Когда мы аналитически пересказываем гегелевское изложение, мы неизбежно вначале говорим о гражданском обществе, а лишь потом о государстве. Но когда мы хотим понять действительный смысл гегелевского учения о гражданском обществе и

учение о государстве, мы должны, мы просто обязаны их рассматривать во взаимосвязи. Маркс в своей «Критике гегелевской философии права» допустил ошибку. Он устремил свой критический взгляд лишь на раздел о государстве. А суть и смысл этого раздела по настоящему можно понять только при условии его сопряжения с суждениями о гражданском обществе; и наоборот, гражданское общество можно понять лишь в том случае, если иметь в виду суждения Гегеля о государстве. Лишь такой подход методологически конструктивен. Сколько по отдельности ни читали разделы о гражданском обществе и о государстве, не поняли, да и принципиально не могли понять смысла этих феноменов именно те, кто читал эти разделы. И от количества таких чтений ничего не прибавляется в выявлении смысла, в осмыслении сути гражданского общества и государства. Ирония судьбы...

А дело здесь в том, что надо читать и видеть, где Гегель характеризует гражданское общество как особую форму права, а где у Гегеля характеристика гражданского общества вообще, характеристика гражданской общественной жизни. Там, где он характеризует гражданское общество как форму права, появляется полицейский. Он не может не появиться, он просто обязан это сделать, потому что право надо защищать. Появляются суд и судьи, прокуроры и следователи, статьи наказаний и статьи процесса и т. д. и т. п. И нечего ужасаться этому обстоятельству, нечего вздымать очи горе и восклицать: «О горе, о боже, дожили...». Не надо впадать в истерику при виде полицейского в системе гражданского общества.

Библиографический список

1. Гегель, Г.В.Ф. Философия права. – М: Мысль, 1990.
2. Кюстин, А. Николаевская Россия. Пер. с фр. – М.:, 1990, с.227.

N.N. Bolshakov

Omsk Academy of the Humanities

REFLECTIONS ON THE LOGICAL DEPLOYMENT OF GEGEL'S "PHILOSOPHY OF THE RIGHT".

Abstract: In this article the author accomplishes an analytical reconstruction of the system of basic subjects of social reality – Person, Property and Freedom, “bound by the one chain” – the chain of Reason. In this article the meaning of the “three” pointed out here for the systematical expansion of universal civil society of right, is revealed.

Key words: G. Hegel, "Philosophy of law", the person, liberty, property, the reason of property law, real law, civil society, citizen, government, public interest, morality, ethics

References

1. Gegel' G.V.F. *Filosofiyaprava* [Legal philosophy]. Moscow, Misl' Publ., 1990.
2. Kyustin A. *Nikolaevskaya Rossiya* [Nicholas Russia]. Moscow, 1990, p.227.

Автор статьи – Николай Николаевич Большаков, кандидат философских наук, доцент, Омская гуманитарная академия.

Рецензенты:

С.Ф. Денисов, доктор философских наук, профессор, Омский государственный педагогический университет;
В. Г. Пузиков, доктор философских наук, профессор, Омская гуманитарная академия.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В данной статье представлены основные подходы к исследованию языковой картины мира. Взаимосвязь понятий «мировоззрение», «язык» и «мышление» определяется онтологическими основаниями формирования языковой картины мира как структурного единства упорядоченных элементов. Развитию картины мира предшествует процесс субъективного восприятия действительности, определения круга бытийных возможностей и реализация полученных знаний в речевой деятельности.

Ключевые слова: картина мира, язык, онтологические основания, действительность, процесс, структурное единство.

Когда мы обращаемся к понятию «картина мира», оно нам представляется предельно простым и понятным. Существует ряд вопросов, на которые мы ежедневно отвечаем или пытаемся найти ответ, не задумываясь, что непосредственно связаны с нашей картиной мира. Например: Как устроен мир? Что такое счастье? Как поступить в определенной ситуации? Что есть добро и зло?

Говоря о картине мира, мы представляем, что существует мир, реальность, объективная реальность. Существует ряд понятий, синонимичных понятию «картина мира»: мировоззрение, мировосприятие, мироощущение, миропонимание, мировидение. Объективная реальность существует вне зависимости от того, что мы о ней думаем, как мы ее представляем и понимаем. Поэтому представляется актуальным определить понятия «картина мира» и «языковая картина мира», выявить, как данные понятия соотносятся с нашим мышлением и языком.

Мир ненаблюдаем, говорит Хайдеггер в статье «Бытие и время»: все, что мы видим, находится в мире, а где сам мир? Он раскрывается, по Хайдеггеру, только изнутри наличного бытия как **круг его бытийных возможностей**. Круг возможностей бытия заранее охватывает все реальное и мыслимое сущее. К сути картины относится составленность, система. Под этим подразумеваются, однако, не искусственная, внешняя классификация и соположение данности, а разворачивающееся из проекта опредмечивания сущего структурное единство представленного как такового. М. Хайдеггер отмечает, что в философии существует область, связанная с разработкой общей онтологической картины мира, которая лежит в основе конкретных наук, является наукой сама по себе.

Науки описывают как бы локальные картины мира по сравнению с общефилософским представлением его в целом. Полная картина может быть представлена лишь в философии. Философия мыслит о смысле, который делает вещь именно таковой, какая она есть. Философия не стремится овладеть бытием, она направлена на постижение его смыслов. В соответствии с теорией Хайдеггера, картина мира представляет собой структурное единство упорядоченных элементов, поэтому можно говорить о том, что «картина мира» имеет уровневую структуру [11].

Проблема исследования картины мира, ее генезиса, формирования является одной из ключевых проблем философии. Картина мира формируется на основе мировоззрения изначально как совокупность сведений об окружающем мире. Мировоззрение – это явление духовной жизни человека.

В современном значении термин «мировоззрение» происходит от немецкого слова *Weltanschauung* (миросозерцание или созерцание мира), появившегося в немецкой литературе на рубеже 18 – 19 веков. В 19 веке *Weltanschauung* употреблялось как синоним слов «метафизика» и «философия». Сейчас данный термин переводится на русский язык понятием «картина мира».

На основе **мировоззрения**, философских взглядов человека формируется картина мира. Картина мира – целостное представление человека о Бытии, о мире, о его строении, законах и закономерностях, действующих в нем, о месте человека в этом мире и в обществе. Если человек представляет мир неизменным в своих основных характеристиках, то его картина мира статична, в противном случае – постоянно формируется динамичная картина мира [2]

Существует ряд подходов к определению понятия «картина мира». Например, Т.В. Цивьян рассматривает модель (картину) мира «как результат переработки информации о среде и человеке, как сокращенное и упрощенное отображение указанной суммы представлений» [10]. В.Г. Колшанский считает, что картина мира, отображенная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира. Картина мира представляется как идеальное, концептуальное образование, имеющее двойственную природу: необъективированное – как элемент сознания, воли или жизнедеятельности, в частности – в виде знаковых образований, текстов (в том числе – как искусство, архитектура, социальные структуры, язык) [7]. Представляется актуальным выявить онтологические основания развития понятия «картина мира» и определить содержание понятия «языковая картина мира». Поэтому рассмотрим, как данная проблема исследовалась в немецкой философской традиции, которая нам представляется наиболее интересной и глубокой.

Языки различаются способом выделения значений, самим способом восприятия и осмысления мира. Эта идея в различных ипостасях и версиях развивалась во всех ключевых эпохах истории философии и лингвистики. Считается, что восходит она к учению В. Гумбольдта о «внутренней форме» языка. Согласно данному учению, различные языки являются различными мировидениями и специфику каждого конкретного языка обуславливает «языковое сознание народа», на нем говорящего [5].

Но концепция В. Гумбольдта имела не только многих последователей, но и предшественников. Этот факт доказывает О.А. Донских в статье «О проблемах описания лингвистических концепций и их истории», где он формулирует положения, которые составляют основу концепции В. Гумбольдта, рассматривает, какая конструкция вырастает на базе этих положений и пути реализации данной конструкции как программы дальнейших действий. Большинство положений, принимаемых В. Гумбольдтом, были выдвинуты его предшественниками. О.А. Донских пишет: «Считается, что именно Гумбольдту принадлежит тезис об обратном влиянии языка на образ мышления народа, говорящего на данном языке. Это неверно. В немецкой традиции этот тезис обосновал И. Михаэлис, чему он и посвятил работу 1760 г. «Ответ на вопрос о влиянии мнений на язык и языка на мнения»; позже тезис был развит Т. Гердером, и только потом Гумбольдтом» [6 : 223].

В своих трудах В. Гумбольдт утверждал: «Как ни одно понятие невозможно без языка, так без него для нашей души не существует ни одного предмета, потому что даже любой внешний предмет для нее обретает полноту реальности только через посредство понятия. И наоборот, вся работа по субъективному восприятию предметов воплощается в построении и применении языка».

В. Гумбольдт рассматривает язык как «промежуточный мир» между мышлением и действительностью, при этом язык фиксирует особое национальное мировоззрение. В. Гумбольдт акцентирует разницу между понятиями «промежуточный мир» и «картина мира». Первое – это статичный продукт языковой деятельности, определяющий восприятие действительности человеком. Единицей его является «духовный объект» – понятие. Картина мира – это подвижная, динамичная сущность, так как образуется она из языковых вмешательств в действительность. Единицей ее является речевой акт.

Таким образом, в формировании обоих понятий огромная роль принадлежит языку: «Язык – орган, образующий мысль, следовательно, в становлении человеческой личности, в

образовании у нее системы понятий, в присвоении ей накопленного поколениями опыта языку принадлежит ведущая роль» [4].

В. фон Гумбольдт писал: «Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia)» [4;70]. Отталкиваясь от этой фразы, Л. Вайсгербер стал говорить об «энергетическом» подходе к изучению языка. Этот подход предполагает обнаружение в языке той силы (или энергии), благодаря которой он активно воздействует как на познавательную, так и на практическую деятельность его носителей. Благодаря Л. Вайсгерберу в настоящее время мы можем оперировать понятием «языковая картина мира», поскольку он ввел данный термин в научный обиход. Понятие «языковая картина мира» и определило своеобразие лингвофилософской концепции Л. Вайсгербера наряду с «промежуточным миром» и «энергией» языка.

Языковая картина мира, в соответствии с представленной концепцией, – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности.

Проанализировав лингвофилософскую концепцию Л. Вайсгербера, можно выделить следующие ключевые аспекты:

1. Языковая картина мира – это система всех возможных содержаний: духовных, определяющих своеобразие культуры и менталитета данной языковой общности, и языковых, обуславливающих существование и функционирование самого языка.

2. Языковая картина мира, с одной стороны, есть следствие исторического развития этноса и языка, а с другой стороны, является причиной своеобразного пути их дальнейшего развития.

3. Языковая картина мира как единый «живой организм» четко структурирована и в языковом выражении является многоуровневой. Она определяет особый набор звуков и звуковых сочетаний, особенности строения артикуляционного аппарата носителей языка, просодические характеристики речи, словарный состав, словообразовательные возможности языка и синтаксис словосочетаний и предложений, а также свой паремнологический багаж. Другими словами, языковая картина мира обуславливает суммарное коммуникативное поведение, понимание внешнего мира природы и внутреннего мира человека и языковую систему.

4. Языковая картина мира изменчива во времени и, как любой «живой организм», подвержена развитию, то есть в вертикальном (диахроническом) смысле она в каждый последующий этап развития отчасти нетождественна сама себе.

5. Языковая картина мира создает однородность языковой сущности, способствуя закреплению языкового, а значит, и культурного её своеобразия в видении мира и его обозначения средствами языка.

6. Языковая картина мира существует в однородном своеобразном самосознании языковой общности и передается последующим поколениям через особое мировоззрение, правила поведения, образ жизни, запечатленные средствами языка.

7. Картина мира какого-либо языка и есть та преобразующая сила языка, которая формирует представление об окружающем мире через язык как «промежуточный мир» у носителей этого языка.

8. Языковая картина мира конкретной языковой общности и есть ее общекультурное достояние [3].

Концепция языковой картины мира Л. Вайсгербера является, словоцентрической, и выглядит ее образ, по преимуществу, как система лексических полей. Именно в лексической системе языка легче, чем в других, обнаружить «мировоззренческую» природу языковой картины мира. Рассмотрим один из лексических примеров исследователя. В немецком языке есть слова Kraut (полезная трава) и Unkraut (сорняк). С объективной точки зрения,

рассуждал ученый, в природе не существует полезных и вредных трав. Язык же зафиксировал здесь точку зрения немецкого народа на мир. Каждый немецкий ребенок потому должен принять эту антропоцентрическую точку зрения на травы, что она навязывается ему его родным языком, когда он усваивал его от старших [3].

«Энергетический» подход к изучению языка предполагает исследование языкового воздействия. В другой терминологии он может быть истолкован как подход, направленный на изучение когнитивной и прагматической функций языка. Но при этом следует учесть, что Л. Вайсгербер выводил эти функции не столько из языковой картины мира в целом, сколько из одной ее стороны – идиоэтнической. Между тем язык закрепляет в своей содержательной стороне не только точку зрения на мир, с которой смотрел на него народ, создавший данный язык, но и сам мир. Иначе говоря, картина мира, заключенная в том или ином языке, представляет собою синтез (сплав) универсальных знаний о мире с идиоэтническими. Источником первых является объективная действительность, источником других – национальная точка зрения на нее.

Данный подход к изучению языковой картины мира, к обнаружению ее воздействия на познавательную и практическую деятельность ее носителей (т.е. на ее когнитивную и прагматическую функции) Л. Вайсгербер интерпретировал с помощью категории «Worten der Welt» (ословливание мира). Эта категория понадобилась немецкому ученому потому, что она позволила ему подтвердить идиоэтническую идею своей философии языка на конкретном языковом материале.

Ословливание (вербализация) мира предполагает членение действительности на те или иные фрагменты посредством слов. Но фрагментация мира может осуществляться не только с помощью слов, но и с помощью морфем. Так, в акте словообразования она может осуществляться не только с помощью производящих слов, но и с помощью словообразовательных морфем. Как те, так и другие позволяют членить предмет первичной номинации на определенные фрагменты. Так, при создании слова «учитель» говорящий членил предмет первичной номинации с помощью производящего слова «учить» и словообразовательной морфемы «тель». Членение мира может осуществляться с помощью не только словообразовательных морфем, но и морфологических. Это происходит в акте фразообразования, заключающемся в построении нового предложения. Если в процессе создания нового слова наряду со словами участвуют словообразовательные морфемы, то в процессе создания нового предложения наряду со словами участвуют морфологические морфемы. С помощью последних говорящий переводит слова, отобранные им для создаваемого предложения, из их лексических форм в морфологические. Морфологические аффиксы (например, нулевая флексия у существительного «учитель» или личное окончание у глагола «размышляет») продолжают фрагментацию ситуации, описываемой предложением (например, «Учитель размышляет»), которая была начата в лексический период фразообразования, когда говорящий членил эту ситуацию лишь с помощью лексем, т.е. слов, взятых в их исходных формах («учитель» и «размышлять») [3].

Мы видим, таким образом, что членение мира осуществляется не только с помощью слов, но и с помощью морфем – словообразовательных и морфологических. Однако ведущая роль в этом процессе, бесспорно, принадлежит не морфемам, а словам. Морфемы лишь продолжают фрагментацию действительности, начатую с помощью слов. Первые не могут конкурировать в своих номинативных возможностях со вторыми, поскольку лексических единиц в любом языке неизмеримо больше, чем словообразовательных и морфологических. Вот почему концепция Л. Вайсгербера является подчеркнуто словоцентрической, а не морфоцентрической.

Процесс ословливания мира описывался Л. Вайсгербером следующим образом: «Родной язык является формой существования со-общественного раскрытия языковой силы и полноценно участвует в базовом энергетическом характере языка. В особенности следует

понимать его «существование» как длительный процесс осуществления языкового мирозидания (Weltgestaltung) посредством языкового сообщества. Если назвать процесс языкового мирозидания *Worten der Welt*, то родной язык – это воссоздание мира посредством слова его языковым сообществом»[3].

Мы видим из этой цитаты, что процесс ословливания мира понимался Л. Вайсгербером не просто как членение мира на определенные отрезки с помощью слов, а как процесс духовного мирозидания или преобразования объективного мира в языковую картину мира. «Мирозидательный» (или преобразовательный) аспект вербализации мира подчеркивался немецким ученым из «энергетических» соображений. Без этого аспекта непонятно, каким образом язык активно влияет как на мировоззрение его носителей, так и на их культурозидательную деятельность. Л. Вайсгербер был убежден до конца своих дней, что родной язык преподносит мир своим носителям не в том виде, в каком он существует объективно, а в том, в каком он представлен в его картине мира.

Преобразовательный аспект языковой картины мира в том и состоит, что без этой картины мира люди видели бы окружающий мир и самих себя по-другому. В данном аспекте Л. Вайсгербер и видел в первую очередь когнитивную функцию языка.

Языки отличаются не только по числу слов, имеющимся в них, но и по их внутренней форме. Это значит, что между различными языками отсутствует не только количественная симметрия, предполагающая, что все языки членят мир на абсолютно одинаковые отрезки, но и качественная. Качественная асимметрия между языками состоит на уровне слов в том, что слова, обозначающие в разных языках одни и те же предметы, могут иметь разную внутреннюю форму.

В. Гумбольдт писал по этому поводу следующее: «Слово не является изображением вещи, которую оно обозначает, и еще в меньшей степени оно является простым обозначением, заменяющим саму вещь для рассудка или фантазии. От изображения оно отличается способностью представлять вещь с различных точек зрения и различными путями, от простого обозначения – тем, что имеет свой собственный определенный чувственный образ» [5: 305].

Результатом ословливания мира являются лексические поля, система которых и составляет лексическую картину мира в том или ином языке, которая занимает в нем ведущее место по отношению ко всем его другим картинам мира – словообразовательной, морфологической или синтаксической. С помощью лексических полей любой язык осуществляет моделирование мира в целом. Вот почему их система предполагает родовидовую организацию лексических полей, изображающих в языке все сферы мира – физиосферу, биосферу, психику и культуру. Особое место в этой системе принадлежит сфере универсальных категорий – части и целому, общему и индивидуальному, внутреннему и внешнему и т.п.

Продолжая исследование влияния языка на картину мира и ее взаимосвязи с мышлением, также отражение представлений, которые формируют языковую картину в языке, обратимся к концепции Л. Витгенштейна. Язык как деятельность рассматривается и в трудах Л. Витгенштейна, посвященных исследованиям в области философии и логики. По мнению этого ученого, мышление имеет речевой характер и является деятельностью со знаками. Л. Витгенштейн выдвигает следующее положение: жизнь знаку дает его употребление. При этом «значение, которое присуще словам, не является продуктом нашего мышления» [4]. Значение знака есть его применение в соответствии с правилами данного языка и особенностями той или иной деятельности, ситуации, контекста. Поэтому одним из важнейших вопросов для Л. Витгенштейна является соотношение грамматического строя языка, структуры мышления и структуры отображаемой ситуации. Предложение – модель действительности, копирующая ее структуру своей логико-синтаксической формой. Следовательно, в какой мере человек владеет языком, в такой степени он знает мир. Языковая единица пред-

ставляет собой не некое лингвистическое значение, а понятие, поэтому Л. Витгенштейн не разграничивает языковую картину мира и картину мира в целом [4].

Идею Л. Витгенштейна о том, что грамматический строй языка влияет на структуру мышления, определяет структуру отображаемой ситуации и формирует картину мира, подтверждает и концепция лингвистической относительности Сэпира – Уорфа. Э.Сепир и Б.Уорф стремились показать относительность мировидения у носителей разных языков, то есть зависимость их картин мира от родных языков.

Б.Уорф писал, что речь, т.е. использование языка, лишь «выражает» то, что уже в основных чертах сложилось без помощи языка. Но на самом деле, по мнению авторов гипотезы лингвистической относительности, мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком [7]. Отсюда следовала формулировка гипотезы лингвистической относительности: мы сталкиваемся, таким образом, с новым принципом относительности, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем [10].

В гипотезе лингвистической относительности Сэпира-Уорфа картина мира предстает в следующем виде:

1. «Мир языковых форм, взятый в пределах данного языка, естьвершенная система обозначения. Переход от одного языка к другому психологически подобен переходу от одной геометрической системе отсчета к другой».

2. «Каждый язык обладает законченной в своем роде и психологически удовлетворительной формальной ориентацией, но эта ориентация залегает глубоко в подсознании носителей языка».

3. «Языки являются по существу культурными хранилищами обширных и самодостаточных сетей психических процессов».

На классификационную сторону языковой картины мира в первую очередь обращал внимание Б. Уорф. Это позволило ему сравнить языковую картину мира с научной. Как первая, так и вторая представляют собою, по Б. Уорфу, «систему анализа окружающего мира». Следовательно, обе имеют дело с моделированием мира. В этом их сходство. Но между ними имеется и существенное различие: научная картина мира – результат деятельности ученых, ЯКМ – результат деятельности рядовых носителей того или иного языка, которые этот язык и создали. Первая отражает научное сознание, а вторая – обыденное [11].

Опираясь на концепцию Б. Уорфа, в соответствии с которой языковая картина мира предстает как система анализа окружающего мира посредством ословливания, опредмечивания, называния и классифицирования реалий, понятий и культурных концептов. Человек, мыслящий и говорящий, например, на русском языке, воспринимает реальный мир, формирует собственную систему представлений и интерпретирует окружающую действительность. Так возникает русская языковая картина мира. Перечислим некоторые ключевые идеи русской языковой картины мира. Серьезным исследованием данного вопроса в рамках деятельности Института русского языка РАН занимается А. Д. Шмелев. Наиболее убедительным является взгляд исследователей этого вопроса А. Зализняк, И. Левонтиной, А. Шмелева, которые выделяют на основе тщательного семантического анализа и подробно рассматривают на примерах следующие идеи русской языковой картины мира: внимание к нюансам человеческих отношений; отношение к чувству справедливости; представление о непредсказуемости мира; представление о трудности мобилизации внутренних ресурсов и связанная с этим тяга к уюту, покою; особое восприятие пространства [14].

Почему же говорящий на данном языке должен обязательно разделять определенные взгляды на мир? Потому что представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в неявном виде. Человек принимает их на веру, не задумываясь и часто даже сам не замечая этого. Пользуясь словами, содержащими неявные смыслы, человек, сам того не

замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир. Напротив, те смысловые компоненты, которые входят в значение слов и выражений в форме непосредственных утверждений, могут быть предметом спора между разными носителями языка, и тем самым не входят в тот общий фонд представлений, который формирует языковую картину мира.

Так, для носителей русского языка кажется очевидным, что психическая жизнь человека подразделяется на интеллектуальную и эмоциональную, причем интеллектуальная жизнь связана с *головой*, а эмоциональная – с *сердцем*. Мы говорим, что у кого-то *светлая голова* или *доброе сердце*; запоминая что-либо, *храним* это в *голове*, а *чувствуем* *сердцем*; переволновавшись, хватаемся за *сердце*. Нам кажется, что иначе и быть не может, и мы с удивлением узнаем, что для носителей некоторых африканских языков вся психическая жизнь может концентрироваться в печени, они говорят о том, что у кого-то «умная печень» или «добрая печень», а когда волнуются, подсознательно чувствуют дискомфорт в печени [8]. Разумеется, это связано не с особенностями их анатомии, а с языковой картиной мира, к которой они привыкли.

Наиболее важные для данного языка идеи повторяются в значении многих языковых единиц и являются поэтому «ключевыми» для понимания картины мира. В соответствии с концепцией А.Д. Шмелева, можно выделить следующие идеи:

- Внимание к нюансам человеческих отношений.
- Чувство справедливости.
- Представления о непредсказуемости мира.
- Представления о трудности мобилизации внутренних ресурсов.
- Тягу к уюту.
- Особое восприятие пространства.

Непредсказуемость мира (случилось, произошло, сложилось, вышло, получилось, стечение обстоятельств, полагаться на авось, вдруг, угораздило, повезло, обойдется, пронесет, мне удалось, привелось, довелось, пришлось, случилось, посчастливилось, повезло..)

Процесс «собираения» при этом сам по себе осмысливается как своего рода деятельность – что дает возможность человеку, который, вообще говоря, ничего не делает, представить свое времяпрепровождение как деятельность, требующую затраты усилий. Жизненная позиция, отраженная в глаголе *собираться*, проявляется также в специфическом русском слове *заодно*. Поскольку приступить к выполнению действия трудно, хорошо, когда удастся что-то сделать, не прилагая к этому отдельных усилий: не *специально*, а *заодно*. Побуждая к действию, мы можем сказать: *Ты все равно идешь гулять, купи заодно молоко*. Человеку, который уже *собрался*, легко *заодно* сделать еще какое-то дело. С другой стороны, можно сказать: *Сходи за продуктами, заодно и прогуляешься*. Предполагается, что человек будет рад без дополнительных усилий (не *собираясь*) получить удовольствие от прогулки.

Русская культура допускает и философское оправдание *лени*. Русскому человеку очень естественно среди энергичной деятельности вдруг остановиться и задаться вопросом о ее экзистенциальном смысле.

Представление о трудности мобилизации внутренних ресурсов, отраженное не только в словах *собраться/собираться, заодно, лень*, но и в целом ряде других труднопереводимых русских слов и выражений (*неохота, да ну!, vybrаться* <из дома> и т. п.), возможно, является одним из многочисленных проявлений того, что Н. А. Бердяев называл «властью пространств над русской душой». Прежде чем что-то делать, надо как бы собрать воедино ресурсы, рассредоточенные на большом пространстве. Идея ‘собираения’ того, что было разбросано на большом пространстве, отражена во многих русских выражениях [14].

С «широкими русскими просторами» связано чрезвычайно большое количество труднопереводимых русских слов, начиная с самого слова *простор* (а также такие слова, как *даль, ширь, приволье, раздолье*. Рассмотрим особенности поиска значений для данных слов в английском языке путем подбора эквивалентов (см таблицу 1).

Таблица 1.

Отражение языковой картины мира в словах, связанных с определением пространства

1	Простор	Scope/ open	В английском языке – значение близко к «открытое место»
2	Даль	Open/ expanse	В английском языке – «открытое место, пространство»
3	Ширь	Expanse/open space	В английском языке – «открытое место, открытое пространство»
3	Приволье	Open/expanse/freedom/ease	В английском языке – «открытое место, свобода, лёгкость»
5	Раздолье	Expanse/a fine day for the young ducks	В английском языке – «место, свободное от застройки»
6	Родные просторы	Native great space	В английском языке нет такого семантически связанного сочетания слов, переводится как набор слов
7	Небесные просторы	Heaven's wide Champaign	В русском языке не употребляется как паремия
8	Широта души	Wide Soul/ largesse	В английском нет соответствующего понятия

Представления, которые формируют языковую картину мира, входят в значения слов в скрытом виде (см. таблицу 2). Человек, использующий определенные слова, содержащие неявные смыслы, принимает и заключенный в них взгляд на мир. Следовательно, те смысловые компоненты, которые входят в значение слов и выражений в форме непосредственных утверждений и составляют их смысловое ядро, могут быть (и нередко бывают) осознанно оспорены носителями языка. Поэтому они не входят в языковую картину мира, общую для всех говорящих на данном языке.

Таблица 2.

Сравнение значений понятий «дом» и «home» в русской и английской языковой картине мира

	Понятие в русском языке	Понятие в английском языке	Комментарий
1	Дом	home	Дом в значении «место, где человек живет». В английском – откуда он пришел или куда возвращается
2	Домой	go home/ Get home/homing	В русском часто употребляется в значении «отдыхать»
3	Быть дома	To be at home	На вопрос: Что делал? Русские часто многозначно отвечают «был дома», что в данном случае имеет положительную коннотацию, в английском нейтральное
4	Остаться дома	To stay at home	В русском – получить возможность отдохнуть, или сделать что-то полезное для дома, или «не пойти на работу, чтобы сделать что-то важное (оформление документов, поход к врачу)»
5	Я хочу домой	I'd like to go home	В русском – говорит об усталости, в английском – о желании уйти от куда-либо
6	Выходить из дома	Get away	В английском положительная коннотация – выбраться, в русском «покидать своеобразную крепость»

7	Проводить время вне дома (выходить гулять)	Go out	Вне дома (не на своей территории) и не дома (когда кто-либо не хочет уточнять, где находится). В английском языке есть дополнительное значение «выйти, с целью пойти куда-либо»
8	Около дома	Nearby home	В русском языке значение шире. о-коло-ток. устар. разг. окружающая местность, соседние места, окрестность, округа
9	Рядом с домом	Close to home, In the neighbourhood of	В русском – близко, удобно, комфортно, легко добраться; в английском – пространственная близость, «по соседству»
10	Не выходил из дома	Didn't go out	В русском – языке обозначает «отдыхал» или «был занят домашними делами», в английском – не развлекался, не гулял.
11	Сидеть дома	Keep at home	В русском языке – положительная коннотация, в английском – отрицательная.

Библиографический список

1. Брутян, Г.А. Язык и картина мира. // Научные труды высшей школы. Философские науки. – М., 1973, №1 – Стр. 108–111.
2. Ваганова, Е.Г. Языковая картина мира как предмет философско-лингвистического анализа / Идеи и идеалы // Философия: проблемы, подходы, решения. № 3 (13). Т. 2. Новосибирск, 2012, стр. 3–10.
3. Вайсгербер, Й.Л. Родной язык и формирование духа. М.: Едиториал УРСС Год: 2004, 232 с.
4. Витгенштейн, Л.. Философские исследования. Кембридж, 1945.
5. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. – 400с.
6. Донских, О.А. Проблемы описания лингвистических концепций в их истории / О.А. Донских; отв. ред. А.Н. Корчагин // Исследовательские программы в современной науке. – Новосибирск: Наука, 1987, стр. 221–248. 223
7. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Едиториал УРСС, 2005, 128 с.
8. Плунгян, В.А.. К описанию африканской «наивной картины мира» (локализация ощущений и понимание в языке догон) // Логический анализ естественного языка. Культурные концепты. М., 1991, стр.155–160.
9. Сепир, Э. Статус лингвистики как науки // Э.Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993, 656 с.
10. Уорф, Б. Наука и языкознание // Зарубежная лингвистика. I. М., 1999, стр. 97–98.
11. Уорф, Б. Отношение Норм Поведения и мышления к языку. М., 1960. – Режим доступа: www.kph.npu.edu.ua/
12. Цивьян, Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. – М., 1990. – 207 с.
13. Хайдеггер, М. Время и бытие. М., 1993, стр. 238–253.
14. Шмелёв, А. Д. Дух, душа и тело в свете данных русского языка // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д.. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005, стр. 148–149.

E.G. Vaganova

Novosibirsk state technical university

LANGUAGE WORLDVIEW: ONTOLOGICAL ANALYSES

The article deals with the analyses of ontological basement and some aspects of different terms, connected with the determining of the term “worldview”. The following terms like “worldview”, “world perception”, “Weltanschauung”, world outlook, mindset and belief system widely used in modern philosophy and some interdisciplinary sciences. The author assigns “worldview” as a structural oneness of ordered elements and the system of the world’s analyses in the process of speaking.

Key words: worldview, language, ontological basement, reality, process, structural oneness.

References

1. Brutyan G.A. "Language and the picture of the world". *Nauchnyetrudyvysheyshkoly. Filosofskienauki*, Moscow, 1973, No.1. P. 108-111.
2. Vaganova E.G. "Language picture of the world as a subject of philosophical and linguistic analysis". *Filosofiya: problemy, podkhody, resheniya*. No.3 (13). Vol. 2. Novosibirsk, 2012. P. 3-10.
3. Vaysgerber Y.L. *Rodnoyyazykiformirovaniyedukha* [Native language and the formation of the spirit]. Moscow, Editorial URSS, 2004. 232 p.
4. Vitgenshteyn L. *Filosofskieissledovaniya* [Philosophical studies]. Cambridge, 1945.
5. Gumbol't, V. *Izbrannyetrudy poyazykoznaniiyu* [Selected works on linguistics]. Moscow, Progress, 1984. 400 p.
6. Donskikh O.A. "The problem of describing linguistic concepts in their history". *Issledovatel'skie programmy v sovremennoy nauke*. Novosibirsk, Nauka, 1987. P. 221-248.
7. Kolshanskiy G.V. *Ob'ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke*. [Objective picture of the world in cognition and language]. Moscow, Editorial URSS, 2005. 128 p.
8. Plungyan V.A. To the description of the African "Naive picture of the world" (localization feelings and understanding in the language of the Dogon). *Logicheskiy analiz estestvennogo yazyka. Kul'turnyey kontsepty*. Moscow, 1991. P. 155-160.
9. Sepir, E. "The status of linguistics as a science". *Izbrannyetrudy poyazykoznaniiyu i kul'turologii*. Moscow, Progress, 1993. 656 p.
10. Uorf B. "Science and linguistics". *Zarubezhnaya lingvistika. Vol. I*. Moscow, 1999, p. 97-98.
11. Uorf B. *Otnoshenie Norm Povedeniya i myshleniya k yazyku* [The relation of behavior and thinking to language]. Moscow, 1960. Available at: www.kph.npu.edu.ua/
12. Tsiv'yan T. V. *Lingvisticheskie osnovy balkanskoymodelimira* [Linguistic basis of the Balkan model of the world]. Moscow, 1990. 207p.
13. Khaydegger M. *Vremya i bytie* [Being and time]. Moscow, 1993, p. 238-253.
14. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., and Shmelev A.D.. "Spirit, Soul and Body in the Light of the Russian Language" *Klyuchevye Idei Russkoy Yazykovoy Kartiny Mira*. Moscow, 2005. 148-149.

Автор статьи – Елена Геннадьевна Ваганова, старший преподаватель, Новосибирский государственный технический университет, e-mail: lenavaganova@yahoo.com

Рецензенты:

Т.Ф. Пыхтина, кандидат философских наук, профессор, Новосибирский государственный университет экономики и управления;

Т.А. Юдина, кандидат философских наук, доцент, Сибирский институт управления филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

УДК 101.1:316

А.Г. Горбачева
Новосибирский государственный университет
экономики и управления

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЯ МЫСЛИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ЛЮДЕЙ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ И ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ «ЧЕЛОВЕКА АССОЦИИРУЮЩЕГО»

Анализируются изменения мыслительного процесса человека в современном мире под воздействием всевозможных технологий. Предлагается три новых идеи: «принцип защелкивания», трансформация доверия к технологиям в знание о том, какие технологии нужно использовать, и футурологический образ «человека ассоциирующего». Показано, что традиционная логическая цепочка «потребность – процесс удовлетворения потребности – техническое устройство – результат» в случае трансформации доверия в знание становится следующей: «потребность – техническое устройство – результат», где исчезает звено, связанное с процессом удовлетворения потребности. При этом результат начинает связываться не с процессом его достижения, а с техническим устройством. Наконец, образ «человека ассоциирующего» исключает звено «результат», предполагая, что при возникновении потребности человек не будет задумываться о результате удовлетворения этой потребности, а просто будет ассоциировать эту потребность с конкретным устройством, применение которого вернет его в комфортное состояние, а результат как таковой его интересовать не будет.

Ключевые слова: мыслительный процесс, образ мышления, постиндустриальное общество, доверие, потребность.

Развитие цивилизации и совершенствование всевозможных технологий, где переплетается целый спектр различных методов и инструментов, меняет не только качество и стиль жизни людей, но влияет и на самого человека, его поведение, его образ мышления. Эти трансформации ученые называют культурной [1] или когнитивной революцией [2]. Проявления подобных изменений могут быть разными. Например, американские исследователи пришли к выводу о том, что люди, предупрежденные о доступности сети Интернет, запоминают информацию хуже тех, которых предупредили о ее недоступности [3]. Данное явление названо ими «Эффект Google». Мыслительные процессы людей стали больше направлены на поиск информации, а не на ее запоминание; они пытаются ответить на вопрос «Где найти решение?», а не «Как решить?» [4]. Поднимаются вопросы о целесообразности разработки новых методов обучения, учитывающих особенности мышления современного человека [5]. В частности, в информационном обществе становится особенно важно обладание информационной компетентностью, т.е. умением искать, анализировать, использовать, переструктурировать, сохранять, создавать информацию [6]. Бывший министр образования Российской Федерации С. Фурсенко даже высказывал следующую идею: «недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца, а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других» [7]. Таким образом, мы видим явные признаки изменения мышления людей, и нашей задачей будет выявление общих шаблонов, которым оно начинает подчиняться.

Существует мнение, что понимание сущности человеческого разума со временем не становится яснее, особенно под влиянием развития новых технологий [8], а каждое техническое свершение ставит под вопрос даже понимание того, что же означает быть человеком [9]. Возможное замещение некоторых человеческих органов биомеханическими имплантатами выразилось в появлении концепции «техночеловека». Считается, что «техночеловек» – это ступень развития «человека разумного», ведущая к новому виду «постчеловеку» [12]. Тем самым пересматривается роль человека в эпоху информационных технологий [10]. Бо-

лее того, само понятие человеческой природы (даже без перехода к «техночеловеку» или «постчеловеку») точно не определено, поскольку существуют различные подходы к решению этой проблемы, а попытка анализировать изменения человека под влиянием технологий аналогична попытке изучить изменения единорога, который отсутствует в природе в принципе [11].

И все-таки изучать изменения человека с течением времени можно и нужно, иначе станет невозможным как осуществление человеком своих повседневных задач, так и принятие стратегических решений, например, относительно методов обучения, организации труда для наибольшей производительности, средств управления и т.д. На наш взгляд, в современных публикациях ментальные изменения человека нередко анализируются довольно поверхностно, не привязываясь к философским категориям. В частности, популярная концепция клипового мышления говорит о невозможности человека сосредоточиться на долгое время, однако анализ алгоритмов мышления зачастую выпадает из поля зрения авторов.

В настоящей статье предлагаются три новых концепции, касающиеся особенностей мышления человека постиндустриального общества: принцип «защелкивания задач», трансформация доверия в знание и футурологический образ «человека ассоциирующего». Статья продолжает цикл работ автора на тему влияния современных информационных технологий на человека [13-17].

«Принцип защелкивания». В настоящее время люди, сталкиваясь с какими-либо повседневными задачами, стали меньше думать о том, как их решать [4]. Обычно этого и не требуется делать, поскольку зачастую решение задачи сопряжено с использованием конкретного технического средства. Более того, если не удастся найти инструмент, специально предназначенный для решения данной задачи, то люди могут испытывать из-за этого дискомфорт. Описанную концепцию мы назовем «принципом защелкивания» по аналогии с защелкиванием подходящих друг к другу деталей.

Данную тенденцию усиливает повсеместное внедрение процедуры тестирования для проверки знаний, приучающее, что на любой вопрос имеется некий правильный ответ, но, когда человеку самому приходится оценивать правильность решения, он испытывает дискомфорт, поскольку отсутствует «щелчок», извещающий о том, что задача решена верно.

Продемонстрируем идею несколькими примерами.

Первый пример – это использование телевизионной антенны. Не так давно многие люди могли изготовить антенну из проволоки, не слишком беспокоясь о том, что в исходном виде проволока не предназначена для этой цели. Сейчас же подобное решение часто оказывается неприемлемо, не только из-за того, что купить и установить штатную антенну проще, но и потому, что человек будет испытывать дискомфорт из-за недоверия к собственному «кустарному» изделию. Покупая штатную антенну, человек уверен в своей правоте – он «защелкивает» задачу. Однако, изготовив антенну из проволоки, он будет сомневаться – он не «слышит щелчка».

Второй пример – это использование бытовой техники со встроенным компьютером, например, стиральной машины. В процессе стрйки человек делегирует машинке ряд своих функций: определение количества наливаемой воды, темп подачи порошка, время стирки и пр. Нажав кнопку, человек успокаивается, потому что чувствует, что стирать должна именно стиральная машина, и делать это она будет более качественно.

Конечно, мы не оспариваем наличие многих удобств, предоставляемых современными приборами, но подчеркиваем, что в каждой ситуации человек ищет инструменты, подходящие для решаемой задачи, и может чувствовать себя некомфортно, если возникает необходимость адаптации под эту задачу других инструментов, в своем исходном виде не позволяющих ее решить. Флагманским принципом настоящего времени является лозунг «Не изобретайте велосипед!». Человеку внушается необходимость использования готовых реше-

ний, а изобретательность, смекалка и высокий интеллект теряют свою былую значимость [15].

Трансформация доверия в знание. Теперь мы разоведем «принцип защелкивания» и покажем, что его развитие может привести к тому, что у человека, постоянно использующего всевозможные «устройства-защелки», *доверие* к технологиям и осознание выгоды от их использования постепенно будет трансформироваться в неосознаваемое *знание* того, чем нужно воспользоваться. Это знание может стать таким же несомненным по своей сути, как знание того, что дважды два равно четырем, или того, что ночью темно.

Проанализируем, чем принципиально отличается доверие от знания в данном контексте и в чем заключаются изменения мыслительного процесса человека при этой эволюции. Доверие – это решение доверителя полагаться на доверенное лицо (вещь) при выполнении определенного действия [18]. Решение принимается на основании оценки того, в какой степени доверенное лицо этого доверия заслуживает. Оценка может производиться с учетом жизненного опыта, логических рассуждений или рекомендаций авторитетных лиц, но в любом случае доверие является сознательным решением: полагаться на доверенное лицо (вещь) или нет.

Поясним на примере использования стиральной машины, как происходит трансформация доверия в знание. Итак, при трансформации доверия в знание стиральная машина используется не из-за *осознания* ее эффективности, а из-за *знания*, что стирать должна именно она. Человек, ранее стиравший вручную и купивший такую машину, сначала испытывает удовлетворение от осознания появления у него свободного времени и повышения качества стирки. Через определенное время он перестанет задумываться о преимуществах, даваемых машиной, и не будет испытывать положительных эмоций от ее использования, как не испытывает эмоции он знания того, что два плюс два равно четыре. Если же он родится в такое время, когда никто стирать вручную уже не будет, то ни о каком понимании эффективности стирки с помощью машины речи быть не может. Он просто будет знать, что стирать должна именно стиральная машина.

Конечно, человеку, знакомому с процессом ручной стирки, изготовлением антенны из проволоки или взбиванием крема вилкой, эта концепция может показаться непривычной. Но ребенок, с малых лет наблюдающий, как мать взбивает крем миксером и стирает одежду в стиральной машине, будет просто *знать*, что эти устройства предназначены для выполнения данных действий. Подобное знание можно сравнить со знанием того, что зимой холодно, ночью темно, а Земля вращается вокруг Солнца. Если для стирки вместо стиральной машины окажется использованным что-то другое, то человек испытает дискомфорт, сопоставимый с тем, когда говорят, что два плюс два равно пяти, или что Солнце вращается вокруг Земли.

В примере со стиральной машиной традиционная логическая цепочка «грязное белье – стирка – стиральная машина – чистое белье» преобразуется в цепочку «грязное белье – стиральная машина – чистое белье». Чистое белье начинает ассоциироваться не с процессом стирки, а со стиральной машинкой. Звено «стирка» из логической цепочки выпадает.

Абстрагируясь от конкретных примеров, можно заключить, что традиционная логическая цепочка «человека разумного» состоит из четырех звеньев: «потребность – процесс удовлетворения потребности – техническое устройство – результат». При описанной трансформации доверия в знание звено, связанное с процессом, исчезает, и логическая цепочка становится следующей: «потребность – техническое устройство – результат».

Принимая таблетки, люди без медицинского образования уже сейчас мыслят таким образом. Мы просто знаем, что одна таблетка избавит от головной боли, а другая – от боли в желудке. Логическая цепочка выглядит так: «боль – таблетка – отсутствие боли». Принимая таблетки, пациенты не задумываются о процессе действия этих таблеток.

Футурологический образ «человека ассоциирующего». Теперь попытаемся заглянуть в будущее посредством экстраполяции описанных выше явлений: «принципа защелкивания» и трансформации доверия в знание. Данная экстраполяция приведет нас к футурологическому образу «человека ассоциирующего». Рассмотрим несколько примеров.

Первый пример – это использование калькулятора. «Человек разумный», встав перед необходимостью произвести математические вычисления, оценивает их сложность. Простые вычисления он проводит в уме, а сложные – с помощью калькулятора. Оценка сложности вычислений проводится на основе собственного опыта и умения производить эти вычисления. В любом случае человек понимает, как получается результат: входные данные – процесс вычисления – результат. Человек понимает, что результат – это итог *вычислений*, а не итог *использования калькулятора*. После трансформации доверия в знание человек ассоциирует результат только с калькулятором, не связывая его с процессом вычисления.

Следующий пример подводит нас к образу «человека ассоциирующего». В настоящее время в магазинах используются весы, не просто определяющие вес товара, но и сообщающие стоимость. При их использовании «человек разумный» понимает весь процесс и в принципе способен узнать стоимость другими способами. У «человека ассоциирующего» же будет стойкая ассоциация между товаром и весами: товар нужно положить на весы. Он даже не будет задумываться о том, что взвешивает товар. Он просто кладет его на весы, не задумываясь, зачем он это делает. Результат – определение веса и итоговой стоимости – для него не актуален и не представляет практического интереса.

В логической цепочке «человека ассоциирующего» исчезает еще одно звено – звено «результат». Цепочка принимает вид «потребность – техническое устройство». Звено «результат» как бы превращается в сверх-звено «комфортное состояние», куда возвращается человек, удовлетворивший потребность, наличие которой выводит его из этого состояния. Другими словами, наличие какой-либо потребности будет выводить человека из «комфортного состояния», а использование подходящего технического устройства будет его туда возвращать. Первостепенную важность приобретет не столько *характер* потребности, сколько *наличие* какой бы то ни было потребности, поскольку ее удовлетворение не будет сопряжено ни с какими трудностями – нужно будет просто воспользоваться устройством.

Таким образом, в статье предлагаются новые идеи: «принцип защелкивания», концепция трансформации доверия в знание и футурологический образ «человека ассоциирующего», представляющие собой стадии изменения образа мышления человека в технологизированном мире. «Принцип защелкивания» заключается в том, что при решении повседневных задач люди ищут инструменты, предназначенные для решения именно этих задач, и могут испытывать дискомфорт, когда им приходится адаптировать другие инструменты под эти задачи. Постепенно доверие человека к технологиям трансформируется в знание о необходимости их использования. Можно предположить, что в будущем с каждой потребностью у человека будет существовать стойкая ассоциация с определенным техническим устройством, но протянуть логическую цепочку от потребности до результата он не захочет. Для него это будет не актуально – при возникновении потребности у него «рука сама будет тянуться» к нужному устройству без осознания и понимания сущности результата его использования. Этот образ назван «человеком ассоциирующим».

Библиографический список

1. Memmi D. Cultural consequences of computing technology // *AI & Society*. 2013. Vol. 28. Pp. 77–85.
2. Dodig-Crnkovic G. Cognitive revolution, virtuality and good life // *AI & Society*. 2013. Vol. 28. Pp. 319–327.
3. Sparrow B., Wegner G. Google effect on memory: cognitive consequences of having information at our fingertips // *Science*. 2011. Vol. 333. No. 6043. Pp. 776–778.
4. Караваев, Н.Л. Об антропологических проблемах информационного общества // *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. 2013. № 1. С. 65–73.

5. Алексеева, И.Ю. Информационная компетентность, естественный интеллект и НБИКС-революция // Информационное общество. 2012. № 5. С. 9–15.
6. Осмоловская, И.М. Проблемы развития дидактики в информационном обществе // Инновации в образовании. 2009. № 6. С. 4–20.
7. Правда-TV.ru // Электронный ресурс. <http://www.pravda-tv.ru/2012/04/19/14237>.
8. Manzotti R., Pepperell R. The New Mind: thinking beyond the head // AI & Society. 2013. Vol. 28. Pp. 157–166.
9. Kiran A., Verbeek P.-P. Trusting our selves to technology // Knowledge, Technology & Policy. 2010. Vol. 23. Pp. 409–427.
10. Vamos, T. The human role in the age of information // AI & Society. 2014. Vol. 29. Pp. 277–282.
11. Lewens, T. Human nature: the very idea // Philosophy & Technology. 2012. Vol. 25. Pp. 459–474.
12. Алексеева, И.Ю., Аршинов В.И., Чеклецов В.В. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человека // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 12–21.
13. Горбачева, А.Г. Конструктивные и деструктивные коммуникативные практики людей в сети Интернет // Идеи и идеалы. 2013. Т. 2. № 3. С. 17–25.
14. Горбачева, А.Г. Влияние информационных технологий на взаимодействие людей в рамках малых социальных групп // Вестник НГУЭУ. 2013. № 3. С. 140–145.
15. Горбачева, А.Г. Влияние НБИКС-технологий на интеллект человека // Вестник Омского университета. 2014. № 3. С. 93–95.
16. Горбачева, А.Г. Особенности письменных жанров в эпоху сетевых технологий (языковые идентичности и их метаморфоз) // Идеи и идеалы. 2014. Т. 2. № 3. С. 46–54.
17. Горбачева, А.Г. Тест Тьюринга: взгляд через призму современных компьютерных и сетевых технологий // Вестник НГУЭУ. 2014. № 4. С. 322–330.
18. Turilli M., Vaccaro A., Taddeo M. The case of online trust // Knowledge, Technology & Policy. 2010. Vol. 23. Pp. 333–345.

A. G. Gorbacheva

Novosibirsk State University of Economics and Management

FILOSOPHICAL ANALYSIS OF TRANSFORMATIONS IN THINKING PROCESS OF A HUMAN BEING IN POSTINDUSTRIAL SOCIETY AND A NEW IMAGE OF «ASSOCIATIVE HUMAN»

We attempt to analyze and understand how do human thought process evolves under the influence of various technologies. The following three new ideas are introduced: «fastening principle», transformation of trust in technologies into knowledge what technologies have to be exploited and futurological concept of «associating human». It is demonstrated that traditional logical chain «a need – process of fulfilling the need – a device – a result» in case of transformation of trust into knowledge became as: «a need – a device – a result», where a link «process» vanishes. The result starts to be associated with the device rather than with the process. Finally, the concept of «associating human» discards the link «result» and supposes that when a need appears a person will not think about the result. He will associate it only some device, which will return him to a normal state.

Key words: state of mind, postindustrial society, trust, necessity.

References

1. Memmi D. Cultural consequences of computing technology // AI & Society. 2013. Vol. 28. Pp. 77-85.
2. Dodig-Crnkovic G. Cognitive revolution, virtuality and good life // AI & Society. 2013. Vol. 28. Pp. 319-327.
3. Sparrow B., Wegner G. Google effect on memory: cognitive consequences of having information at our fingertips // Science. 2011. Vol. 333. No. 6043. Pp. 776-778.
4. Karavayev N.L. Ob antropologicheskikh problemakh informatsionnogo obshchestva // Filosofskiye problemy informatsionnykh tekhnology i kiberprostranstva. 2013. № 1. S. 65-73.
5. Alekseyeva I.Yu. Informatsionnaya kompetentnost, estestvenny intellekt i NBIKS-revoljutsiya // Informatsionnoye obshchestvo. 2012. № 5. S. 9-15.
6. Osolovskaya I.M. Problemy razvitiya didaktiki v informatsionnom obshchestve // Innovatsii v obrazovanii. 2009. № 6. S. 4-20.
7. Pravda-TV.ru // Elektronny resurs. <http://www.pravda-tv.ru/2012/04/19/14237>.
8. Manzotti R., Pepperell R. The New Mind: thinking beyond the head // AI & Society. 2013. Vol. 28. Pp. 157-166.
9. Kiran A., Verbeek P.-P. Trusting our selves to technology // Knowledge, Technology & Policy. 2010. Vol. 23. Pp. 409-427.
10. Vamos T. The human role in the age of information // AI & Society. 2014. Vol. 29. Pp. 277-282.
11. Lewens T. Human nature: the very idea // Philosophy & Technology. 2012. Vol. 25. Pp. 459-474.

12. Alekseyeva I.Yu., Arshinov V.I., Chekletsov V.V. «Tekhnolyudi» protiv «postlyudey»: NBIKS-revolutsiya i budushcheye cheloveka // Voprosy filosofii. 2013. № 3. S. 12-21.
13. Gorbacheva A.G. Konstruktivnye i destruktivnye kommunikativnye praktiki lyudey v seti Internet // Idei i idealy. 2013. T. 2. № 3. S. 17-25.
14. Gorbacheva A.G. Vliyaniye informatsionnykh tekhnology na vzaimodeystviye lyudey v ramkakh malykh sotsialnykh grupp // Vestnik NGUEU. 2013. № 3. S. 140-145.
15. Gorbacheva A.G. Vliyaniye NBIKS-tekhnology na intellekt cheloveka // Vestnik Omskogo universiteta. 2014. № 3. S. 93-95.
16. Gorbacheva A.G. Osobennosti pismennykh zhanrov v epokhu setevykh tekhnology (yazykovye identichnosti i ikh metamorfoz) // Idei i idealy. 2014. T. 2. № 3. S. 46-54.
17. Gorbacheva A.G. Test Tyuringa: vzglyad cherez prizmu sovremennykh kompyuternykh i setevykh tekhnology // Vestnik NGUEU. 2014. № 4. S. 322-330.
18. Turilli M., Vaccaro A., Taddeo M. The case of online trust // Knowledge, Technology & Policy. 2010. Vol. 23. Pp. 333-345.

Автор статьи – Анна Геннадьевна Горбачева, аспирант, Новосибирский государственный университет экономики и управления – «НИНХ», г. Новосибирск, e-mail: gorbacheva.a.g@gmail.com.

Рецензенты:

В.А. Бойко, кандидат культурологи, доцент, Институт философии и права СО РАН;

О.А. Донских, доктор философских наук, профессор, Новосибирский государственный университет экономики и управления.

УДК 129

Н.В. Федорова

Омский государственный педагогический университет

ПОНЯТИЕ «СУБЪЕКТ» КАК ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

При рассмотрении общепринятых в философии определений понятия «субъект» предпринимается попытка выделения существенных характеристик данного феномена. По мнению автора, ими являются активность человека, его познавательная деятельность, волевые и сознательные акты, а также практическая деятельность. Их последующий критический анализ и интерпретация проводятся через примеры классической литературы и современного мира человека. Выделяются такие существенные характеристики, как интенция и практическая деятельность человека, уточняются определения понятия «субъект».

Ключевые слова: субъект, человек, активность, интенция (интенциональность), познавательная деятельность, практическая деятельность.

Понятия, через которые наука мыслит бытие человека, являются попыткой, с одной стороны, выстроить образ реальности, с другой стороны, сформировать систему взаимодействия с этой реальностью, в которой понятия играют роль однозначно трактуемых опорных моментов понимания и передачи смысла. Понятия разными способами соотнесены с реальностью и в определенных отношениях, конечно, коррелируют с ней, хотя в каких именно отношениях, и в какой степени они соотнесены с реальностью – это всегда остается под вопросом. При этом существенно, что понятия – это только представления того или иного человека о реальности, но, конечно, не сама реальность как таковая.

Попытаемся проанализировать понятие «субъект». Не являясь сугубо философским феноменом, оно активно используется в психологии, педагогике и юриспруденции, однако нам представляется необходимым рассматривать именно философскую проблематику его понимания как первооснову любого частного знания.

Основу любого определения составляют существенные признаки того или иного понятия. Попытаемся и мы обратиться к существенным признакам понятия «субъект», отражаемых в философских определениях.

Первым таким признаком, на наш взгляд, явно или имплицитно является указание на человека [1, с. 633–634; 2, с. 1032; 3, с.394–395]. То есть, авторы всех философских словарей и энциклопедий, говоря о субъекте однозначно, имеют в виду человека. Спорить с авторами сложно и не имеет смысла, однако возникает, на наш взгляд, вполне резонный вопрос: что подразумевается под человеком? И это, по большому счету, не самый сложный вопрос, все имеют представление о том, кто такой человек, однако эти представления чаще всего имеют под собой биологическую составляющую: млекопитающее, рожденное от человека, и т.д. В таком случае субъектом мы называем человека любого возраста, любых умственных способностей, моральных качеств и иных характеристик, ведь имея в виду эти социальные характеристики человека, мы чаще всего используем уже иные понятия: индивид, личность и т.п. Означает ли это, что субъектом мы считаем любого человека – младенца, умственно и морально неполноценного со всеми вытекающими последствиями, отражаемыми в его поведении и жизнедеятельности.

Обращение к природному началу человека отчасти возвращает нас к Л.Фейербаху, отчасти – к гуманистам, однако помня, что субъект в философии всегда противопоставлялся объекту, мы не можем принять такую обтекаемую характеристику, как «человек», при определении сущности субъекта. Тем не менее, достаточно часто, даже в научной литературе понятия «человек» и «субъект» используются как синонимы и оказываются взаимозаменяемыми. Вполне возможно, что в период написания этих трудов языковая и культурная традиции были таковы, что слово «субъект» действительно использовалось в значении «человек». Можно указать и еще на один нюанс: чтобы избежать бесконечного повторения одних и тех же слов, которые требуются, исходя из содержания текста, но снижают эстетическое качество текста, и авторы, и редакторы ищут синонимы, которые никогда полностью не совпадают с заменяемым словом, тем более в научном тексте, но облегчают и улучшают для восприятия структуру текста. То есть сознательно или бессознательно чувство стиля играет здесь свою роль.

Таким образом, мы не можем в качестве сущностной характеристики понятия «субъект» принять человека в широком смысле этого слова, поэтому попытаемся обратиться к другим характеристикам, которые помогут нам сузить и уточнить первую характеристику.

Второй характеристикой является активность субъекта, направленная на объект познания или деятельности, направленной на познание окружающей действительности, субъект называется думающим, чувствующим существом, обладающим мышлением [4].

В данном случае имеется в виду любая активность или деятельность, направленная на познание окружающей действительности. Эта характеристика, несомненно, уточняет первую, то есть речь идет не просто о человеке, а о человеке, обладающем сознанием, волей, активно и деятельно познающем окружающую его действительность. Однако и здесь появляется вопрос: деятельность или активность человека в познании действительности так ли уж сильно отдаляет нас от биологической трактовки человека и приближает к социальной?

Любимый многими герой И.А.Гончарова И.И.Обломов вел достаточно активную в познавательном-созерцательном смысле деятельность, при этом практически не вставая с дивана. В современном варианте Илья Ильич – это человек, «живущий» в интернете, в социальных сетях, но можем ли мы его в полной мере считать субъектом, то есть активным, действующим человеком? Он, конечно, познает действительность, но от ее преобразования он слишком далек, не представляя собой в социальном плане ничего, никакой пользы обществу от его активности и деятельности нет.

Следовательно, чтобы активность, деятельность человека стали сущностным признаком субъекта – это должна быть активность определенной направленности, определенного рода, иметь некий вектор.

Обобщив все эти описания активности субъекта, можно вспомнить еще одно изначально философское понятие, которое объединяет в себе все перечисленные выше характе-

ристики, такое как «*интенция*». Чаще всего интенция характеризуется как направленность сознания и воли человека. У Э.Гуссерля интенция (интенциональность) – это наполненность сознания и характеристика изначального присутствия мира в его целостности до любого возможного синтеза его аналитических моментов, выявленных в нем. Более того, автор указывает, что это – открытость субъекта миру, подлинная субъективность.

У М. Хайдеггера интенция (интенциональность) предполагает движение от ничто (оторваться от ничто), а у К. Ясперса – направление к бытию (прикрепиться к бытию), а у Н. Аббаньяно – путь к самой экзистенции (как вечно проблематичному отношению с бытием).[5, с. 69-79].

На наш взгляд, в данном контексте, *интенция* может становиться самостоятельной, сущностной характеристикой субъекта, поскольку ее наличие наделяет человека сознанием, мышлением, познавательной активностью и волевыми качествами, что вполне определенным образом характеризует человека как субъекта.

Человек проявляет разного рода интенции в своей жизни, например, по удовлетворению физиологических потребностей, что опять возвращает нас к биологической характеристике человека. Никто не станет отрицать необходимости данной интенции, однако она направлена на сохранение человека как биологического вида, человек активно поглощает пищу, чтобы не умереть с голоду, но точно так поступают и животные, тем не менее, их никто не называет интенцирующими субъектами. То есть интенция как характеристика субъекта должна быть уточнена, конкретизирована и не иметь биологической составляющей.

На наш взгляд, интенция как сущностная характеристика субъекта должна иметь социальную окраску. То есть это направленность человека на познание себя и мира, последнее, позволяет человеку как субъекту найти выход за пределы себя. Однако этот выход может соответствовать принятой в обществе норме, быть полезным обществу, быть конструктивным, а может иметь и совершенно противоположное значение.

В жизни человеку часто дают совет: «...молчи и сойдешь за умного», как все просто, не высказывай свои мысли вслух, и все вокруг станут считать тебя умнее, чем ты есть, а если никаких мыслей и нет, то ситуация упрощается многократно.

Идею, очевидно лежащую в основе мотивации следования такому совету, Г. В. Ф. Гегель обозначил весьма изящно. «Подчас плоскому человеку, — написал он, — который мало себя проявляет вовне и лишь изредка дает возможность полуразгадать свои поступки, удается создать мнение, что он мудр и обладает глубокой внутренней жизнью. Окружающие могут полагать, что в этом сердце и уме скрывается нечто чудесное, между тем как, в конце концов, оказывается, что за этим ничего нет» [6, с. 292-293].

Итак, нам необходима третья сущностная характеристика субъекта – это переход от интенции как некоего первоначального акта к непосредственно практической деятельности. В определениях разных авторов это либо понимание субъекта как носителя предметно-практической деятельности, либо активность человека, направленная на преобразование действительности [4].

Для того, чтобы говорить о человеке как о субъекте, мало просто родиться человеком, мало обладать такой характеристикой, как интенция, необходимо еще реализовывать на практике результат своей интенции. То есть обязательным условием (сущностной характеристикой) является *практическая деятельность* человека.

Однако опять возникает вопрос о характере этой деятельности. Как и в предыдущих случаях, на наш взгляд, необходимо особо подчеркнуть, что эта деятельность должна быть социально одобряемой. Ведь, не смотря на то, что интенция человека имеет социально-положительную окраску, реализация этой интенции на практике не всегда является таковой. Не всегда, имея благородные цели и направленность сознания, человек выбирает такие же способы их достижения и реализации.

Революционеры, имея целью счастье всего человечества или народа, реализуют на практике свою цель через кровопролитие и смерть отдельных людей, которые являются частью все того же народа или человечества. Отец семейства, заботясь о благополучии своей семьи, ворует, грабит или убивает, а наркоман или алкоголик, получая удовольствие, на деле убивает себя. Иначе говоря, не всегда реализация интенции на практике характеризует субъекта положительно (как вариант – не подлинный субъект).

Таким образом, говоря о практической реализации субъектом своей интенции, мы, имеем в виду его социально одобряемую, положительную деятельность. Это, конечно, может быть деятельность простого обывателя, идущего по жизни по проторенной дорожке, а может быть деятельность творца этой жизни, того, кого называют подлинным субъектом.

Исходя из выделенных сущностных характеристик, таких как *интенция* (интенциональность) и *практическая деятельность* человека, попытаемся определить понятие «субъект». *Субъект – это человек, интенцирующий и реализующий свою интенцию на практике.*

Реализация интенции способами, не соответствующими нормам и правилам общества, либо отсутствие творческого начала в ее практической реализации позволяют говорить о не подлинности субъекта. Выход субъекта за пределы себя, творческая реализация интенции являются характеристиками подлинности субъекта.

Библиографический список

1. Философский энциклопедический словарь. 2-е изд.- М.: Сов. Энциклопедия, 1989. – 815 с.
2. Всемирная энциклопедия: Философия главн. научн. ред. и сост. А.А.Грицанов. М.: АСТ, Мн.:Харвест, Современный литератор, 2001. – 1312 с.
3. Словарь философских терминов. / Под. науч. ред. проф. Кузнецова В.Г. Изд-во: Инфра-М. Серия: Библиотека словарей "Инфра-М" 2007. – 731 с.
4. Лекторский, В. А., Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии, М.: Высшая школа, 1965. – 118 с.
5. Гагарин, А.С., Проблема интенциональности в философской антропологии Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Выпуск 8. Екатеринбург – 2008. – 512 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Лекции по эстетике // Гегель Г. В. Ф. Эстетика: В 4 т. – М.: Изд-во «Искусство», 1969. Т. 2. – 326 с.

N. V. Fedorova
Omsk state pedagogical university

CONCEPT OF THE "SUBJECT" AS PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL PROBLEM

Consistently considering the standard definitions of the concept "subject" in philosophy an attempt of allocation intrinsic characteristics of this phenomenon. In opinion of author these are activity of the person, his cognitive activity, strong-willed and conscious acts, and also practical activities. Their subsequent critical analysis and interpretation through examples of classical literature and the modern world of the human. Allocation of such intrinsic characteristics like a intension both practical activities of the person and specification definition of the concept "subject".

Key words: subject, human, activity, intention (intentionality), cognitive activity, practical activity.

References

1. Filosofskiy enciklopedicheskiy slovar [Philosophical encyclopedic dictionary]. – М.: Sovetskaya enciklopediya, 1989. – j 815 с.
2. Vsemirnaya enciklopediya: Filosofiya. Glav. nach. red. i sostavitel A.A. Gricanov [World encyclopedia: philosophy] – М.: AST. – 2001 – 1312 p.
3. Slovar' filosofskih terminov. Pod nach. red. Kuznetsov V. G. [Dictionary of philosophical terms]. Moscow, Infra-m, 2007, 731 p.
4. Lektorskiy V.A. Problema subjekta i objekta v klassicheskoy i sovremennoy burguaznoy filosofii [Problem of the subject and object in classical and modern bourgeois philosophy] – М.: Vischaya shkola, 1965. – 118 p.

5. Gagarin A.S. Problema intencionalnosti v filozofskoy antropologii [Intentionality problem in philosophical anthropology] / Scientific year-book of Institute of philosophy and right of the Ural branch of RAS, v. 8. Ekaterinburg – 2008. – 512 p.

6. Gegel G.V. Lekcii po estetike [Lectures on an esthetics]— М.: «Iskusstvo», 1969. – 326 p.

Автор статьи – **Наталья Владимировна Федорова**, кандидат психологических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет, e-mail: tashafed@mail.ru

Рецензенты:

С.Ф. Денисов, доктор философских наук, профессор, Омский государственный педагогический университет;

Л.К. Нефедова, доктор философских наук, профессор, Омский государственный педагогический университет.

УДК 130.2 : 81'371

Л. В. Чеснокова

Омский государственный педагогический университет

КОНЦЕПТЫ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО СТРАХА И ТОСКИ В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРАХ: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

В статье рассматриваются концепты экзистенциального страха (Angst) и тоски, входящие в число основных концептов немецкой и русской культур. Указываются основные черты их сходства: происхождение от физиологического ощущения тесноты, наличие семантически сниженного синонима (эмпирический страх (Furcht), скука), беспричинность, амбивалентность, связь со временем и смертью, лакунарность для других языков и культур. Различия между ними заключаются в том, что тоска связана с феноменом пространства, а экзистенциальный страх – со временем, смертной природой человека. Страх в большей степени принадлежит немецкой культуре, что проявилось в глубокой проработке этой темы немецкой философией, а тоска является одним из основных концептов русской культуры, найдя свое отражение в многочисленных произведениях русской литературы.

Ключевые слова: концепт культуры; экзистенциальный страх (Angst); тоска; эмпирический страх (Furcht); скука; немецкая культура; русская культура.

Будучи общечеловеческим феноменом, культура всегда реализуется в национально-этнических формах. Свое выражение культура получает через национальный язык, который является отражением народного сознания и хранилищем культурной памяти.

Наиболее отчетливо дух языка отражается в концептах – словах, несущих в себе опыт предшествующих поколений. Система концептов оказывает огромное влияние на восприятие мира человеком, позволяя упорядочивать и интерпретировать получаемую информацию.

Совокупность важнейших понятий, из которых складывается мировоззрение народа, составляет национальную концептосферу. Анализ национальных концептов, осуществляемый с помощью современных гуманитарных наук, позволяет получить информацию о неповторимых чертах каждого народа, его историческом опыте, идеалах и ценностях.

Термин «концепт» – один из наиболее распространенных и актуальных на данный момент в гуманитарных науках. В последнее время он начинает использоваться и в философии, так как позволяет по-новому проанализировать некоторые аспекты культуры как воплощения смыслов.

Каждому народу присущ свой «набор» концептов. Так, для русской культуры исследователями неоднократно назывались такие слова, как «душа», «судьба», «тоска», «воля», «судаль», «простор», «вера», «истина». К концептам немецкой культуры могут быть причислены «порядок», «экзистенциальный страх», «глубина», «родной дом», «безопасность».

По мнению Анны Вежбицкой, критериями для вхождения в состав основных культурных концептов являются: высокочастотность, наличие множества синонимов, вхождение в состав устойчивых идиоматических конструкций, использование в повседневном речевом

мышлении носителей своего языка, а также трудности при переводе на иностранные языки [2, с. 36-37].

В качестве наиболее типичных, свойственных, соответственно, русской и немецкой культурам, исследователями неоднократно назывались феномены тоски и экзистенциального страха (Angst). Оба этих термина невозможно адекватно перевести на иностранные языки, так как они являются лакунами в других культурах. Как тоска, так и экзистенциальный страх лежат в основе множества значимых для обеих культур текстов. Они воспринимаются иностранными наблюдателями как свойства, наиболее присущие обеим культурам и неразрывно связанные с другими, значимыми для данных культур понятиями. Поэтому можно утверждать, что оба они принадлежат к числу наиболее важных культурных концептов. С этой точки зрения попытка их сравнения представляет особый интерес.

В первую очередь, обращает на себя внимание этимологическое сходство обоих концептов благодаря их связи с теснотой, нехваткой пространства. Само слово Angst (экзистенциальный страх) в немецком языке является заимствованием от латинского *angustia* (теснота, стеснение), что, в свою очередь, происходит от древнегреческого *anxi* (давить, пугать). Как отмечает М. Вандрушка, «никакой другой звук, кроме гуттурального *ng*, не смог бы так точно передать чувство тесноты, и нельзя придумать лучшего названия для воспаления гортани, чем «ангина» [12, с. 15].

Очевидна связь между физиологическим ощущением тесноты и словом Angst, что выражает корень *ng*. Теснота по-немецки – «Enge» – имеет тот же корень, что и слово «ангина» – воспаление гортани, вызывающее ощущение сдавленности, нехватки воздуха. Теснота вызывает страх, страх проявляется как ощущение тесноты.

Характерно, что этимология русского концепта тоски также группируется вокруг значений «стеснение», «давление». От этого «физического состояния и происходит обозначение чувства – горе, печаль, туга: Туга и тоска сыну Глебову (Слово о полку Игореве). Синоним тоски – туга – также означает в первом, физическом смысле «узость, стеснение, сдавливание», ср. тугой» [6, с. 896].

У обоих слов существует другой, более «приземленный», семантически сниженный синоним: Angst (метафизический страх) – Furcht (эмпирический страх), тоска – скука.

Разделение двух видов страха было введено еще Кьеркегором. Под метафизическим страхом понимается эмоция, которая возникает, когда источник страха невозможно локализовать, и у человека нет возможности преодолеть это чувство; это неопределенная, бессущностная, немотивированная эмоция. «Экзистенциальный» означает, что он содержится в человеческой экзистенции, в ее конечности и отчужденности.

Об эмпирическом страхе мы говорим тогда, когда возможно определить источник опасности: это всегда боязнь чего-то определенного. Русская «скука», так же, как и немецкий Furcht, вызвана конкретными, бытовыми причинами: бездействием, отсутствием занятия, вызывающего интерес. Напротив, каузатор тоски неясен, это более тяжелое, безысходное чувство.

В тоске человека охватывает ощущения равнодушия и пустоты. По Бердяеву, тоска направлена к высшему миру и сопровождается осознанием пустоты и ничтожности этого мира. Тоска обращена к трансцендентному и вместе с тем она означает бездну между трансцендентностью и субъектом, она возносит человека над обыденностью, открывает путь к подлинному бытию. Скука же есть «притяжение нижней бездны пустоты», чувство усредненного и обезличенного существования.

К числу наиболее характерных свойств как экзистенциального страха, так и тоски, относятся диффузность, аморфность, неопределенность. Им трудно подобрать определение («неясная», «невыразимая» тоска, «смутный», «безотчетный» страх). Причины переживания страха и тоски трудно объяснить, человеческое сознание не может истолковать их сущность.

Однако как в «живом», повседневном языке, так и в произведениях художественной литературы, как в немецком, так и русском языках не существует четкого разделения этих чувств.

Как экзистенциальный страх, так и тоска относятся к условиям человеческого существования. Страх является одной из самых могущественных, если не основной движущей силой поведения людей. Если эмпирический страх перед какой-то определенной угрозой свойственен и животным, то экзистенциальный страх и тоска – условия только человеческого существования. В чувствах страха и тоски находят свое отражение глубоко человеческие проблемы. По словам В. Каст, «существует мало тем, которые были бы так же продуктивны для анализа человеческой ситуации, как страх» [10, с. 9].

Именно поэтому как экзистенциальный страх, так и тоска, активно исследуются в философии экзистенциализма. Можно даже предположить, что экзистенциальная философия выросла из обращения к этим темам, когда, начиная с эпохи мировых войн, вера в разум как основополагающий жизненный принцип была утрачена. Мир стал чужим и угрожающим, а одиночество и бездомность человека в нем – темой философии.

Оба эти концепта характеризует связь со временем, которое, по Бердяеву, «есть неутоленность, смертоносность», и со смертью – страх смерти, «смертная тоска». Страх открывает перед экзистенцией ее последнюю возможность – смерть. Однако связь со временем и смертностью в большей степени связывается с концептом экзистенциального страха, так как время – это основной вектор немецкой культуры. Напротив, тоска ассоциируется с бескрайним простором, который, будучи уникальной особенностью России, как бы «упраздняет бег времени».

Страх и тоска связаны с отсутствием смысла, с пустотой «Ничто». Когда утрачивается уверенность в собственном существовании, человек испытывает страх и тоску. Страх и тоска открывают неумолимый факт нашего бытия-в-мире, в который мы брошены без защиты и помощи. «Все вещи и мы сами тонем в каком-то безразличии... Не остается ничего для опоры. Остается и захлестывает нас – среди ускользания сущего – только это «Ничто» [7, с. 20]. Стояние перед Ничто – это вырванность из привычных условий существования, из погружения в мир обыденности.

Человеку невозможно долго находиться в этом состоянии, испытывая экзистенциальный страх и тоску в чистом виде, поэтому он пытается избавиться от этих чувств путем «рассеивания» в обыденности. Невозможно терпеть экзистенциальный страх дольше короткого мига. Люди, которые испытали подобные мгновения, как, например, «мистики в своих видениях «ночи души» или Лютер в своем отчаянии перед дьявольскими искушениями, оставили нам описания этого непредставимого ужаса» [11, с. 44]. Это чувство обычно преодолевается тем, что экзистенциальный страх превращается в страх эмпирический, который может воплощаться в различных фобиях; тоска же предстает в облике скуки, от которой пытаются избавиться с помощью различных развлечений. Однако полностью избавиться от тоски и страха невозможно, поскольку они относятся к условиям человеческого существования.

С христианской точки зрения, оба они – и страх, и тоска – есть свидетельства падшей природы человека. Напоминая нам о Бытии, они в то же время могут таить в себе и серьезную духовную опасность. Эти концепты могут свидетельствовать об опасном отдалении души от Бога, нахождении на границе бытия и небытия.

Как страху, так и тоске присуща амбивалентность – они являются негативными эмоциями для человека, но говорят о существовании другого мира: в них происходит «разверзание бытия». Это одновременно страдание и прозрение; они открывают бытие, помогают пережить катарсис, являют собой путь к смыслу и к творчеству. Переживание страха и тоски – это болезненный процесс, в котором уничтожается все поверхностное, и человек оста-

ется один перед Ничто, однако лишь в этом состоянии и возможно обретение подлинной экзистенции.

Попытка убежать от страха или тоски может быть расценена как слабость. Напротив, для того, чтобы пройти это испытание, требуется огромное напряжение воли. Выдерживание тоски и страха становится высочайшим достижением, в котором раскрывается подлинность человеческого существования. Страх и тоска обретают свое экзистенциальное значение за счет того, что они выкликают человека из повседневности его существования к подлинности бытия. Они могут предвосхищать собой прорыв в иной мир, освобождение от обыденности с помощью духовных поисков или творчества.

Будучи неотъемлемыми чертами человеческого сознания, как страх, так и тоска имеют не просто личностно-психологические основания. Они также зависят от исторического и общественного сознания; на них влияет определенное социокультурное окружение. Эти эмоции преломляются не только через личностные особенности человека, но и через культуру, к которой он принадлежит. Несмотря на свою универсальность, эти концепты по-разному варьируются в каждой эпохе и в каждой культуре.

Оба этих чувства относятся к важнейшим концептам своих культур. Для немцев уверенность в будущем и защищенность представляют собой одну из наиболее важных психологических потребностей. Концепт *Angst* (экзистенциальный страх) очень сложно перевести на другие языки, «поскольку в нем содержится нечто от состояния депрессии, тревоги, незащищенности, неуверенности» [2, с. 601-602]. Страх – это то, что иностранные наблюдатели считают настолько немецким, что выражение «*german angst*» без перевода дается во многих языках.

Русская тоска также считается типично национальным концептом. Глубоко укорененный в национальном сознании, этот концепт рождает ассоциации, проникающие в литературу и искусство. Концепт тоски получает наиболее детальную проработку именно в русском языковом сознании. Наличие в русском языке такого емкого, выразительного слова для обозначения столь сложного понятия позволяет отнести его к важнейшим концептам русской культуры.

Будучи глубоко укорененными в национальном сознании, оба этих концепта отражаются в национальном фольклоре, литературе, искусстве и философии. Тема страха и тоски не теряет свою актуальность уже несколько веков.

Оба концепта непереводимы полностью на другие иностранные языки, то есть являются лакунами в других культурах. Слово *Angst* без перевода дается в некоторых языках (в частности, в английском). Переводчик Р. Чандлер предлагает ввести в английский язык слово *toska*, подобно тому, как в него вошло французское *ennui*. Одно из замечаний Чандлера о слове «*toska*» кажется особенно примечательным: «Иногда незнакомое слово в английском тексте передает ужас, который ощущается в оригинале, но может исчезнуть в переводе» [8, с. 251]. То есть особенностью русской тоски является ее связь со страхом.

Оба эти концепта нашли отражение в своих культурах. Если концепт экзистенциального страха получил глубокую проработку в немецкой философии, то концепт тоски присутствует во многих произведениях русской классической литературы, бывшей главной площадкой для обсуждения как общественно-политических, так и религиозно-нравственных проблем, и сыгравшей в истории русской культуры такую же роль, как немецкая философия в культуре Германии.

Как немецкий *Angst*, так и русская тоска связаны с другими важнейшими национальными концептами: тоска – воля – удаль – загул – простор в русской культуре, *Angst* (экзистенциальный страх) – *Ordnung* (порядок) – *Heim* (родной дом) – *Geborgenheit* (чувство безопасности, защищенности) – *Abgrund* (пропасть) – в немецкой культуре.

Хотя метафизический страх присутствует также и в русской культуре, а тоска – в немецкой, они не играют там такой важной роли, как в «своих» культурах. Для немецкой

культуры важнее Angst, для русской – тоска. Если немецкая культура отличается повышенным страхом перед хаосом, стремлением максимально упорядочить все сферы жизни и любовью к спонтанности, то русская культура намного терпимее относится к состоянию неопределенности. В ней даже выработались особые дискурсивные слова «авось» и «небось», в которых выражается беспечная надежда на то, что все обойдется. Как отмечает А. Д. Шмелев, «установка на беспечность, выраженная в слове «авось», вытекает из того соображения, что, поскольку всего все равно не предусмотреть, нет никакого смысла в том, чтобы пытаться как-то защититься от возможных неприятностей» [3, с. 445]. Метафизический страх в меньшей степени свойственен русскому сознанию, чем западному. Несмотря на многочисленные войны и бедствия, по России не прокатывались волны панического страха, как в Западной Европе.

Слова «экзистенциальный страх» и «тоска» непередаваемы полностью на иностранные языки и могут быть транслированы только описательными средствами. Русский концепт тоски, по сравнению с ее немецкими эквивалентами, «мыслится русским языковым сознанием более многочисленными образами и располагает значительно более широкой ассоциативной напряженностью» [5, с. 117]. Тем не менее, в немецкой культуре присутствуют свои национальные концепты, служащие для выражения этой эмоции (Sehnsucht, Schwermut, Weltschmerz), в которых преломляется немецкий исторический и культурный опыт. Точно так же на русский язык не переводимы все оттенки немецкого концепта Angst, но здесь существуют свои собственные слова, выражающие эту эмоцию с позиций русского национального менталитета и культурного опыта.

Тоска в большей степени связана с идеей пространства (его недостатком или избытком). Если немцы склонны обустривать свое личное пространство, организовывать его, строить «дамбу» от подступающего хаоса, «поскольку материя – единственно прочное для них в этом мире» [4], то русские склонны к бегству от мира, предпочитают уходить от тоски мира в различные формы эскапизма: загул, запой, странничество. Русским ландшафтам свойственна определенная неухоженность, неблагоустроенность. Может быть, у русских так много пространства, что они понимают, что его не хватит сил обустроить, поэтому они «бегут» от него.

Страх, напротив, в большей степени связан со временем – это всегда страх перед смертью. У русских же, в отличие от западноевропейцев, и в особенности немцев, слабое чувство времени. Если в России, в силу огромных размеров территории, существует диктат пространства, а время и ритмы истории должны преодолевать его сопротивление, то в более компактной Германии очень важно время и чувствуется история.

То, что огромность пространства оказала влияние на чувство времени русских, очевидно, – считает Феликс Ингольд. Монотонность необозримого ландшафта пробуждает «ощущение, что время остановилось, так как движение в этом пространстве ощущается как бег на месте, так что различия между днем и ночью и даже между временами года едва ли замечаются» [9, с. 38]. В этом находит отражение присущий русской культуре пространственно-временной релятивизм.

Таким образом, как страх, так и тоска являются присущими всем временам и народам эмоционально-мыслительными «конструктами», состоящими из множества признаков, образами, генетически запечатленными в нашей памяти.

В то же время, будучи национальными концептами для немецкой и русской культур, они детерминированы географическими и историческими условиями, особенностью национального менталитета своих народов и преломляются через их сознание, получая свои неповторимые оттенки значения.

Библиографический список

1. Бердяев, Н. А. Самопознание / Н. А. Бердяев. – Л.: Лениздат, 1991. – 397 с.

2. Вежицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
3. Зализняк, А. А., Левонтина, И. Б., Шмелев, А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
4. Каменкович, М. В. Возвращение немецкой меланхолии [Электронный ресурс] / М. В. Каменкович. – Режим доступа: <http://www.kreschatik.nm.ru/14/20.htm>
5. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
6. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Академический Проект 2004. – 992 с.
7. Хайдеггер, М. Время и бытие. Статьи и выступления / М. Хайдеггер. - М.: Республика, 1993. – 447 с.
8. Чандлер, Р. «Очуждать или осваивать»: по следам переводческого семинара / Р. Чандлер // Иностранная литература. – 2008. – № 6. – С. 246-251.
9. Ingold, F. P. Russische Wege. Geschichte – Kultur – Weltbild / F. P. Ingold. – München: Fink, 2007. – 569 S.
10. Kast, V. Vom Sinn der Angst / V. Kast. - Freiburg im Breisgau, 1996. – 224 S.
11. Tillich, P. Der Mut zum Sein / P. Tillich. – Stuttgart, 1969. – 139 S.
12. Wandruszka, M. Angst und Mut / M. Wandruszka. – Stuttgart, 1981. – 155 S.

L. W. Tchesnokova

Omsk State Pedagogical University

**CONCEPTS OF EXISTENTIAL FEAR (ANGST) AND YEARNING (TOSKA)
IN GERMAN AND RUSSIAN CULTURES: THE FEATURES OF LIKENESS
AND DISTINCTION**

The article considers the concepts of existential fear (Angst) and yearning (toska), which belongs to the most meaningful concepts of German and Russian culture. On points to the main features of likeness between this concepts: their origin from physiological feeling of narrowness, a presence of semantically lower synonym (empirical fright (Furcht), boredom (skuka)), their causeless, vagueness, ambivalence, their connection with time and death, their lacunarity in other languages and cultures. A distinction between this concepts lies in the fact that yearning (toska) is connected with a phenomenon of space; and existential fear (Angst) is related to the time and mortality of human nature. The concept of existential fear belongs to a greater degree to the German culture, what is manifested in a deep study of this issue in the German philosophy, and the yearning is one of the main concepts in the Russian culture, what is reflected in the Russian literature.

Key words: cultural concept; existential fear (Angst); yearning (toska), empirical fright; boredom (skuka), German culture; Russian culture.

References

1. Berdyaev N. A. *Samopoznanie* [Self-knowledge: monograph]. Leningrad, 1991, 397 p.
2. Wierzbicka A. *Ponimanie kultur cherez posredstvo kluchevykh slov* [Understanding of cultures through their keywords: monograph]. Moscow, 2001, 288 p.
3. Kamenkovich M. V. *Vozvrachchenie nemetskoy melanholii* [The return of German melancholy: monograph] URL: <http://www.kreschatik.nm.ru/14/20.htm>
4. Krasavskiy N. A. *Emotsionalnye kontsepty v nemetskoy i russkoy lingvokulturakh* [Emotional concepts in German and Russian linguistic cultures: monograph]. Volgograd, 2001, 495 p.
5. Stepanov Yu. S. *Konstanty: slovar' russkoy kultury* [Constants: dictionary of Russian culture: monograph]. Moscow, 1997, 992 p.
6. Heidegger M. *Vremya i bytie: statyi i vystupleniya* [Time and being: articles and speeches: monograph]. Moscow, 1993, 447 p.
7. Chandler R. To alienate or to master: in the wake of the translation workshop. *Inostrannaya literatura*, 2008, no 6, pp. 246-251.
8. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelyov A. D. *Klychevye idei russkoy kartiny mira* [The key ideas of Russian picture of the world]. Moscow, 2005, 544 p.
9. Ingold F. P. *Russische Wege. Geschichte – Kultur – Weltbild*. – München: Fink, 2007, 569 S.
10. Kast V. *Vom Sinn der Angst*. Freiburg im Breisgau, 1996, 224 S.
11. Tillich P. *Der Mut zum Sein*. Stuttgart, 1969, 139 S.
12. Wandruszka M. *Angst und Mut*. Stuttgart, 1981, 155 S.

Автор статьи – **Леся Владимировна Чеснокова**, аспирант, Омский государственный педагогический университет, e-mail: l.tchesnokova@mail.ru.

Рецензенты:

Л.М. Карпова, кандидат философских наук, доцент, Омский государственный педагогический университет;

Л.К. Нефедова, доктор философских наук, профессор, Омский государственный педагогический университет.

РАЗДЕЛ 2 ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PART 2 PHILOLOGICAL SCIENCES

УДК 82-1/29

Е.А. Акелькина

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Л. Н. МАРТЫНОВ – ПОЭТ МОДЕРНА

В статье поэт Л.Н. Мартынов впервые описан как автор культуры модерна. Он вспоминает в книге философской прозы «Воздушные фрегаты» многих забытых писателей и художников рубежа XIX–XX веков. Л.Н. Мартынов много пишет об искусстве, утверждает целостность личного опыта в масштабе вечности, показывает синтез художественных традиций, проза поэта интертекстуальна.

Ключевые слова: модерн, философская проза, искусство, синтез художественных традиций, интертекст.

Я РОДИЛСЯ В НАЧАЛЕ мая
И прекрасно я понимаю,
Что такое РАЗЛИВ ВЕСЕННИЙ:
Это - ВЕТЕР и ГРЕБНИ В ПЕНЕ,
Это – ВЫВЕРНУТЫЕ КОРЯГИ
И ЗАТОПЛЕННЫЕ ОВРАГИ.
В ночь, когда НАД СТЕРНЕЙ КОЛЮЧЕЙ
ПОДЫМАЮТСЯ сизые ТУЧИ,
Возвращеньем зимы угрожая,
Но и снег в середине мая –
Даже он, говорят, К УРОЖАЮ!»

(1930)

Леонид Николаевич Мартынов – русский поэт рубежа веков, деятель культуры русского модерна. И хотя он родился в год некалендарного начала прошлого двадцатого века (1905), как поэт и как деятель сибирской культуры Мартынов, несомненно, сформирован РУБЕЖОМ ВЕКОВ, что всегда прекрасно осознавал и о чем неоднократно писал в стихах и в прозе. В стихотворении «Я родился в начале мая...» (1930 г.), поставленном как эпиграф к этой статье, выделены обороты, поэтические метафоры, сопрягающие природно-

космические явления, энергию порыва, начала, зарождения нового внутри старого или вопреки ему и социальные катаклизмы эпохи катастроф, перемен, рубежей. Традиционный для русской поэзии начала века набор образов-метафор («разлив весенний», «ветер», «тучи», «возвращенье зимы, снег») вдруг обретает принципиально новое созидательное измерение («...говорят, к урожаю»).

Войдя в двадцатые годы в литературу как «футурист невольный», общаясь с молодыми художниками и поэтами авангардных направлений А. Сорокиным, В. Уфимцевым, Н. Мамонтовым, Б. Жезловым и другими (кубофутуризм, лучизм, конструктивизм, экспериментальная агитгруппа «Синяя блуза»), Леонид Мартынов с первых своих произведений обнаруживает универсализм поистине космического сознания, вполне в духе русского модерна, стремящегося к новому синтезу и созданию органического стиля эпохи перемен.

Общеизвестна мартыновская характеристика времени начала века в «Воздушных фрегатах»: «РУБЕЖ ДВУХ МИРОВ! Как ни тривиально звучит это выражение, но оно точнее всего определяет положение вещей. Я рос на бревенчато-кирпичной границе старого церковно-банного, кошмяно-юртового, пыльного, ковыльного старого мира и – железнодорожного, пароходного, пакгаузно-элеваторного, велосипедно-аэропланного и телефонно-пишущемашинного нового мира, отдавая решительное предпочтение последнему»¹. Омск начала прошлого века не был индустриальным гигантом, но был развивающимся, быстро растущим промышленным городом с десять лет тому назад пришедшей туда железной дорогой, именно железная дорога стала главным средством знакомства с новинками науки, техники и культуры. Омск счастливо сохранил гармоническую связь с первой природой и искренний восторг созидания второй природы – городской среды. Это равновесие да сибирская основательность характера Л.Н. Мартынова сделали его типичным культурным деятелем первой четверти двадцатого века, сформированным разнообразными влияниями русского и европейского модерна. Леонид Мартынов, надо отдать ему должное, никогда не отрекался от наследия рубежа веков, по мере творческого развития он все глубже и серьезнее осознавал роль модерна в своей судьбе и постоянно писал об этом и в стихах, и в прозе, и, конечно, в своих публицистических и журналистских произведениях. Параллельно этому шел и другой процесс: Л.Н. Мартынов пристально и сочувственно следил, как живет опыт модерна в литературе и искусстве двадцатого века, как возвращаются забытые имена в годы «оттепели». Сколько мог, способствовал этому возвращению своим творчеством.

Тема «Леонид Мартынов – поэт модерна» имеет множество аспектов: это и истоки творчества, культурный генезис поэта, и влияние современников, более или менее восприимчивых к художественным тенденциям рубежа веков, и, наконец, сознательное развитие главных культурных моделей русского модерна. Ведь и неповторимо мартыновский уникальный синтез традиционного и новаторского на основе приемов философского обобщения, рожденный глубоко пережитым опытом модерна, который к концу жизни поэта воспринимался как запоздалая архаика поэтической «школы Маяковского», говорят об органичности переработки великого наследия рубежа веков.

Напомню, что же было присуще русскому модерну как глубинной тенденции культуры переходного времени, оказавшейся необычайно актуальной для Л. Мартынова более, чем для многих его современников, ибо он постиг главное – динамичный, стремительно изменяющийся мир, увиденный через призму ВПЕЧАТЛЕНИЯ ЧАСТНОГО ЧЕЛОВЕКА, свобода которого растет по мере расширения его границ. Универсализм творчества Л. Мартынова рожден постижением живой ЦЕЛОСТНОСТИ мироздания с точки зрения ВЕЧНЫХ ЦЕННОСТЕЙ. На первом плане у поэта всегда нравственно-этические проблемы и темы судьбы культуры, творчества, искусства, причем разрабатываемые на основе философствования.

Рубеж веков, в отличие от середины девятнадцатого века, перевел стрелку с современного, сиюминутного, социального на вечное, нравственное, вневременное. Недаром последний посмертный сборник стихов Л.Н. Мартынова назван «У дверей вечности» (М., 2000).

Модерн часто называли стилем «искусственным», изобретенным, эклектически сочетающим взаимоисключающие приемы и тенденции. Главное в модерне – яркое переживание энергии жизни, ощущение витального порыва, напряжения, радости от самого процесса бытия. Все это в огромной мере генетически присуще творчеству Л.Мартынова, как и деятельный пафос самоизменения, переживание высокой ценности рубежного мига («мгновения»). Русский модерн имманентно футуристичен: новый мир творится преобразующей силой красоты, которая превращает физическое в духовное. Этот панэстетизм модерна, играющий знаками разных культур, постигающий их смысловую доминанту, органически присущ творчеству Леонида Мартынова. Художник-творец для него, как и для его великих предшественников культурных «сопластников» (символистов, кубистов, акмеистов, имажинистов, футуристов, и шире – декадентов), продолжает священный акт созидания мира, изменяя все посредством искусства.

Отсюда общие родовые принципы МОДЕРНА:

- примат ПОЗИТИВНОГО, масштабного, героического, утверждающего ДОБРО;
- создание национальной, а точнее даже, РЕГИОНАЛЬНО-КРАЕВОЙ МИФОЛОГИИ, в чем сказалась такая характерная черта модерна, как ПЕРЕФИРИЗАЦИЯ культуры;
- открыто ФИЛОСОФСКИЙ экспериментальный характер авторской позиции, что всегда ведет к актуализации ВЕЧНЫХ ценностей;
- изображение главных сил бытия через призму духовного мира ЛИЧНОСТИ в динамике;
- обращение к «забытым» потенциально ФИЛОСОФСКИМ ЖАНРАМ поэзии – притчи, диалога, новеллы, баллады, истории, повести, сказания в стихах и т.д.

Например, почти во всех поэмах или больших стихотворениях повествовательного характера есть указание на жанр, более того, есть и своеобразная рефлексия над жанром («Правдивая ИСТОРИЯ об Увенькае», «Рассказ о...», «Тобольский ЛЕТОПИСЕЦ», «Баллада о...», «Северная сказка», «Проза Есенина», «Дневники», «Проблема перевода», «Над философским словарем»). Это очевидная философичность всех форм в творчестве Л.Мартынова тоже связана с глубоко и органично пережитым опытом модерна. Почти все ведущие смысловые доминанты модерна (концепты) проходят через все творчество писателя: дом, река, душа места, праздник, мгновение, дети, книги, земля, начало начал (эры), проводы прошлого и т.д.

Экспериментально-рецептивный характер отношения к новым поэтическим течениям и школам точно обозначен Л.Н. Мартыновым в «Воздушных фрегатах»: «Футуристом я сделался, но несколько позже, и это было единственной в моей жизни принадлежностью к «измам», направлениям, школам. «В школах – место школьникам», – сказал я. Принадлежностью к футуризму я и отдал дань школам, чтоб, пережив это, отказаться от принадлежности к каким бы то ни было школам раз и навсегда.

И Маяковский привлекал меня вовсе не как футурист, а просто как художник слова, живописец и график слова, волшебник слова. С помощью Маяковского я понял, что такое поэзия вообще². Здесь же Л.Мартынов упомянет о великом русском поэте, не исчерпывающей сложность своего творчества принадлежностью к символизму: «Блока я называю своей второй, после Маяковского, любовью. Блок как бы приобщал меня к ощущению России, много прибавив к моему представлению о ней»³. Недаром автор «Воздушных фрегатов» очень рано постигнет, что современная поэзия дает возможность постижения мира через философское обобщение: «Я прочел стихи Маяковского «Я и Наполеон». Это было то, что мне нужно. ...В глубоком тылу, в Омске я приобщился к мировым событиям»⁴.

После четырех классов гимназии Л. Мартынов много рисовал, дружил с молодыми омскими художниками, названными им «Омскими озорниками», мечтал о путешествиях и, наконец, писал стихи, а также много читал обо всем этом авторов рубежа веков. В первую четверть XX века Леонид Мартынов жил этими культурными впечатлениями, неповторимым

опытом переживания ВРЕМЕНИ, преобразовывал его в свою поэтическую биографию, создавал на этой основе стихи и прозу. Спустя полвека пришло глубинное культурное осмысление и понимание своего и современников творческого развития. Сегодня очевидно, что не только Маяковский, Блок, Каменский, Бурлюк, Сорокин и другие известные писатели русского и сибирского модерна формировали культурно-творческое сознание автора «Воздушных фрегатов», но и воздух эпохи в целом: ее моды, иллюзии, обманы, увлечения, мечты – от актуальных именно для Сибири Достоевского, Врубеля, Бальмонта, Джека Лондона, Сологуба, Потанина до Брюсова, исторического беллетриста Льва Жданова, поэтессы Лидии Лесной, забытой книги С. Хинтона «Четвертое измерение» (может, отсюда и название поэтического сборника «Седьмое чувство»), «Чтеца-декламатора» (т.1У) с «Антологией современной поэзии», Киев, 1912.

Всю жизнь Л. Мартынов будет писать о своем переживании культуры русского модерна: в «Воздушных фрегатах» из пятидесяти четырех глав (новелл) более тридцати шести посвящены этой теме. Причем речь идет не только о воспоминаниях, Л. Мартынов через осмысление судьбы русского модерна постигает универсальные законы развития искусства, формирование ведущей философской культурной модели двадцатого века. Одна из центральных глав «Воздушных фрегатов» называется «Врубель – мой земляк»: в ней поэт пишет о поисках прообраза врубелевской сирени, почти всем темам художника Л. Мартынов находит аналог или творческий импульс в Омске. «Пожалуй, только «Пан» никак не смыкался с окружающей меня суровой азиатской явью: от Пана, его флейты и тусклого мутного серпика веяло на меня, наоборот, тем далеким Западом...»⁵. Почти десять стихотворений Л.Мартынова 1960-х – 1970-х годов содержат врубелевские мотивы, образы, аллюзии: «Абрамцево», «Пан», «Камин», «Скоморох», «Книги», «Классики», «Архивы», «Граница», «Дух творчества» и т.д. Порой самому поэту было бы трудно узнать в своих стихотворных строчках скрытую цитату или аллюзию из Врубеля:

«Есть на земле высокое искусство – БУДИТЬ в народе ДРЕМЛЮЩИЕ ЧУВСТВА»⁶

или

«Есть терем на земле Замоскворечья,
Там под медвяным серпиком на убыли
Сам древний Пан, мохнатый, козлоногий,
Из полутьмы мечтателям навстречу
Дудит в дуду о милом друге Врубеле»⁷.

Во всех стихах о реалиях культур прошлого (а их у Л. Мартынова множество) поэта интересует «СЛЕД» прошлого в настоящем, продолжающееся свечение, излучение гармонии целого мироздания, даруемое искусством и помогающее жить его современникам.

Знаковым для поэта является стихотворение «Камин»: это своего рода очень типичное для поэта философское раздумье о судьбе разных культур (барокко, рококо, петровская эпоха, Древняя Русь, врубелевский модерн).

Начинается стихотворение очень органичным для Л. Мартынова переводом конкретики «осени в Коломенском» в семантическое пространство постижения судеб и законов искусства, вечной жизни и востребованности временем произведений прошлых культурных эпох. Перед нами словно разворачивается процесс подведения итогов, своеобразного сбора плодов в культуре тысячелетия:

«... /завитушки барокко/...Мы на них поглядим, ни о чем объяснения не спросим.

Экспонат невредим, уцелеть удалось им.

Это так одиноко и так далеко.

...Женогрудые птицы из рухнувших в бездну миров...»

Драматизм разрушительного пафоса катастрофического двадцатого века, безжалостно рвущего связи с прошлым и уничтожающего органичность естественной преемственности в искусстве свежо и убедительно реализовался в этих строчках Л.Н.Мартынова. Однако само

свободное обращение поэта к знакам разных культур, умение ненапряженно и органично включать их в раздумья о современном искусстве, видеть их единую природу содержит уже преодоление враждебности «века-волкодава, кидающегося на плечи», по словам О.Э Мандельштама, и всегда угрожающего внутренней свободе и независимости художника.

То, что «завитки рококо, домик Петра, тень Рублева и Врубель впридачу» дают поэтический импульс для переживания красоты и раздумья о вечности и неотменимости творчества, становится победой поэта над энтропией: произведение искусства остается жить в веках, несмотря на невежество зрителей и забвение о заказчике.

« Ибо Врубелем сделан вот этот камин.

Это – частный заказ. Для врача...

...Нет врача. Нет больного. Осталась лишь правда живая.

Много див ты хранишь, подмосковная даль

снеговая,

На ЧЕРТУ ГОРИЗОНТА, конечно, нельзя наступить!»

Подобными далековатыми сближениями разнородных ассоциативных рядов поэт восстанавливает единое пространство культуры.

Итак, именно КУЛЬТУРА МОДЕРНА позволяет вернуться к нормальному бытию искусства, восстановить цельность личного переживания и воспоминания Л.Мартынова.

Примечания

¹Мартынов Л.Н.Собр. соч. в 3-х т., Т.3.Проза.- М., 1977, С. 23.

²Мартынов Л.Н. Собр. соч В 3-х т.,Т.3.Проза.- М.+1977,С.27.

³Там же, С.31-32.

⁴Там же, С.16.

⁵Мартынов Л.Н. Собр. соч. В 3-х т. Т.3 Проза. М.,1977, С. 154.

⁶Там же, Т. 1, 1977, С. 47.

⁷Мартынов Л.Н. Собр.соч. В 3-х т. Т.1.М.,1977, С. 451.

Библиографический список

1. Мартынов, Л.Н. Собр. соч.: в 3 т. – М.: Художественная литература, 1977.
2. Мартынов, Л.Н. Дар будущему: Стихи и воспоминания / сост. Г.А. Сухова-Мартынова, Л.В. Сухова. – М.: Вече, 2008. – 672 с.
3. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
4. Гулыга, А.В. Искусство в век науки. – М.: Наука, 1978. – 86 с.
5. Эпштейн, М.Н. Все эссе: в 2 т. Т. 1: В России. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 544 с.
6. Сарабьянов, Д.В. Стиль модерн. Истоки, история, проблемы. – М.: Искусство, 1989. – 294 с.
7. Муравьева, И.А. Век модерн. Панорама столичной жизни. Т. I. – СПб., 2001. – 272 с.
8. Полевой, В.М. Искусство XX века. – М., 1991. – 303 с.
9. Акелькина, Е.А. Ф.М. Достоевский и философичность русского модерн: учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов / Е.А. Акелькина. – Омск: Изд-во НОУ ВПО ОмГА, 2012. – 52 с.
10. Местрергази, Е.Г. Литература нон-фикшн / non-fiction: Экспериментальная энциклопедия. Русская версия. – М.: Совпадение, 2007. – 327 с.

Е.А. Akel'kina

Omsk F. M. Dostoevsky State University

L. N. MARTYNOV – A POET OF MODERN.

The article describes the poet L. N. Martynov as the author of the culture of modernity for the first time. In the book of philosophical prose “Air frigates” Martynov recalls many of the neglected writers and artists of the turn of XIX the century. The poet writes a lot about art, maintains the integrity of personal experience in the scale of eternity, shows the synthesis of artistic traditions, the poet’s prose is intertextual.

Key words: Modern, philosophical prose, art, synthesis of artistic traditions, intertextuality.

References

1. Martynov L.N. Collected works. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1977.
2. Martynov L.N. *Dar budushchemu: Stikhi i vospominaniya* [Gift to the future: Poetry and memoirs]. Moscow, Veche, 2008. 672 p.
3. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Art]. 2nd ed. Moscow, Iskusstvo, 1986. 445 p.
4. Gulyga A.V. *Iskusstvo v vek nauki* [Art in the age of science]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 86 p.
5. Epstein M.N. *Allessays*. Vol. 1: In Russia. Ekaterinburg, U-Faktoriya, 2005. 544 p.
6. Sarabyanov, D. V. *Stil' modern. Istoki, istoriya, problemy* [Modernist style. The origins, history and problems]. Moscow, Iskusstvo, 1989. 294 p.
7. Murav'eva, I.A. *Vek moderna. Panorama stolichnoy zhizni*. [Century of modernism. Panorama of city life]. Vol. I, St. Petersburg, 2001. 272 p.
8. Polevoy, V.M. *Iskusstvo XX veka* [The art of the twentieth century]. Moscow, 1991, 303 p.
9. Akel'kina, E.A. *F.M. Dostoevskiy i filosofichnost' russkogomoderna: uchebnoe posobie dlya studentov gumanitarnykh fakul'tetov* [F. M. Dostoevsky and the philosophy of Russian modernism: a manual for students of humanitarian faculties]. Omsk, OmGA publ., 2012, 52 p.
10. Mestregazi, E.G. *Literatura non-fikshn / non-fiction: Eksperimental'naya entsiklopediya. Russkaya versiya*. [Non-fiction literature: Experimental encyclopedia. The Russian version]. Moscow, Sovpadenie, 2007, 327 p.

Автор статьи – Елена Алексеевна Акелькина, доктор филологических наук, профессор, руководитель Омского регионального научно-исследовательского Центра изучения творчества Ф.М. Достоевского, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.

Рецензенты:

Е.В. Киричук, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского;

Э.И. Коптева, доктор филологических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет.

УДК 82-1/29

О.В. Барский
Омская гуманитарная академия

КОМПОЗИЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ ОБРАЗА «МОЛОДОЙ ГОРОЖАНКИ» В «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ» А.С. ПУШКИНА

В статье идет речь о некоторых композиционных особенностях романа в стихах «Евгений Онегин». Образ «молодой горожанки» в финале шестой главы выполняет особую функцию: он является средством сообщения произведению дополнительного тематического содержания. На первый план в статье выходит мотив женитьбы автора.

Ключевые слова: композиция, мотив, сюжетная линия, образ автора, смысловая организация, структурный параллелизм.

В финале шестой главы «Евгения Онегина» появляется странный эпизодический персонаж – «молодая горожанка». Ее образ увенчивает описание могилы Ленского, а ее мысли о дальнейшей судьбе его избранницы и других участников «деревенской» истории дают повод автору вернуться к прерванному лирическому отступлению. Возникает, однако, сомнение, что горожанка потребовалась ему только для этого перехода. В отличие от других эпизодических фигур, она затрагивает различные тематические области «Евгения Онегина», но каждый раз обнаруживаются противоречия, не позволяющие безоговорочно отнести горожанку ни к одной из них. Так, например, сразу бросается в глаза ее принадлежность двум основным местам действия романа – городу и деревне, однако мы не знаем, родом ли она из города и приезжает на время в деревню или переехала в город (допустим, в связи с замужеством) и иногда возвращается в родные края. Учитывая, что повествование в этом месте уже готовится перебираться в город, а автор в связи с новым этапом жизни и творчества перекочевывает

из «поэзии» в «прозу», «пограничность» данного образа приобретает особую значимость и побуждает проверить, не скрывается ли за его эпизодичностью какая-то важная структурная функция.

Прежде всего, постараемся воссоздать предметное значение данного эпизода: могила Ленского («памятник простой»), две сросшиеся сосны у ручья, сменяющие друг друга и все более детализируемые образы пахаря, жниц, пастуха, плетущего лапоты и поющего песнь волжских рыбаков, и, наконец, горожанка. С нею определенность кончается, и картина начинает двоиться. Одну неопределенность мы уже указали. Другая заключается в том, что к горожанке применяются глаголы несовершенного вида, что можно трактовать и как указание на регулярные действия человека, принадлежащего к некой социальной группе, подобные тем, которые совершают пахарь, жницы, пастух, и как единичное действие конкретного лица, совершаемое в настоящий момент повествования.

Ко второй трактовке подталкивает реакция автора на внутренний монолог горожанки.

Со временем отчет я вам
Подробно обо всем отдам [1, с. 135].

Мы вправе предположить, что автор обращается не столько к горожанке, сколько к ждущим продолжения истории читателям. Мысли горожанки, возможно, лишь напоминают ему об этом ожидании. Но все же перед нами форма ответа, актуализированная помещением его не в начале следующей, а в конце той же строфы, где звучат вопросы, что дает нам право рассматривать два эти стиха как адресованные именно героине. Эта новая неопределенность заставляет задуматься: в каком качестве выступает горожанка, к какому миру она относится – миру персонажей, миру читателей, миру автора?

Известные горожанке подробности «деревенской» истории дают материал для всех трех предположений: либо она узнала обо всем от обитателей здешних мест, либо из текста романа, либо непосредственно от автора.

Первому предположению способствует нахождение ее на месте трагедии. Но горожанка знает лишь о том, что произошло в деревне до похорон Ленского. Между тем, судя по готовности автора ответить на ее вопросы, миновало уже достаточно времени с тех пор. Да и сами вопросы подразумевают, что после известной горожанке части истории должны были произойти какие-то важные события, о которых она не осведомлена. Общение горожанки с местными жителями на эту тему, оказывается, таким образом, маловероятно.

Предположению, что источником информации послужило повествование, способствует обращение автора к героине как к читательнице: продолжение истории горожанка прочитает после лирического отступления, завершающего шестую главу. Этим может быть объяснено и чувство ответственности автора перед горожанкой, выражающееся в его готовности дать ей отчет. Такое предположение отчасти примиряет вторую трактовку времени действия (совершающееся в настоящий момент) с первой (совершающееся регулярно): под «горожанкой», возможно, имеются в виду любительницы совершать паломничество к месту действия известного произведения. Согласиться с тем, что горожанка – читательница предыдущих глав романа, мешает, однако, то, что она появляется в главе, которая еще не окончена и не опубликована. Вариант, что горожанка дочитала роман до гибели Ленского и, не окончив главы, бросилась к его могиле, тоже отпадает, так как она «провождает лето» в деревне, а не приехала сюда, повинувшись внезапному порыву.

Можно предположить, что горожанка находится в деревне в обществе автора или время от времени с ним встречается (если судить по ее одиноким прогулкам), что отсюда, из деревни, он и ведет свое повествование. Но с этим не согласуются мысленная форма вопросов и подчеркнута лирическая, уклоняющаяся от ответа речь автора: он пускается в длительное

рассуждение о самом себе, что едва ли бы сделал в устной беседе, будь вопросы повторены девушкой по окончании прогулки.

Горожанка, таким образом, не укреплена ни в одном предметном семантическом поле романа. Ее образ выглядит как художественная вольность автора или как сюжетный ход, вынужденный какими-то не известными нам обстоятельствами. Но поскольку автор – один из персонажей «Евгения Онегина», предмет изображения, непонятные решения не только подчеркивают его творческую субъективность, но и указывают на какую-то их мотивировку, важную для представления о данном персонаже [См.: 2, с. 196-202].

Ее помогают найти структурные соответствия данного эпизода с другими частями романа. Рассмотрим, прежде всего, ближайший контекст. Эпизод с горожанкой обрамлен лирическими отступлениями, в первом из которых автор рассматривает два возможных варианта судьбы Ленского, а во втором сетует о завершении своего «поэтического» периода жизни и начале «прозаического». Разделяя два этих отступления, эпизод с горожанкой делает не такой бросающейся в глаза ассоциацию между гибелью Ленского и увяданием юношеских мечтаний автора, создает своего рода буферную зону между темой Ленского и темой автора. Но в то же время этот эпизод определенным образом организует и семантически обогащает данную ассоциацию, помогает увидеть стоящий за ней особый тематический комплекс.

Прежде всего, благодаря этому эпизоду акцент переносится на личную жизнь автора. При отсутствии «буфера» мы склонны были бы полагать, что ход его мыслей вторит «деревенской» трагедии, вытекает из нее (подобным образом реагирует на события рассказчик в «Руслане и Людмиле»): автор сначала нарисовал в своем воображении возможные варианты судьбы Ленского, а потом представил, что будет происходить с ним самим, когда в его душе окончательно умрет поэт-романтик. Однако в образе горожанки, безразличии автора к ее оценке действующих лиц (о вызывающем ее негодовании Онегине он говорит: «я сердечно // Люблю героя моего» [1, с. 135]) и демонстративном прерывании изложения событий мы находим отчуждение лирического восприятия «деревенской» трагедии. Этим жестом и переходом к собственным чувствам и мыслям автор подчеркивает, что повествование находится в его власти, обусловлено его личными переживаниями, а не наоборот. Другими словами, личная жизнь автора актуализируется здесь как фактор, налагающий отпечаток на его восприятие излагаемых событий и характер их изложения.

У нас, таким образом, появляется новый угол зрения на три последних фрагмента шестой главы: в вариантах продолжения судьбы Ленского, образе горожанки и финальном лирическом отступлении мы можем увидеть отражение каких-то событий личной жизни автора. Мотив брака (второй вариант судьбы Ленского), мотив наступившей зрелости («прозаического» периода жизни) и мотив «подотчетности» подталкивают к мысли, что автор либо недавно женился, либо готовится совершить этот шаг. То есть прообразом горожанки, возможно, является его молодая супруга (или невеста). И действительно, сухой ответ автора напоминает скупые на внешние проявления этикетные отношения мужа и жены, несколько сковывающие внутреннюю свободу обоих. У горожанки эта скованность проявляется в принужденном осуждении Онегина, который явно вызывает ее любопытство. Недаром также высказанный ею интерес к судьбам участников «деревенской» истории выглядит как продолжение диалога, начатого размышлениями автора о будущей судьбе Ленского. Создается впечатление, что само включение горожанки в роман стало потаканием капризу молодой супруги (невесты) либо маленьким подарком ей. Но, допустив эту вольность, изобразив свою вторую половину романтической наездницей, автор на этом останавливается, не отводит ей места в фабуле, словно укрывая свою семейную жизнь от полного драматизма действия романа.

Впрочем, у этой скрытности может быть другая причина. За горожанкой проступает еще один прототип: романтическая мечтательница, любящая природу и поэзию, способная к глубоким переживаниям. Этот образ вкупе с окружающей его живописной атмосферой словно вырастает из поэтического мира самого Ленского. Не случайно в ее внутреннем монологе

мы встречаем его лексику («Красавиц модных модный враг» [1, с. 135] – «Я модный свет ваш ненавижу» [1, с. 51]). Романтическая горожанка – символ несостоявшейся славы юного поэта, о которой говорится в первой части лирического отступления, его потенциальная читательница и восторженная поклонница. В провинции Ленский не мог найти понимания: Ольга не читала его стихи, у Татьяны не было опыта городской жизни, необходимого, чтобы прочувствовать лежащий в их основе конфликт между «модным светом» и романтической душой. Чувствительная горожанка, любящая природу и патриархальную обстановку (или деревенская жительница, переехавшая в город, но иногда возвращающаяся в родные места), была бы для него идеальным вариантом. Не исключено, что этими качествами наделена молодая супруга автора, но с его супружеским отношением к горожанке здесь не согласуется ее акцентированная уединенность. Любуясь молодостью, красотой, нарядом, чувствительностью своей героини, автор подчеркивает ее независимость от светского общества и ее богатую внутреннюю жизнь. Лишь в последний момент в словах горожанки ему слышатся супружеские нотки: вопрос, обращенный не к себе самой, а к лицу, ответственному перед ней за информацию по данному вопросу.

Можно сказать, что, уклонившись от отчета перед горожанкой-супругой, автор отдает отчет романтической горожанке. Основная тема этого отчета – душевный перелом, мотивированный наступлением зрелости. Есть, однако, основания для предположения, что причина перелома иная, что это – вызванные недавней или скорой женитьбой воспоминания о прежней трагической любви, которая, возможно, и подразумевается в строках:

Ужель и впрям, и в самом деле,
 Без элегических затей
 Весна моих промчалась дней
 (Что я шутя твердил доселе)? [1, с. 136]

К мысли о двух прообразах горожанки подталкивают и «две подруги», замещающие горожанку в начале следующей главы, где вновь изображается могила Ленского и используется аналогичный комплекс мотивов: камень гробовой, две сосны, ручеек, пастух, женские слезы. Мы без труда узнаем в «подругах» Ольгу и Татьяну. Однако автор все же не называет их сестрами, умалчивает имена, и, возможно, именно потому, что хочет придать ситуации двусмысленность, оставить лазейку для своих личных ассоциаций. Любопытна временная соотнесенность двух этих похожих картин. Как заметил В. А. Кошелев, не очень понятно, когда «подруги» посещали могилу Ленского, убитого в начале 1821 года: «Зимой что ли "плакали"? Ведь уже к весне одна из этих "подруг", бывшая невестой покойного, успела уехать с неким "уланом". А другая "подруга", Татьяна, за эти же несколько месяцев успела отказать трем женихам!» [3, с. 131]. Это противоречие, объясняемое исследователем несовпадением в пушкинском романе «линейного» времени с «календарным» временем, подразумевающим цикличность и соответствие времен года этапам развития сюжета и состояниям героев, дает повод для расподобления сестер Лариных и «двух подруг». Мы снова находим основания для предположения, что «подруги», как и горожанка, посещали могилу летом. Обратим также внимание на странный диалог между старшей Лариной и каким-то мужчиной, готовым одолжить ей денег на поездку в Москву. Этот неназванный персонаж обозначает находящийся вне поля зрения читателей мир, который прикладывает усилия для заключения браков между его обитателями и героями пушкинского романа. Недаром будущий муж Татьяны в этой главе (да и, в значительной степени, в следующей) выступает как инкогнито. Остается за пределами мира романа и супруга (невеста) автора. Наконец, седьмая глава, взятая в целом, обнаруживает параллелизм с тремя финальными эпизодами шестой главы, если рассматривать их в свете нашего возможного сюжета: в первой части седьмой главы центральная тема – смерть Ленского, во второй – летние прогулки Татьяны, в третьей – ее прибытие в

Москву и поиски жениха. События седьмой главы как будто вторят переживаемому автором катаклизму. В указании на сходство жизненных поворотов автора и Татьяны, возможно, и заключается цель данного параллелизма.

Мотив женитьбы автора объясняет и скупость его упоминаний о своей таинственной любви. Он словно не желает распространяться на эту тему при присутствующей здесь же, наблюдающей за повествованием супруге.

Эпизод с горожанкой обнаруживает также параллели со сном Татьяны. Общими здесь являются мотивы патриархальной жизни, ручейка, связанного с течением воды пения (поющий ручей – песня рыбарей), стремительного движения девушки, животной силы, способствующей этому движению (медведь – конь). Как и сон Татьяны, эпизод с горожанкой заканчивается мотивом смерти Ленского от руки Онегина. Присутствует во сне Татьяны и мотив вопрошания: проснувшись, она пытается разгадать смысл своего сна.

Также роднит оба эпизода отчужденность одного из главных персонажей от художественного мира романа (медведь – горожанка). Наконец, и медведь, и горожанка представляют тему рода: как медведь несет Татьяну к замужеству, так горожанка ввергает автора в «прозаическое» состояние супружества. Вместе с тем, интерпретационные механизмы, стоящие за этими образами, различны. Медведь проникает из сферы, находящейся за пределами индивидуального сознания и устанавливающей связи с ним посредством языка символов, который проецируется на различные тематические области романа, придавая им предельно обобщенное, архетипическое, значение. Горожанка же появляется из сферы индивидуально-авторского сознания, из комплекса сугубо личных представлений и способствуют смещению значений в сферу авторской субъективности.

Итак, можно сделать вывод, что неукорененность горожанки ни в одной тематической области связана с тем, что принципиальной чертой этого образа является переходность. Композиционная функция данного эпизода – обозначить связь между переходом места действия романа из деревни в город и каким-то переломом, совершающимся в судьбе автора. Структурные соответствия данного эпизода с другими частями «Евгения Онегина» дают основания полагать, что переломное событие – женитьба автора, обострившая в нем воспоминания о его прежней трагической любви. Можно сказать, что, ворвавшись в роман, горожанка на короткий момент вносит в него сумятицу и приоткрывает болезненный катаклизм, раскалывающий душу автора, но в то же время дает понять, что этот катаклизм является одним из главных структурообразующих факторов романа.

Библиографический список

1. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. / А.С. Пушкин. – М.: Воскресенье, 1995. – Т. 6. – 700 с.
2. Барский, О.В. Сюжетная линия автора в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2013. – № 1 (11). – С. 196–202.
3. Кошелев, В.А. «Онегина» воздушная громада...» – СПб.: Академический проект, 1999 – 286 с.

O.V. Barskij

Omsk Academy of the Humanities

COMPOSITION FUNCTION OF IMAGE "YOUNG TOWNSWOMEN" IN A. S. PUSHKIN'S "EUGENE ONEGIN"

The article deals with some compositional peculiarities of a novel in verse "Eugene Onegin". The image of a young townswoman in the finals of the sixth chapter perform a special function – it report about the additional thematic content. On the first plan in the article, it appears the motive of the marriage of the author.

Key words: composition, motive, plotline, the image of the narrator, semantic organization, structural parallelism.

References

1. Pushkin, A.S. Polnoesobraniesochineniy in 17 vol. Moscow, Voskresenie, 1995, Vol. 6, 700 p.
2. Barskij, O.V. The Plotline Of The Author In The A.S. Pushkin's Novel "Eugene Onegin" // The science of person: humanitarian researches, 2013, no. 1 (11), pp. 196-202.
3. Koshelev, V.A. «"Onegina" vozdushnajagromada...» – SPb.: Akademicheskijproekt, 1999 – 286 p.

© Барский О.В., 2014

Автор статьи – **Олег Вадимович Барский**, кандидат филологических наук, доцент, Омская гуманитарная академия.

Рецензенты:

С.В. Демченков, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского;

А.Э. Еремеев, доктор филологических наук, профессор, Омская гуманитарная академия.

УДК 82-12

А.Э. Еремеев

Омская гуманитарная академия,

«РОМАННАЯ ПОВЕСТЬ» КАК ЖАНРОВОЕ ЯВЛЕНИЕ В РУССКОЙ ПРОЗЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА («ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» М.Ю. ЛЕРМОНТОВА И «ЗАПИСКИ ОДНОГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА» А.И. ГЕРЦЕНА)

В статье рассматриваются проблемы жанра и стиля произведения М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Творческие поиски автора постигаются в контексте русской философской прозы, в особенности в связи с прозой А.И. Герцена. Жанровый синтез и философизация русской прозы 1830–40-х представлены как разные уровни общего историко-литературного процесса в отечественной традиции XIX в.

Ключевые слова: русская философская проза, биографический жанр, роман, повесть, психологизм, поэтика прозы.

Перед прозой 1820–1830-х гг. стояла одна из самых важных проблем – проблема создания психологического романа и повести: на этом этапе русская проза в современном понимании еще не имела в законченном виде подобных жанровых форм. Современники М.Ю. Лермонтова, как и он сам, находились в поисках и самого героя времени, и форм его отражения.

В это время А.И. Герцен замечает по поводу «Записок одного молодого человека»: «Моя повесть – это моя жизнь <...> тут будет все: философия, поэзия, жизнь...» [4, с. 109–110]. Еще в очерке «Гофман» молодой писатель приветствовал предпринятые юной Францией «анатомические разъятия души человеческой», благодаря которым раскрылись «все смердящие раны тела общественного, и романы сделались психологическими рассуждениями» [3, с. 70].

Лермонтов оставляет незаконченным «Вадима» и обращается к «Княгине Литовской», увидев новые психологические задачи, которые поставило время перед литературой. У него рождается замысел написать книгу об этом трагическом поколении, о «недуге», поразившем современных ему молодых людей. В процессе работы выкристаллизовывается замысел повести. «История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа» [8, с. 249], – замечает Лермонтов в Предисловии к «Журналу Печорина». Симптоматично, что в начале 1830-х гг. Герцен пишет статью «Развитие человечества, как и одного человека», где выражает мысль, что «... ум человеческий должен получить вознаграждение – должен явиться скептицизм, анализ» [3, с. 26].

«Герой нашего времени» – первое в русской прозе произведение, выросшее из цикла повестей («Бэла», «Фаталист», «Тамань», напечатанных в «Отечественных записках» с 1839 по 1840 гг.), где жанрообразующим центром служит история человека, его душевная и умственная жизнь, взятая изнутри, как процесс. Напряженное самосознание, предельно острая постановка вопроса о человеке были присущи как Лермонтову, так и Герцену. Л.Я. Гинзбург отмечала, что «автобиографический герой раннего Герцена так близок к лермонтовскому лирическому герою первой половины 30-х годов» [5, с. 109]. Оба автора сходились как в трактовке героя, так и в определении жанровых задач. Если Лермонтов создает своего героя-эгоцентриста еще в оболочке «демонизма», то Герцен стремится изобразить своеобразие характера, мышления героя, теоретически объяснить его сущность в историческом и социальном контекстах, уловить отношение мысли к жизни, познать характер современника, его идейную судьбу.

Название «Герой Нашего Времени» обозначено Лермонтовым в Предисловии с большой буквы, что говорит о равнозначности, равноакцентности этих трех понятий. Характерно, что Лермонтов первоначально озаглавил свой роман «Один из героев начала века». Предметом повествования у обоих писателей становится один из многих, личность, наделенная чертами героики, но превращающаяся в «антигероя». Лермонтов, как и Герцен, в своих произведениях начинает отходить от романтической традиции и переходит к осмыслению действительности с позиций «натуральной школы». Так, в «Тамани» Печорин, вольно или невольно «решающий» судьбы «честных контрабандистов», в своем дневнике, одновременно возвышая себя до образа Манфреда, заявляет о себе: «Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие и, как камень, едва сам не пошел ко дну!» [8, с. 260]. И далее следует авторефлексия, в которой он расстается с собственным романтическим, «надчеловеческим» «я», восклицая: «Да и какое мне дело до радостей и бедствий человеческих...!» [8, с. 260]. Затем появляется местоимение «мне», одновременно акцентирующее внимание на собственном «я» и развенчивающее, уничижающее это «я». Возникает самопроизвольное нивелирование значимости героя, он в своих глазах становится одним из многих, затерянных на дороге жизни. Так, Печорин произносит по поводу себя эпитафию, эпатируя самого себя: «Да и какое дело мне до радостей и бедствий человеческих, мне, странствующему офицеру, да еще с дорожной по казенной надобности!..» [8, с. 260].

Тем самым Лермонтов и Герцен делают предметом художественного анализа время и «одного» из тех, кого оно породило. Хотя один писал «историю души», другой – «отражение истории в человеке», – они сходились в одном: в создании подлинно эпического жанра – повести.

Название «Герой нашего времени», как и название «Записки одного молодого человека», синтезирует, сводит разные жанровые тенденции: стремление к углублению во внутренний мир героя в его специфически романном ракурсе и установку на охват самого процесса бытия через становление личности, обретающей свою историческую меру, характерную для повести. Заглавия в их обобщенно-неопределенном тоне даются с далекой панорамной дистанции автора-творца художественного целого, они явно не принадлежат самим героям и несут в себе ту необходимую меру отчужденности от конкретных событий и личностей, которая обеспечивает художественное единство и известную объективность авторского взгляда. Если говорить о временной установке названий, то они звучат предельно объективно, как бы завершая и отодвигая в прошлое раздумья молодых людей, предстающие в свете трезвого сегодняшнего знания автора-повествователя, позволившего себе обращение к этим векам вчерашнего духового развития, к которым он не причастен, они ему чужие, и интерес его носит объективированный характер.

Перед нами названия, в которых главным смысловым моментом является указание на характер субъекта высказывания (обозначено его родовое качество в общественно-историческом контексте эпохи, приобретавшее конкретное социальное и идеологическое со-

держание) и подчеркивание письменной формы подобного высказывания. Такие названия характеризуют не предмет, не героя, но бытийную ситуацию (ср. названия романного типа: «Евгений Онегин», «Анна Каренина», «Обломов») и субъект повествования, что чаще всего встречается применительно к повести, реже – очерку или рассказу (например, «Записки охотника», «Дневник лишнего человека», «Дневник студента», «Отцы и дети», «Война и мир»).

Уже в названиях «Герой нашего времени» и «Записки одного молодого человека» сделан акцент на характеристике основного субъекта повествования. Таким образом, проявляется жанровая доминанта повести, она настраивает читателя на определенный лад, подготавливая к восприятию последующего текста в ключе заголовка.

Лермонтов, как и Герцен, стремится к принципиальной незавершенности, фрагментарности, отрывочности. Здесь многое сознательно отдается читателю на домысливание. Форма фрагмента связана у обоих писателей с убеждением во всеобщей взаимосвязанности явлений и фактов бытия, в том, что «отрывочные» части целого героя и записок дают вдумчивому читателю представление о целостности мира, являются отражением истории в человеке.

При всем своеобразии и оригинальности произведений Лермонтова и Герцена они представляют собой типичную форму повести биографического характера, несмотря на то, что в них существуют и другие жанровые тенденции. Оба художника с редкой целеустремленностью и четкостью определяют угол зрения на события, овладение эпохой в том аспекте, который связан с такими способами изображения, что приводят их к построению жанра повести. Так или иначе для обоих писателей важна тема перехода от молодости к зрелости, то есть естественного процесса течения жизни, становления человека по мере соприкосновения с миром. Это вполне отвечает эстетическому заданию повести. Как справедливо замечает В. Кожин, «основное развитие художественного смысла повести совершается не в собственно сюжетном движении, а в развертывании, расширении многообразия мира по мере простого течения жизни во времени [выделено нами. - А. Е.]» [7, с. 225].

Лермонтов:

«... верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал назначения <...> утратил навеки пыл благородных стремлений» [8, с. 321].

Герцен:

«Жизнь раскрывалась перед нами торжественно, величественно; мы откровенно клялись пожертвовать наше существование во благо человечеству; чертили себе будущность несбыточную, без малейшей примеси самолюбия, личных видов. Светлые дни юношеских мечтаний и симпатии, они проводили меня далеко в жизнь... (Здесь опять недостает двух-трех страниц)» [3, с. 282].

Что же касается определения жанра «Героя нашего времени», то, скорее всего, это произведение было задумано как роман. Лермонтов усваивает достижения современной ему романистики, использует ряд традиционных ситуаций и мотивов, типичных для произведений этого жанра. Продолжая и развивая традиции мирового исторического романа, Лермонтов обращается, в частности, к творчеству И.-В. Гёте, В. Скотта, Б. Констана, А. де Мюссе, что проявляется даже во внешнем строении произведения. Внимателен он и к складывающейся в эти годы русской национальной прозаической традиции, особенно к той жанровой разновидности, которая представлена в произведениях В.Ф. Одоевского, Н.Ф. Павлова¹, В.А. Соллогуба, О.М. Сомова.

Несомненно, что «Герой нашего времени» связан с ранними формами эпоса, игравшими в творчестве Лермонтова центральную роль. Эта связь, по мысли Г. В.-Ф. Гегеля, прояв-

ляется прежде всего в более непосредственном, чем в романе, «воссоздании национальной общности и ее субстанциального единства» [2, с. 409].

В свое время А.И. Журавлева, размышляя о загадке жанра «Героя нашего времени», писала: «Он – не роман... какой же роман может так не заботиться о связном изложении хода событий и мало-мальски выдержанном жанровом единообразии отдельных эпизодов? По тем же причинам он не повесть...» [6, с. 128].

В современной теории классическая эпопея и роман воспринимаются как четко отделенные друг от друга и качественно различные этапы исторического развития в пределах эпического рода. В «Герое нашего времени» прорастают и поляризуются в своем синкретизме жанровые стихии и тенденции как романа, так повести. Это особенно видно в принципах организации повествования этого произведения. В классическом эпосе, по определению М.М. Бахтина, представлена «единая система языка и говорящего на этом языке индивида» [1, с. 23]. Классически-эпопейное повествование являет собой «простой» рассказ о событии и представляет это событие «объективно», то есть с одной и единственно возможной здесь точки зрения, перспективы. Этому принципиальному «одноголосию» противостоит многоголосие романного повествования, осложненное различными субъектными призмами рассказчиков и героев.

В «Герое нашего времени» различные субъективные планы: слово Печорина-героя и других действующих лиц переосмысливается и переоценивается в слове Печорина-рассказчика, над которым, в свою очередь, возвышается издатель. Они являются одновременно и нераздельными, и неслиянными в едином целом лермонтовского произведения. Разные повествовательные позиции – Печорин-герой, Печорин-рассказчик, Максим Максимыч и издатель – образуют полифонию произведения. В этом повествовательно едином и романно многоликом субъекте повествования представлено сочетание противоположных жанровых традиций в «Герое нашего времени». На этом жанровая сложность произведения отнюдь не исчерпывается, она также отягчена дневниковой формой, которая, в свою очередь, «продлевается» новеллистическими сюжетами, воссозданными в «Журнале Печорина» («Тамань», «Княжна Мери», «Фаталист»). Взаимопроникновение различных жанров оказывается необходимой формой художественного историзма «Героя нашего времени», с которым связан новый этап развития эпического рода. Скрепляющим началом этого многообразия является слово автора, прямо выраженное в обоих Предисловиях: «Теперь я должен несколько объяснить причины, побудившие меня предать публике сердечные тайны человека, которого я никогда не знал. Добро бы я был еще его другом <...>, но я видел его только раз в моей жизни на большой дороге...» [8, с. 248].

Авторская позиция гармонически объединяет в себе противоположности и создает такое художественное целое, в котором отражаются внутренние связи духовной жизни героя и сопряженного с ним миробытия. Следовательно, в уникальном жанровом начале «Героя нашего времени», которое можно обозначить как «романизованная повесть», эпически воссоздается Время в единстве присущих ему противоречий исторического бытия, его Героя и идеальной перспективы исторического развития.

Итак, «Герой нашего времени» и «Записки одного молодого человека» явились логическим продолжением философизации русской прозы, в которой организующим принципом является самосознающий и самопостигающий герой условно-биографического или автобиографического типа, благодаря которому рождается внеличностный общезначимый исторический масштаб изображения мира. И Лермонтов, и Герцен создают такие произведения, где в биографии личности выразилось бы все миробытие. Именно в этих произведениях биографический элемент, философская образность, риторическое начало образуют плоть художественного исследования жизни.

Проделанный сравнительный анализ дает право заключить, что в «Герое нашего времени» Лермонтова и «Записках одного молодого человека» Герцена прорастают и поляризуют-

ся те жанровые стихии и тенденции, которые получают дальнейшее развитие в прозе XIX–XX вв.

Примечания

¹Н.Ф. Павлова можно считать создателем жанра новеллы в русской литературе, хотя по традиции автор именуется своими произведениями «повестями».

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Слово в романе // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. Теория романа (1930-1961 гг.) / ред. тома: С. Г. Бочаров, В. В. Кожин. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 9–179.
2. Гегель, Г. В.-Ф. Лекции по эстетике: в 2 т. / ред. колл.: В. М. Камнев и др. Т. П. СПб.: Наука, 2001. 603 с.
3. Герцен, А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 572 с.
4. Герцен, А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 21. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 639 с.
5. Гинзбург, Л. Я. «Былое и думы» А. И. Герцена. Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. 372 с.
6. Журавлева, А. И. Повествование и повесть у Лермонтова // Журавлева А. И. Кое-что из былого и дум: О русской литературе XIX века. М.: МГУ, 2013. С. 123–129.
7. Кожин, В. Голос автора и голоса персонажей // Проблемы художественной формы социалистического реализма: в 2 т. М.: Наука, 1971. Т. 2. С. 195–235.
8. Лермонтов, М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Проза, письма / ред. Б. В. Томашевский. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 202–347.

A.E. Yermeyev
Omsk Academy of the Humanities

THE "NOVEL STORY" AS A GENRE PHENOMENON IN THE RUSSIAN PROSE OF THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY ("A HERO OF OUR TIME" BY M. Y. LERMONTOV AND "THE NOTES OF A YOUNG MAN" A. I. HERZEN)

The article deals with problems of genre and style of M. Y. Lermontov's work "A Hero of our Time". Creative research of an author is comprehended in the context of Russian philosophical prose, particularly in connection with the prose of A. I. Herzen. Genre synthesis and filosofization of Russian prose 1830-40 represented as different levels of general historical and literary process in the Patriotic tradition of the nineteenth century.

Key words: Russian philosophical prose, biographical genre, the novel, the story, the suspense, the poetics of prose

References

1. Bakhtin, M.M. "Word in the novel". *Collected Works: Volume 3. The Theory of the novel (1930-1961)*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. P. 9–179.
2. Hegel, G.W.-F. *Lectures on aesthetics*. S.-Peterburg, Nauka, 2001. 603 p.
3. Herzen, A.I. *Collected Works: Volume 1*. Moscow, ANUSSR Publ., 1954. 572p.
4. Herzen, A.I. *Collected Works: Volume 21*. Moscow, AN USSR Publ., 1961. 639 p.
5. Ginzburg, L.Ya. "Byloieidumy" A.I. Gertsena ["Past and thoughts" of A.I. Herzen]. Leningrad, State Publishing House of Literature, 1957. 372 p.
6. Zhuravleva, A.I. "Narrative and story in the poem". *Koe-cto iz bylogo i dum: O russkoy literature XIX veka*. Moscow, Moscow State University, 2013. P. 123–129.
7. Kozhinov, V. "Author's voice and the voices of the characters". *Problemy khudozhestvennoy formy sotsialisticheskogo realizma*. Moscow, Nauka Publ., 1971. P. 195-235.
8. Lermontov, M.Yu. "A Hero of our Time". *Collected Works: Volume 6. Proze, Letters*. Moscow-Leningrad, AN USSR Publ., 1957. P. 202–347.

Автор статьи – Александр Эммануилович Еремеев, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, журналистики и массовых коммуникаций, Омская гуманитарная академия.

Рецензенты:

Е.А. Акелькина, доктор филологических наук, профессор, директор Омского регионального центра изучения творчества Ф.М. Достоевского при Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского;

Е.В. Киричук, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.

ОСВЕЩЕНИЕ ПРЕССОЙ КРИЗИСА В УКРАИНЕ

Автор анализирует возможности ряда печатных изданий России и Украины выполнить миротворческую функцию при освещении событий, происшедших в Украине в 2013-2014 годах. В статье также отражена попытка определить вероятные действия, которые могли бы предпринять масс-медиа во избежание эскалации конкурентного взаимодействия.

Ключевые слова: масс-медиа, конкурентное взаимодействие, Украина.

Масс-медиа способны как провоцировать обострение политического конфликта, так и содействовать примирению сторон. Иногда содействие эскалации конкурентного взаимодействия представляется журналистам наиболее приемлемым для достижения целей, преследуемых средствами массовой информации или субъектами политики. Чьи же интересы преследовали украинские и российские печатные издания, освещавшие события, происшедшие в Украине в 2013-2014 годах? Чтобы ответить на этот вопрос, проанализируем материалы украинских газет «Корреспондент», «Украинская правда», «Факты и комментарии» и отечественных печатных изданий «Российская газета», «Аргументы и факты», «Коммерсант».

Первый этап в освещении «Корреспондентом» и другими украинскими печатными изданиями подготовки к возможному подписанию руководством страны соглашения об ассоциации с Европейским Союзом связан с дискуссиями, развернувшимися летом 2013 года. Альтернативным вариантом экономической ориентации Киева, который рассматривался параллельно с идеей евроинтеграции, было вступление в таможенный союз с Россией и Беларуссией, а в дальнейшем – в единое евразийское экономическое пространство. Печатные издания не скрывали, что и в том, и в другом случае представители органов власти Украины на переговорах объясняли партнерам: для обеспечения финансово-экономической устойчивости республики требуются крупные внешние кредиты. Впрочем, пресса отражала и мнения о том, что евроинтеграция – не панацея от всех бед, что органы власти Украины должны действовать в правовом поле. В выпуске газеты «Корреспондент» от 10 ноября 2013 года было опубликовано заявление премьер-министра Канады Стивена Харпера, который пояснил, что обеспокоен «антидемократическим давлением» украинской власти. По его словам, западные правительства *«пытаются выяснить, как мы можем не только направить правительство Украины к трансатлантической западной цели, но в то же время дать понять, что частью этого является ценность демократии и верховенства права»*.

Постепенно количество дискуссий, развернувшихся в печати, сокращалось, в осенние месяцы 2013 года украинские масс-медиа настойчиво пропагандировали именно идеи евроинтеграции. К середине ноября того же года вопрос о «пути к Европе», казалось, был решен окончательно и бесповоротно. Но были ли учтены мнения жителей регионов страны? В том же «Корреспонденте» 12 ноября 2013 года опубликован материал под названием «Украинцы предпочитают ЕС таможенному союзу – опрос GfK»: *«Социологическая компания GfK Ukraine провела опрос, результаты которого свидетельствуют о том, что около половины (45%) жителей Украины поддерживают подписание соглашения об ассоциации с Евросоюзом»*. Как видим, идею интеграции поддержали меньше половины опрошенных граждан. Вероятным в таком случае было бы отражение масс-медиа иных мнений в целях поиска взаимоприемлемых решений, содействия формированию доверия, убежденности сторон в возможности урегулирования возникшего спора.

Более того, снижение напряженности во взаимоотношениях сторон может произойти тем быстрее, чем чаще масс-медиа представляют именно альтернативные точки зрения экспертов, граждан по поводу конкурентных отношений в сфере политики, различные источни-

ки сообщений. Данный подход открывает возможность обеспечения аудитории полной, непредвзятой информацией о событиях и явлениях политической жизни. В результате этого субъекты конкурентного взаимодействия постепенно осознают, что другая сторона – не противник, а партнер, представляющий интересы части общества, его позиция заслуживает уважения и внимательного рассмотрения, часто происходит редукция социального напряжения [1, с. 144-145]. Создали ли условия для осмысления событий в таком ключе украинские и российские печатные издания?

На первый взгляд, украинские газеты выражали готовность рассмотреть различные варианты сотрудничества страны с другими государствами, уловить сигналы к примирению, свидетельствующие о готовности сторонников и противников евроинтеграции идти на некоторые уступки или начать сотрудничество и своевременно информировать о них аудиторию. Но в то же время пропагандистские публикации, как отмечено выше, уводили читателей в сторону от объективного анализа проблем, затушевывали отсутствие единства мнений граждан относительно интеграции с Европейским Союзом.

Между тем сигналы к примирению вероятны в тупиковой ситуации, когда обеим сторонам понятно, что победа над соперником невозможна, но у них не сложилось представление о том, какие действия разумнее предпринять, чтобы урегулировать спор. Каждому из субъектов трудно первым публично проявить готовность к компромиссу в условиях, когда между сторонами сохраняются напряженные отношения, а им хочется сохранить авторитет, избегая демонстрации слабости. Улавливая первые признаки, свидетельствующие о готовности субъектов к урегулированию и разрешению спора, и немедленно сообщая о них аудитории, журналисты могли оказать услугу обществу, нуждающемуся в обеспечении условий для устойчивого и стабильного развития [2, с. 119]. Однако в печати был отражен иной настрой.

Создается впечатление, что некоторые украинские газеты намеревались не искать путь к компромиссу, согласию, а нагнать страх на читателей. 11 ноября 2013 года в газете «Корреспондент» помещен материал под заголовком «УДАР предостерегает Януковича [В. Янукович – президент Украины в 2010-2014 годах. – Прим. авт.] от «обмана Кремля». *«Как только соглашение не будет подписано и ЕС охватит волна разочарования и раздражения Украиной и ее нынешним руководством, страна окажется в полной изоляции. И потеряет все шансы на доступ к поддержке со стороны международных финансовых учреждений в условиях, когда ситуация в финансово-экономической сфере стремительно ухудшается»*, – пишет печатное издание. В газете «Факты и комментарии» 12 ноября 2013 года вышла в свет статья «Янукович беспроигрышно убивает евроассоциацию»: *«Экс-премьер Юлия Тимошенко заявила, что открытие уголовного производства против ее защитника, бывшего народного депутата Сергея Власенко, ставит под удар возможное подписание соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС, и винит в этом президента Украины Виктора Януковича»*. После встреч Президента Российской Федерации В.В. Путина и В.Ф. Януковича, состоявшихся в октябре и ноябре 2013 года, в масс-медиа регулярно публикуются подобного рода материалы, видимо, сторонники евроинтеграции действительно опасались нежелательных последствий.

В последние месяцы 2013 года украинская пресса освещала подготовку к подписанию руководством страны соглашения об ассоциации с Европейским Союзом, отказавшись не только от дискуссий, но и от рассмотрения вариантов сотрудничества с Россией. Печатные издания преподносили информацию аудитории с определенным подтекстом, так что даже для тех жителей государства, которые не интересуются политикой или равнодушно относятся к евроинтеграции и таможенному союзу, ближе, похоже, становились отношения с ЕС, чем с Россией. Не явилось ли такое отношение к международному сотрудничеству отражением политического корпоративизма, который, как отмечал Р. Дарендорф, в любых формах ведет к догматизму [3, с. 234]? Конечно, журналисты вправе выражать свои мнения, но едва ли должны игнорировать позиции социальных групп. Для Украины важны взаимовыгодные

отношения как с Европейским Союзом, так и Россией, отвергать сотрудничество с кем-либо из партнеров было бы недалновидным. Не следовало ли привлечь внимание органов власти к использованию такой формы выявления мнений граждан, как референдум? Как сообщила газета «Коммерсант», в октябре 2013 года в столице Украины Киеве велся сбор подписей в поддержку идеи проведения референдума по поводу евроинтеграции, организаторы акции намеревались обратиться в Верховную раду с предложением принять закон «О всеукраинском референдуме». Но осуществить замысел не удалось. Может быть, это произошло отчасти и потому, что журналисты прохладно отнеслись к идее проведения референдума.

Начало второго этапа в освещении «Корреспондентом» и другими украинскими печатными изданиями происходящего в стране было ознаменовано решением, принятым 21 ноября 2013 года, за несколько дней до саммита «Восточного партнерства» в Вильнюсе, основным событием которого должно было стать подписание Украиной соглашения об ассоциации с Европейским Союзом. Правительство страны заявило о приостановлении подготовки к заключению договора. Распоряжение об этом было обнародовано тогдашним премьер-министром Украины Н.Я. Азаровым.

Украинские газеты незамедлительно опубликовали материалы, авторы которых обвиняли Кремль в «разрушении мечты украинцев». 21 ноября 2013 года газета «Корреспондент» вела речь о том, что «Российская Федерация «беспрецедентным давлением» на власти Украины вынудила ее отказаться от подписания соглашения об ассоциации с Европейским Союзом на саммите «Восточного партнерства» в Вильнюсе». В других публикациях, появившихся в том же номере, утверждается, что «Кремль выражал недовольство планами сближения соседки с Западом и грозил ужесточением режима торговли. В то же время Россия обещала Украине скидку на газ, если та предпочтет Европейскому Союзу – таможенный, с Беларусью и Казахстаном».

В ночь с 21 на 22 ноября 2013 года в Киеве начались массовые акции протеста в ответ на отказ руководства страны подписывать соглашение об ассоциации с Европейским Союзом. «Евроинтеграция: так хочется верить», «Виктор Янукович: убийство мечты», «Евромайдан: утро» – такие заголовки публикаций находим на страницах «Украинской правды». Акция, начавшаяся в Киеве, характеризовалась положительно и, как представляется, довольно объективно, но не без пропагандистского уклона. На первой полосе газеты «Факты и комментарии» 22 ноября 2013 года опубликовано сообщение о том, что на площади Независимости собрались около трех тысяч жителей города, поддерживающих подписание соглашения об ассоциации с Европейским Союзом. Печатное издание отразило мнения участников акции о том, что «евромарафон» станет эффективным лишь в том случае, если в организацию митинга будут внесены коррективы и украинцы в разных городах страны станут отстаивать свой выбор.

Если 22 ноября 2013 года в украинских печатных изданиях можно было обнаружить публикации с заголовками, отражавшими «скорбь по потерянной Европе», то «Российская газета», «Аргументы и факты», «Коммерсант» либо не освещали вышеуказанные события, либо «проливали свет» осторожно, не касаясь основных деталей. Видимо, эти газеты не хотели нарушить хрупкое равновесие, существовавшее в отношениях сторонников и противников евроинтеграции в Украине. И только 28 ноября 2013 года в «Российской газете» опубликован материал под заголовком «Майданофобия». Корреспондент этого печатного издания М. Макарычев рассказал, как оказался в центре событий, происходящих в столице Украины: «Как только я узнал о заявлении премьера Азарова не подписывать соглашение с Евросоюзом, моим первым желанием было взяться за вилы», – с ходу огорошивает корреспондента «РГ» таксист Виктор, везущий его из аэропорта Жуляны в самый центр старинного города.

Первое впечатление после рассказа Виктора: весь Киев и вся Украина пошли на площадь Независимости... Но так ли это на самом деле? Бросив вещи в гостинице, спешу на

Крещатик. И впечатление о вовлеченности всего города в события на площади Независимости постепенно улетучивается... Принцип здешних правоохранителей, которые работают на майдане: мы не трогаем первыми... Как бы не вышло боком, если начнется настоящая буза».

Иную позицию выразили украинские издания. В «Корреспонденте» 28 ноября 2013 года вышла в свет публикация под названием «Неизвестные сожгли автобус, обеспечивавший евромайдан»: *«Только что сожгли микроавтобус, принадлежащий члену Киевского городского комитета свободы... Этот автобус обеспечивал евромайдан. Режим звереет».* В «Украинской правде» в тот же день помещен материал «Декларация страха». *«Почему Короленко [М. Короленко – министр промышленной политики Украины в 2013-2014 гг. – Прим. авт.] решился написать о проблемах со сбытом в Россию за десять дней до саммита в Вильнюсе? – вопрошает издание. – Вот ключевой вопрос, который наводит на подозрения в том, что чиновник подыграл Кремлю. Равно как и премьер Азаров, который таки решился озвучить тезис о приостановке евроинтеграции».*

Постепенно масс-медиа создают условия для поляризации взаимодействия сторонников и противников евроинтеграции. 28 ноября 2013 года политолог Виктор Андрусив дает комментарий «Украинской правде»: *«По его словам, в четверг с 8:30 у Сбербанка собирают людей, которые с 9 до 13 часов этого дня будут ходить по майдану и собирать «контакты» всех протестующих. За это обещают заплатить 130 гривен в час. Другую группу собирают на пятницу, 29 ноября, «драться» с 17 часов. За это обещают 230 гривен в час. Собирают, по словам Андрусива, в целом 2 000 человек».* В «Российской газете» 29 ноября 2013 года также выходит в свет материал, в котором говорится о провокациях и «подкупе»: *«Для драки на площади Независимости в Киеве в пятницу (второй день проведения саммита в Литве) неизвестные люди нанимают парней за 230 гривен в час... В Киев съехалось много львовян. Говорят, что на майдан вышла почти вся закарпатская диаспора украинской столицы. К слову, ректоры некоторых вузов Ивано-Франковска заявили, что дни с 25 по 29 ноября будут зачислены студентам как пропуски по уважительным причинам. Иными словами, бастуйте и прогуливайте занятия, господа учащиеся».*

Таким противоречивым было освещение прессой политического кризиса, возникшего в Украине в 2013 году. В следующем же году масс-медиа публиковали не отдельные критические публикации, а по сути участвовали в информационной войне. В российских газетах деятельность президента России В.В. Путина, связанная с присоединением Крыма к России, была освещена в положительном ключе. Одновременно «Корреспондентом», «Фактами и комментариями» потеря этого полуострова Украиной оценена как проигрыш. Внимание ряда украинских журналистов, авторов публикаций, было сосредоточено на том, что если не взяться за оружие, то произойдет вторжение российских войск на территорию суверенного государства.

Могли ли масс-медиа способствовать смягчению отношений сторон? Возможности прессы воздействовать на управляющих – не преувеличение. Влиятельные масс-медиа могут привлечь внимание общества, органов власти к проблеме, взаимодействию. Однако если разрушается система взаимоотношений субъектов конкурентных взаимоотношений и становится невозможным конструктивный диалог, то возникает потребность в принятии мер, направленных на уменьшение напряженности. Участвовала ли пресса в их реализации?

В Киеве все более нарастала тревога, представляется, что пресса старалась посеять панические настроения. В «Корреспонденте», «Фактах и комментариях» была распространена информация о бомбоубежищах, помещены советы о том, как можно выжить при артиллерийском обстреле. С одной стороны, газеты тем самым проявили заботу об обеспечении безопасности граждан, с другой стороны, нагнетали напряженность, психоз. Корреспонденты печатных изданий часто писали о «пророссийской силе», пользовались словами «бандиты», «боевики» для характеристики противника.

Не с лучшей стороны показали себя и российские журналисты, не избежавшие наклеивания ярлыков, огульной критики украинского народа. «Российская газета» и ряд других печатных изданий использовали слова «бандеровцы», «фашисты», «каратели», «карательные войска» «неонацисты», называли украинское руководство «самопровозглашенными руководителями», «хунтой». Газета «Аргументы и факты» 5 мая 2014 года сообщила о том, что «нацистская гангрена не оставляет Украине шансов на выживание», 7 июля того же года – о «пропагандистском угаре киевской хунты». Резкие оценки, предложенные аудитории украинскими и российскими журналистами, отражали настрой на конфронтацию и не создавали основы для переговоров и достижения компромиссов, отдаляли сторонников и противников евроинтеграции от взаимопонимания.

В описании происходящего в Украине российскими газетами можно выделить три периода. В первом доминирующим был акцент на нелегитимности власти в стране (например, использовалось словосочетание «самопровозглашенный премьер»), журналисты достаточно часто употребляли слово «хунта». Во втором периоде, так сказать, переходном, популярной стала смесь из слов, нередко использовавшихся на первом и затем на третьем этапах. В третьем периоде акцент с критики власти (после избрания Петра Порошенко президентом страны в мае 2014 года) сместился на украинские войска, которые стали именовать «карательными». Российские газеты перешли к использованию нейтрального слова «ополченцы». В свою очередь украинские печатные издания стали именовать противников законной власти «сепаратистами» или «террористами». По мнению Л. Козера, подобные замещения связаны с определенными издержками – в социальной системе ослабевают стимулы к изменению [4, с. 67-70].

Примечательно, что при описании событий, начиная с майдана, масс-медиа не использовали слово «демократия» и производные от него, поскольку употребление их в оценке острых конкурентных взаимоотношений, похоже, потеряло смысл. В освещении кризиса страдала надежность распространяемой информации, обе стороны настаивали на собственной правоте.

Общим для российских и украинских газет стало использование пропагандистских приемов, рассчитанных на преобладание эмоционального компонента публикаций над рациональным. На наш взгляд, было бы разумнее, если бы пресса не возвеличивала и не развенчивала субъектов политического взаимодействия, а достоверно передавала смысл их действий, так как, например, сообщения о технологических тонкостях, деталях ослабляют внимание аудитории к эмоциональной стороне спора, содействуют зарождению доверия к партнеру [1, с. 146]. Украинские и российские газеты могли бы способствовать деполяризации, «переводу» отношений участников конкурентного взаимодействия в сферу, в которой у них имеется общий интерес. Данный подход был бы естественным, так как журналистика не способна устранить причины спора, но может привлечь внимание других социальных институтов к актуальным проблемам, благоприятствовать смягчению взаимоотношений сторон. Для этого может быть использована система разнообразных приемов, ориентированных на тех людей, которые принимают политические решения, рациональным было бы показать то, что объединяет стороны, привести примеры их конструктивного сотрудничества. Но эти приемы не использованы печатными изданиями.

Субъективное восприятие журналистами событий, происходивших в Украине, превалировало над объективностью. Не раскрыты в полной мере позиции конкурирующих сторон, не соблюден баланс в отражении их, приведены лишь отдельные фразы, свидетельствующие об иной точке зрения и подчас превратно интерпретирующие намерения субъектов политики. Редко были слышны голоса с той и другой стороны о возможности взаимодействия Украины и с Европейским Союзом, и с Россией. Масс-медиа не проявили миротворческие возможности для достижения сторонами компромиссов, а между тем материалы печатных изданий могли бы, надо полагать, отрезвляюще подействовать на многих людей, уберечь их от шап-

козакидательских настроений, проявления отрицательных эмоций в отношении другого народа.

По всей видимости, масс-медиа отразили интересы отдельных социальных групп, партий, но не настроения народных масс, не сумели привлечь внимание аудитории к возможности ведения переговоров, в которых участвовали бы различные политические силы Украины ради достижения взаимоприемлемых решений, согласия. Печатные издания стали в одних случаях регистраторами событий, в других способствовали формированию резко отрицательного отношения аудитории к одной из сторон спора, цитировали главным образом политиков, не пытаясь изучить и отразить позиции различных социальных групп, проживающих в этой стране. Тем самым руководители органов власти России и Украины, политических партий не получили от прессы как важнейшего источника информации объективные сведения о происходящем в Украине и не смогли своевременно осуществить действия, направленные на примирение сторон конкурентных взаимоотношений.

Библиографический список

1. Евдокимов, В.А. Политизация социального конфликта в СМИ. – Омск: Изд-во Омского гуманит. инс-та, 2006. – 184 с.
2. Евдокимов, В.А. Тенденция функционирования средств массовой информации в социально-политическом конфликте. – Омск: Изд-во Омского гуманит. инс-та, 2007. – 164 с.
3. Дарендорф, Р. Современный социальный конфликт. – М.: РОССПЭН, 2002. – 288 с.
4. Козер, Л. Функции социального конфликта. – М: Идея-пресс, 2000. – 205 с.

A. A. Kaluga

Omsk academy of the humanities

COVERAGE OF THE CRISIS IN THE UKRAINE

The author analyses the opportunities of mass media to be peacemakers under coverage of events in the Ukraine in 2013-2014 and makes an attempt to define eventual journalists' actions to avoid escalation of competitive interaction.

Key words: mass media, competitive interaction, the Ukraine.

References

1. Evdokimov, V. Politicization of social conflict in mass media. – Omsk: Omsk academy of the humanities press, 2006. – 184 p.
2. Evdokimov, V. Tendencies of functioning of mass media in social-political area. – Omsk: Omsk academy of the humanities press, 2007. – 164 p.
3. Darendorf, R. The modern social conflict. – Moscow: ROSSPEN, 2002. – 288 p.
4. Coser, L. The functions of social conflict. – Moscow: Idea-press, 2000. – 205 p.

Автор статьи – Антон Александрович Калюга, аспирант. Омская гуманитарная академия.

Рецензенты:

А.А. Секретов, кандидат исторических наук, руководитель пресс-центра Законодательного собрания;

О.В. Попова, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет.

ПРОБЛЕМА АВТОРА В ПРОИЗВЕДЕНИИ И.А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ "ПАЛЛАДА"»

Данная статья является попыткой изучения форм авторского присутствия в книге. Взаимоотношения автора с героем, автора с читателем, героя с читателем – это ключевые моменты, на которые необходимо обратить внимание, поскольку они помогают рассмотреть произведение И.А. Гончарова с разных позиций. Опираясь на методологию М.М.Бахтина, мы предполагаем, что Гончаров выступает как «активный творец», который формирует не только свой взгляд, но и взгляд читателя. Герой-рассказчик воплощает в себе больше типического, нежели индивидуального. Такой творец уже классифицируется как вторичный автор.

Ключевые слова: автор, читатель, категория «событие», повествователь, рассказчик.

Триада автор-герой-читатель не раз обращала на себя внимание критиков. Взаимоотношения автора с героем, автора с читателем, героя с читателем – это ключевые моменты, на которые необходимо обратить внимание, поскольку они помогают рассмотреть произведение И.А. Гончарова с разных позиций, организующих смысловое единство этого текста.

По мнению М.М. Бахтина, читатель приближается к пониманию произведения тогда, когда начинает рассматривать само произведение как событие. «Автор занимает ответственную позицию в событии бытия, имеет дело с моментами этого события, а потому и произведение его есть тоже момент события» [1,165]. В современной теории литературы категория «событие» трактуется по-разному, ее можно определить как многоаспектную. Во-первых, событие рассматривается как единица сюжета, нарративно-событийного плана. Событийность при этом понимается как специфический способ художественного воссоздания действительности в ее движении, развитии (действительность как процесс). Во-вторых, в теории Бахтина художественное событие трактуется как способ существования литературного произведения, как осуществление коммуникационного акта: автор – текст (в тексте актуализируется диалогическое взаимодействие автора и героя) – читатель. «Событие бытия», воплощенное на материале литературного произведения (язык) и претворенное через форму, Бахтин называет «эстетическим объектом».

В нашей работе категория события используется в обоих значениях. Читая «Фрегат "Паллада"», мы становимся участниками именно того события, которое предлагает нам писатель и которое включает в себя авторскую оценку, позицию, точку зрения, выраженную в организации повествования. Бахтин определяет литературное произведение как единство «события рассказа» и «события рассказывания». С первых страниц произведения Гончаров вводит нас в мир путешествующего человека, конкретно рисуя каждую деталь, описывая каждый момент жизни нашего героя: будь то воспоминание о сборах в путешествие, предощущение новых открытий или же страх перед неизведанным. И читатель невольно становится соучастником, входит в «со-бытие» повествования, оказывается невидимым собеседником. Постоянные обращения к читателю (хотя мы понимаем, что перед нами собрание писем, адресованных к определенным лицам), риторические вопросы, стирают грань между конкретным адресатом и читателем. В какой-то момент наступает погружение в мир произведения. Сделано это не случайно. Поскольку перед нами произведение переизданное и структурированное согласно логике и воле автора, то мы понимаем, что одной из задач писателя было не возвыситься над читателем, а погрузить его в мир текста, поставить на одну ступень с самим собой.

Говоря о проблеме автора в произведении, Бахтин отмечает: «Сознание героя, его чувство и желание мира – предметная эмоционально-волевая установка – со всех сторон, как

кольцом, охвачены завершающим сознанием автора о нем и его мире; самовысказывания героя охвачены и проникнуты высказываниями о герое автора» [1,14]. Таким образом, следуя этой логике, мы приходим к выводу, что Гончаров, с самого начала все зная о путешествии, намеренно изменял некоторые факты. Так, во вступлении «От Кронштадта до мыса Лизарда» мы читаем: «Во все время плавания я ни разу не почувствовал ни малейшей дурноты и возбуждал зависть даже в морях» [2,19]. Однако известный биограф-гончаровед А.Г. Цейтлин иначе отзывался о начале путешествия: «Путешествие сразу оказалось для Гончарова мучительным – он начал страдать невралгией, его нервировал постоянный шум и т. д. Измученный Гончаров возымел даже желание вернуться назад сухопутной дорогой, но, к счастью, скоро отменил свое намерение» [3, 119].

Кроме того, среди исследований творчества Гончарова особое место занимает труд «Путешествие вокруг света И. Обломова» Б.М. Энгельгардта, в котором особо подчеркивается несоответствие событий реального плавания и описывающихся в тексте. Правда, объясняет литературовед это особой художественной задачей текста, который: «уже в самом начале был задуман Гончаровым как продолжение романа “Обломов”» [4,17]. Таким образом, бесспорно одно: Гончаров преследовал свою цель, интерпретируя факты и события путешествия. Он создал особый образ рассказчика.

На наш взгляд, Гончаров выступает как «активный творец», который формирует не только свой взгляд, но и взгляд читателя. Перед нами произведение, которое ведется от первого лица, читатель может проследить присутствие автора в произведении, например, в начале: «Наконец 7 октября фрегат "Паллада" снялся с якоря. С этим началась для меня жизнь, в которой каждое движение, каждый шаг, каждое впечатление были не похожи ни на какие прежние... Я сидел в кают-компании...» [2, 19], повествование постоянно прерывается наблюдениями Гончарова-повествователя обращениями к собеседнику. Кроме того, стоит отметить, что обращения и тон повествования в тексте зависят от адресата. Письма к семье Майковых отличаются особым «лиризмом», стройностью слога, дневниковые записи (например, о Японии) – строгостью, логичностью, установкой на объективное повествование. «Позицию автора по отношению к изображенному миру мы всегда можем определить по тому, как изображена наружность, дает ли он цельный трансгredientный образ ее, насколько живы, существенны и упорны границы, насколько тесно герой вплетается в окружающий мир, насколько полно, искренне и эмоционально напряженно разрешение и завершение, насколько спокойно и пластично действие, насколько живы души героев (или это только дурные потуги духа своими силами обратить себя в душу). Только при соблюдении всех этих условий эстетический мир устойчив и довлеет себе, совпадает с самим собою в нашем активном художественном видении его» [1,166]. Таким образом, перед нами предстает особый герой. Как же его правильно классифицировать? Автор? Повествователь? Рассказчик? Представляется, что это связано с особенностями произведения, опирающегося на документальную основу. В данном произведении, образуемом на границах художественного / нехудожественного, вымышленного / невымышленного, нельзя говорить только о художественности и о вымышленном рассказчике, поскольку сам Гончаров ставит перед собой не только изобразительные задачи. В повествовании писатель выходит на общечеловеческий уровень, в связи с которым необходимо обратиться к понятию философской прозы, обоснованному в работах А.Э. Еремеева, Е.А. Акелькиной, Э.И. Коптевой [5, 6, 7]. Это понятие более удачно, поскольку позволяет соединить *индивидуальное и обобщенное (общечеловеческое)*, приводя к постижению человеческого опыта, формированию целостного взгляда на мир, что характерно для философско-художественных форм.

Обратимся к Бахтину, ученый предлагал вычленять три значения слова «автор»: «биографический автор – первичный автор – вторичный автор». Под термином «биографический автор» понимался исторически реальный писатель, наделенный конкретной биографией и «внеположенный» литературному произведению. «Первичный автор» (иначе «автор-

творец») – субъект эстетической активности. Он, становясь активным в форме и занимая позицию «вне содержания как познавательно-этической направленности», имеет возможность «извне оформлять, объединять и завершать событие» [8, 58]. Охватывая предметы и события реального мира, автор-творец превращает фрагмент жизни в материал художественного произведения, который затем реализуется в виде определенной формы, то есть, охватывая мир, автор-творец оформляет его. Литературный герой тоже становится предметом авторского «охвата» и оформления. Исходя из этого, Бахтин говорит об отношении «напряженной вне-находимости автора всем моментам героя, пространственной, временной, ценностной и смысловой вне-находимости, позволяющей собрать всего героя, собрать его жизнь и восполнить до целого теми моментами, которые ему самому недоступны» [1, 15]. Таким образом, Гончаров-творец создает перед нами свою концепцию плавания – то есть События, казалось бы, у героя есть имя, он наделен определенными чертами характера, он соответствует определенному положению в обществе (помощник-писарь), но на самом деле герой воплощает в себе больше типического, нежели индивидуального. И такой творец уже классифицируется по-другому. Это так называемый вторичный автор.

Под «вторичным автором» Бахтин предлагает понимать образ автора, созданный автором первичным. Первичный автор не может быть образом, поскольку ускользает от любого образного представления. Это субъект эстетической деятельности. Таким образом, в тексте Гончарова оказываются связанными все три автора: Реальный (биографический) – это сам Гончаров, Первичный автор – Я обитатель «своей покойной комнаты, которую оставлял только в случае крайней надобности и всегда с сожалением, перешел на зыбкое лоно морей» [2, 8].

Вторичный автор – или, по терминологии В. Шмида [9, 312], абстрактный автор – элемент художественного мира произведения. Иногда его называют «концептированным автором», имея в виду точку зрения автора как субъекта видения, эмоционально-оценочной деятельности. Концептированный автор присутствует на протяжении всего текста: воплощается при помощи «соотнесенности всех отрывков текста, образующих данное произведение, с субъектами речи – теми, кому приписан текст (формально-субъектная организация), и субъектами сознания – теми, чье сознание выражено в тексте (содержательно-субъектная организация)» [10, 120]. Такой автор предстает перед нами на протяжении всего текста, например, в главе о Японии: «Пустить или не пустить – легко сказать! Пустить – когда им было так тихо, покойно, хорошо – и спать, и есть. Не пустить... а как гости сами пойдут. Да так, что губернатор не успеет прислать и позволения?» – и далее: «Но что же делать им? И пустить нельзя, и не пустить мудрено» [11, 47]. Размышления автора или все же точка зрения героя-путешественника, от лица которого ведется повествование, или точка зрения японцев предстает перед нами в данном отрывке. Происходит *дистанцирование* рассказчика от события. На наш взгляд, это своеобразное совмещение точек зрения повествования, при котором читателю самому приходится отвечать на ряд поставленных вопросов, обобщать и формировать свою позицию, взгляды на происходящее. Проблема повествования тесно связана с жанровыми особенностями текста. Введение разных жанровых традиций, позволяет автору все время переключать «регистры» восприятия: от бытовой истории до мифа, от частного события до символа «путешествие» (духовный поиск человечества).

В тексте все оказывается соразмерно мысли писателя, мы сопереживаем пути героя, осмысливаем причины поведения, тех или иных поступков, формируем свою читательскую установку. За время долгого путешествия рассказчик внутренне меняется: накапливается опыт путешественника, наблюдателя, к тому же данный текст многократно редактировался в течение многих лет после путешествия (последняя редакция спустя двадцать лет), и на последних страницах текста перед нами предстает человек, переживший своего рассказчика. Подобная дистанция автора позволяет ему увидеть путешествие с позиции будущего. Проблема автора-героя-читателя нацеливает нас на раскрытие определенных взаимосвязей меж-

ду этими понятиями. Попытка данного анализа является лишь шагом к осмыслению проблемы повествования в целом.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин; сост. С. Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
2. Гончаров, И. А. Собрание сочинений: в 6 т. Том II / И. А. Гончаров; под ред. К.И. Тюнькина. – М.: Правда, 1972. – 352с.
3. Цейтлин, А. Г. И. А. Гончаров / А. Г. Цейтлин. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 491 с.
4. Энгельгардт, Б. М. «Путешествие вокруг света И. Обломова»: Главы из неизданной монографии / Б. М. Энгельгардт; вступ. ст. и публ. Т. И. Орнатской // И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. – М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. – С. 15–73.
5. Еремеев, А. Э. Русская философская проза (1820–1830) / А. Э. Еремеев. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989. – 192 с.
6. Коптева, Э. И. Истоки русской философской прозы в литературе конца XVIII – начала XIX вв.: монография / Э. И. Коптева. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2012. – 340 с.
7. Акелькина, Е. А. В поисках цельности духа, Бога и вечности. Пути развития русской философской прозы конца XIX века / Е. А. Акелькина. – Омск: ОГУ, 1998. – 222 с.
8. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин // Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
9. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с. – (Studia philologica).
10. Корман, Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы / Б. О. Корман; предисл. и составл. В. И. Чулкова. – Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1992. – 236 с.
11. Гончаров, И. А. Собр. соч.: в 6 т. Том III / И. А. Гончаров; под ред. К. И. Тюнькина. – М.: Правда, 1972. – 464 с.

V.V. Masson

Omsk State Pedagogical University

THE PROBLEM OF THE AUTHOR IN THE WORK OF I. A. GONCHAROV "FRIGATE "PALLADA""

This article is an attempt to study the forms of the author's presence in the book. The relationships between author and character, author and reader, character and reader are the key points that must be considered because of their importance in analysis of I. A. Goncharov's work. Based on the methodology of M. M. Bakhtin, we assume that Goncharov acts as an "active creator", which presents not only author's opinion, but also forms the opinion of the reader. The character-narrator embodies more typical than individual. Such creator is already classified as a secondary author.

Key words: author, reader, the category of event, storyteller, narrator.

References

1. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogotvorchestva* [The Aesthetics of Verbal Art]. Moscow, Iskusstvo, 1979. 424p.
2. Goncharov I.A. *Collected Works: Volume II*. Moscow, Pravda, 1972. 352 p.
3. Tseytlin A.G. *I.A. Goncharov*. Moscow, AN SSSR, 1950, 491 p.
4. Engel'gardt B. M. «*Puteshestvie vokrug sveta I. Oblomova*»: *Glavy iz neizdannoy monografii* ["Journey around the world of I. Oblomov": Chapters from an unpublished monograph]. Moscow, IMLI RAN; Nasledie, 2000. P. 15–73.
5. Eremeev A. E. *Russkaya filosofskaya proza (1820–1830)* [The Russian philosophical prose (1820–1830)]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1989. 192 p.
6. Kopteva E. I. *Istoki russkoy filosofskoy prozy v literature kontsa XVIII – nachala XIX vv.* Monograph [The origins of the Russian philosophical prose in the literature of the late XVIII - early XIX centuries]. Omsk, Omsk State Pedagogical University Publ., 2012. 340p.
7. Akel'kina E.A. *V poiskakhtsel'nostidukha, Bogaivechnosti. Putirazvitiyarusskoy filosofskoy prozy kontsa XIX veka* [In search of wholeness of spirit, God and eternity. Russian ways of philosophical prose development in the late nineteenth century]. Omsk: OGU, 1998. 222p.
8. Bakhtin M.M. "Questions of literature and aesthetics". *Issledovaniyaraznykh let*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1975. 504p.
9. Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki Slavyanskoy Kul'tury Publ., 2003. 312p.
10. Korman B.O. *Izbrannyetrudypoteoriiistorii literatury* [Selected papers on the theory and history of literature]. Izhevsk: Udmurtski University Publ., 1992. 236p.

11. Goncharov I.A. *Collected Works: Volume III*. Moscow, Pravda, 1972, 464 p.

Автор статьи – **Валентина Викторовна Массон**, аспирант, Омский государственный педагогический университет, e-mail: valentina_masson@mail.ru.

Рецензенты:

Е.А. Акелькина, доктор филологических наук, профессор, Центр изучения творчества Ф.М. Достоевского Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского;

С.А. Демченков, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.

82-6

А. С. Никитина

Омский государственный педагогический университет

ВЛИЯНИЕ АВТОРСКОЙ УСТАНОВКИ НА ФОРМИРОВАНИЕ СТИЛЯ «ВЫБРАННЫХ МЕСТ ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ»

В статье выявляются особенности воздействия авторской установки на стиль и проблематику «Выбранных мест из переписки с друзьями», анализируется специфика образов автора и повествователя, их роль в формировании стилистической неоднородности произведения Н. В. Гоголя.

Ключевые слова: авторская установка, стиль, биографический автор, повествователь, нравоучение, метафорический язык, философская проза

Творчество Н.В. Гоголя в настоящее время является предметом исследования не только литературоведов, но и становится поводом для размышления философов, публицистов, историков и культурологов. Особый интерес вызывают поздние произведения писателя, а именно: «Выбранные места из переписки с друзьями», «Авторская исповедь», «Размышления о Божественной литургии», связанные, по мнению многих современных исследователей, с философскими мировоззренческими установками самого автора.

Необходимо заметить, что названные произведения уже своим появлением вызвали немало споров среди современников писателя. Так, по поводу эстетического и философского своеобразия сборника «Выбранные места из переписки с друзьями» высказались в своих статьях и письмах С.Т. Аксаков, К.С. Аксаков, В.Г. Белинский, В.П. Боткин, П.А. Вяземский, А.И. Герцен, Т.Н. Грановский, В.А. Жуковский, П.А. Плетнев, А.О. Смирнова-Россет, И.С. Тургенев, Н.Г. Чернышевский и другие. Такое внимание к «духовному завещанию» писателя было обусловлено, на наш взгляд, несколькими причинами. С одной стороны, общественная мысль 1840-х годов, главным событием которой был идеологический спор западников и славянофилов, приняла книгу Гоголя как произведение публицистическое, призывающее считать Россию совершенно особенной страной с ее уникальным предназначением. С другой стороны, сборник стал поводом для обвинения ее автора в отсутствии таланта художника, в предательстве им принципов «натуральной школы» (В.Г. Белинский).

Такие противоположные мнения о художественной ценности произведения были вызваны его кажущейся несхожестью с предшествующими текстами писателя. В.Г. Белинский, С.Т. Аксаков, А.И. Герцен считали, что Гоголь взялся не за свое дело, начав философствовать о том, как человек должен жить. Белинский в статье «Современника» пишет: «Что касается до нас, мы вывели из этой книги такое следствие, что горе человеку, которого сама природа создала художником, горе ему, если, недовольный своею дорогою, он ринется в чуждый ему путь! На этом новом пути ожидает его неминуемое падение, после которого не всегда бывает возможно возвращение на прежнюю дорогу...» [1, 231]. Но и И.С. Аксаков, и А.О. Смирнова-Россет считали, что эта книга – одно из лучших произведений Гоголя, логичное продолжение его творчества. «Гоголь прав и является в этой книге как идеал художника-христианина, которого не поймет Запад так же, как и не поймет этой книги» [2, 54]. И.С. Ак-

саков писал о своем «излечении», очищении, в письме от 18 января отстаивал искренность Гоголя как одного из лучших христианских проповедников современности. Списывая недостатки книги на личные погрешности автора, Аксаков радовался самому направлению «Выбранных мест», прежде всего идее «"оцерковления" искусства». [3, 54].

Столь противоположные взгляды современников автора на одно и то же его произведение дают право предполагать, что критики рассматривали его с разных позиций. Белинским оно было воспринято как свидетельство отречения писателя от прежних мировоззренческих установок, а И.Т. Аксаковым – как произведение философское, проникнутое христианской идеей спасения человеческой души. Но общим является то, что, несмотря на разницу в критических оценках, оба современника признали произведение философским.

Действительно, философская направленность поздних произведений Гоголя не вызывает сомнений, и именно этот факт оказывается определяющим для выявления специфики композиции и жанра последних творений писателя. Среди исследователей XX века, усматривающих философское начало в поздней гоголевской прозе, следует отметить А. Белого, В.В. Зеньковского, К.В. Мочульского, В.В. Набокова, А.Д. Сиявского, Л.В. Щеглову, А.Н. Лазареву.

Так, В.В. Зеньковский отмечает: «В своем "Завещании", включенном в книгу "Выбранные места", Гоголь выражает надежду, что ему удастся раскрыть *легкомыслие* современных людей, что он поможет им "услышать хоть отчасти строгую тайну жизни и сокровеннейшую небесную музыку этой тайны". Эти слова выражают стиль нового мирозерцания Гоголя, в котором он хочет раскрыть, насколько возможно, "строгую тайну жизни", ее "сокровенный смысл" и даже "небесную музыку" этой тайны. Это не фраза в устах Гоголя, это его действительное новое ощущение жизни – для него все сводится теперь к ощущению во всех событиях скрытой, но основной связи жизни с Богом. "Жизнь теперь не загадка, – писал Гоголь в "Авторской исповеди", – но лишь при религиозном подходе к жизни"» [4, 441].

Безусловно, интерес к философскому началу поздних произведений Гоголя у многих исследователей закономерен, так как общественная и культурная ситуации первой половины XIX века способствовали формированию у многих русских писателей совершенно новых мировоззренческих установок, которые необходимо было воплотить не только силой таланта художника, но и логикой мыслителя, анализирующего состояние современного ему общества.

С этой точки зрения, для определения специфики авторской установки Гоголя в его поздних произведениях важен феномен философской прозы – распространенного явления в XIX веке. Само время, в которое создается произведение, предопределяет его философскую содержательность.

Чем же обусловлено философское начало гоголевских произведений? На наш взгляд, поздние произведения писателя – результат воззрений автора на современное состояние общественной мысли, социально-экономическое положение российского государства, обобщение размышлений о роли христианства в жизни человека. Задачи, стоявшие перед автором, требовали глубокого осмысления современной ему действительности, поэтому произведения позднего периода представляют собой синтетическое единство философского и художественного начал.

Актуальной проблемой изучения творчества Гоголя становится осмысление фигур автора и повествователя в его поздних произведениях. Так, в настоящее время в литературоведении существует мнение о том, что сборник «Выбранные места из переписки с друзьями» – произведение, в котором сюжет проникнут сознанием биографического автора. Такая мысль, на наш взгляд, является не совсем верной, так как в этом произведении неправомерно отождествлять образы автора и повествователя, поскольку они не равны друг другу.

Повествователь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» – это фигура условная, так как автор сознательно отстраняется от собственной биографии и выражает мысли, харак-

терные для его времени. При этом стиль Гоголя отличается в разных письмах в зависимости от того, что автор желает донести до читателя. Именно этот факт обуславливает соседство в одном произведении двух совершенно противоположных стилей: с одной стороны, во многих главах заметен назидательный сухой стиль, где главной задачей является нравоучение, с другой – вторая группа писем тяготеет к живому метафорическому языку, свойственному ранним произведениям автора.

Так, в главе «Советы» заметно стремление писателя на основе собственных размышлений вывести общий закон постижения человеком мира через многочисленные трудности и страдания. «Уча других, тоже учимся. Посреди моего болезненного и трудного времени, к которому присоединились еще и тяжелые страдания душевные, я должен был вести такую деятельную переписку, какой у меня никогда не было дотоле. Как нарочно, почти со всеми близкими моей душе людьми случились в это время внутренние события и потрясения... Тут только я узнал близкое родство человеческих душ между собою. Стоит только хорошо выстрадаться самому, как уже все страдающие становятся тебе понятны, и почти знаешь, что нужно сказать им... А между прочим, я ничуть не умней никого...» [5, 248].

Таким образом, писатель переносит собственный духовный опыт на общечеловеческий уровень, делая универсальный вывод о том, что, страдая, человек становится ближе своим братьям, и поэтому он обязан передать собственную мудрость неразумным, не страдавшим. Ассоциативная параллель «моя жизнь – жизнь каждого» становится определяющей для понимания авторской установки. Гоголь выводит универсальный закон, в котором все люди равны перед лицом Бога, но некоторым дается страдание, которое очищает и просветляет душу, делая человека мудрым. Поэтому каждый, становясь мудрым, должен помочь тому, кто не пережил муки, очистившие от греха. Эта концепция обуславливает и назидательную манеру повествования главы, где автор выступает и как конкретный человек, и как выразитель чаяний всего человечества.

Но в других главах («Об Одиссее, переводимой Гомером», «Карамзин», «Предметы для лирического поэта в наше время») мы видим совершенно иной стиль повествования: язык их становится более метафоричным, живым, что свидетельствует о постоянном присутствии в границах художественного мира не только автора-философа, размышляющего о серьезных проблемах современности, но и автора-художника, создающего в рамках эпистолярного жанра целостный образ переосмысленной действительности. Автор не просто отстраняется от своей биографии, он становится наблюдателем и критиком, оценивающим культурную и литературную ситуацию.

Так, в главе «Об Одиссее, переводимой Гомером» он не только отмечает оригинальность перевода В.А. Жуковского, но и силой собственного восторженного отношения к произведению Гомера стремится объяснить значимость его для современного читателя. «Вот скольким условиям нужно было выполниться, чтобы перевод "Одиссеи" вышел не рабская передача, но послышалось в нем слово *живо*, и вся Россия приняла бы Гомера, как родного! Зато вышло что-то чудное. Это не перевод, но скорей воссоздание, воскресение Гомера. Перевод как бы еще более вводит в древнюю жизнь, чем сам оригинал. Переводчик незримо стал как бы истолкователем Гомера, стал как бы каким-то зрительным, выясняющим стеклом перед читателем, сквозь которое еще определенной и ясней высказываются все бесчисленные его сокровища» [6, 203].

Таким образом, автор, размышляя о новых гениальных явлениях в культуре, опираясь на опыт жизненной и писательской биографии, присоединяет свое мнение к явлению общезначимому, способному повлиять на человеческую душу. Выделение необходимых для просвещения человеческой души произведений литературы, театрального искусства, живописи всегда описывается живым, метафорическим языком. Авторская установка, направленная на то, чтобы выделить достоинства того, что возвышает человеческую душу, обуславливает пестроту и эмоциональность стиля этих писем.

На основе проведенных наблюдений мы можем сделать вывод о том, что автор и повествователь в сборнике «Выбранные места из переписки с друзьями» не равны друг другу. Часто позиция автора подчиняется установке выявления универсального закона развития духовной жизни каждого, при этом биография автора перестает быть индивидуальной, становясь частью общечеловеческого.

Кроме того, авторская установка непосредственно связана с проблематикой каждого из писем. Часть из них носит философский характер, и им свойственен назидательный, нравоучительный стиль. Язык же тех писем, где автор размышляет о достоинствах современных культурных явлений, метафоричен, что свидетельствует о восторженном отношении к тому, что способно облагородить человеческую душу.

Библиографический список

1. Гоголь, Н. В. Собрание сочинений: в 8 т. Т.7. Статьи (1831–1847) / Н. В. Гоголь. – М.: Правда, 1984. – 527 с. Это я выправила, так и со всеми остальными
2. Аксаков, И. С. Письма к родным. 1844–1849 / И. С. Аксаков – М.: Наука, 1988. – 342 с.
3. Белинский, В. Г. Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя / В. Г. Белинский // Н. В. Гоголь в русской критике: Сб. ст. – М.: Гос. издат. худож. лит. – 1953. – С. 219–242.
4. Зеньковский, В. В. Н. В. Гоголь / В. В. Зеньковский // Гиппиус В. Гоголь; Зеньковский В. Н. В. Гоголь / Предисл. сост. Аллена. – СПб: Logos, 1994. – С. 189–338. – (Судьбы. Оценки. Воспоминания. XIX–XX вв.)
5. Медоваров, М.В. Книга Н.В. Гоголя "Выбранные места из переписки с друзьями" и русская общественно-политическая мысль 1840-х годов / М. В. Медоваров // Наш "Анабасис". Сборник статей студентов, магистрантов и аспирантов. Вып. 4-5.– Н. Новгород: ННГУ, 2007. – С. 53-58.

A. S. Nikitina

Omsk state pedagogical University

THE IMPACT OF THE AUTHOR'S INSTALLATION ON THE FORMATION OF STYLE "SELECTED PASSAGES FROM CORRESPONDENCE WITH FRIENDS"

The peculiarities of the impact of the author's opinion on the style and problems "Selected passages from correspondence with friends" are educed, the specificity of the images of the author and the narrator and their role in the formation of stylistic inhomogeneity of the N. V. Gogol's creation are analyzed.

Key words: author's opinion, style, biographical author, narrator, ethics, metaphorical language, philosophical prose

References

1. Gogol N. V. *Sobranie sochinenii v 8 t. T.7* [The collected works]. Articles (1831 – 1847), Moscow, Pravda, 1984, 527 p.
2. Aksakov I. S. *Letters to the relatives* [Letters to the relatives]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 342 p.
3. Belinsky V. G. *N. V. Gogol v russkoi kritike* [Selected passages from a correspondence with friends of Nikolai Gogol], Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo russkoi literature., 1953, p.p. 219–242.
4. Gippius V., Zenkovskii V. V. *Gogol N. V.* [Gogol N. V.]. SPb, Logos, 1994., p.p. 189–338.
5. Medovarov M.V. *The Book N.V. Gogol's Selected passages from correspondence with friends" and Russian social and political thought 1840-ies* [The Book N.V. Gogol's Selected passages from correspondence with friends" and Russian social and political thought 1840-ies]. Nizhny Novgorod, *Nash "Anabasis"*, 2007, vol. 4-5, p.p. 53–58.

Автор статьи – Анастасия Сергеевна Никитина, аспирант, Омский государственный педагогический университет, e-mail: anastasia_panova_91@mail.ru

Рецензенты:

Е.А. Акелькина, доктор филологических наук, профессор, Центр изучения творчества Ф.М. Достоевского Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского;

С.А. Демченков, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕМЫ ОСЕНИ В ЛИРИКЕ И. АННЕНСКОГО

В данной статье представлен сопоставительный анализ трех стихотворений И.Анненского, позволяющий проследить эволюцию «осенней» темы в его лирике. Показано, что стихотворение «Сентябрь», наследующее пушкинскую вариацию осенней темы, еще достаточно традиционно. При анализе стихотворения «Конец осенней сказки» вскрывается авторская игра с устойчивыми осенними поэтическими образами. Своеобразным итогом становится стихотворение «Ты опять со мной», прочитанное как указание на литературную исчерпанность образа осени, долгое время вдохновлявшего русских поэтов - классиков.

Ключевые слова: русская поэзия, тема осени, метафора, поэтический штамп, поэтология.

Осенние пейзажи в лирике И.Анненского многочисленны и неоднозначны. Эволюция осенней темы обнаруживается при сопоставительном анализе стихотворений «Сентябрь», «Конец осенней сказки» («Тихие песни»), «Ты опять со мной» («Трилистник осенний» из сб. «Кипарисовый ларец»).

«Сентябрь» Анненского еще во многом традиционен, обращен к пушкинскому наследию: *"Раззолоченные, но чахлые сады / С соблазном пурпура на медленных недугах, / И солнца поздний пыл в его коротких дугах. / Невластный вылиться в душистые плоды"* [1]. Пушкинская скрытая антитеза «пышное увяданье» в этом тексте намеренно обнажается, единство метафоры распадается в прямое противопоставление: сады «раззолоченные, но чахлые». Такой прием вводит изначальную антиномию двух семантических рядов, каждый из которых поддерживается своей системой образов. Первая смысловая линия – красота осенней природы – реализуется в метафорах «соблазн пурпура», «желтый шелк», «красота утрат». Вторая – тема смерти – более лексически и эмоционально насыщена: «недуги» садов, «поздний пыл» солнца, «грубые следы», «ложь свидания». Метафорический образ «черные, бездонные пруды» – имплицитная аллюзия на пропасть «могильного зева» из «Осени» Пушкина. Но если в пушкинском тексте этот образ «грандиозно гиперболичен, но не страшен (...) Смерть естественно входит в круговращение времени, она составная часть жизни, а не ее противоположность» [2], то у Анненского тема смерти выдвигается на первый план как нечто всевластное. Но все же смерть – не конечная точка этого стихотворения, поскольку в финале начинает звучать пушкинский мотив «красоты утрат»:

Но сердцу чудится лишь красота утрат,
Лишь упоение в замороженной силе;
И тех, которые уж лотоса вкусили,
Волнует вкрадчивый осенний аромат.

Ключевым для понимания заключительного стиха оказывается латентно присутствующий мотив творчества, реализующийся в скрытых пушкинских аллюзиях. «Осенний аромат волнует», вызывая в памяти строки о «лирическом волнении» из финала пушкинского отрывка, а изысканная метафора «вкусившие лотоса» – семантически равна пушкинскому «усыплен воображеньем». Таким образом, в финале «Сентября» Анненского, как и в пушкинской «Осени», задана тема творчества, но в вариации Анненского есть свой, глубоко личный аспект. Красота осени открывается, по Анненскому, «вкусившим лотоса», или поэтам. В семантике лотоса автор актуализирует его древнегреческую символику как цветка, заставляющего забыть прошлое и дарующего блаженство. Мотив забвения отсылает нас к целому ряду поэтологических текстов самого Анненского. Забвение в его лирике является своего рода вариантом творческого состояния. Е.Гитин пронизательно отмечает, что забвение в поэтиче-

ском мире «Тихих песен» и «Кипарисового ларца» – это особое состояние «неприсутствия» лирического субъекта в мире «биографической реальности» [3]. Иными словами, Анненский видит в поэзии, несущей забвение, «смысл и утешение нашего экзистенциального несчастья» [4].

Если «Сентябрь» Анненского – это еще традиционное стихотворение, наследующее одновременно пушкинскую вариацию осенней темы и ее изначальный элегический вариант, то «Конец осенней сказки» – стихотворение уже переходного типа. С одной стороны, за сложной метафоричностью этого текста еще ощутим пейзаж поздней осени, а с другой, становится очевидной авторская игра с условными формулами осенних текстов предшественников. К концу XIX столетия в русской поэзии сложился определенный канон в изображении осени, выработалось множество стереотипов, переходивших от поэта к поэту, например, повторяющиеся эпитеты: *желтые, пожелтелые, опавшие, поблекшие, мокрые, золотые* листья; *багряный, пестрый, обнаженный, раздетый* лес; *нагие* деревья». Приметы осени, перепеваемые многими стихотворцами: «блестит на солнце паутина, кисти красные рябины, прощальный убор золотой листвы, стая журавлей, клочья серых туч, туманные, ненастные вечера; музыка осеннего дождя». Очевидно, что эти «приметы» к концу века стали рутинными и требовалось обновление осенней темы [5].

Анненский вводит в свой текст устойчивые поэтические штампы поздней осени: паутина, туман, гроздь рябины – и обыгрывает их по-своему. У поэтов XIX века паутина обязательно «блестела» – вспомним: «*Лишь паутины тонкий волос / Блестит на праздной борозде*» (Тютчев), «*Там тянется, блестя на солнце, паутина*» (Греков). У Анненского мотив блеска метафорически обозначается как «*радуг паутина*», но образ продолжает жить во времени и «*радуг паутина / Почернела, порвалась*» (это в равной мере можно отнести и к осени календарной, и к поэтическому штампу осени). Следующие строки «Конца осенней сказки» обыгрывают описание «пышного», «пестрого» наряда осени, опять же снижая его высокую метафорику, поскольку «*В малахиты только тина / Пышно так разубралась*». Другая примета поздней осени, ставшая поэтическим стереотипом, – «туман» – приобретает у Анненского inferнальные черты: «*пар белесоватый / и ползет, и вьется ватой*». Очевидно, что автор начинает сознательно вводить в свой текст устойчивые поэтические образы осени, тем самым стихотворение становится условно пейзажным, это уже, если так можно выразиться, текст об «осеннем тексте» русской лирики. В таком случае название «Конец осенней сказки» намекает на закрытие классической темы осени.

Своеобразным итогом эволюции осенней темы у Анненского стало стихотворение, вошедшее в «Кипарисовый ларец», «Ты опять со мной» («Трилистник осенний»). Здесь Анненский снова обращается к «Осени» Пушкина, но при помощи иного поэтического приема. Текст начинает строиться с сознательным использованием «чужого слова». В начале «*Ты опять со мной, подруга осень, / Но сквозь сеть **нагих твоих ветвей***», – прямой повтор пушкинского словосочетания из первых стихов «Осени»: «*Октябрь уж наступил – уж роща отряхает / Последние листья с **нагих своих ветвей***». В первой строке своего стихотворения Анненский органично сплавляет ключевые мотивы пушкинского текста. Перечислим их.

Во-первых, олицетворение «подруга осень» отсылает к пушкинскому образу осени – «чахоточной девы», а глубже, к образу пушкинской музы, предстающей в его лирике девой, «подругой».

Во-вторых, особую семантическую нагрузку несет местоимение. У Пушкина осень – «*моя пора*». В местоимении «*моя*» объединяются темы осени и творчества, поскольку именно осенью «*пробуждается поэзия*». У Анненского осень «*опять со мной*». Таким образом, первая строка заявляет пушкинский вариант темы осени – поры «пробуждения поэзии». Тема наступления «*моей*» (пушкинской) осени как творческого времени подкрепляется у Анненского наречием «*опять*».

Далее Анненский использует свой излюбленный прием, сначала он вводит в сознание читателя узнаваемую поэтическую структуру, а затем «говорит» *но* и начинает опровергать текст предшественника. Союз *но* стоит уже в начале второй строки, и последующий текст строится как последовательное снижение пушкинской осенней метафоры:

Но сквозь сеть нагих твоих ветвей
Никогда бледней не стыла просишь,
И снегов не помню я мертвей.

Я твоих печальнее отребий
И черней твоих не видел вод.
На твоём линияло-ветхом небе
Желтых туч томит меня развод.

Заметно нагнетание смертных мотивов, как и в «Конце осенней сказки»: синева небес – бледная, воды – черные, снега – мертвые.

Второе четверостишие Анненский насыщает аллюзиями на знаменитую VII строфу пушкинской «Осени». Отметим грамматический параллелизм конструкций (мест. твой + прилагательное + существительное): у Пушкина «*твоя прощальная краса*»; у Анненского «*твоих печальнее отребий*». Сходство конструкции только подчеркивает антитетичность смысла. Пушкинское «*пышное природы увяданье*» предстает у Анненского как «*печальные отребья*». Такой подчеркнутый антипоэтизм выражений, между прочим, заимствован Анненским у Пушкина, только обыгран иначе. Вспомним, что у Пушкина принципиально антипоэтична весна: «*грязь, вонь – весной я болен*». Этот мотив «болезни» отзывается у Анненского в строке «*Желтых туч томит меня развод*», что одновременно отсылает и к пушкинским строкам о лете («*лето красное ... нас мучишь*»). Таким образом, Анненский рисует осень при помощи лексики, адресованной Пушкиным к другим, непоэтическим для него временам года. Тем самым поэт отказывает осени в ее особом статусе поры вдохновения.

Осеннее небо получает в тексте эпитет «*линяло-ветхое*», тоже заключающий в себе поэтологическую проблематику. Его семантика проявляется в контексте стихотворения в прозе «Сентиментальное воспоминание». Здесь Анненский обыгрывает традицию метафорически представлять рифму условным женским персонажем. «Рифмы» здесь – нимфы «с *линяло-розовым кушаком на белой кисее чехлов, ... в предательски желтых веснушках на тонкой петербургской коже*». Основная черта облика рифм-нимф у Анненского – бледность, истощенность. Поэтологический смысл их «болезненности» объясняется в самом «Сентиментальном воспоминании» – это «банальные рифмы» и «жалкие метафоры» [6]. Таким образом, эпитет «линялый» приобретает в контексте творчества Анненского поэтологическую семантику, он маркирует тему обветшания поэзии, поэтических образов.

Заключительные строки стихотворения «Ты опять со мной» тоже отчетливо полемичны по отношению к финалу пушкинского текста. У Пушкина – мотив самозабвения, самоуглубления: «*забываю мир*», «*сладко усыплен*»; у Анненского, напротив, – беспощадная трезвость видения: «*до конца все видеть*»; у Пушкина – «*и просыпается поэзия во мне*»; Анненский видит «*пустыми тайны слов*».

Пушкинский отрывок заканчивается образом открытого и свободного движения, переходом сна в творческий прорыв, «пробуждением поэзии». У Анненского смерть становится конечной точкой стихотворения, пушкинского движения жизни в поэзию не происходит. Мотив застывания усиливается, поскольку поэт и сам «цепенеет».

Не преминул Анненский обыграть и финальное многоточие, завершающее пушкинскую «Осень». В заключительном четверостишии стихотворения «Ты опять со мной» он четыре раза использует многоточие, помещая его в конце 1, 2, 4 стихов и в середине 3-го. Но семан-

тическое наполнение этого графического элемента текста у него принципиально иное. Если у Пушкина многоточие маркирует «полную свободу ответа» (Н.Л.Степанов), «семантический взрыв» (Ю.М.Лотман), то у Анненского оно становится знаком «застывания», «утраты смысла» и, вместе с тем, – смерти стиха, его угасания-обрывания. Иными словами, это можно читать как указание на литературную исчерпанность образа «осени», долгое время вдохновлявшего поэтов-классиков.

Библиографический список

1. Анненский, И. Ф. Стихотворения и трагедии. Л.: Советский писатель, 1990. - С. 62.
2. Чумаков, Ю.Н. Жанровая структура «Осени» // Чумаков Ю.Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 1999. - С. 341.
3. Гитин, В. Точка зрения как эстетическая реальность // Иннокентий Анненский и русская культура XX века. СПб., 1996. - С. 9.
4. Верхейл, К. Трагизм в лирике Анненского // Иннокентий Анненский и русская культура XX века. СПб., 1996. - С.39.
5. Бельская, Л.Л. Осень в русской поэзии // Русская речь. - 2010. - № 6. - С.11.
6. Анненский, И.Ф. Стихотворения и трагедии. Л.: Советский писатель, 1990. - С. 215.

A.V.Podvornaya
Omsk's state pedagogical university

EVOLUTION THEME OF AUTUMN IN THE POETRY OF I. ANNENSKY

This article presents the comparative analysis of three I. Annensky's poems that allows tracing the evolution of "autumn" theme in his lyrics. The Annensky's poem «September», inheriting Pushkin variation of autumn theme, is still quite traditional. The poem «The End of Autumn Fairytale» is constructed as the author's game with sustainable autumn poetic images. The poem «You're with me again» becomes original result, which was read as an indication of literary exhaustion of autumn image, which inspired the Russian classical poets for a long time.

Key words: the Russian poetry, theme of autumn, metaphor, poetic stamp.

References

1. Annensky I.F. *Stikhotvoreniya i tragedii* [Poems and tragedies]. Leningrad, 1990. 640 p.
2. Chumakov Yu.N. *Stikhotvornaya poetika Pushkina* [Verse poetics of Pushkin]. Saint Petersburg, Gosudarstvennyy Pushkinskiy teatral'nyy tsentr v Sankt-Peterburge, 1999. p.
3. Verkheyly K. The tragedy in the lyrics Annensky. *Innokentiy Annenskiy i russkaya kul'tura KhKh veka*. Saint Petersburg, 1996. pp.
4. Gitin V. Both in terms of aesthetic reality. *Innokentiy Annenskiy i russkaya kul'tura KhKh veka*. Saint Petersburg, 1996. pp. 34-53.
5. Bel'skaya L.L. Autumn in Russian poetry. *Russkaya rech'*, 2010, no. 6, pp.3-11.
6. Annenskiy I.F. *Stikhotvoreniya i tragedii* [Poems and tragedies]. Leningrad, Sovetskiiy pisatel', 1990. P. 215.

Автор статьи – Алла Владимировна Подворная, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет, e-mail: alla_omsk@bk.ru.

Рецензенты:

Е.А. Акелькина, доктор филологических наук, профессор, Центр изучения творчества Ф.М. Достоевского Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского;
С.А. Демченков, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.

РАЗДЕЛ 3 ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PART 3 PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 37.04

Л.А. Воробьева
Центр медико-психолого-социального сопровождения Омской области.
Н.Б. Гребенникова
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ РАННЕЙ ПСИХОЛОГО-МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье представлено описание структурного и деятельностного компонентов системы ранней психолого-медико-социальной помощи детям с ограниченными возможностями здоровья, основанной на концептуальных идеях позитивного подхода.

Ключевые слова: позитивный подход, «раннее вмешательство», межведомственное взаимодействие, домашнее визитирование, модель семьи, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья.

Модернизация системы образования в рамках гуманизации социальных отношений направлена на смену ценностных ориентиров в коррекционно-педагогической и психологической деятельности. В центр внимания педагогической науки становится личность ребенка во всем многообразии индивидуальных особенностей. Происходит смещение смыслового акцента специального образования в сторону личностного и социального развития.

В соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ, согласно Федеральным государственным образовательным стандартам для детей с ограниченными возможностями здоровья основным направлением общего и специального образования является интеграция детей в единое образовательное пространство.

Исчезает понятие: «необучаемый ребенок», ведущим направлением в работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья является психолого-медико-социальное сопровождение индивидуального образовательного маршрута каждого ребенка.

Раннее вмешательство (прямой перевод англ. «early intervention») – система помощи детям раннего возраста с нарушениями развития или риском появления таких нарушений и

их семьям. В программах раннего вмешательства работают педагоги, логопеды, педиатры, неврологи, терапевты, психологи, а также социальные работники.

Ранняя помощь позволяет реализовывать компетентный подход в содержании обучения детей с ограниченными возможностями здоровья как в период дошкольного, так и в период школьного детства. За счет раннего овладения определенными компетенциями в младенчестве и раннем возрасте у ребенка появится больше возможностей для овладения спектром академических компетенций [1, с.7].

Обеспечение прав детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью на образование возможно при соблюдении ряда условий:

Выявление нарушений и недостатков в развитии детей и организации коррекционной работы на максимально раннем этапе.

Создание доступной среды, позволяющей решать задачи инклюзивного образования.

Широкий спектр вариативности образовательных программ.

Включение семьи в реабилитационный и образовательный процессы.

Мониторинги, проведенные казенным образовательным учреждением Омской области «Центр психолого-медико-социального сопровождения», демонстрируют необходимость в оказании ранней, психолого-медико-педагогической и комплексной помощи. В течение двух лет наблюдается рост обращений родителей, воспитывающих детей с ОВЗ раннего возраста.

Результаты мониторинга представлены в таблице 1.

Таблица 1.

**Статистический анализ обращений
по вопросам ранней помощи детям с ограниченными возможностями здоровья
в Центр ранней диагностики Омской области**

Год	Общее количество обращений родителей детей дошкольного возраста/ человек	Количество обращений родителей детей раннего (от 0 до 3-х лет) возраста/человек	% отношение
2013	961	90	9,4
2014	1221	123	10,1

В связи с открытием Центра ранней диагностики в феврале 2012 года у родителей появилась возможность обращения к специалистам Центра по вопросам воспитания и обучения детей с ОВЗ, и таких обращений было только 5. Данные, приведенные в таблице, показывают в 2014 году рост количества обращений семей, воспитывающих ребенка с ограниченными возможностями здоровья в возрасте до трех лет.

Всего в Омской области проживает 3546 дошкольников с ограниченными возможностями здоровья, из них 211 человек в возрасте до трех лет, которые нуждаются в психолого-медико-социальном сопровождении.

Таким образом, статистически подтверждена необходимость разработки и реализации инновационной системы раннего вмешательства в Омской области.

Процесс разработки и реализации данной системы включает следующие этапы:

Создание экспериментальной группы специалистов по разработке и апробации инновационных технологий ранней помощи, включающих родителей в реабилитационный и образовательный процесс.

Организацию деятельности ресурсного центра, обеспечивающего научно-методическое сопровождение процессов ранней помощи, разработку и внедрение инновационных технологий психолого-медико-социальной помощи.

Обеспечение функционирования пяти структурных подразделений КОУ «Центр ПММС» в 32 районах Омской области по вопросам ранней помощи.

Обеспечение работы полипрофессиональных бригад по раннему вмешательству в рамках эффективного межведомственного взаимодействия.

Организацию проведения мониторинговых мероприятий по результатам работы.

Инновационные технологии базируются на идеях позитивного подхода. Позитивный подход означает «исходящий из действительного». В отличие от традиционного взгляда на процессы реабилитации, в поле зрения специалистов попадают не только недуги, болезни, печали, но и способности, личностные ресурсы детей, позволяющие сделать адаптационные процессы более эффективными.

Таким образом, в рамках позитивного подхода реабилитация и коррекция рассматриваются как многокомпонентные процессы, включающие медицинский, педагогический и психологический аспекты.

Основной целью процесса реабилитации становится научение каждого ребенка ощущению радости жизни, получению удовлетворения от взаимодействия с людьми, от результатов своей самостоятельной деятельности.

Достижение этой цели становится возможным, если базовым основанием подбора методов и технологий для реабилитационного процесса является позитивное видение человека. «Как содержащее в себе способности зерно пробивает себе путь в окружающей среде, взаимодействуя с землей, дождем, садовником, так и каждый человек развивает свои способности в тесных отношениях с окружающим миром» [2, с.38].

Самым важным социальным пространством для ребенка с ограниченными возможностями здоровья является семья, которая является главным организатором социального взаимодействия между ребенком и обществом.

Следует отметить, что позиции семьи в отношении развития ребенка могут быть различными, что влияет на успешность реабилитационного процесса.

Так, нашими коллегами из научно-практического реабилитационного Центра «Бонум» города Екатеринбурга выделены типичные варианты влияния семьи на жизненный путь ребенка. К наиболее часто встречающимся вариантам влияния семьи на жизненный путь ребенка с ограниченными возможностями здоровья следует отнести:

- развитие,
- нормализацию,
- невмешательство в ситуацию,
- опеку.

Первый тип влияния семьи, который можно обозначить термином «развитие», характеризуется адекватным отношением к ребенку и его проблемам развития. Такие родители имеют положительный настрой, выявляют способности ребенка, позволяющие компенсировать дефект его развития, стремятся проявлять инициативу в преодолении трудностей процессе интеграции ребенка в общество. В такой семье поощряются успехи ребенка, развивается его самостоятельность, создаются условия для освоения ребенком конструктивного социального опыта.

Второй тип влияния семьи соответствует термину «нормализация», который характеризуется стремлением родителей приблизить образ жизни ребенка с ограниченными возможностями здоровья к организации жизни здорового ребенка. Большинство таких семей имеют оптимистичный настрой и уверены в том, что жизненный путь ребенка с ОВЗ будет таким же, как и у здоровых детей. Такой тип влияния семьи на развитие ребенка во многом конструктивен, однако такие родители часто перегружают ребенка, не учитывают специфику его развития. Иногда завышенные требования к ребенку с ОВЗ являются для него травмирующими факторами.

Третий тип влияния семьи на жизненный путь ребенка можно охарактеризовать как «невмешательство в ситуацию». Семьи, ориентированные на «невмешательство в ситуацию», дистанцируются от социального окружения, стесняются своего ребенка, пессимистично настроены относительно его будущего. Члены семьи часто находятся в состоянии хронического стресса, смирения и пассивности. В таком случае семья является фактором, затрудняющим социализацию ребенка с ОВЗ.

Четвертый тип влияния семьи на процесс социализации ребенка обозначен как «опека». При данном типе влияния члены семьи жалеют ребенка, оберегают его от проблем, стремятся сделать за него как можно больше дел. Семья центрирует всю жизнь вокруг ребенка, не доверяя его возможностям, что приводит к ограничению его инициативы и активности. Таким образом, семья становится фактором, который негативно влияет на процесс социализации ребенка с ОВЗ.

Описание перечисленных видов влияния семьи на жизненный путь ребенка позволяет сделать вывод о том, что самым конструктивным является тип «развитие». Он в полной мере отражает идеи позитивного подхода, поэтому становится ориентиром для работы специалистов с семьями других типов.

Принимая во внимание, что семья формирует у ребенка самооценку, систему ценностных отношений к себе и миру, закладывает основы стратегий поведения, помогает осваивать социальные нормы и роли, которые являются основанием для построения перспективных жизненных планов ребенка, важным условием успешной социализации ребенка является сотрудничество специалистов и родителей. [3, с.28]

Так как появление в семье ребенка-инвалида приводит родителей в стрессовое состояние, члены семьи испытывают потрясение, растерянность, беспомощность, что нередко приводит к социальной изоляции или даже распаду семьи. Важно, чтобы родители не только справились со стрессовым состоянием, но и приняли ребенка, таким какой он есть, направляли свои усилия на восстановление его здоровья, развитие и образование. Таким образом, реабилитация должна быть направлена не только на ребенка, но и на его социальное окружение, в первую очередь, на семью.

Чем раньше с момента появления «особого» ребенка семья получает специализированную помощь, тем благоприятней прогноз успешной социальной адаптации семьи и развития ребенка. Наиболее эффективно раннее вмешательство в семью, когда возраст ребенка находится на границах от 0 до 3 лет, а специалисты опираются на идеи позитивного подхода.

Таким образом, в пределах программы раннего вмешательства необходимо:

- определение потребностей и ресурсов ребенка и семьи;
- формулирование кратковременных и долгосрочных целей;
- определение круга специалистов для реализации реабилитационных и образовательных программ, способных вести разработку и реализацию инновационных технологий в русле позитивного подхода.

Очевидно, что программа психолого-медико-социального сопровождения каждой семьи, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями развития, носит интегративный характер и осуществляется по следующему алгоритму, включающему:

Обеспечение всех членов семьи достоверной информацией о состоянии здоровья и перспектив развития ребенка.

Комплексную диагностику и выработку рекомендаций по вопросам участия родителей в реабилитационном и образовательном процессах.

Помощь в выборе программ обучения.

Помощь в организации взаимодействия родителей и ребенка.

Помощь родителям в использовании возможностей различных учреждений для развития ребенка (учреждений дополнительного образования, спортивных учреждений, учреждений социального обслуживания и др.).

Структурными компонентами областной системы раннего вмешательства являются: ресурсно-методический Центр, который находится в городе, и четыре его подразделения, которые базируются в Омской области и объединяют 32 центра ранней диагностики и реабилитации.

Деятельность сети центров раннего выявления и реабилитации детей с особенностями развития осуществляется по определенному алгоритму.

В каждом, уже существующем Центре раннего развития, определяется специалист, который осуществляет профессиональную деятельность в рамках данной программы. Его функционал включает следующие позиции:

- информирование семей, проживающих на территории, о данной программе;
- сотрудничество с учреждениями здравоохранения по раннему выявлению детей с особенностями развития в возрасте до 3-х лет и составление банка данных;
- заполнение листа ожидания и инициирование семей к обращению к специалистам полипрофессиональной бригады;
- организацию встречи с родителями (матерью), проведение первичной диагностики.
- организацию взаимодействия семьи (матери) и ребенка со специалистами полипрофессиональной бригады;
- участие в консилиуме специалистов по обсуждению вариантов раннего терапевтического вмешательства;
- участие в оформлении заключения – рекомендаций для родителей и специалистов, отражающих траекторию индивидуального развития ребенка;
- сопровождение процесса комплексной реабилитации семьи и ребенка;
- в случае необходимости – организацию участия родителей ребенка в видеоконсультациях со специалистами ресурсно-методического центра;
- сбор информации об эффективности раннего терапевтического воздействия в отношении ребенка и семьи.

По итогам года работы специалисты предоставляют информацию в виде аналитической справки. Сотрудниками ресурсного центра осуществляется изучение, обобщение опыта работы центров и публикации методических рекомендаций.

Для эффективной реализации перечисленных выше функций специалистам центра необходимо скоординировать деятельность сотрудников различных сфер жизнедеятельности: образования, здравоохранения, социального обслуживания.

Зарубежный опыт организации межведомственного взаимодействия включает три модели: мультидисциплинарную, междисциплинарную и трансдисциплинарную.

В рамках мультидисциплинарной модели специалисты работают с ребенком и семьей независимо друг от друга. Они используют свои возможности практически без взаимодействия и определения четких профессиональных границ. Это приводит к недостаточно эффективному результату работы и неполному описанию профиля развития ребенка.

Более эффективной является междисциплинарная модель, в рамках которой более четко определены каналы взаимодействия специалистов различных учреждений. Важным компонентом данной модели является проведение консилиумов специалистов и интегративный подход во взаимодействии специалистов и родителей. В зависимости от потребностей ребенка и семьи обязанности ведущего и координатора реабилитационного процесса меняются. Очевидно, что члены полипрофессиональной бригады должны владеть навыками групповой работы, необходима системная работа по профилактике профессиональных конфликтов.

Трансдисциплинарная модель включает гибкое встраивание терапевтического вмешательства специалистов в жизнь семьи и ребенка. Важным компонентом данной модели является взаимозаменяемость членов полипрофессиональной бригады, что требует от специалистов компетентности в различных областях.

Проведение «круглого стола» с участием специалистов различных сфер жизнедеятельности на базе одного из Центров раннего развития выявило следующую проблему:

1. Межведомственное взаимодействие специалистов часто опирается на личные контакты или соответствует мультидисциплинарной модели.

2. Необходим переход к междисциплинарной модели межведомственного взаимодействия, ответственность за который и выполнение координационных функций следует делегировать сотрудникам Министерства образования Омской области.

Переход от мультидисциплинарной к междисциплинарной модели межведомственного взаимодействия должен осуществляться средствами комплекса мероприятий:

- организацией и проведением заседаний координационного совета специалистов по данной проблеме (1 раз в квартал);

- комплектованием полипрофессиональных бригад;

- привлечением общественных и волонтерских организаций к участию в программе;

- проведением областной научно-практической конференции по проблемам раннего вмешательства (1 раз в год);

- организацией участия специалистов различного профиля в видеоконференциях и «горячих линиях» на телефоне доверия.

- описанием функционального регламента взаимодействия.

Нами создана структура межведомственного взаимодействия специалистов, участвующих в процессе раннего вмешательства и работающих в учреждениях различных сфер жизнедеятельности: здравоохранения, образования, социального обслуживания, которая представлена в таблице 2.

Таблица 2

Структура межведомственного взаимодействия по организации медико-психолого-социальной помощи ребенку раннего возраста

Учреждения социального обслуживания		
Учреждения здравоохранения Возраст от 0 до 3 лет	Центры ранней диагностики Возраст от 0 до 3 лет	Дошкольные образовательные учреждения Возраст от 3 до 7 лет
1. Выявление детей с факторами риска в родильных домах и при детских поликлиниках. 2. Диспансерное наблюдение в поликлиниках участковыми педиатрами. 3. Проведение скринингового обследования детей первого года жизни (каждые три месяца) и последующее наблюдение детей группы риска каждые полгода с участием узких специалистов детской поликлиники и анализом полученных данных на клиничко-экспертных комиссиях.	Проведение дифференциальной диагностики с целью уточнения структуры нарушения, определения коррекционных мероприятий и направлений дальнейшего психолого-педагогического воздействия. Направления проведения диагностики: 1. Консультативное от 0 до 3 лет. 2. Комплексное психолого-медико-педагогическое обследование от 2 до 3 лет.	Осуществление психолого-педагогической коррекции нарушений в развитии с раннего возраста в условиях дошкольных учреждений, групп кратковременного пребывания и в рамках организации домашнего визитирования.
Семья		

Инновационным компонентом системы раннего вмешательства является организация домашнего визитирования детей с тяжелыми нарушениями здоровья. Для организации домашнего визитирования все дети раннего возраста закрепляются за дошкольным образовательным учреждением или КОУ «Центр ПМСС», с родителями (законными представителями) заключается договор о получении услуг образования на дому. В учреждении определяется специалист, который профессионально оказывает услуги в рамках домашнего визитирования. В ходе работы специалистом выполняются следующие функции:

- оказание квалифицированной социально-психологической и социально-педагогической помощи семьям, воспитывающим детей с ОВЗ;
- обучение родителей приемам ухода за детьми раннего возраста, методам обучения и воспитания;
- формирование у родителей активной жизненной позиции и включение их в процесс воспитания и обучения ребенка с ОВЗ.

Эффективность реализации технологии домашнего визитирования является оценкой эффективности деятельности специалиста-консультанта. Она включает в себя:

- количество домашних визитов,
- количество проведенных коррекционно-развивающих занятий,
- количество проведенных консультаций с родителями.

Качественная оценка деятельности специалиста определяется результатами коррекционно-педагогической работы:

- динамикой в развитии ребенка;
- уровнем включенности родителей и семьи в коррекционно-развивающий процесс.

Внедрение инновационных технологий работы с ребенком раннего возраста и с семьей, воспитывающей ребенка с ОВЗ, требует научного и методического обоснования, что свидетельствует о необходимости организации деятельности ресурсно-методического Центра.

Поскольку значительное место в создании системы раннего выявления нарушений в развитии детей и своевременного получения ими коррекционно-педагогической и психологической помощи отводится деятельности казенного учреждения Омской области «Центр психолого-медико-социального сопровождения», то и организация деятельности ресурсно-методического центра осуществляется ее специалистами.

Специалистами ресурсно-методического центра проводятся следующие мероприятия:

- организация постояннодействующего семинара по вопросам диагностики, коррекции и реабилитации детей с особенностями развития в возрасте от 0 до 3-х лет (1 раз в месяц формы проведения как очная, так и дистанционная);
- выпуск методических материалов для сотрудников центров, полипрофессиональной бригады и родителей (1-2 пособия в год);
- участие в организации и проведении научно-практической конференции;
- создание банка методических материалов по вопросам раннего вмешательства.

Одним из направлений деятельности научно-методического центра является открытие экспериментальной площадки по вопросам научно-методического сопровождения ранней помощи семьям, воспитывающим ребенка с ОВЗ.

Организация деятельности экспериментальной лаборатории по вопросам научно-методического сопровождения ранней помощи семьям, воспитывающим ребенка с ОВЗ, осуществляется на основании пакета локальных актов учреждения. Научно-методическое руководство осуществляется преподавателями Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омского государственного педагогического университета им. А.М. Горького, БОУ ДПО «Институт развития образования Омской области». Сюда включены: разработка и внедрение инноваций в деятельность Центров ранней помощи, исследование эффективности внедрения инноваций, обобщение инновационного опыта специалистов-

практиков, проведение научно-практической конференции по реализации модели ранней помощи в Омской области.

Эффективность функционирования системы ранней психолого-медико-социальной помощи семьям, воспитывающим детей с ограниченными возможностями здоровья, определяется двумя видами характеристик: количественной и качественной.

Нами используются следующие количественные характеристики:

- количество обратившихся семей;
- количество диагностических исследований;
- количество проведенных консультаций и занятий;
- количество проведенных консилиумов;
- количество методических разработок;
- количество проведенных научно-методических разработок;
- количество публикаций в СМИ или научных изданиях.

Профессиональную компетентность специалистов, обеспечивающих функционирование системы, отражают следующие качественные характеристики:

- динамика развития детей;
- социологическое исследование субъективной оценки удовлетворенности родителей услугами по вопросам ранней помощи;
- социологическое исследование оценки специалистов, участвующих в реализации модели методических материалов;
- анализ динамики образовательных маршрутов детей с ОВЗ раннего возраста.

Таким образом, система ранней психолого-медико-социальной помощи детям с ОВЗ в Омской области разработана с учетом ряда аспектов:

Концептуальными основаниями данной системы являются позитивный и интегративный подходы.

Структура данной системы включает: ресурсно-методический Центр в городе и четыре Центра раннего развития в районах Омской области, а также структуру взаимодействия специалистов из различных сфер жизнедеятельности: здравоохранения, образования, социальной защиты.

Деятельностный аспект представляет собой описание алгоритма действий специалистов различных учреждений, включенных в данную систему.

Инновационный компонент функционирования данной системы обеспечивается сотрудниками ресурсно-методического Центра в рамках научно-методического сопровождения.

Эффективность функционирования системы определяется в результате мониторинга ряда количественных и качественных показателей.

Библиографический список

1. Орлова, Е.В. Комплексное медико-социальное и психолого – педагогическое сопровождение в системе ранней помощи детям с ограниченными возможностями здоровья. Омск, 2014г., Издат.-полигр. Центр ОмГМА- 70с.
2. Пезешкиан, Н. Психосоматика и позитивная психотерапия. Москва. Медицина, 1996г.-463с.
3. Раннее вмешательство: методики оценки развития ребенка и работа с семьей. Учебно-методическое пособие / под общей редакцией А.В. Старшиновой.-Екатеринбург: НПЦ «Бонум»,2010.-180с.

*L.A. Vorob'eva,
Omsk Region Medical and Psychosocial Support Center.
N.B. Grebennikova
Omsk F. M. Dostoevsky State University.*

ORGANIZATIONS OF SYSTEM OF EARLY PSYCHO-MEDICO-SOCIAL ASSISTANCE TO CHILDREN WITH DISABILITIES IN THE OMSK REGION.

The article describes the structural and the active components of the system of early psycho-medic-social assistance to children with disabilities, based on the conceptual ideas of the positive approach.

Key words: Positive approach, "early intervention", interagency cooperation, home visiting, model of the family raising children with disabilities.

References

1. Orlova E.V. *Kompleksnoemediko-sotsial'noeipsikhologo-pedagogicheskoesoprovozhdenie v sistemeranneypomoshchidetyam s ogranichennymivozmozhnostyamizdorov'ya* [Comprehensive medical, social and psycho-pedagogical support in the system of early intervention for children with disabilities]. Omsk, 2014, OmGMAPubl. Center. 70 p.

2. Pezeshkian N. *Psikhosomatikaipozitivnayapsikhoterapiya* [Psychosomatics and positive psychotherapy]. Moscow, Medicina, 1996. 463 p.

3. *Ranneevmeshatel'stvo: metodikiotsenkirazvitiyarebenka i rabota s sem'ey.* Educational-methodical manual. by A.V. Starshinova. [Early intervention: assessment of child development and working with families]. Ekaterinburg: Bonum, 2010. 180 p.

Авторы статьи:

Лариса Анатольевна Воробьева, заместитель директора Центра медико-психолого-социального сопровождения Омской области;

Наталья Борисовна Гребенникова, кандидат педагогических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского. Тел. 8 908 319 31 40. grebennikova-nb@mail.ru

Рецензенты:

М.П. Ланкина, доктор педагогических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.

Е.Б. Штучная, доктор педагогических наук, доцент, Омский государственный университет путей сообщения.

УДК 378+316.472.45

Р.А. Заякина, С.Е. Ильин

Новосибирский государственный технический университет (НГТУ)

ОСОБЕННОСТИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ УНИВЕРСИТЕТОВ ДЛЯ РЕАЛЬНЫХ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ СЕТЕВЫХ ПАРТНЕРОВ (НА ПРИМЕРЕ ВУЗОВ Г. НОВОСИБИРСКА)¹

В статье анализируются самопрезентации трех университетов г. Новосибирска, входящих в число ведущих (НГУ, НГПУ, НГТУ). Признается актуальным такое рассмотрение материалов данных самопрезентаций, которое учитывало бы ключевые концептуальные положения сетевого подхода. Предлагается сопоставление четырех аспектов самопрезентаций. Во-первых, образов партнерского сетевого сообщества, включающего вуз; во-вторых, образов места и роли вуза в этом сообществе; в-третьих, образа перспектив развития партнерского сетевого сообщества вуза; в-четвертых, образа перспектив развития вуза в указанном сообществе. На основании проведенного сопоставления, с одной стороны, выявляются черты, объединяющие самопрезентации названных вузов, с другой – черты, придающие уникальность имиджу каждого из них.

Ключевые слова: научно-образовательные сети, сетевое партнерство, современный университет, самопрезентация.

Сетевые формы учебного, научного и организационно-управленческого взаимодействия в сфере высшего образования являются сегодня своеобразным трендом. Стремительному развитию социальных процессов сетевого типа в образовании способствуют как внешние, так и внутренние причины. С одной стороны, общая социальная ситуация диктует необходимость мобильного реагирования на глобальные вызовы и изменения, выработку стратегий вхождения в мировые интеллектуальные и коммуникационные сети. С другой стороны, университетами изнутри поощряются предпринимательство и производство инно-

ваций, связи с региональной промышленностью. Все это требует новых форм преподавания, проведения интенсивных исследований и развития отношений с сетью единомышленников.

Особого внимания в обозначенном контексте заслуживают такие действия университетов в сети, которые ориентированы на представление себя (своих образовательных технологий, разработок научных школ, требующих внедрения проектов, новых научных направлений и пр.) реальным и потенциальным сетевым партнерам, т. е. самопрезентация. Образ, который университет создает в ходе самопрезентации, отражает количество его связей, наполненность сетевых каналов ресурсами, возможность создания новых устойчивых партнерских отношений и т. д. В то же время, удачно сконструированный образ университета может оказаться средством получения дополнительных конкурентных преимуществ в академических и профессиональных сетях, тогда как если вузу не удастся создать или сохранить благоприятный имидж, его реальное влияние в сети будет все более ограниченным. Очевидно, в данном случае работает известный механизм, обеспечивающий гибкое равновесие между действиями актора и средой: «объективная реальность может быть легко «переведена» в субъективную реальность и наоборот» [1, с. 218].

С учетом актуальности темы вполне понятен интерес, который проявляют к ней исследователи. В настоящее время интенсивно разрабатываются как вопросы формирования имиджа вузов [2; 3; и др.], так и вопросы специфики партнерских сетей университетов [4-6; и пр.]. Впрочем, складывается устойчивое впечатление, что превалирующим остается именно раздельное изучение указанных сюжетов, т. е. создание теории, способной последовательно объединить их, пока не завершено.

В числе прочего, для приведения подобной теории к окончательному виду необходим тщательный эмпирический анализ способов самопрезентации, *фактически* используемых вузами в ходе конструирования и представления своего образа реальным и потенциальным сетевым партнерам. Иными словами, первоочередной задачей на пути выявления общих тенденций в процедуре самопрезентации университетов видится поиск конкретных стратегий самопрезентации, которые, во-первых, имели бы отношение к описанию места университета в соответствующей сетевой структуре, и, во-вторых, могли бы быть признаны эффективными. Такому поиску посвящена данная статья. Точнее, она направлена на изложение результатов первичного качественного анализа материалов самопрезентаций, размещенных в сети Интернет тремя крупными вузами Новосибирска: Новосибирским государственным университетом (НГУ), Новосибирским государственным педагогическим университетом (НГПУ) и Новосибирским государственным техническим университетом (НГТУ). Ввиду значительного объема массива данных, доступных для анализа, приоритет был отдан официальным материалам с университетских сайтов (в частности, опубликованным на них итогам самообследования названных университетов) [7-9], однако в действительности круг привлеченных источников был шире и, так или иначе, позволил охватить тексты (новостные ленты, интервью с сотрудниками университетов, рейтинги, официальную информацию и пр.), а также фото- и видеоматериалы (в которых ключевые аспекты создаваемого университетом образа нередко кристаллизуются и дублируются).

Остановимся кратко на *методологических допущениях*, фундирующих работу. Анализ продемонстрировал, что образцы самопрезентации рассматриваемых вузов Новосибирска отсылают к нескольким ключевым типам сетевых отношений, которые продуктивно систематизировать с опорой на концепцию «пентаспирали». Согласно данной концепции, «Базовыми составляющими <...> «пентаспирали» являются: наука, образование, бизнес; внешними составляющими, обеспечивающими эффективное функционирование базовых <...> – власть, институты гражданского общества» [10, с. 9].

Однако сама по себе реконструкция образа партнерских сетевых отношений вуза недостаточна. Не менее важно то, как именно вуз характеризует свое собственное положение

в сети, а также осмысляет проблемы согласования различных направлений своей сетевой активности. Эти вопросы мы сочли необходимым разобрать отдельно.

Наконец, подчеркнем, что картина, подытоживающая анализ сетевой активности университетов по вышеназванным направлениям, не позволяет оценить эволюцию активности вузов и их сетевых партнеров. Поэтому мы дополнили изложение результатов анализа самопрезентаций двумя характеристиками, симметричными вышеназванным, однако воссоздающими образ перспектив изменения сетевого партнерского сообщества вуза – и самого университета, который в данное сообщество включен.

Рассмотрим перечисленные аспекты самопрезентаций университетов более подробно.

Образ партнерского сетевого сообщества, в которое включен вуз.

Особенности образов сетевого взаимодействия НГУ, НГПУ и НГТУ с внешними составляющими «пентаспирали» по материалам самопрезентаций указанных университетов таковы.

Отношения вузов с государством отражены сходным образом в случае всех рассматриваемых университетов. Это обусловлено спецификой образовательной системы нашей страны: любой вуз закономерно взаимодействует с целым рядом государственных структур, что и находит отражение в самопрезентациях. В соответствии с имеющимися контрактами существенная часть расходов на содержание университетов и их функционирование предусмотрена федеральным бюджетом; исследовательская активность студентов, аспирантов и преподавателей поддерживается стипендиями, грантами, мегагрантами; и пр. В дополнение государство воспринимается как транслятор интересов общества в сфере образования, предъявляющий формальные требования к организации работы вузов, выдвигающий критерии соответствия, а также формулирующий дополнительный запрос на ориентацию высшего образования, на социальные и культурные ценности.

Более специфичны образы сетевого взаимодействия университетов с *организациями гражданского общества*. Несмотря на объединяющий все три вуза интерес к участию в социально значимых акциях, способствующих укреплению институтов гражданского общества, каждый университет вносит в реализацию таких акций особый вклад.

НГУ упоминает в самопрезентациях участие со своей стороны в спектре культурных и просвещающих акций (университет включен в число экскурсионных маршрутов Новосибирска; музей истории НГУ выполняет функции архивно-справочного и выставочного комплекса; налажено соответствующее сотрудничество с преподавателями школ многих сибирских городов; и т. д.).

НГПУ относит задачу поддержания высокого уровня социальной и моральной ответственности студентов и преподавателей к числу приоритетных. Создаваемые здесь в рамках внеучебной деятельности студентов объединения (а их более сорока) предполагают направленное установление прочных связей между НГПУ и организациями гражданского общества.

Материалы самопрезентации *НГТУ* говорят, прежде всего, о внимании вуза к налаживанию сетей, ориентирующих внеучебную активность студентов на ценности успешной просоциальной адаптации и воспитания. В данные сети включен ряд комиссий с четко прописанными функциями, способствующими эффективному достижению обозначенной цели. Кроме того, НГТУ принимает участие в ряде социальных и культурных проектов.

Итак, даже анализ образов взаимодействия вузов с внешними составляющими «пентаспирали» позволяет отметить различия в содержании рассматриваемых самопрезентаций. Еще более ярко особенности представления сетевой активности университетов проявляются в образах взаимодействий с базовыми составляющими «пентаспирали».

Образ партнерской сети НГУ в данном случае таков.

Наука: НГУ прочно интегрирован в систему научно-исследовательских институтов Новосибирского Академгородка (более двадцати), поскольку план организации Академго-

родка с самого начала состоял именно в объединении образовательной и научной составляющих. Вуз и институты выстраивают следующие отношения:

- во-первых, НГУ готовит кадры для институтов (сообщается, что около тридцати пяти процентов выпускников трудоустраиваются в институты или зачисляются в аспирантуру – в т. ч., на базе институтов);

- во-вторых, образовательные программы строятся с ориентацией на привлечение практикующих ученых, в связи с чем до восьмидесяти процентов преподавателей – сотрудники системы НИИ;

- в-третьих, в соответствии с характером названных выше отношений, студенты и ученые/преподаватели университета и институтов отчасти вовлечены в общие научно-исследовательские проекты: у вуза и институтов более тридцати совместных лабораторий.

Важно, что отношения НГУ и исследовательских институтов при этом не ограничиваются Новосибирском и даже Россией: соглашения о сотрудничестве заключены также с рядом зарубежных исследовательских институтов, в том числе и через университеты.

Образование: фиксируется, что НГУ поддерживает тесные связи с большим количеством других вузов (указывается 109 университетов в 24 странах мира). Отношения затрагивают несколько основных направлений: совместные образовательные программы с зарубежными вузами (около тридцати); реализацию идеи сетевых университетов в составе консорциума вузов (подчеркивается: ведущих вузов) постсоветского пространства; поддержку «слабых связей» через выпускников НГУ, работающих в известнейших университетах (Гарвардский университет, Калифорнийский университет в Беркли, Стэндфордский университет, Чикагский университет и др.).

Бизнес: НГУ выказывает заинтересованность в сотрудничестве с самыми разными субъектами экономики. Отношения выстраиваются через трудоустройство выпускников (сообщается, что многие из них работают в компаниях с мировым именем); кадровые, деловые, неформальные связи с Технопарком Академгородка, а через него – инновационными предприятиями; партнерские связи факультетов и фирм/предприятий/компаний.

Образ партнерской сети НГПУ по материалам его самопрезентации выглядит иначе.

Наука: НГПУ заключил ряд соглашений о сотрудничестве с исследовательскими институтами, на базе университета функционируют научно-исследовательские лаборатории, позволяющие поддерживать тесные связи с научным сообществом. Указывается, что в вузе сложились свои научные школы, открывающие возможности включения молодых специалистов в научно-исследовательскую деятельность НГПУ и, соответственно, их приобщения к партнерским сетям университета. Вуз принимает участие в обмене научными идеями с другими образовательными и научными учреждениями страны и мира.

Образование: не вызывает сомнений, что в силу специфики обозначенного университета именно сотрудничество с образовательными учреждениями составляет одно из приоритетных направлений его сетевой деятельности. Следует отметить, во-первых, взаимодействие с зарубежными вузами. Сообщается, что международные связи НГПУ в данной области охватывают 49 образовательных учреждений в 20 странах мира. Кроме того, явно прослеживаются активные сетевые взаимодействия с российскими университетами и институтами различной направленности. При этом среди упомянутых университетов как минимум семь имеют педагогическую ориентацию, что открывает дополнительные возможности продуктивного сотрудничества с НГПУ. Также вуз взаимодействует по вопросам повышения качества образования в регионе со школами, центрами дополнительного образования и другими заинтересованными организациями, в ряде случаев выступая ключевым актором региональной научно-образовательной сети.

Бизнес: В сравнении с другими рассматриваемыми вузами количество ссылок на взаимодействие НГПУ с субъектами экономики в рамках партнерских сетей относительно невелико, что позволяет еще раз подтвердить вывод о существовании различий в иерархии при-

оритетов сетевой активности вузов Новосибирска. Впрочем, нельзя не отметить, что связи НГПУ и бизнеса, несомненно, имеют место. Материалы самопрезентаций содержат указания на соглашения о сотрудничестве с рядом компаний/фирм/предприятий, а также на тот факт, что на базе НГПУ создаются малые предприятия.

Остается рассмотреть *образ партнерской сети НГТУ*.

Наука: осуществление научно-исследовательской работы признается важным для НГТУ. Приоритет отдается проектам прикладной направленности, предполагающим возможность быстрого внедрения. В частности, сообщается, что в 2013 году вузом выполнялось 215 научных проектов, в которых были заинтересованы партнеры НГТУ (от государства до предприятий). Подчеркивается, что основанием для успешной реализации подобных проектов является наличие у НГТУ договоров о сотрудничестве с рядом научно-исследовательских институтов, а также специализированных научно-исследовательских лабораторий и научных школ, работа которых имеет результатом не только академические знания, но и экономически эффективные приложения. Кроме того, научные исследования осуществляются в рамках специальных сетей, включающих как отечественных, так и зарубежных акторов. В научной деятельности принимают участие преподаватели, докторанты, аспиранты и студенты, что способствует расширению соответствующих сетей.

Образование: НГТУ демонстрирует заинтересованность в разностороннем развитии сети партнерских отношений в области реализации образовательных программ. Отмечается, что с 2010 г. вуз принимает участие в проекте «Лучшие образовательные программы инновационной России», организуемом Национальным центром общественно-профессиональной аккредитации, что дополнительно стимулирует обмен идеями с партнерами. Как и НГУ, НГТУ указывает на свое участие в международных сетевых проектах ассоциаций университетов, заключение партнерских соглашений с зарубежными университетами. Вуз участвует в международных образовательных проектах (TEMPUS, ERASMUS JeanMonnetProgram, «На пути к современному и инновационному высшему образованию» и др.).

Бизнес: НГТУ часто обращает внимание на то, насколько значимую роль в иерархии его целей играет участие в экономической деятельности и актуализация необходимых для этого сетевых отношений. Во-первых, вуз проявляет внимание к трудоустройству студентов и выпускников. Среди компаний, которые обращаются к вузу – экономические субъекты с мировыми именами. Во-вторых, часть общего объема научно-исследовательской работы в НГТУ осуществляется по договорам и контрактам с предприятиями и организациями. В-третьих, собственная технопарковая зона университета включает 20 малых инновационных предприятий. Все они активно вовлечены в региональные производственные сети.

Образ места и роли вуза в партнерском сетевом сообществе.

Данный пункт удобно раскрыть, опираясь на составляющие обязательную часть материалов самопрезентаций вузов описания их миссий, отражаемых, среди прочего, в отчетах по результатам самообследования.

НГУ при разъяснении своей стратегической цели упоминает такие задачи, как подготовка высококвалифицированных специалистов для научной и инновационной деятельности; производство новых научных знаний, содействие эффективному применению этих знаний. В данном случае можно констатировать следование получающему все более широкое распространение подходу, согласно которому миссия университета на современном этапе развития системы образования более не может ограничиваться сохранением и преумножением знания; это знание необходимо также конвертировать в экономические приложения, которые будут способствовать развитию региона и страны в целом. Кроме того, с учетом характеристики НГУ как «сердца Академгородка», можно заключить, что университет видит свою роль также в обеспечении перманентного функционирования сети, в которую он включен. Наконец, вуз подчеркивает: он связан с *ведущими* университетами; участвует в

инновационных проектах, *не имеющих аналогов* в России и т. д.; входит в тройку *лучших* вузов России согласно международным рейтингам; иными словами, НГУ активно позиционирует себя в качестве актора, который может быть привлекателен для новых (потенциальных) сетевых партнеров.

НГПУ при обсуждении функций, которые признает ключевыми, опирается на иную формулировку миссии. Последняя состоит в сохранении и преумножении нравственных, культурных и научных ценностей общества через формирование и развитие кадрового потенциала системы образования. Здесь показательны два факта. Во-первых, то, что НГПУ с другими рассматриваемыми университетами объединяет внимание к подготовке научных кадров (т. е. репродукции партнерских сетей); во-вторых, – тот факт, что НГПУ (в отличие от НГУ и НГТУ), прописывая свою миссию, делает основной акцент *не* на научных или экономических, а на *образовательных и ценностных* результатах своей деятельности. НГПУ позиционирует себя в качестве крупнейшего педагогического вуза Сибири и Дальнего Востока (Сибирского региона). Исходя из этого, свою роль он видит в формировании партнерской сети с участниками процесса совершенствования педагогического образования именно в регионе. Университет подчеркивает свою готовность способствовать расширению партнерской сети, а также содействовать сохранению ранее установленных контактов посредством организации взаимодействия между партнерами на регулярной основе. Интересно, что получаемые в ходе упомянутого выше сетевого взаимодействия сведения вуз полагает необходимым использовать в целях формирования таких процедур подготовки педагогических кадров, которые нивелировали бы инертность системы образования в плане организации процесса обучения молодых педагогов.

Свои особенности имеет и образ функций *НГТУ*. В первую очередь, называется подготовка кадров для инновационной экономики региона и России. За этой формулировкой можно видеть, во-первых, диахронический аспект работы системы образования, связанный с трансляцией профессиональных знаний от поколения к поколению; во-вторых, специализацию НГТУ, т. к. подготовка кадров для инновационной экономики предполагает формирование специфических компетенций; в-третьих, преобладание региональной сетевой активности университета в сфере образования над межрегиональной. Дополнительно уточнить роль НГТУ в сети позволяют такие цели вуза, как развитие инженерно-технического образования, проведение фундаментальных и прикладных научных исследований мирового уровня и трансферт результатов интеллектуальной деятельности. В первом случае вновь видна специализация образа университета; в остальных – как и в случае НГУ, налицо ориентация на внедрение генерируемых наукой знаний в экономику. Кроме того, необходимо подчеркнуть указание на высокие позиции НГТУ по результатам ряда независимых рейтинговых исследований, что может свидетельствовать о выполнении вузом функции привлечения новых сетевых партнеров.

Образ перспектив развития партнерского сетевого сообщества вуза.

НГУ, как видно из его Программы развития, в ближайшие годы планирует повышать свою международную конкурентоспособность и утвердиться «в качестве ведущего центра обучения студентов из России, Центральной и Северной Азии и Восточной Европы» [7, с. 2]. Для партнерской сети университета это может означать: во-первых, включение сети партнеров НГУ в более крупные сети на международном уровне; во-вторых, упрочение (посредством сетевой активности университета) связей азиатских и европейских и/или американских партнеров НГУ; в-третьих, дальнейшее расширение сети путем привлечения НГУ новых партнеров извне.

НГПУ подчеркивает значимость дальнейшего расширения спектра сетевых взаимодействий (при укреплении имеющихся) для получения дополнительных преимуществ в деле реализации стоящих перед университетом и его партнерами задач. В частности, предполагается установление дополнительных связей с образовательными и научными учрежде-

ниями внутри страны и на международном уровне; расширение программ академического обмена и стажировок; деятельность по реализации текущих и утверждению новых совместных проектов и образовательных программ; и т. д.

НГТУ, несмотря на то, что из вышесказанного следует вывод о наличии у него достаточно разветвленной и крепкой сети партнерских связей, ставит своей стратегической целью «формирование научно-образовательной среды университета международного уровня, интегрированной с прикладной и фундаментальной наукой, бизнесом, потребителями, международным рынком образовательных услуг» [9, с. 3-4]. Это говорит о стремлении *НГТУ*: во-первых, дальше расширять сетевую сферу своей деятельности, привлекая новых партнеров из перечисленных ранее областей; во-вторых, создать, расширить и укрепить такие связи, которые позволили бы консолидироваться с новыми акторами международного уровня.

Образ перспектив развития вуза в партнерском сетевом сообществе.

Из трех рассматриваемых университетов *НГУ* – единственный вуз, результаты самообследования которого фиксируют в количественной форме стоящие перед университетом до 2020 г. задачи (как то: вхождение в список 100 лучших университетов мира по версии рейтинга QS (с точностью до 50-и мест), средний показатель цитируемости на 1 НПП, доля зарубежных профессоров, преподавателей и исследователей в численности НПП и пр.). Это, во-первых, демонстрирует практичность вуза во взгляде на приоритеты своей деятельности; и, во-вторых, открывает дополнительные возможности по курированию и своевременной коррекции хода реализации намеченных целей. В результате можно предположить, что *НГУ* серьезно намерен занять позицию учреждения, подготавливающего «интеллектуальную элиту» [7, с. 2], а это, в свою очередь, является потенциальным средством повышения привлекательности имиджа университета для новых сетевых партнеров.

Исходя из списка приоритетных задач *НГПУ*, изложенных в рамках программы стратегического развития, можно отметить, что вуз, прежде всего, планирует использовать преимущества сетевого взаимодействия с партнерами для повышения эффективности своей образовательной работы. В частности, для модернизации образовательного процесса признается необходимым совершенствование и развитие внутрироссийской и международной мобильности аспирантов и преподавателей, а также использование открытий и разработок, получаемых в связанных с *НГПУ* научно-исследовательских лабораториях и научно-исследовательских институтах. При этом важная особенность *НГПУ* как вуза педагогической направленности состоит в том, что интегрируемые им достижения в области организации образовательного процесса впоследствии, в свою очередь, будут использованы педагогами-выпускниками *НГПУ* в ходе профессиональной деятельности, что может способствовать общему обновлению системы довузовского образования.

Ориентируясь на программу стратегического развития в изложении *НГТУ*, отметим, что в число непосредственных приоритетов данного вуза входит развитие в ближайшем будущем научной и инновационной инфраструктуры, а также совершенствование научно-образовательной деятельности, направленное на кадровое обеспечение нужд экономики. Это говорит о стремлении университета расширять степень своего участия в реализации экономического потенциала страны и предполагает такое его развитие, которое будет основано на укреплении совокупности сетевых отношений с субъектами экономики. В данном ключе интерес представляет сопоставление с *НГУ*, где наряду со схожими программными пунктами фигурирует заявка на становление ведущим центром обучения в регионе (здесь такой заявки обнаружить не удалось). Можно предположить, что в вопросе включения в *образовательные* сети ценности этих университетов несколько различны.

Завершая изложение результатов исследования материалов самопрезентаций вузов Новосибирска, обозначим основные выводы. Во-первых, исследование оказалось продуктивным в части выявления ключевых направлений, по которым можно организовать процедуры самопрезентации вуза (характеристика партнерской сети вуза, характеристика места

вуза в партнерской сети, характеристика перспектив развития этой сети, а также характеристика перспектив развития вуза в сети). Во-вторых, удалось получить дополнительные свидетельства в пользу тезиса о наличии существенных различий в образах, создаваемых университетами для представления себя реальным и потенциальным сетевым партнерам. В-третьих, произведенный анализ открывает возможность выявления нескольких эффективных путей специализации образа вуза. К числу таковых необходимо отнести: образ вуза, связанного с наукой; образ вуза, ориентированного на работу в области оптимизации образовательной системы; образ вуза, активно реализующего прикладные проекты и осуществляющего прикладные исследования.

Поскольку в силу специфики избранной темы нас интересовали не факты жизни вузов как таковые, а их преломление интерпретационными «линзами», имманентными университетам как акторам партнерских сетевых сообществ, мы постарались сохранить и передать (разумеется, в обобщенном виде) отличительные черты образа каждого из вузов, воздерживаясь от каких-либо оценок. Однако качественный анализ всегда делает проблематичным нивелирование субъективности получаемых с его помощью выводов (таково одно из его основных методологических ограничений), а потому полагаем необходимой дальнейшую работу по уточнению и проверке с помощью других исследовательских инструментов тех из приводимых нами тезисов, которые непосредственно характеризуют образы университетов.

Примечания

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФНФ в рамках проекта №: 14-06-00353 «Теоретико-методологические основания изучения деятельности вуза в партнерских сетевых сообществах»

This article has been written within the project of Russian Foundation for Humanities “Theoretical and methodological grounds for studying activity of a university in partner network communities”, No. 14-06-00353.

Библиографический список

1. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Сидорова, В.Л. Формирование эффективного имиджа вуза / В.Л. Сидорова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 6. Университетское образование. – 2008. – №11. – С. 13-20.
3. Kuenssberg S. The Discours of Self-Presentation in Scottish University Mission Statements / S. Kuenssberg // Quality in Higher Education. – 2011. – Vol. 17. – No.3. – P. 279-298.
4. Заякина, Р.А., Ромм М.В. Инновационный вуз как субъект сетевого взаимодействия / Р.А. Заякина, М.В. Ромм // Высшее образование в России. – 2013. – № 4. – С. 118-124.
5. Князев, Е.А., Дрантусова Н.В. Сети в профессиональном образовании / Е.А. Князев, Н.В. Дрантусова // Университетское управление: практика и анализ. – 2010. – №5(69). – С. 24-31.
6. Маковеева, В.В. Сетевое взаимодействие – ключевой фактор развития интеграции образования, науки и бизнеса / В.В. Маковеева // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – №354. – С. 163-166.
7. Отчет о самообследовании: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет» (Новосибирский государственный университет, НГУ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nsu.ru/rs/mw/link/Media:/18816/samoobsledovanie_2014.pdf.
8. Отчет о самообследовании по состоянию на 1 апреля 2014 г.: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Новосибирский государственный педагогический университет» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nspu.ru/upload/about/otchet_samoobsledovanie_2014.pdf.
9. Отчет о самообследовании деятельности университета за 2013 г.: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Новосибирский государственный технический университет» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nstu.ru/static_files/30030/file/nstu_otchet_samoobsledovanie_2013.pdf.

10. Федоров, М.В., Пешина, Э.В., Гредина О.В., Авдеев П.А. Пентаспираль – концепция производства знаний в инновационной экономике / М.В. Федоров, Э.В. Пешина, О.В. Гредина, П.А. Авдеев // Управленец. – 2012. – №3-4(31-32). – С. 4–12.

R.A. Zayakina, S.E. Il'in
Novosibirsk State Technical University (NSTU)

PECULIARITIES OF UNIVERSITIES' SELF-PRESENTATIONS ORIENTED TOWARD ACTUAL AND POTENTIAL NETWORK PARTNERS (A CASE STUDY OF NOVOSIBIRSK UNIVERSITIES)

The article provides the analysis of self-presentations of the three leading universities of Novosibirsk (Novosibirsk State University, Novosibirsk State Pedagogical University and Novosibirsk State Technical University). Network perspective is argued to be a promising methodological tool for conducting the analysis since it allows to distinguish four important aspects of universities' self-presentations. First, it is the image of university's network partners. Second, it is the image of university's position in the network. Third, it is the image of prospects for development of the network which includes university, and fourth, it is the image of prospects for development of the university in the network. The analysis of these aspects of the Novosibirsk universities' self-presentations shows that along with several common features mentioned, self-presentations have a number of significant differences, which make the image of each university unique.

Key words: research and education networks, network partnership, contemporary university, self-presentation.

References

1. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A treatise in the sociology of knowledge]. Moscow, Medium, 1995. 323 p.
2. Sidorova V.L. Forming an effective image of higher school. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya 6, Universitetskoe obrazovanie*, 2008, no. 11, pp. 13-20.
3. Kuenssberg S. The Discours of Self-Presentation in Scottish University Mission Statements. *Quality in Higher Education*, 2011, vol. 17, no. 3, pp. 279-298.
4. Zayakina R.A., Romm M.V. Innovative University as Subject of Network Communication. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 2013, no. 4, pp. 118-124.
5. Knyazev E.A., Drantusova N.V. Nets in Professional Education. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2010, no. 5(69), pp. 24-31.
6. Makoveeva V.V. Network interaction: the key factor of education, science and business integration. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 354, pp. 163-166.
7. *Otchet o samoobsledovanii: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdeniye vysshego professional'nogo obrazovaniya «Novosibirskii natsional'nyi issledovatel'skii gosudarstvennyi universitet» (Novosibirskii gosudarstvennyi universitet, NGU)*, http://www.nsu.ru/rs/mw/link/Media:18816/samoobsledovanie_2014.pdf.
8. *Otchet o samoobsledovanii po sostoyaniyu na 1 aprelya 2014 goda: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdeniye vysshego professional'nogo obrazovaniya «Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet»*, http://www.nspu.ru/upload/about/otchet_samoobsledovanie_2014.pdf.
9. *Otchet o samoobsledovanii deyatel'nosti universiteta za 2013 god: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdeniye vysshego professional'nogo obrazovaniya «Novosibirskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet»*, http://www.nstu.ru/static_files/30030/file/nstu_otchet_samoobsledovanie_2013.pdf.
10. Fedorov M.V., Peshina E.V., Gredina O.V., Avdeev P.A. Pentahelix as a Concept of Knowledge Production in Innovative Economy. *Upravlenets*, 2012, no. 3-4(31-32), pp. 4-12.

Авторы статьи:

Раиса Александровна Заякина, кандидат философских наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет (НГТУ);

Семен Евгеньевич Ильин, аспирант, Новосибирский государственный технический университет.

Рецензенты:

Л.А. Осмук, доктор социологических наук, профессор, Новосибирский государственный технический университет;

Т.А. Ромм, доктор педагогических наук, профессор, Новосибирский государственный технический университет.

**ПРОБЛЕМНЫЕ ПОЛЯ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ,
ОБУСЛОВЛЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ
(по материалам диссертационных исследований)**

В статье анализируются современные диссертационные исследования по гуманитарным научным дисциплинам, проблематика которых обусловлена социальными изменениями действительности, оказывающими влияние на педагогическую деятельность. В результате проведенного анализа научных исследований определяются ведущие тенденции в исследованиях, что позволяет выделить проблемные поля в современном социальном взаимодействии в педагогической деятельности. Определение тенденций научных исследований и проблемных полей в практике организации современного социального взаимодействия в педагогической деятельности актуально для системы дополнительного профессионального образования и является основой построения концепции подготовки педагогов к социальному взаимодействию на современном этапе.

Ключевые слова: социальное взаимодействие, педагогическая деятельность, социальные изменения, проблемные поля.

Социальные изменения, масштабность, динамичность и скорость которых оказывает влияние на все сферы человеческой жизнедеятельности, наиболее деструктивными оказываются для системы образования. Данное положение подтверждается несколькими аргументами. Во-первых, образование как социальный институт традиционно характеризуется определенной консервативностью к любому рода изменениям, что, с одной стороны, позволяет ему сохранять традиции, но с другой – проявлять очевидное отставание от развития социально-экономического и научно-технологического секторов. Во-вторых, социальное взаимодействие как система человеческих отношений, связей, лежащее в основе функционирования социального института – образования, в наибольшей степени испытывает деструктивное влияние от происходящих социальных изменений. В-третьих, поскольку миссия образования заключается в подготовке следующего поколения к плодотворной жизни в обществе, в обеспечении ему успешной социализации, в демонстрации модели социальной жизни, постольку сила трансформаций, деструкций, обусловленных динамичными и перманентными социальными изменениями российской действительности, ослабляет профессиональное кредо образования.

Итак, если в основании педагогической деятельности лежит социальное взаимодействие (связь, отношения, совместная деятельность всех субъектов образования, определяемые ценностями, целями, потребностями), то именно социальное взаимодействие оказывается наиболее уязвимо влиянию социальных изменений. При этом, под социальными изменениями, интегрируя классические определения, мы понимаем необратимые изменения состояния (компонентов, функций, др.) системы (социальной организации, общности, социального института, др.) в течение некоторого времени. Так, в Российской социологической энциклопедии социальное изменение определяется как «переход социального объекта из одного состояния в другое; любая модификация в социальной организации общества, его социальных институтах и социальной структуре, установленных в нем образцов поведения» [1]. Э. Хоули под социальными изменениями понимает любую необратимую переменную социальной системы, рассматриваемую как целостность [2]. Г. И. Козырев под социальными изменениями понимает происходящее с течением времени преобразование в организации общества, образах мышления и образцах поведения [3]. Л. Н. Москвичев пишет, что «...социальные изменения обозначают различные социальные переменные, происходящие в

течение некоторого времени внутри социальных систем и во взаимоотношениях между ними, в обществе в целом как социетальной системе» [4, С.606].

Изменения в обществе, социальные изменения, изменения социального взаимодействия характерны не только для нашего времени, они, по выражению П. Штомпки, «отражают одно из основных свойств природы вообще, являясь отражением и выражением вечного человеческого беспокойства, борьбы человека за лучшую жизнь, постоянного поиска чего-то нового, лучшего» [2, С. 274]. В своих работах П. Штомпка приводит несколько определений социального изменения, трактуя понятие социального изменения как «различие между состоянием социальной системы в определенный момент и состоянием той же самой системы в другой момент, на другом отрезке времени» [2, С.445].

Таким образом, изменение социальной системы может характеризоваться изменением структуры взаимодействия компонентов, изменением ценностей, норм, функций. Очевидно, что изменения в социальном взаимодействии в профессиональных отношениях и в повседневной жизни являются следствием и показателем нарастающих социальных изменений.

Закономерным показателем происходящих изменений является показатель неопределенности, вызывающий напряженность в любой социальной системе (обществе, организации, институте). Независимо от характера и направления социальных изменений, в обществе под воздействием изменений нарастает напряженность на фоне противоречия между новой и старой социальными системами, меняется привычная система социальных взаимодействий. Именно данная позиция объясняет высокую актуальность исследовательского внимания к педагогической деятельности, ее структуре и ее специфике на современном этапе, подтверждающую необходимость решения возникающих проблем для педагогической науки и практики. Так, в педагогических исследованиях последних лет, посвященных изучению различных аспектов социального взаимодействия в педагогической деятельности, прослеживается тенденция зависимости возникающих проблем от происходящих социальных изменений. Одним из важнейших путей решения таких проблем и развития современного образования в целом большинство ученых называют подготовку педагога нового типа, готового эффективно работать в новых социальных условиях (Е. Н. Глубокова, В. И. Горюва, А. Ю. Козырева, Е. В. Пискунова, Л. С. Подымова, Н. Н. Суртаева и др.).

Остановимся на анализе педагогических исследований последнего десятилетия с целью выявления проблемных полей социального взаимодействия в педагогической деятельности, обусловленных влиянием социальных изменений.

Значительная доля педагогических исследований посвящена проблеме формирования и развития навыков социального взаимодействия субъектов образования (обучающихся, студентов, педагогов). М.В. Гуковская (2008) проводит исследование по проблеме формирования компетенции социального взаимодействия будущего социального педагога в условиях вуза. Е.В. Харитонова (2011) изучает возможности формирования опыта социального взаимодействия подростка в учреждении дополнительного образования детей; Гайнутдинова И.Р. (2010) – формирование готовности старшеклассников к социальному взаимодействию как условие их успешной социализации.

Л.Г. Осипова (2007), А.С. Молчанов (2001) посвящают свои исследования построению системы взаимодействия учащихся с окружающим миром и людьми посредством освоения новых технологий коммуникации, обусловленных коренными изменениями в современном обществе и образовании, связанных с информатизацией. Развитие активного общения людей посредством телекоммуникационных средств с помощью компьютера становится явлением социальным и представляет собой активный процесс взаимодействия человека с информационным богатством, накопленным обществом. Процесс социализации учащихся должен обеспечить готовность жить и работать в качественно новой информационной среде. Так, Л.Г. Осипова целью своего исследования ставит выявить и обосновать педагогические условия формирования опыта социального взаимодействия подростков в школьной

информационной образовательной среде. Цель исследования А.С. Молчанова состоит в том, чтобы на основе анализа педагогических инноваций разработать педагогические информационные инновации как способ изменения качества образования и спроектировать модели их применения в профессиональной подготовке студентов.

Социальная потребность в открытом образовании возникла как следствие масштабных социальных изменений, детерминированных глобализацией, интенсивным развитием экономики, промышленности, техники и науки. Именно открытое образование способно преодолеть разрыв между существующей образовательной системой и рынком труда, считает И.Н. Любин (2006). Цель данного исследования заключается в выявлении влияния процессов открытого социального взаимодействия профессионально-педагогического колледжа с потребителями образовательных услуг на качество подготовки кадров, а также разработки модели управления открытым социальным взаимодействием субъектов образовательной деятельности. «Именно в силу широкого социального взаимодействия с социумом система среднего профессионального образования приобретает способность прогнозировать и учитывать перемены в экономике, отражать изменения в технологии и управлении производством, предоставлять возможность профессионального развития», – пишет автор [5].

Проблемы современного образования, инициированные социальными изменениями, выступают предметом исследования не только педагогики, но и других гуманитарных наук – философии, социологии. Так, А.Ю. Наумова (2013) в своей диссертации «Взаимосвязь ценностной динамики международной интеграции систем образования и социокультурных изменений российского образования» ключевой проблемой видит, что нарастающее взаимодействие разных стран в процессах глобализации ставит ряд проблем интеграции их систем образования, поскольку образование является ключевым фактором формирования личности. Автор анализирует проблемы международных аспектов образовательных реформ в их аксиологическом измерении (соотношения глобального и национального компонентов в образовательных программах; представленности аксиологической основы отечественных и инокультурных традиций в современном образовании; путей и степени социализации личности, подготовленной по разным программам в отличающихся моделях образования и др.). Праксиологическое значение процессов международной интеграции систем образования в работе раскрывается через понятие социального взаимодействия. Анализ аксиологической динамики международной интеграции вскрывает широкий спектр ценностных установок субъектов образования, выделяет разные формы интеграции – оптимальную (созидательно-гармонизирующую) и неоптимальную (в виде манипулятивной, экспансивной интеграции, псевдоинтеграции и даже дезинтеграции предыдущих связей).

Аксиологический аспект социального взаимодействия в педагогической деятельности под влиянием изменений анализирует также Е.Н. Кузнецова (2013) в своем исследовании «Интерес к человеку как ценностное основание педагогического взаимодействия». Автор доказывает актуальность своей работы на основе противоречия между современными условиями развития общества, ориентированного на мультикультурность, планетарную глобальную интеграцию в единую целостность, расширение информационного пространства и преобладание интерактивного виртуального общения над реальным, и необходимостью продуктивного существования общественных связей и отношений, основанных на гуманности, толерантном сознании, взаимопонимании, сотрудничестве, диалоге культур, потребности в мирном сосуществовании в поликультурном пространстве и собственном культурном самоопределении в нем. Решение данного противоречия исследователь видит в обращении к Человеку как аксиологической доминанте социального взаимодействия на фоне постоянно возрастающей необходимости в педагогическом обеспечении оптимизации взаимодействия между участниками образовательного процесса.

И.И. Калина (2012) в своей докторской диссертации рассматривает проблему ценностей современной педагогической деятельности, детерминированной социальными измене-

ниями (модернизацией образования) – «Аксиологические основания модернизации педагогического образования». Концептуальным основанием развития современного российского образования на фоне происходящих социальных изменений посвящена докторская диссертация В.И. Гама (2009): «Методология и технологии стратегического лидерства в условиях системных изменений в образовании».

Происходящие в современной России социальные процессы, такие как миграция, социальная стратификация, интеграция, инклюзия, безусловно, оказывают влияние на характер социального взаимодействия в педагогической деятельности, что находит отражение в направлениях диссертационных исследований. Социальный портрет современного школьника, современной семьи значительно изменился, состав категорий субъектов образования стал шире, что предъявляет новые требования к организации социального взаимодействия с педагогом.

М.В. Дюжакова (2009) в исследовании на соискание степени доктора педагогических наук по теме «Педагогическое образование в условиях развития миграционных процессов» подчеркивает, что на современном этапе «развития страны в контексте расширяющихся миграционных процессов, возникает объективная потребность в новых подходах, моделях, сценариях подготовки отечественных педагогов к профессиональной деятельности в условиях высокой степени неопределенности — в ситуации возникновения непрогнозируемых проблем, связанных с развитием миграционных процессов» [6].

А.В. Смирнова (2013) в работе «Подготовка будущего педагога в вузе к взаимодействию с семьей» доказывает необходимость профессиональной подготовки будущего педагога в вузе к взаимодействию с современной семьей, обусловленную трансформацией российского общества, ростом числа детей, не получающих должного воспитания и развития в семье.

И.В. Кошкинко (2012) также разрабатывает педагогические условия взаимодействия педагогов и родителей, считая, что на современном этапе социальное взаимодействие семьи и образовательной организации требует переосмысления и развития идей участия родителей в жизни образовательной организации.

Изменение характера субъектов социального взаимодействия в педагогической деятельности по причине социальных изменений требует новых сценариев подготовки педагогов к работе с новыми категориями детей и родителей. В работе Б.В. Белявского (2012) «Обучение детей с нарушением интеллекта социальному взаимодействию в процессе моделируемой педагогом деятельности» доказывается, что социальные изменения привели к деструкции социального взаимодействия различных категорий детей, и прежде всего наиболее социально незащищенных, к которым относятся дети с умственной отсталостью. Автор пишет, что «процесс социального взаимодействия является приоритетным в ходе социализации индивида и рассматривается в отечественной и зарубежной философии, психологии и педагогике как основное условие усвоения индивидом социально-культурного опыта, предполагающее овладение человеком трудовыми навыками, знаниями, нормами поведения, общечеловеческими ценностями, традициями, накапливаемыми и передаваемыми от поколения к поколению» [7]. Однако выпускники специальных (коррекционных) образовательных учреждений VIII вида к такому взаимодействию не готовы, что требует разработки педагогической технологии, направленной на обучение социальному взаимодействию детей с нарушением интеллекта в процессе школьного обучения.

Поскольку именно педагог проводит и реализует все изменения в свою профессионально-педагогическую деятельность, в том числе и в социальное взаимодействие, значительное число современных исследований посвящено изменениям профессиональных функций самого педагога.

И.Н. Смирнов в работе «Проектное обучение как фактор системных изменений профессионально-педагогической деятельности» (2012) пишет: «Сфера образования испытыва-

ет потребность в педагоге-профессионале, способном проектировать ситуации развития своих учеников средствами своей профессии и осуществлять системные изменения профессионально-педагогической деятельности» [8]. Социокультурную обусловленность изменения функций профессионально-педагогической деятельности учителя изучает Е.В. Пискунова (2005); С.М. Ефименко разрабатывает педагогические условия подготовки будущих педагогов профессионального обучения к реализации функций тьютора (2011); С.И. Поздеева презентует Концепцию развития открытого совместного действия педагога и ребенка в начальной школе (2005); А.М. Кириченко рассматривает особенности профессиональной самореализации учителя в условиях трансформирующегося российского общества (2005); Е.А. Верещагина осуществляет социологическое исследование по теме «Педагоги общеобразовательных школ как социально-профессиональная группа в условиях модернизации социального института образования» (2011).

Таким образом, проведенный анализ выборки диссертационных исследований позволяет очертить проблемные поля социального взаимодействия в педагогической деятельности, обусловленные изменениями современного этапа в первом приближении.

В первую очередь, к проблемам современного социального взаимодействия в педагогической деятельности относятся изменения самих субъектов социального взаимодействия (детей, родителей, семей, педагогов, социальных партнеров, др.). Эти изменения вызваны различного характера социальными изменениями: социальной стратификацией, миграционными процессами, демографическими особенностями российского общества и т.д. В числе контингента обучающихся растет число детей-мигрантов, детей с ОВЗ, детей девиантного поведения, что требует от педагога освоения новых социальных ролей, и реализации новых сценариев социального взаимодействия.

Выявленное проблемное поле созвучно одному из четырех глобальных вызовов российскому образованию, выделенных группой экспертов «Новая школа», работающих по поручению Правительства Российской Федерации над уточнением Стратегии социально-экономического развития России до 2020 года (Стратегии-2020) [9]. Первый вызов, по мнению экспертов, связан с эрозией модели взросления, которая требует переоформления отношений школы и семьи, создания специальных инструментов социального взаимодействия с семьями по причине изменения самих семей.

Вторым проблемным полем следует назвать изменение в целях и ценностях социального взаимодействия в педагогической деятельности под влиянием социальных изменений. Именно данному полю проблем посвящены исследования аксиологических аспектов социального взаимодействия в педагогической деятельности, проблем интеграции образования на фоне глобализации мира, роли образования в реализации изменений. Совокупность названных проблем экспертами определена как второй глобальный вызов образованию – утрата формальным образованием монополии на образование и социализацию. В качестве решений данной группы проблем исследователями предлагается модернизация содержания образования, расширение границ формального образования за счет интеграции неформального, информального, активного взаимодействия с другими социальными институтами, когда школа выполняет функцию координатора образования и социализации с использованием ресурсов всех других социальных институтов.

Третьим проблемным полем социального взаимодействия в педагогической деятельности следует назвать совокупность проблем, связанных с расширением функций педагога, изменением его социальных функций, статусов, ролей на фоне системных изменений педагогической деятельности. И, соответственно, третий вызов российскому образованию, по мнению группы экспертов под названием «Разрушение корпуса всеобщих культурных образцов», связан с усилением культурной неоднородности российского общества, социальной, культурной интеграцией, глобализацией мирового сообщества, что, безусловно, требует специального подготовки педагогических кадров.

Наконец, проблемным полем современного социального взаимодействия в педагогической деятельности следует назвать изменения условий и ситуации социального взаимодействия, обусловленных стремительным развитием науки, техники. «Становлением нового технологического уклада» называют четвертый вызов образованию эксперты. Современная жизнь требует нового уровня технологической компетентности, которая может быть сформирована только в высокотехнологической информационно-образовательной среде.

Таким образом, мы выделяем четыре основных проблемных поля социального взаимодействия в педагогической деятельности, обусловленных социальными изменениями – изменениями субъектов; изменениями целей и ценностей социального взаимодействия; изменениями функций, статусов, ролей педагога; изменениями условий и ситуации социального взаимодействия в педагогической деятельности. Выделенные проблемные поля социального взаимодействия в педагогической деятельности на современном этапе согласуются с глобальными вызовами образованию по материалам экспертной группы, а также соответствуют структурным компонентам социального взаимодействия, что позволяет сделать вывод о достоверности результатов проведенного анализа. Выявленные проблемные поля можно рассматривать как тенденции изменений социального взаимодействия в педагогической деятельности. В свою очередь, тенденции изменений социального взаимодействия могут служить основанием для разработки концепции подготовки педагогов в системе дополнительного профессионального образования. Подготовка педагогов к организации измененного социального взаимодействия в педагогической деятельности является актуальной задачей современной педагогической практики. Педагог на современном этапе должен уметь организовать социальное взаимодействие с различными категориями детей, родителей, социальных партнеров, владеть техниками и технологиями конструктивного межкультурного взаимодействия, информационными технологиями, чтобы обеспечить оптимальный процесс обучения, воспитания и социализации нового поколения в постоянно меняющемся мире.

Библиографический список

1. Российская социологическая энциклопедия, общ. ред. Г.В. Осипова. – М. : Норма-Инфра-М, 1998. – 672 с.
2. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка - пер, с англ, под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с
3. Козырев, Г.И. Основы социологии и политологии / Г.И. Козырев. – М. : Форум, Инфра-М, 2008. – 240 с.
4. Осипов, Г.В. Социология. Основы общей теории. / Осипов Г.В., Москвичев Л.Н., Кабыща А.В. и др. - Москва, Норма, 2008. – 912с.
5. Любин, И.Н. Управление открытым социальным взаимодействием как фактор качества образования в системе среднего профессионального образования : дисс. ... канд. пед. наук / И.Н. Любин. – Чита, 2006. – 186 с.
6. Дюжакова, М.В. Педагогическое образование в условиях развития миграционных процессов : дисс. докт. пед. наук / М.В. Дюжакова. – СПб, 2009. – 433 с.
7. Белявский, Б.В. Обучение детей с нарушением интеллекта социальному взаимодействию в процессе моделируемой педагогом деятельности : дисс. ... канд. пед. наук / Б.В. Белявский – Екатеринбург, 2012. – 163 с.
8. Смирнова, И.Н. Проектное обучение как фактор системных изменений профессионально-педагогической деятельности : дисс. ... канд. пед. наук / – Ставрополь, 2012. – 225 с.
9. Группа экспертов «Новая школа»: Какой из сценариев развития российской системы образования наиболее желателен? Обсуждаем вместе! [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.ug.ru/insight/120>

A.V. Kandaurova

Tarski branch of Omsk State Agrarian University. P.A. Stolypin

**PROBLEM FIELDS OF SOCIAL INTERACTION IN TEACHING ACTIVITIES,
DUE TO SOCIAL CHANGE
(Based on dissertation research)**

The article analyzes the current doctoral research on humanitarian disciplines, problems which are caused by social changes actually influencing the teaching career. The analysis highlighted the leading research trends in the research, which enables us to problem fields in modern social interaction in educational activities. Identification of trends research and problem fields in the practice of modern organization of social interaction in educational activities relevant to the system of additional professional education and is the basis for the construction of the concept of training teachers for social interaction at the present stage.

Key words: social interaction, educational activities, social change, problem fields.

References

1. *Rossijskaja sociologičeskaja jenciklopedija* [The Russian sociological encyclopedia]; Society. ed. G.V. Osipova. – Moscow, 1998. - 672 p.
2. Shtompka P. *Sociologija social'nyh izmenenij* [Sociology of social change]. - Translated from English, ed. V.A. Poisons. – Moscow, 1996. - 416 p.
3. Kozыrev G.I. *Osnovy sociologii i politologii* [Principles of Sociology and Political Science]. Moscow, 2008. - 240 p.
4. Osipov G.V., Moskvichev L.N., Kabyscha A.V. *Sociologija. Osnovy obshhej teorii* [Sociology. The general theory]. Moscow, 2008. - 912c.
5. Lubin I.N. *Upravlenie otkryтым social'nym vzaimodejstviem kak faktor kachestva obrazovanija v sisteme srednego professional'nogo obrazovanija*: Diss. ... cand. ped. nauk [Management of open social interaction as a factor in the quality of education in secondary vocational education]. Chita, 2006. - 186 p.
6. Dyuzhakova M.V. *Pedagogičeskoe obrazovanie v uslovijah razvitija migracionnyh processov*: Dis. doct.. ped. nauk [Teacher education in terms of migration processes]. St. Petersburg, 2009. - 433 p.
7. Bielawski B.V. *Obuchenie detej s narusheniem intellekta social'nomu vzaimodejstviu v processe modeliruemoj pedagogom dejatel'nosti*: Diss. ... cand. ped. nauk [Education of children with intellectual disabilities in the process of social interaction modeled teacher activities]. Ekaterinburg, 2012. - 163 p.
8. Smirnova I.N. *Proektnoe obuchenie kak faktor sistemnyh izmenenij professional'no-pedagogičeskoj dejatel'nosti*: Diss. ... cand. ped. nauk [Project-based learning as a factor in systemic change professional-pedagogical activity]. Stavropol, 2012. - 225 p.
9. *Gruppa jekspertov «Novaja shkola»: Kakoj iz scenarijev razvitija rossijskoj sistemy obrazovanija naibolee zhelatelen? Obsuzhdaem vmeste!* [The Expert Group "New School": Which of the scenarios of the Russian education system is more desirable? Discuss together!] [Electronic resource] - Mode of access: <http://www.ug.ru/insight/120>

Автор статьи – **Анна Валерьевна Кандаурова**, кандидат педагогических наук, доцент, Тарский филиал Омского государственного аграрного университета им. П.А. Столыпина, e-mail: kandaurova@list.ru.

Рецензенты:

С.В. Кривых, доктор педагогических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена;

Н.Г. Милованова, доктор педагогических наук, профессор, Тюменский областной государственный институт развития регионального образования.

С.Н. Рягин

Омская гуманитарная академия

Омский государственный технический университет

Н.Э. Логинова

Омская гуманитарная академия

Институт развития образования Омской области

ГОТОВНОСТЬ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С НАРУШЕНИЯМИ РЕЧИ К ФОРМИРОВАНИЮ РЕГУЛЯТИВНЫХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ

В статье представлены результаты изучения уровня готовности младших школьников к формированию регулятивных универсальных учебных действий и учебной деятельности. Показана роль регулирующей функции речи в формировании регулятивных универсальных учебных действий. Выявлена взаимозависимость уровня сформированности речи, словесной регуляции и компонентов учебной деятельности у детей с нарушениями речи и их сверстников с нормальным развитием.

Ключевые слова: регулирующая функция речи, словесная регуляция, нарушения речи, регулятивные универсальные учебные действия, учебная деятельность.

Важнейшей целью начального образования в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом начального общего образования является формирование учебной деятельности. Достаточный уровень ее сформированности обеспечивает возможность развития психических и личностных новообразований у младших школьников.

Учебная деятельность требует развития высших психических функций – произвольности, продуктивности и устойчивости всех познавательных процессов, которые в данном возрасте приобретают самостоятельность – ребенок научается владеть специальными действиями, которые дают возможность сконцентрироваться на учебной деятельности, выработать алгоритм учебных действий.

Психологическую составляющую этих результатов образуют универсальные учебные действия (УУД) как совокупность способов действия обучающихся (а также связанных с ними навыков учебной работы), обеспечивающих его способность к самостоятельному усвоению новых знаний и умений, включая организацию этого процесса. Все это обеспечивается тем, что универсальные учебные действия как обобщенные действия открывают учащимся возможность широкой ориентации как в различных предметных областях, так и в строении самой учебной деятельности, включающей осознание ее целевой направленности, ценностно-смысловых и операциональных характеристик.

Таким образом, становится возможным освоение обучающимися всех компонентов учебной деятельности, которые включают познавательные и учебные мотивы, учебную цель, учебную задачу, учебные действия и операции (ориентировку, преобразование материала, контроль и оценку). Разнообразие универсальных учебных действий, их специфика и доля участия в общем психическом развитии учащихся положительно отражаются на качестве образовательного процесса

В младшем школьном возрасте на передний план выдвигается формирование произвольности. Произвольность действий, формируясь в процессе обучения, становится новообразованием младшего школьного возраста, она выступает как умение ребенка строить свое поведение и деятельность в соответствии с предлагаемыми образцами и правилом, осуществлять планирование, контроль и коррекцию выполняемых действий, используя соответствующие средства. Этот процесс длительный и сложный, идущий от развития исполнительской, ориентировочной частей действия до контроля, самоконтроля в учебной деятельности, зависящий от действий оценки и самооценки. Важность и необходимость этого

показана в работах Л.И. Божович, В.А. Иванникова, А.В. Запорожца, Д.Б. Эльконина, где произвольная регуляция рассматривается в ситуации оценки готовности ребенка к школьному обучению. Исследования Л.И. Божович, В.А. Иванникова, Е.О. Смирновой показали, что развитие у ребенка способности к саморегуляции собственной активности, его постепенного превращения в субъект деятельности и поведения является главным моментом становления личности. Развитие способностей владеть собственным поведением, умением его регулировать и преодолевать трудности в разных видах деятельности осуществляется через формирование произвольных форм регуляции поведения и дает возможность реализовать сложные целенаправленные виды общей и речевой деятельности [2, 3].

С формированием произвольности тесно связано развитие регулятивных универсальных учебных действий. **Регулятивные УУД** обеспечивают учащимся организацию их учебной деятельности, учитывая все ее компоненты. К ним относятся:

– *целеполагание* как постановка учебной задачи на основе соотнесения того, что уже известно и усвоено учащимся, и того, что еще неизвестно;

– *планирование* – определение последовательности промежуточных целей с учетом конечного результата; составление плана и последовательности действий;

– *прогнозирование* – предвосхищение результата и уровня усвоения, его временных характеристик;

– *контроль* в форме сличения способа действия и его результата с заданным эталоном с целью обнаружения отклонений и отличий от эталона;

– *коррекция* – внесение необходимых дополнений и корректив в план и способ действия в случае расхождения эталона, реального действия и его продукта;

– *оценка* – выделение и осознание учащимся того, что уже усвоено и что еще подлежит усвоению, осознание качества и уровня усвоения.

– *волевая саморегуляция* как способность к мобилизации сил и энергии; способность к волевому усилию – к выбору в ситуации мотивационного конфликта и к преодолению препятствий.

К моменту поступления ребенка в школу можно выделить следующие показатели сформированности регулятивных универсальных учебных действий:

– умение осуществлять действие по образцу и заданному правилу;

– умение сохранять заданную цель;

– умение видеть указанную ошибку и исправлять ее по указанию взрослого;

– умение контролировать свою деятельность по результату;

– умение адекватно понимать оценку взрослого и сверстника.

На ступени начальной школы в сфере регулятивных универсальных учебных действий обучающиеся смогут овладеть всеми типами учебных действий, включая способность принимать и сохранять учебную цель и задачу, планировать ее реализацию, в том числе во внутреннем плане, контролировать и оценивать свои действия, вносить соответствующие коррективы в их выполнение. Показателями развития регулятивных универсальных учебных действий могут служить параметры структурно-функционального анализа деятельности, включая ориентировочную, контрольную и исполнительную части действия.

Развитие регулятивных действий связано с формированием произвольности поведения. Психологическая готовность в сфере воли и произвольности обеспечивает целенаправленность и планомерность управления ребенком своей учебной деятельностью и поведением.

Существенное значение для перехода к произвольному поведению, определяющему эффективность развития произвольной регуляции деятельности имеет *регулирующая функция речи*. Развитие речевого опосредования (регуляция через участие второй сигнальной системы) является центральной линией формирования произвольного поведения, исходя из

общепризнанного положения о ведущей роли речи в регуляции поведения человека и об оречевленности всех психических процессов [3]. Сформированность словесной регуляции (регулирующей функции речи) является одним из существенных факторов адаптации ребенка к учебной ситуации в школе, к окружающей действительности, а в дальнейшем становится главным условием формирования полноценной личности ребенка [1,4].

Л. С. Выготский, А. В. Запорожец, Р. Е. Левина, В. И. Лубовский, А. Р. Лурия и др. отмечали, что становление произвольных форм регуляции деятельности и поведения тесно связано с развитием регулирующей функции речи, которая способствует формированию полноценной произвольной речевой деятельности [1,3,4].

К началу обучения в школе речь становится уже не только средством общения для ребенка, но и средством саморегуляции. Как отмечала Р.Е. Левина, речь ребенка «обнаруживает возможность фиксировать впечатления и действия ребенка, объективировать собственные действия и осознавать их. Речь ребенка превращает действия ребенка в предмет сознания, и потому делает возможным управление ими» [6]. Благодаря становлению коммуникативной, регулирующей функций речи развивается контекстная речь, которая дает возможность ребенку осознать ситуацию и собственные действия в ней, определяет развитие монологической связной речи. Речевая регуляция деятельности способствует организации и упорядочиванию действий и операций, входящих в состав любой формы межличностного взаимодействия, таким образом организуется и упорядочивается сама речевая деятельность ребенка.

Различаются формы речевого воздействия, динамика их становления и развития. Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев, П.Я. Гальперин указывали на то, что способность подчиняться инструкции взрослого представляет источник развития регулирующей функции речи, обеспечивая первоначальную регуляцию действия и поведения. В дальнейшем ребенок пользуется своей собственной внешней речью, которая сначала сопровождает действие и опережает его. Затем внешняя речь ребенка интериоризируется, становится внутренней речью, которая выполняет функцию регуляции произвольного поведения [1,3,4]. Таким путем формируется тот сложный процесс самостоятельного волевого акта, который по существу является подчинением действия ребенка уже не речи взрослого, а его собственной речи, которая носит сначала развернутый, а затем свернутый, внутренний характер.

Процесс становления словесной (речевой) регуляции произвольных действий подробно представлен в трудах В.И. Лубовского [3], где были выделены пять форм словесной регуляции:

- 1) прямое побуждение к действию, усвоенное ранее;
- 2) словесное обозначение (называние) предмета, которое, исходя от другого лица, вызывает соответствующую ответную реакцию;
- 3) обобщенное действие слова в форме внешнего положительного и отрицательного подкрепления;
- 4) словесное обобщение собственных действий, которое проявляется в вербализации и выступает как переход к внутренней словесной регуляции;
- 5) словесное планирование (внешнее, а затем внутреннее) предстоящих действий как высший этап словесной регуляции.

Первые три ступени были характеризованы как «внешняя» регуляция, две последние – как «внутренняя», или саморегуляция, при этом речевая регуляция несет в себе функцию контроля деятельности.

Более полно вопросы генеза регулирующей функции речи были нами рассмотрены ранее [2], там же дано описание условий и механизма становления словесной регуляции в онтогенезе, а также проведен анализ регулирующей речи с позиций физиологии, нейропсихологии и психолингвистики.

Таким образом, из всего ранее изложенного следует, что развитие регулятивных универсальных учебных действий и становление произвольности в процессе учебной деятельности тесно связаны с речевой регуляцией и уровнем сформированности регулирующей функции речи.

Анализируя работы Л.С. Выготского, А. Р. Лурии, А. В. Запорожца, можно сделать вывод, что регулирующая функция является фактором развития произвольного поведения, поскольку она помогает фиксировать результаты действия; сопровождает действие, помогает дать словесный отчет о проделанном действии в целом; фиксирует образ предстоящего действия, и таким образом становится его регулятором; помогает объективировать собственные действия и осознавать их [1,4].

В.И. Лубовским выделены три группы причин, обуславливающих особенности словесной регуляции действий у детей с нарушениями психофизического развития: дефекты моторики, недостаточность дословесных уровней регуляции действий, недостаточность самой словесной системы [3]. Недостаточная готовность к речевой регуляции усугубляется в дальнейшем снижением готовности к использованию речи как средства саморегуляции.

Исследования В. И. Лубовского показали, что недоразвитие регулирующей функции речи является общим показателем нарушенного психического развития. Установлен ряд специфических особенностей регулирующей функции речи детей с различными формами дизонтогенеза. Так, у учащихся с задержками психического развития анализ функционирования связей, их динамической перестройки свидетельствует об отдельных отклонениях от нормы, что связано со сниженной работоспособностью центральной нервной системы (особенно в условиях утомления), с повышенной инертностью нервных процессов, характерными для таких детей, что ограничивает возможности словесной регуляции [3].

Способность к нормальной речевой регуляции развивается у ребенка только при условиях сохранности всех анализаторов: речеслухового, так как он организует восприятие и понимание речи; при сохранности операции восприятия отдельных звуков, слов, предложений, текста: зрительного, речезрительного и речедвигательного, так как необходима связь между образом звука и артикуляцией. При нарушениях в работе анализаторов обнаруживаются определенные формы и слабовыраженные степени нарушения словесной регуляции.

Важное значение имеет изучение проявления словесной регуляции у детей с тяжелыми нарушениями речи. При нарушении в работе речедвигательного анализатора (дизартрии) часто нарушается обратная кинестетическая афферентация, являющаяся важнейшим звеном целостной речевой функциональной системы, это может замедлять процесс интеграции в работе различных функциональных систем, имеющих непосредственное отношение к речевой функции (двигательно-кинестетической, слуховой, зрительной). При поражении префронтальных (лобных) отделов коры головного мозга, надстроенных над премоторной корой, отвечающей за реализацию двигательных речевых программ, нарушается внутренняя динамика планомерного, организованного произвольного акта и направленной речевой деятельности. Органическое поражение коры при тяжелых речевых расстройствах приводит к нарушению организованного с помощью чужой, а затем и собственной внешней и внутренней речи действия [2]. Нарушается и протекание речевого высказывания, грамматическая структура которого резко изменяется: во внешней речи остаются одни лишь номинативные элементы (существительные), иногда приобретающие предикативное значение, в то время как специальные предикативные элементы (глаголы) совершенно исчезают из внешней речи. Нарушение предикативной стороны внешней речи приводит к грубейшему нарушению внутренней речи, которая перестает обеспечивать плавный характер высказывания, его регулируемую и планируемую роль [2,6]. Таким образом, у детей с тяжелыми речевыми расстройствами речевая регуляция представляет сложную задачу, требующую произвольного контроля.

Для выявления влияния уровня сформированности речи (в том числе ее регулирующей функции) на развитие компонентов учебной деятельности и регуляцию собственных действий в условиях учебного процесса мы провели диагностическое исследование, в котором приняли участие младшие школьники (учащиеся 1 класса) как с ограниченными возможностями здоровья, так и с сохранным развитием.

Предполагалось, что данные исследования помогут определить условия формирования словесной регуляции и регулятивных УУД у детей с ограниченными возможностями здоровья, поскольку ведущая роль второй сигнальной системы сохраняется и при нарушенном развитии, что позволит разработать в дальнейшем систему развития регулятивных умений у обучающихся в условиях интегрированного обучения (инклюзии).

При составлении программы исследования использовались методики изучения детей с тяжелыми нарушениями речи З.А. Репиной, а также изучения компонентов учебной деятельности по ранее составленной нами методике, включающей оценку сформированности словесного планирования (способность ребенка составить план предстоящей деятельности и придерживаться его по ходу выполнения), а также особенности речевых высказываний в процессе ориентировочного, исполнительского и контрольного компонентов деятельности [5,6]. Для изучения сформированности целевого, мотивационного, контрольно-оценочного компонентов деятельности применялся метод беседы. Для изучения умения оценивать свою работу по окончании выполнения задания ребенка просили рассказать, что и как у него получилось. При оценке данных учитывались следующие показатели: адекватность оценки реально полученному результату; развернутость, полнота оценки в речевом выражении; самостоятельность оценки.

Сопоставление данных, полученных в ходе исследования, продемонстрировало взаимозависимость уровня сформированности речи, речевой регуляции и сформированности компонентов учебной деятельности у детей с нарушениями речи и их сверстников с нормальным развитием, что демонстрирует таблица 1.

Результаты экспериментального изучения сформированности регуляции учебной деятельности младших школьников дают основание говорить о более высоком уровне сформированности регулирующей функции речи у учащихся с нормальным речевым развитием в сравнении с учащимися, страдающими тяжелыми нарушениями речи.

Более половины учащихся с речевыми проблемами (70 %) имеют средний и самый низкий уровень, что затрудняет процесс обучения.

Результаты исследования проявления регуляции в учебной деятельности показали, что на I уровне сформированности умения регулировать деятельность не оказалось ни одного ребенка с нарушениями речи, тогда как у детей с нормальным речевым развитием на этом уровне оказалось 2 обучающихся (10%). Эти дети с интересом отнеслись к предложенной деятельности, осознавали ее значимость. В процессе ориентировочного этапа деятельности последовательно изучали образец задания, сумели организовать свое рабочее пространство, справились с предварительным планированием, самостоятельно выстраивали предстоящие действия в логической последовательности, сопровождали свой рассказ объяснением или попутными комментариями, последовательно выполняли все этапы работы, в процессе выполнения задания не отклонялись от цели задания и образца.

На II уровне сформированности умения ставить цель оказались 4 ученика с нарушениями речи (20 %) и 10 школьников с нормальным речевым развитием (50%). Значимость и необходимость работы данными учащимися осознавалась, они проявляли интерес к заданию. Составить предварительный план работы могут, но он недостаточно точный, планирующее высказывание не развернуто. При планировании случались выпадения звеньев логической цепи. В процессе ориентировочной, исполнительской и контролирующей фаз деятельности требуют косвенной помощи со стороны взрослого в форме вопросов, организующих их деятельность. При оценке своей работы критичны, свои ошибки замечают и на-

зывают, имеют желание их исправить. Контрольные действия применяются, но не на каждом этапе, требуется поддержка со стороны.

На III уровне сформированности оказались 6 учеников с речевыми нарушениями (30%), 8 учащихся с нормальным развитием (25%). Среди детей с нормальным речевым развитием, показавшим данный уровень, в основном оказались обучающиеся, не посещавшие ранее образовательные учреждения. Обучающиеся принимали цель от педагога, но быстро теряли ее в процессе деятельности; интерес к выполнению задания у них быстро исчезал. Учащиеся принимали помощь в виде вопросов, делали попытки развернуть фразу, сделать отчет, в котором старались передать ход работы, но им не всегда удавалось грамматически правильно построить фразу. Дети с недоразвитием речи часто отвлекались, уточняли задание, не смогли правильно организовать свою работу, самостоятельно спланировать ход работы, в лучшем случае планировали вместе с педагогом, действовали по его прямому указанию педагога, путали этапы последовательности выполнения задания. В ходе исполнительской фазы деятельности проявляли неуверенность в своих действиях, постоянно нуждались в поддержке педагога. В результате, выполненное задание имело отклонения от эталона (образца). Оценивали результаты работы положительно, мотивация при этом отсутствовала.

На IV уровне оказались лишь обучающиеся с нарушениями речи – 10 учащихся (50%). Они не сумели сосредоточиться на задании, уяснили для себя лишь общую цель предстоящей работы, легко отвлекались. На этапе ориентировочной фазы деятельности учащиеся не уделяли должного внимания образцу, самостоятельно его не анализировали, затруднялись в анализе даже после наводящих вопросов педагога. У детей с речевыми нарушениями часто наблюдались речевые высказывания по ходу действий, ответы на вопросы экспериментатора носили номинативный характер и не содержали элементы планирующей речи. По окончании работы дети не стремились критически оценить ее качество либо вовсе ее не оценивали (молчали или отвечали односложно). Иногда ребята проявляли эмоциональную несдержанность, бросали работу, пытались уйти от трудностей, вели себя недисциплинированно. Часть детей сильно огорчалась, если не получалось, в результате дети бросали задание, не делая попытки продолжить. Оценку проделанной работе дать не смогли. Речь и действие в процессе выполнения задания были слабо взаимосвязаны.

Таким образом, недостаточность регулирующей функции у детей с тяжелыми нарушениями речи проявляется в неумении детей самостоятельно и последовательно анализировать, исследовать образец выполнения задания на ориентировочной фазе деятельности, обучающиеся нуждались в организующей помощи со стороны. Незрелость и недостаточность функции речевого самоконтроля, недостаточность речевого программирования произвольного действия менее проявлялись в условиях внешнего оречевления производимых учебных операций при оказании помощи педагогом, что дает возможность предполагать вторичный характер этих нарушений, обусловленных недостаточностью высших психических функций (например, речи).

При изучении сформированности связного высказывания нами были получены следующие результаты (см.таблица 1). У детей с недоразвитием речи, в отличие от их сверстников с нормальным речевым развитием, обнаружилось значительное затруднение в образовании связного высказывания. Результаты задания по программированию связного высказывания показали, что учащиеся не смогли последовательно изложить свои мысли. В большинстве случаев они лишь перечислили написанное и увиденное. Обнаружилась несформированность мотивов построения речевого сообщения, невозможность оформления исходного высказывания и создания речевой программы. В построении предложений наблюдался аграмматизм.

При исследовании регуляции в условиях автоматизированных действий обучающиеся с нормальным речевым развитием показали в большинстве соответствие высокому уровню

сформированности, соответствие II уровням (при незначительном количестве ошибок) зрительно-пространственной координации, графических проб, что можно связать со сменой вида деятельности при переходе в первый класс, с тенденцией к общему снижению уровня подготовленности детей к школе (часть детей не посещали дошкольное образовательное учреждение), а также соматической ослабленностью детей. Выраженных ошибок и отклонений при выполнении заданий не было.

Исследование выявило, что регулирующая функция речи у детей с тяжелыми нарушениями речи формируется с отставанием и отклонениями, проявляющимися в недостаточной способности к организации целенаправленной деятельности на ориентировочном, исполнительском и контрольно-оценочном этапе. Отмечается слабость мотивации, нарушено смысловое программирование, создание внутренних программ речевых действий, нарушена реализация речевой программы и контроль. Для детей характерны недостаточная речевая активность и инициативность, неумение принимать и удерживать словесную инструкцию, планировать высказывания, снижение контроля за смысловой стороной высказывания, что вызывает коммуникативные затруднения. Отмечаются особенности произвольной общей и речевой деятельности: неустойчивая мотивация к выполнению целенаправленной деятельности, трудности концентрации и переключения внимания, импульсивность, несдержанность в поведении, быстрая утомляемость, неспособность к волевым усилиям при выполнении сложных заданий.

Подводя итоги, можно отметить, что у обучающихся с нарушениями речи при выполнении учебных заданий наблюдаются некоторые особенности проявления регулятивных навыков: трудность удержания инструкций и алгоритма выполнения заданий; неумение определить конкретную цель при выполнении задания; трудности в поиске средств для достижения цели; трудности на уровне удержания двигательной программы действий; низкий уровень саморегуляции; проблемы в планировании программы собственных действий при выполнении задания. Все это связано с недостаточной сформированностью словесной регуляции и затрудняет процесс учебной деятельности.

Разработка эффективной системы формирования словесной регуляции является одной из важных предпосылок и задач успешного психического развития и адаптации детей с нарушениями речи в условиях интегрированного обучения совместно с нормально развивающимися сверстниками в общеобразовательном учреждении, поскольку без специальных условий и коррекционной поддержки обучающихся с ограниченными возможностями здоровья и без использования индивидуально-дифференцированного подхода в формировании значимых для обучения и успешного развития регулятивных универсальных учебных действий и регулирующей функции речи затруднено.

Библиографический список

1. Выготский, Л.С. Мышление и речь // Л.С. Выготский // Психология. - М. : Изд-во ЭКСМО - Пресс, 2000. - С.262-511.
2. Логинова, Н.Э. Роль словесной регуляции в общем и речевом развитии ребенка /Н.Э. Логинова // Омский научный вестник. – 2007. - № 5 (59). - С. 161-164.
3. Лубовский, В.И. Развитие словесной регуляции действий у детей / В.И. Лубовский. - М. : Педагогика, 1978. - 227 с.
4. Лурия, А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия. - Ростов-на-Дону : Феникс, 1979. - 415 с.
5. Репина, З.А. Нейропсихологическое изучение детей с тяжелыми дефектами речи : учебное пособие / З.А. Репина; Урал. гос. пед. ун-т. - Екатеринбург, 1995. - 122 с.
6. Роль связной речи в становлении учебной деятельности младших школьников с общим речевым недоразвитием /З.А. Репина, Н.Э. Логинова // Коррекционная работа по развитию связной речи у младших школьников с тяжелой речевой патологией: Сборник статей и методических материалов; ч.1;/ Под редакцией профессора З.А. Репиной. – Омск : ГОУДПО «ИРОО», 2007. – С.5-21.

Таблица 1.

Распределение результатов диагностического обследования обучающихся с нарушениями речевого развития и с нормальным развитием по уровням от высшего к низшему (в процентах)

Проводимое исследование	У р о в н и							
	I		II		III		IV	
	НР	Норма	НР	Норма	НР	Норма	НР	Норма
Уровень регуляции в учебной деятельности	-	10	20	50	30	40	50	-
Зрительно-пространственная организация движения по показу и инструкции	-	60	20	40	50	-	30	-
Графические пробы	-	70	25	25	60	5	15	-
Связная речь	-	35	5	45	70	20	25	-

S.N. Ryagin

Omsk Academy of the Humanities, Omsk State Technical University

N.E. Loginova

Omsk Academy of the Humanities, Institute for the Development of Education in Omsk Region

THE READINESS OF JUNIOR SCHOOLCHILDREN WITH SPEECH DISORDERS TO A FORMING OF REGULATORY UNIVERSAL EDUCATIONAL ACTIONS IN TERMS OF INTEGRATED LEARNING

The article presents the results of research of the level preconditions for a forming of regulatory universal educational actions and an educational activity. The importance of a verbal self-regulation in the forming of regulatory universal educational actions is demonstrated. There is revealed the interdependence of the level of speech development, a verbal self-regulation and features of an educational activity of children with speech disorders and their peers with normal development.

Key words: a verbal self-regulation, speech disorders, regulatory universal learning activities, an educational activity.

References

1. Vygotsky, L. S. *Myshlenie i rech* [Thought and Language]. Moscow, Eksmo-Press Publ., 2000, pp. 262-511.
2. Loginova, N.E. The importance of the verbal regulation in general and speech development of f child. *Omsk Scientific Bulletin*, 2007, no. 5 (59), pp. 161–164.
3. Lubovskiy, V.I. *Razvitie slovesnoy regulyatsii deystviy u detey* [The development of verbal regulation actions in children: monograph]. Moscow, Pedagogic Publ., 1978, 227 p.
4. Luria, A.R. *Yazyk i soznanie* [Language and consciousness]. Rostov-on-don, Phoenix Publ., 1979, 415 p.
5. Repina, Z.A. *Neuropsihologicheskoe izuchenie detey s tyazhelyimi defektami rechi : uchebnoe posobie* [Neuropsychological diagnostics of children with speech defects : a training manual]. Ekaterinburg, 1995, 122 p.
6. Loginova N.E. The role of coherent speech in the formation of educational activity of younger schoolboys with speech underdevelopment. *Korreksionnaya rabota po razvitiyu svyaznoy rechi u mladshih shkolnikov s tyazheloy rechevoy patolgiey*. Omsk, 2007, pp. 5-21.

Авторы статьи:

Сергей Николаевич Рягин, доктор педагогических наук, профессор, Омская гуманитарная академия, Омский государственный технический университет

Наталья Эдуардовна Логинова, старший преподаватель, Институт развития образования Омской области, Омская гуманитарная академия

Рецензенты:

Л.Г. Карпова, кандидат психологических наук, доцент, Омская гуманитарная академия;

С.А. Маврин, доктор педагогических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет.

РАЗДЕЛ 4 ПОЛИТОЛОГИЯ

PART 4 POLITICAL SCIENCES

УДК 329.7

Е.В. Безвиконная

Омский государственный педагогический университет

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Общественные объединения занимают особое место в структуре политического пространства в условиях распространения постдемократических тенденций. Именно они призваны выполнить роль посредника в реализации решений органов публичной власти и инициатив гражданского общества. Авторская коммуникативно-самоорганизационная модель самоуправления исходит из признания за общественными объединениями статуса активных участников политического процесса, в первую очередь, на уровне местной власти. Общественные объединения призваны реализовывать функции транслятора общественного мнения, носителя политической культуры и выразителя форм гражданской активности местного сообщества. Находясь в зоне пересечения частных, общественных и государственных интересов, объединения обеспечивают доступность ключевых субъектов, артикулируя общественное мнение, выраженное политически активными представителями сообщества. Вовлеченность объединений в различные коммуникативные сети также становится средством консолидации усилий органов публичной власти, населения для совместного решения вопросов местного значения.

Ключевые слова: общественные объединения, политические коммуникации, политические акторы, местное самоуправление, синергетический подход, самоорганизация, политическое участие.

В условиях происходящих в России трансформаций актуализируются проблемы социально-экономического развития, значительная часть которых приобретает наибольшую остроту на территориях муниципальных образований. Ограниченность возможностей органов местного самоуправления самостоятельно разрешать возникающие противоречия и стратегические задачи обуславливает создание условий для институционализации общественных объединений, посредством которых население добровольно берет на себя решение вопросов местного значения, а значит, и функции местного самоуправления [3, С. 8, 21]. Таким образом, речь идет о включении общественных объединений в систему местного самоуправления.

С позиций синергетической парадигмы свойством самоорганизации на местном уровне власти наделены различные общественные объединения, создаваемые для решения жиз-

ненно важных вопросов и выражающие коллективное мнение представителей местного сообщества. По определению О. Генисарецкого, деятельность общественных объединений на местном уровне власти может быть определена термином «гражданское самоуправление», которое «...реализуется в рамках ассоциаций граждан, объединяющихся вокруг решения проблем, имеющих общегородское (региональное или общегосударственное) значение. Своеобразие гражданского самоуправления состоит в том, что – в отличие от территориального, социально-группового и профессионального – оно не предполагает заранее заданной принадлежности граждан к той или иной социально самовоспроизводящейся общности людей. Речь тут идет в самом прямом смысле о свободной ассоциации и только о добровольном и сознательном участии, опирающемся на осознание жизненной важности той или иной ценности или проблемы [2, С. 37].

Согласно федеральному закону «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. №82-ФЗ к общественным объединениям относится – *добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан* (курсив мой – Е.Б.), объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения. Различные формы общественных объединений: организации, движения, фонды, учреждения, ассоциации и т.д. – представляют собой кооперативное выражение общественного мнения, направленного местным сообществом на самого себя с целью обеспечения нормального функционирования и развития системы [13, С. 60].

Основу отношений в общественном объединении составляют не только отношения самоорганизации, но и самоуправления. Компонент самоуправления выражается в наличии формально-правовой процедуры регистрации объединения, утверждения учредительных документов и организационно-правовой форме. Мотивационное ядро процесса самоорганизации составляют потребности населения, которые требуют своего удовлетворения через участие в деятельности общественных объединений. Следует отметить, что введение понятия «общественное объединение» вызвано необходимостью обозначить субъект местного самоуправления, поскольку «субъектом деятельности и права в данном случае не может быть население вообще (не определено, о каком именно населении идет речь), а также некорректно говорить об осуществлении местного самоуправления гражданами в силу общественной, а не индивидуальной природы местного самоуправления» [17, С. 10].

Приобретая признак субъектности в рамках системы местного самоуправления, общественные объединения существенно усложняются и приобретают две организационные формы: территориально-административные и территориально-функциональные объединения [9, С. 12].

Территориально-административное общественное объединение представляет собой объединение всех граждан, постоянно или преимущественно проживающих внутри границ территориального образования, признанного территорией местного сообщества, основанное на их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного и под свою ответственность осуществляющего собственные инициативы в решении вопросов обеспечения своей жизнедеятельности. Общественные объединения этого вида создаются внутри границ микрорайонов, кварталов, улиц, дворов и относятся, в первую очередь, к системе территориального общественного самоуправления населения. Содержание деятельности территориально-административных общественных объединений дифференцируется не только в зависимости от масштаба территорий, на которых они действуют, но и от специфики территории муниципального образования. Тем не менее, можно выделить следующие основные направления их деятельности: благоустройство территории, социальная защита населения, сохранение и улучшение содержания жилищного фонда, организация досуга детей и подростков и т.д. Подобные территориально-административные объединения в наибольшей степени оказываются связанными с деятельностью органов местного самоуправления, зачастую принимая

форму подчиненного учреждения, выражающего интересы непосредственного источника финансовых и материальных ресурсов.

Территориально-функциональное общественное объединение относится к числу добровольных объединений некоторого числа граждан, проживающих на территории муниципального образования, основанных на общности потребностей и жизнедеятельности, выполняющих определенные общественно полезные функции по решению вопросов обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования [14, С. 131]. Основной целью их деятельности становится не получение прибыли для ее распределения между членами и участниками объединения в качестве их личного дохода, а достижение общественных благ, реализация муниципального интереса. Ключевой характеристикой общественных объединений данного вида является то, что они функционируют в пределах территории, на которой действует орган местного самоуправления. Возможно классифицировать общественные объединения по различным основаниям. В частности, по сферам деятельности выделяют: правозащитные, экологические, профессиональные, политические, религиозные, социальной защиты, спортивные, образовательные, оздоровительные организации и т.д. По видам деятельности, которые осуществляют общественные объединения: просветительские, издательские, научно-исследовательские, реализующие программы дополнительного образования, по охране здоровья, социальному обслуживанию населения и т.д.

Выделенные формы общественных объединений отличаются общей организационной структурой, поскольку на них распространяются нормы, регулирующие деятельность всех негосударственных некоммерческих объединений. Высшим органом управления является общее собрание (конференция) граждан, присутствует коллегиальный исполнительный орган управления – совет (комитет), возглавляемый председателем, а также контрольно-ревизионный орган.

Общественные объединения в авторской коммуникативно-синергичной системе местного самоуправления призваны выполнять важнейшую задачу институционализации потребности граждан в самоорганизации для оказания различного рода помощи, не только членам объединения, но и членам более широких социальных общностей для реализации общих интересов. Объединения территориально-функциональной и территориально-административной форм представляют собой искусственные объединения институционального характера, являются преимущественно формальными организациями, но обладают отдельными неформальными признаками. Территориально-административные объединения, реализуемые в рамках территориального общественного самоуправления, находятся в зависимости от органов местного самоуправления, поскольку учреждаются и функционируют на определенной территории при непосредственном участии последних. Интересы и потребности местного сообщества соотносятся с организационными задачами функционирования муниципального образования, социально-экономическими возможностями их реализации и потребностями органов местной власти, что приводит к сужению самоорганизационного потенциала территориально-административного объединения, находящегося на периферии процессов самоорганизации и самоуправления.

Функционально-территориальные объединения обладают большими возможностями для представительства интересов активной части местного сообщества, но только при наличии необходимой финансовой устойчивости и развитой системы коммуникации с внешней средой. Реализуя естественную потребность граждан в самоорганизации объединения, также становятся частью местного самоуправления, но в рамках самоорганизационного компонента. В современных условиях преобладания управленческой составляющей системы самоуправления ее самоорганизационные возможности оказываются в зависимости от совпадения интересов и возможностей публично-властных институтов, с одной стороны, и общественных объединений, являющихся выражением коллективного мнения местного сообщества, с другой.

Наиболее показательным примером создания и функционирования территориально-административных объединений на местном уровне публичной власти являются фонды местного сообщества (Community foundation), созданные на отдельных территориях и являющиеся результатом заимствования зарубежных образцов (преимущественно в форме благотворительных фондов), аккумулирующих финансовые ресурсы частных предпринимателей, граждан, административные и экономические ресурсы органов местного самоуправления для решения отдельных вопросов местной жизнедеятельности. Деятельность подобных фондов становится средством вовлечения отдельных представителей местного сообщества в разрешение конкретных проблем посредством целевого распределения имеющихся средств между некоммерческими организациями и инициативными группами граждан, реализующими отдельные социальные проекты [8]. Миссия Фондов местного сообщества заключается «в улучшении качества жизни людей на географически определенной территории» [6]. К началу 2013 года в России насчитывается 27 фондов местных сообществ, действующих как в малых городах, так и в областных центрах.

Следует обратить внимание на институциональную природу подобных общественных объединений, которые становятся не спонтанной формой самоорганизации местного сообщества, а средством стимулирования его политической активности посредством реализации проектного подхода, для решения вопросов местного значения, отнесенных к компетенции органов местного самоуправления. Фонд местного сообщества ставит перед собой цель объединить жителей небольшой территории и привлечь их к активным политическим действиям по решению собственных проблем и проблем развития территории. Данная проектная форма самоорганизации населения в качестве одной из ключевых задач ставит формирование культуры благотворительности в России, как среди политической элиты, предпринимателей, так и всего населения локальной территории.

Выражением указанного подхода к оценке местного сообщества в качестве социальной группы, объединенной локальной территорией проживания и вовлеченной в различные формы социально-политической активности в рамках как отдельных проявлений гражданской инициативы, инициативных групп, так и общественных объединений [14, С. 131], выступают различные совместные мероприятия, совместные проекты, инициирование публичных слушаний и т.д. [1]. Как особая форма социального партнерства представителей органов публичной власти, общественных объединений и инициативных групп граждан [15, С. 290] фонд местных сообществ превращается в механизм косвенного воздействия на общественные интересы с целью их преобразования в публичные интересы, адаптируемые к потребностям органов публичной власти и закрепленные в уставных документах фондов [19].

Динамика общественного мнения относительно определения роли некоммерческих организаций в политической и социальной жизни российского общества прослеживается в результатах опросов общественного мнения, проведенных 3 – 4 ноября 2005 г. ВЦИОМ в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России, а также опроса Левада-центра (20 – 23 июля 2012 г.) по вопросу «Отношение к НКО и законодательным инициативам в этой области». По данным опроса, понятие «некоммерческая организация» (НКО) не стало для жителей России привычным и понятным: «Только 13% опрошенных знают это выражение; 39% что-то о нем слышали, 43% впервые узнали в ходе опроса от интервьюера. Информированность об НКО лучше в социальных группах с более высоким уровнем образования. Знают это понятие от 4% респондентов с образованием ниже среднего; до 24% – с высшим и незаконченным высшим образованием; что-то слышали о нем от 26 до 47% в этих группах; доля не слышавших о нём ранее сокращается с 61% в первой группе до 26% среди наиболее образованных опрошенных граждан. Россияне скорее согласны с суждениями, что работа НКО для большинства граждан незаметна и неважна (40% скорее согласны, 25% скорее нет); что эти организации защищают права граждан, способствуют прояв-

лению общественной инициативы (+38%, -24%); содействуют решению социальных проблем и развитию социальной сферы (+38%, -26%, год назад с этим тезисом соглашалось большее число респондентов: +43%, -20%). Скорее не согласны опрошенные с суждением, что НКО осуществляют независимый общественный контроль над деятельностью государственных органов (+26%, -32%). Мнение, что эти организации работают в интересах только их членов или руководителей, вызвало разноречивые оценки» [11].

В 2012 г. динамика общественного мнения относительно некоммерческих организаций по сравнению с 2005 г. составила 3–4 %, поскольку отвечая на вопрос: «Что такое НКО?», 49% респондентов указали на то, что они «что-то слышали о НКО», 19% имеют ясное представление о них, 25% – ничего не слышали и 7% затруднились ответить [12]. Результаты свидетельствуют о повышении уровня политической грамотности населения относительно деятельности НКО, об осознании их несомненных преимуществ в представлении интересов социальных групп в отношениях с органами публичной власти.

Круг интересов общественных территориально-административных организаций становится очевиден при анализе ответов респондентов на поставленные вопросы. По данным 2005 г.: некоммерческие организации, прежде всего, должны направить свои усилия на благоустройство жилья, дворов, улиц (31%); охрану материнства, отцовства и детства (47%); образовательные программы (30%); охрану здоровья и медицину (29%); помощь социально уязвимым слоям населения (29%). Несколько реже респонденты отмечают среди желательных сфер деятельности НКО физкультуру и спорт (14%), охрану природы (12%), научные исследования (10%), культуру и искусство (10%). Целевая направленность деятельности общественных объединений оказывается наиболее предпочтительной для большинства респондентов, поскольку позволяет оценить эффективность и результативность реализованных ими мероприятий.

Для 2012 г. характерно более настороженное отношение к направлениям деятельности НКО, поскольку в оценках появляется 7% респондентов, полагающих, что они «ничего не делают, только выбивают для себя гранты». Круг приоритетов не подвергся изменению: благотворительность (42%), решение социальных проблем (35%), защита гражданских прав (21%), решение местных проблем (18%), политическая деятельность (15%). Динамика общественного мнения свидетельствует о постепенном расширении представлений граждан о целях и задачах деятельности объединений, в том числе, по причине появления реальных ее результатов, влияния на процесс социализации личности и ее включения в политический процесс.

Напротив, в оценке условий коммуникативного взаимодействия общественных организаций и органов публичной власти подавляющее большинство респондентов придерживается позиции о патримониальном отношении политических институтов к данным организациям, что свидетельствует о сохранении в общественном сознании стереотипа о патриархальной роли и значении некоммерческих организаций. Так, большинство россиян (66% – 2005 г., 68% – 2012 г.) считают нормальным и даже желательным сотрудничество общественных организаций с политической властью. Это мнение разделяет более половины респондентов во всех группах, выделенных по полу, возрасту, типу поселения, уровню образования и доходов. Поэтому наиболее приемлемыми источниками финансовой поддержки общественных организаций респонденты считают российские власти (46% и 43% соответственно) и отечественный бизнес (37% – 39%). Реже в качестве таких источников отмечают международные организации, иностранные общественные организации и другие государства (12, 8 и 4%). Полагают, что некоммерческие организации должны рассчитывать только на себя 14% (11%) опрошенных. Сохраняется доля респондентов, полагающих, что цели деятельности органов публичной власти и общественных организаций кардинально противоположны, поэтому возможность равноправного сотрудничества исключена (18% – 2005 г.).

Достаточно поляризованный характер оценок места общественных объединений в политической структуре российского общества и государства, тем более на уровне локальной территории, обусловлен отсутствием их восприятия в общественном сознании в качестве реальных механизмов повышения уровня политической активности населения. Разнонаправленность интересов населения локальных территорий, его принадлежность к различным социальным и профессиональным группам, недостаточно высокий уровень политической культуры актуализируют задачу формирования местного интереса, объединяющего всех представителей местного сообщества. Административно-территориальные объединения не в состоянии выполнить данную задачу, поскольку используют в своей работе исключительно вертикальные каналы коммуникации. Достаточно красноречиво об этом свидетельствует автор одного из учебных руководств по организации фондов местных сообществ: «Вовлечение в местное социальное творчество миллионов граждан, фонтанирующее снизу, однако требует руководства этим процессом, массового обучения этих граждан-жителей простейшим навыкам добрососедских отношений, самоорганизации и самоуправления, наработкам проектного мышления, мастерству ведения собраний и переговоров, толерантности и компромисса в решении мелких конфликтов между самими соседями. Если этому не учит школа, эти явления игнорируют искусство и СМИ, то должны найтись силы внутри самого гражданского общества, готовые стимулировать и поддерживать это движение» [18, С. 8]. Общественные организации, созданные в процессе деятельности данных Фондов, окажутся не результатом процесса самоорганизации, а средством объединения усилий сообщества для достижения целей и задач, поставленных руководством Фондов, становясь деструктивным элементом в развитии местного сообщества. Результатом станет окончательное разрушение той социально-территориальной общности, которая начала создаваться на территории муниципального образования, и наглядное подтверждение тезиса М. Горного: «...местного сообщества нет. Общественность, присутствующая на собраниях, организованных местными властями, – это «прикормленная» общественность, которая достаточно агрессивно относится к посягательству со стороны других жителей на их монополию представлять интересы всего населения муниципального образования» [4].

Образование общественного объединения неизбежно включает его в сложную систему отношений с различными государственными и негосударственными структурами: иными общественными организациями, органами публичной власти, коммерческими структурами, гражданами и т.д. Наиболее интенсивно общественные объединения взаимодействуют с негосударственными некоммерческими организациями, функционирующими в той же сфере. Напротив, взаимодействие с органами власти разных уровней в большинстве случаев имеет узкоспециализированный характер, порождая значительный комплекс проблем, связанных с институционализацией общественных объединений в системе местного самоуправления [10, С. 22]. Для разрешения возникающих коммуникативных барьеров между органами власти и общественными объединениями так называемого «Третьего сектора» местная администрация расширяет сферу полномочий объединений территориально-административной формы. Но данная практика не исключает возникновения ряда трудностей как организационного, правового, информационного, так и индивидуально-психологического характера, которые влекут проблемы институционализации общественных объединений в местном самоуправлении, связанные с их организационным развитием, влиянием институтов и факторов внешней среды.

Механизм «соучастия» общественных объединений в системе публичной власти обеспечивает, с одной стороны, использование внутреннего потенциала местных сообществ («экспертиза политических решений снизу»), с другой, координирует общественное мнение с потребностями политической власти, включая его в структуры публичной власти [5] [7]. Основным средством включения общественных объединений в муниципальное политическое пространство является расширение каналов их координации с органами местной вла-

сти посредством делегирования им отдельных функций по взаимодействию с гражданским обществом. В качестве основных инструментов взаимодействия выступают: включение в процесс общественной экспертизы (оценки, обсуждения) политических решений, принимаемых органами власти; инициирование общественных слушаний, работа с обращениями граждан, организация гражданских форумов, инициирование и участие в реализации совместных проектов и т.д. Только при условии включения общественных объединений в совместную деятельность с органами местной власти появляется возможность расширить пространство представительства интересов местного сообщества, а также будут созданы условия для его консолидации в единую социально-территориальную и политическую общность. Использование процесса самоорганизации местного сообщества в деятельности местной публичной власти в форме общественных объединений становится неотъемлемой чертой муниципального политического пространства, процесса перехода гражданского общества на новый этап своего развития.

Общественные объединения, являясь неотъемлемым компонентом системы местной публичной власти, создаются по инициативе представителей местного сообщества для реализации интересов и удовлетворения потребностей не только самих участников объединений, но всей социальной общности, проживающей на определенной территории. С другой стороны, Третий сектор выступает институтом гражданского общества, одним из источников формирования которого и становятся общественные объединения. Разрешение неизбежно возникающих противоречий между процессом самоорганизации и институциональными началами деятельности последних напрямую зависит от реструктуризации всей системы местной власти в направлении усиления и расширения компонента самоорганизации, потенциал которого реализуется, в первую очередь, функционально-территориальными объединениями. Приоритетное развитие исключительно административно-территориальных общественных объединений неизбежно приведет к дисбалансу общественных и государственных интересов, разрушению целостности системы местного самоуправления как уровня публичной власти. Общественные объединения в зарубежной практике выполняют задачу артикуляции и агрегирования интересов и действий ключевых субъектов политического процесса в направлении расширения области политической самоорганизации местного сообщества как в форме конвенциональных, так и неконвенциональных механизмов. Переход общественных объединений в статус формальных общественных движений (как это и произошло в России) неизбежно порождает конфликтное поведение их участников, провоцируя усвоение социально-исторических моделей поведения [16, С. 82 – 89], а значит, ограничивая возможности использования неформальных каналов коммуникации.

Таким образом, местное сообщество представляет собой ключевой субъект процесса самоорганизации, объединяя население, проживающее на исторически сложившейся и экономически обособленной территории одного или нескольких поселений, на основе общих условий жизни, ценностей, традиций, обычаев и необходимости решения общих вопросов местного значения. Значение этой категории состоит в том, что местное сообщество является политической, территориальной и социальной основой местного самоуправления, гражданского общества и, в целом, всей системы публичной власти. Способность местного сообщества самостоятельно определять и реализовывать муниципальные интересы и потребности, координировать отношения со всеми субъектами политического процесса на местном уровне власти, проявлять активную гражданскую позицию в решении вопросов местного значения и выражать общественное мнение по ключевым вопросам своей жизнедеятельности напрямую зависит от его готовности включаться в процесс самоорганизации посредством различных форм политического участия, а также от способности органов публичной власти признать и использовать потенциал спонтанной самоорганизации в качестве необходимого источника формирования гражданской политической культуры.

Библиографический список:

1. Библиотека и местное сообщество: грани взаимодействия: (по итогам областного смотра-конкурса «Библиотека года – 2011»: [сб. ст.] / Новосиб. гос. обл. науч. б-ка; сост. Л.А. Бойко, Н.И. Поночевная; ред. С.А. Амельченко; отв. за вып. С.А. Тарасова. – Новосибирск: Издательство НГОНБ, 2011. – 80 с.
2. Генисарецкий, О. Гражданское и местное в городском самоуправлении / Городское управление и пространственное развитие. Сборник материалов к семинару «Стратегическое планирование в муниципальном управлении». М: МОНФ, 1999. С. 30 – 42.
3. Гималетдинова, Ю.А. Политический статус местного самоуправления в системе публичной власти Российской Федерации: Автореф. дисс...к.полит.н., Уфа, 2011. – 25с.
4. Горный, М. Местные сообщества и местное самоуправление / М. Горный // Пчела. 2001. № 4 (41). Январь – апрель.
5. Горный, М.А. Анализ мирового опыта взаимодействия органов государственной власти с общественными объединениями [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: URL: <http://www.center.sudanet.ru/?p=152> (Дата обращения: 13.10.2012)
6. Ежегодный доклад Общественной палаты Российской Федерации «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации» за 2008 г. М., 2009. – 50 с.
7. Еньков, И. Обзор европейского опыта государственной поддержки НКО [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: URL: <http://www.law.-ngo.ru/library/detail/1110/> (Дата обращения: 28.09.2012).
8. Кокарев, И.Е. Местные сообщества и местное самоуправление: технологии участия. Пособие для организаторов / И.Е. Кокарев. Серия «Библиотека местного самоуправления», Вып. 63. М., МОНФ, 2007. – 208 с.
9. Мерсиянова, И.В. Подходы к решению проблем формирования социальной базы местного самоуправления при стратегическом планировании развития муниципальных образований/ Ассоциация сибирских и дальневосточных городов. Изд. 2-е. Новосибирск: Институт неправительственного сектора, 2003.
10. Мерсиянова, И.В. Общественные объединения как элемент местного самоуправления: проблемы институционализации: Автореф. дисс. канд. социол. н. Новосибирск, 2002. – 27 с.
11. Официальный сайт ВЦИОМ [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=2086> (Дата обращения: 20.01.2012)
12. Официальный сайт Левада-Центр [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://www.levada.ru/> (Дата обращения: 20.01.2012)
13. Скобелина, Н.А. Условия развития общественных движений в современном российском обществе / Н.А. Скобелина // Вестник ОГУ. № 1 (107). Янв. 2010. С. 59 – 63.
14. Соколов, А.В. Некоммерческие организации и общественные объединения в Ярославской области: условия и факторы деятельности/ А.В. Соколов // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 1. Т. 1. С. 131 – 135.
15. Социальное партнерство и развитие институтов гражданского общества в регионах и муниципалитетах. Практика межсекторного взаимодействия: Практическое пособие / Под ред. А.Е. Шадрина, заместителя директора Департамента стратегического управления (программ) и бюджетирования Министерства экономического развития РФ. – М.: Агентство социальной информации, 2010. – 508 с.
16. Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии/ А. Турен. М.: Научный мир, 1998. - 205 с.
17. Фонды местных сообществ: Эффективная благотворительность Опыт развития фондов местных сообществ в России (на рус. яз.) М., 2005. – 71 с.
18. Широков, А.Н. Местное самоуправление в политической системе современной России: особенности и проблемы становления / А.Н. Широков. – Обнинск: Институт муниципального управления, 1997. – 485 с.
19. Self-organization in integrated conservation and development initiatives // International journal of the commons. Vol. 2. № 1. January. 2008. – P. 99 – 125.

E.V. Bezikonnaya
Omsk State Pedagogical University

COMMUNICATIVE POTENTIAL OF PUBLIC ASSOCIATIONS IN THE MUNICIPALITY

Associations have a special place in the structure of the political space in the spread of post-democratic tendencies. They are designed to fulfill the role of mediator in the implementation of the decisions of public authorities and civil society initiatives. Author's communicative self-organization model of government based on the recognition of the status of public associations active participants in the political process, particularly at the level of local authorities. Public associations are designed to perform the functions of the translator of public opinion, the media and political culture spokesman forms of civic engagement of the local community. While in the area of intersection of the private, public and state interests associations provide access to key stakeholders, articulating public opinion, expressed politically active members of the community. The involvement of unions in different communicative network also becomes a means of consolidating the efforts of public authorities, public to jointly address issues of local importance.

Key words: Associations. Political communication. Political actors. Local self-government. Synergetic approach. Self-organization. Political participation.

References

1. Library and Community Dimensions of Cooperation: (on the basis of the regional contest "Library of the Year - 2011": [Sat Art.] / Novosib. Gos. Reg. Sci. Bk; comp. LA Boiko, NI Ponochevna; ed. SA Amel'chenko; resp. for no. SA Tarasova. - Novosibirsk: Publishing NGONB, 2011. - 80 p.
2. Genisaretsky O. Civil and Local Self-Government in the urban / urban management and spatial development. Collection of materials for the workshop "Strategic planning in municipal management." M: MONF, 1999, pp. 30 - 42.
3. Gimaletdinova YA The political status of local government in the public authorities of the Russian Federation: Author. diss ... k.polit.n., Ufa, 2011. - 25 p.
4. Mountain M. Local communities and local government / M // Mountain Bee. 2001. № 4 (41). January - April.
5. Mountain M.A. Analysis of international experience between state authorities with public organizations [electronic resource] // [Access]: URL: <http://www.center.sudanet.ru/?P=152> (Date of access: 13.10.2012)
6. Annual report of the Public Chamber of the Russian Federation "On the state of civil society in the Russian Federation" in 2008, Moscow, 2009. - 50 p.
7. Yenko I. Overview of the European experience of state support of NGOs [electronic resource] // [Access]: URL: <http://www.law.-ngo.ru/library/detail/1110/> (Date of access: 28.09.2012).
8. Kokarev I.E. Local communities and local government: technology participation. Handbook for organizers / I.E. Kokarev. A series of "Library of local government", Vol. 63. M. MONF, 2007. - 208 p.
9. Mersiyanova I.V. Approaches to solving the problems of formation of the social base of local self-government strategic planning municipal development / Association of Siberian and Far Eastern cities. Ed. 2nd. Novosibirsk Institute of non-governmental sector, 2003.
10. Mersiyanova I.V. Associations as part of local government: the problem of institutionalization: Author. diss. cand. sociol. n. Novosibirsk, 2002. - 27 p.
11. Official site VTsIOM [electronic resource] // Access: URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=2086> (Date of access: 20.01.2012)
12. Official site of the Levada Center [electronic resource] // Access: URL: <http://www.levada.ru/> (Date of access: 20.01.2012)
13. Skobelina N.A. Terms of social movements in contemporary Russian society / NA Skobelina // Vestnik OSU. Number 1 (107). January. 2010. pp 59 - 63.
14. Sokolov A.V. Non-profit organizations and associations in the Yaroslavl region: conditions and factors of activity // Yaroslavl Pedagogical Gazette. 2012. № 1. T. 1. S. 131 - 135.
15. Social partnership and development of civil society institutions in the regions and municipalities. The practice of cross-sector collaboration: A Practical Guide / Ed. AE Shadrin, Deputy Director of Strategic Management (Programs) and Budgeting Department of Economic Development. - M.: Social Information Agency, 2010. - 508 p.
16. Touraine A. Return a man of action. Essay sociology. M.: Scientific World, 1998. - 205 p.
17. Community Foundations: An effective charity Experience of community foundations in Russia (in Russian. Lang.) Moscow, 2005. - 71 p.
18. Shirokov A.N. Local government in the political system of modern Russia: peculiarities and problems of formation / A.N. Shirokov. - Obninsk Institute Municipal Administration, 1997. - 485 p.
19. Self-organization in integrated conservation and development initiatives // International journal of the commons. Vol. 2. № 1. January. 2008. - P. 99 - 125.

Автор статьи – Елена Владимировна Безвиконная, доктор политических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет.

Рецензенты:

И.А. Акулич, кандидат политических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет;
О.В. Волох, доктор политических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет.

**СИСТЕМНОЕ ИСКАЖЕНИЕ СООБЩЕНИЙ
В ПОСТИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ**

В статье рассматривается в качестве одного из возможных векторов изменения индустриального общества превращение его в постинформационное, в котором недостоверные сообщения постоянно господствуют над точными данными и система искажения сообщений является неотъемлемым компонентом системы управления. Автор также предпринимает попытку выявить основные подсистемы искажения сведений, обуславливающие возможность формирования постинформационного общества.

Ключевые слова: система искажения информации, индустриальное общество, постиндустриальное общество, постинформационное общество.

Один из векторов изменения индустриального общества может быть связан с формированием системы искажения информации о событиях и процессах, видах деятельности, приобретающего организованный и упорядоченный характер в современном социуме. Недостоверными сообщениями, распространяемыми основными подсистемами и их элементами, в число которых уместно включить государства и спецслужбы, партии и масс-медиа, корпорации и социологические организации, агентства политического консультирования и конфессиональные объединения, пронизана жизнь общества, ненадежные данные перетекают из одной сферы в другую, обостряют многочисленные противоречия и конфликты, сдерживают эволюционные процессы. Системное искажение информации открывает поле для превращения индустриального общества в постинформационное, в котором не заслуживающие доверия сведения постоянно превалируют над точными.

Убеждение в том, что претерпевающее изменения современное общество остается индустриальным, выражено американскими исследователями Д. Гэлбрейтом, М. Голдмэном и Ф. Фукуямой [1]. В книге «Великая надежда XX века» Ж. Фурастье утверждал, что индустриальное общество совершенствуется, источником развития является технический прогресс, обеспечивающий значительное повышение уровня жизни граждан и выравнивание доходов всех слоев населения и создающий условия для решения всех острых проблем [2].

Мнение этих исследователей не разделяют теоретики, фиксирующие переход ряда стран от индустриального к постиндустриальному обществу. Предполагается, что эта стадия развития социума началась в последней четверти XX века в результате научно-технической революции и характеризуется совершенствованием энергосберегающих технологий, информатизацией, автоматизацией и роботизацией отраслей материального производства, улучшением деятельности учреждений образования и здравоохранения, обеспечением высокого качества жизни людей. С точки зрения исследователей, в западной цивилизации назрела переориентация на гуманизацию труда и производства, кристаллизуется нацеленность не на увеличение прибыли и приращение могущества, а на удовлетворение не являющихся сугубо экономическими потребностей [3, р. 215]. Для гражданина становятся притягательными не жажда потребления, а освобождение от обезличивающей массовости, привычной в индустриальном обществе, самореализация в творческой деятельности. Признаки, отражающие переход к постиндустриальному обществу, обнаружены аналитиками в странах Западной Европы, США, Канаде и Японии, в которых возрастает количество людей, занятых в сфере услуг.

Внимание исследователей привлекают различные аспекты развития общества, которое оценивают как постиндустриальное. В 1960-е и 1970-е годы Д. Белл, Г. Кан, Р. Дарендорф подчеркивали значение науки и техники как основы изменений, происходящих в совре-

менном социуме. В 1980-е годы шло осмысление социальных последствий постиндустриализма, в особенности классового конфликта и экологических проблем. В 1990-е годы внимание исследователей было сосредоточено на изучении организации корпорации, инвестиционных процессов и взаимодействия развитых стран с «третьим миром».

В меньшей степени осмыслено, пожалуй, качество данных, распространяемых в индустриальном или постиндустриальном обществе, хотя, по мнению А. Турена, в основе нового типа общества лежит способ производства, базирующийся на владении знаниями, а информация все более оказывается связанной с решением, т. е. с властью [4, с. 90]. Д. Белл рассматривал информацию в качестве самой власти, доступ к разнообразным данным – как условие свободы [5, с. 335]. Доклады, представленные правительству Японии в конце 1960-х – начале 1970-х годов Агентством экономического планирования, Институтом разработки и использования компьютеров, Советом по структуре промышленности, содержат прогноз о том, что процесс компьютеризации обеспечит людям доступ к надежным источникам сведений [6, р. 29]. Однако всецельны ли технологии, способны ли гарантировать надежность сообщений? Обеспечена ли в современном обществе свобода доступа к достоверной информации?

Эти вопросы закономерны. По всей видимости, осмысление последствий возможного перехода от индустриального общества к другой стадии развития социума не завершено. Не сбылись прогнозы о том, что университеты станут центрами общества, а власть перейдет от бизнесменов к ученым. Социуму не удалось избавиться от обезличивающей массовости. А. Турен полагал, что «исчерпанность» индустриального общества в странах, где оно достигло наибольшего развития, может возвещать «переход к обществу более волюнтаристскому и опасному, чем общество, которое мы оставили позади» [7, с. 411–412]. Вернее всего, усилия индивида, направленные на самореализацию, совершенствование своих качеств, окажутся результативными, а формирование его утонченного вкуса станет вероятным, если человек оперирует надежными данными о происходящем в сферах жизни социума. Такими данными, которые раскрывают существо разнообразных процессов, стимулируют поиск людьми сведений о неизвестном, анализ допущенных ошибок, а также представлений о перспективах общества. Однако если информация приобретает статус власти, вполне мыслима устремленность субъектов социально-политического процесса к упорядочению распространения искаженных сообщений в корыстных целях, хотя, по мнению А. Маслоу, сокрытие истины, цензура, отсутствие достоверных данных, запрет на коммуникацию угрожают удовлетворению базовых потребностей человека [8, с. 91].

При условии приобретения сообщениями статуса власти допустимо преобразование индустриального общества, как отмечено выше, в постинформационное, в котором социальные институты воспринимают распространение не заслуживающих доверия сведений как норму. Почва для такого превращения подготовлена в индустриальном обществе, где не только происходит переход к рациональному мышлению, раскрывающему потенциал преобразующей деятельности, ослабевает влияние разного рода запретов, но и резко расширяются возможности пропаганды. Причем в распространении ненадежных данных чаще всего проявляются нерегулярность и сумбурность, непоследовательность и несогласованность.

От этих изъянов избавлена сложная и динамическая система искажения сообщений, которая складывается в постинформационном обществе на основе использования современных технологий и укореняется как неотъемлемый компонент системы управления. Можно выявить подсистемы искажения информации о событиях и процессах, видах деятельности. Подсистемы и их элементы взаимодействуют и влияют друг на друга, обеспечивают возможность сохранения и совершенствования системы, ее целостного функционирования. Одни подсистемы и их элементы действуют постоянно и претендуют на всецелость и всеохватность, другие активны в отдельные благоприятные периоды и оказывают на электорат воздействие локального характера. Подсистемы искажения информации вынуждены

утроить усилия, чтобы сохранить могущество, так как угрозу их власти представляет распространение разнообразных данных в Интернете как совокупности глобальных, региональных и локальных компьютерных сетей, объединенных каналами связи.

Среди подсистем, оказывающих наибольшее воздействие на население, выделяются государства. Высоко котируется их способность осуществлять научные, гуманитарные и технические идеи, быть лидерами в реализации инноваций. Исследователи предполагают, что в политической сфере постиндустриального общества может окончательно утвердиться плюралистическая демократия, этот процесс будет сопровождаться повышением эффективности работы институтов власти. Однако государства способны стать лидерами и в искажении информации, имитации заботы о создании условий для инвестиций в науку и технику, об использовании системы коммуникации для развития самоуправления. Распространение недостоверных данных позволяет органам власти скрывать неэффективность управления и объяснять происками внешних сил затруднения, возникающие в решении острых проблем.

Государства оказывают воздействие на формирование структуры системы искажения данных, определяют направления деятельности подсистем и их элементов, придают первостепенную важность одним и принижают значение других, в зависимости от ситуации меняют отношение к работе подсистем и их элементов. В отношении некоторых могут быть применены санкции. Согласно статье 237 Уголовного кодекса РФ предусмотрено наказание лиц, скрывающих или искажающих информацию об обстоятельствах, представляющих опасность для жизни или здоровья людей либо окружающей среды. Однако количество распространяемых ненадежных сообщений, по всей видимости, многократно превышает число судебных разбирательств, инициированных по поводу нарушений данного законоположения.

Имея особые, часто противоположные интересы, государства вовлечены в соперничество, наращивают пропагандистский потенциал, основанный на использовании визуальных, риторических и символических средств и направленный на навязывание гражданам такого представления о происходящем в мире, которое не допускает двойного толкования. По утверждению Э. Тоффлера, машина по принятию политических решений не только в индустриальных, но и постиндустриальных странах становится все более затопленной недостоверными данными и сталкивается с неизвестными ей опасностями [9, с. 622]. Но организаторы распространения ненадежных сведений убеждены, что вынашивают благовидные цели и их действия направлены на поддержание стабильности и обеспечение согласия в социуме, выработку программно-стратегических целей и задач развития общества, координацию деятельности субъектов политической системы и охрану государственной безопасности.

Чаще всего, однако, искаженная информация используется для укрепления власти и ее оснований, в борьбе за статусы, полномочия и ресурсы. Чтобы эта борьба была успешной, разработаны технологии, определяющие шаблон восприятия сообщений массовым сознанием, посредством такой коммуникации создают вымышленную реальность [10, с. 230]. Управление с помощью искаженных данных расширяет возможности государственных органов интерпретировать результаты собственной деятельности в выгодном свете. Характерно, что аргументы инициаторов принятия Закона РФ «Об исчислении времени» (2011 г.) почти совпадают с доводами оппонентов, настоявших на принятии противоположного решения о внесении изменений в данный правовой акт (2014 г.).

Элементом подсистемы являются спецслужбы. С одной стороны, они ведут борьбу с террористическими группировками, противостоят организованной преступности, с другой стороны, отстаивают интересы господствующего в обществе субъекта и обосновывают законность его действий, слабо контролируемы органами исполнительной и законодательной власти и обладают возможностями дезинформировать участников социально-политического процесса. Искаженные данные, представляемые спецслужбами, могут слу-

жить основой для принятия и репрессивных мер в отношении оппозиционных сил, и решений о вторжении войск на территорию других государств.

Еще одну подсистему искажения информации формируют партии. Участвуя в соперничестве за статусы, полномочия и ресурсы, эти субъекты политического процесса нередко включают в собственные программы заведомо невыполнимые проекты, превратно трактуют цели и задачи конкурентов, приписывая им действия, которые они не совершали, и замыслы, которые те не вынашивали. С особой интенсивностью партии распространяют недостоверные сведения в избирательных кампаниях.

Государственные органы и партии сотрудничают с агентствами консультирования, которые осуществляют интеллектуальное и организационное обеспечение политических кампаний посредством создания и реализации высокоэффективных технологий, главным образом информационно-пропагандистских, рассчитанных на манипулирование общественным мнением, преднамеренное искажение происходящего в электоральном пространстве. Как правило, такие агентства воспринимают политику в качестве бизнеса, оказывают содействие и тем претендентам на властные полномочия, которые не способны выполнить предвыборные обещания.

Для государств, спецслужб, партий, агентств политического консультирования ценно взаимодействие с такой подсистемой, как масс-медиа. Оно весьма привлекательно, так как пресса часто приносит достоверную информацию в жертву конъюнктурным соображениям, содействует субъектам политики в достижении целей, развенчивает их конкурентов. Влиятельные масс-медиа нередко привлекают к освещению региональных конфликтов местных журналистов, которые рассматривают события односторонне, пристрастно.

Как основной элемент данной подсистемы на формирование вкусов, взглядов, стереотипов поведения людей мощное воздействие оказывает телевидение. Оно предлагает населению упрощенные варианты трактовки событий, процессов, оказывая услугу массам, не желающим или неспособным искать ответы на сложные вопросы, доискиваться правды в обилии сообщений. Согласно данным ВЦИОМ с 1991 по 2013 год 60 процентов граждан России, почти вдвое больше, чем два десятилетия назад, стали воспринимать в качестве авторитетного источника информации именно телевидение, а доверие печатным изданиям уменьшилось с 19 до 7 процентов [11]. Более того, данные опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» в 2014 году, свидетельствуют о том, что 60 процентов респондентов убеждены в объективности телевидения и только 7 процентов то же самое говорят о прессе [12]. Видимо, фрагментарность, мозаичность, калейдоскопичность в отражении реальности телевидением устраивает обывателя в большей мере, чем приглашение к обстоятельному анализу социально-политических явлений, предлагаемое печатными изданиями. В связи с возможностями распространения искаженных сообщений возникают противоречия между отдельными средствами массовой информации, группами журналистов, касающиеся соблюдения профессиональных стандартов.

Воздействию конъюнктурных соображений подвержены и социологические организации. В угоду субъектам политики они искажают информацию об отношении граждан к государственным деятелям, а также событиям и процессам, чаще всего демонстрируют такой подход в избирательных кампаниях.

Не меньший вклад в искажение сообщений вносят корпорации. С одной стороны, в конкуренции имеют преимущество те субъекты экономики, которые обладают разнообразными сведениями о состоянии рынка, превосходят другие компании в разработке технологий получения и передачи данных. С другой стороны, корпорации систематически искажают информацию о доходах, с которых уплачивают налоги [13, с. 119], ради получения прибыли вводят население в заблуждение относительно потребительских свойств товаров и услуг. Осложнено и получение инвесторами надежных сведений о деятельности, осуществ-

ляемой на рынках капитала. Интересы государств и корпораций, предлагающих населению недостоверные данные, могут совпадать.

К распространению вольно интерпретируемой информации склонны и конфессиональные объединения. Опираясь на догматы, утвержденные столетия назад, религиозные деятели предлагают населению собственные объяснения процессов глобализации, достижений научно-технического прогресса, конвергенции информационных и коммуникационных технологий.

Условия, создаваемые подсистемами и их элементами для перехода стран к постинформационному обществу, благоприятны. Признаки, присущие такому социуму, можно обнаружить в большинстве сфер жизни государств. Постинформационное общество в состоянии соединить противоположные компоненты социально-политической мозаики, быть симбиозом уродливого и прекрасного, элементов свободы и авторитаризма, демократии и плутократии, либеральной экономики и государственного капитализма. Условия для формирования постинформационного общества сложились и в постсоветском пространстве. Так, 72 процента граждан России, опрошенных фондом «Общественное мнение» в 2014 году, убеждены, что о ряде значимых проблем допустимо умалчивать в государственных интересах, несмотря на то что вследствие этого могут быть скрыты от общества просчеты, повлекшие плачевные последствия для населения, а также действия, совершаемые в угоду интересам политической элиты, факты неправомерного расходования средств из бюджета. 54 процента респондентов считают, что в государственных интересах приемлемо и искажение сведений, раскрывающих проблемы [12], хотя, по мнению специалистов в сфере применения технологий, распространение недостоверных данных даже одной из взаимосвязанных информационных систем чревато непредсказуемыми последствиями.

Надо полагать, терпимое отношение граждан к искажению информации органами власти объясняется тем, что в постсоветском пространстве сохраняют силу и стойкость стандарты поведения и ценности, разделяемые человеком массы, которому свойственны вульгарно-заурядные предпочтения, социальная безучастность. Обладание, скажем, планшетным компьютером «Айпэд» последней модели, произведенным компанией «Эппл», не влечет автоматическое обогащение индивида разносторонними знаниями о мире и развитие его способности сопоставлять данные опыта и обобщать изведенное, раскрывать дезинформацию. Оснащенность продуктами передовых технологий не порождает и чью-либо решимость проявить себя в деятельности гражданского общества и отказаться от использования в оценке событий и явлений социально-политического процесса навыков, которыми обладает человек массы.

Навыки индивида, чьи духовная жизнь и мышление усреднены, стандартизированы, являются оптимальными для существования в постинформационном обществе. Достоверные данные часто вызывают беспокойство человека, лишают его душевного комфорта. Индивид не готов к корректировке своего поведения и мировоззрения с учетом происходящих перемен, не справляется с анализом получаемых сообщений, ощущает усталость от ежедневного созерцания будничной реальности и выбирает из многочисленных источников сведений минимальное количество тех, которые предоставляют ему непротиворечивую интерпретацию событий. Традиционные источники информации оказывают на человека массы воздействие, подобное гипнотическому, и вызывают желаемую для управляющих реакцию. Стереотипы и представления, сложившиеся в его сознании, облегчают формирование иллюзии о том, что указанные подсистемы делают все возможное для инновационного развития общества. Под влиянием недостоверных данных складывается индифферентное отношение населения к жизненно важным процессам или же деятельность граждан может быть направлена в выгодное для господствующего в обществе субъекта русло, к примеру, возбуждена ненависть одного народа к другому. Находясь под постоянным контролем данных подсистем, люди не выражают устремленность к добровольному участию в решении

общих задач, у них не выработан иммунитет против не заслуживающих доверия сообщений. Чем проще толкование происшедшего, тем населению легче воспринять сведения о происшествиях, катаклизмах, конфликтах.

Именно в конфликтах, внутривополитических и международных, отчетливо проявляется упорядоченный и организованный характер распространения недостоверной информации. Систему искажения сообщений цементируют органы власти. Все звенья государственного механизма действуют слаженно, попеременно одни административные учреждения подтверждают, что распространенные другими органами власти искаженные сведения являются точными. Недостоверные данные публично распространяют президенты, а преуспевшие в этом министры становятся популярными. Управляющие осознают, что использование для поддержания общественного порядка информационного насилия, когда население получает из традиционных источников, охватывающих территорию всей страны, не заслуживающие доверия сведения о конкретных событиях, может оказаться эффективнее и обойтись дешевле, чем содержание правоохранительных органов. Обстоятельства для формирования постинформационного общества особенно благоприятны, когда объем предлагаемых населению недостоверных данных значительно превышает количество надежных сообщений, а свобода творчества подменяется свободой распространять искаженные представления о реальности.

Если часть членов общества выражает недовольство по поводу возрастающего объема циркулирующих в социуме неточных сведений, смягчить негативное отношение людей к указанным подсистемам может распространение господствующим в обществе субъектом достоверных сообщений, соответствующих его интересам. Устремленность к созданию условий для предоставления населению надежной информации способны проявить отдельные группы экономической и интеллектуальной элиты, главным образом научной. Не исключено и формирование культуры меньшей части граждан, позволяющей им вести успешный поиск заслуживающих доверия сведений, использовать знания во благо себе и обществу. Но инструктивные, пропагандистские сообщения все же превалируют над другими видами информации, которая постепенно утрачивает статус стимула для развития большей части членов социума. Любой домысел может быть выдан за истину, а обсуждением слухов заменен анализ фактов. Велика вероятность того, что ожидаемое никогда не произойдет, а социум обсуждает его последствия: рассматриваются акции, которые не совершены, оцениваются решения, которые не приняты. Влияние предположений, догадок, искажающих реальность, отражается на мировых рынках, действиях правительств.

Причем чаще всего неблагоприятным образом. Как бы ни старался господствующий в социуме субъект обезопасить себя от треволнений, постинформационное общество не может быть защищено от кризисов. Подсистемы не всегда улавливают ту грань допустимого и терпимого населением в искажении сведений, пересечение которой чревато опасностями. Если объем распространяемой подсистемами и их элементами недостоверной информации резко увеличивается, а пласт предлагаемых населению надежных сообщений сокращается, как шагреновая кожа, кризисы происходят тем чаще, чем быстрее в той или иной стране ухудшается экономическая ситуация, увеличивается безработица и снижаются доходы граждан.

При возможном обеспечении свободы торговли и движения капитала в постинформационном обществе вероятны нестабильность и динамизм разнообразных процессов. Динамизм перемен может отражаться как в стремительном формировании производств и технологий, создании компаний и предприятий, так и скором прекращении их деятельности. В связи с изменением условий жизни люди опасаются потерять работу, испытывают неуверенность в будущем, переживают стресс. В сфере культуры наряду с демонстрацией духовных достижений индивидов мыслима изоляция государств. Она происходит в условиях, когда возникает необходимость защиты интересов страны от реальных или мнимых внутренних или внешних врагов. Начало такой изоляции может быть связано с распространением

националистических тенденций, культурного фундаментализма как приверженности традициям и ценностям, укоренившимся идеям и принципам. В социальной жизни наравне с утверждением определенных стандартов жизни и потребления потенциально сохранение межэтнических разногласий, религиозной нетерпимости, а также отсутствие гармонии в отношениях, сложившихся между поколениями, и возможности отстаивать свои интересы теми людьми, которые не имеют навыков использования высоких технологий. Одновременно существование власти одних граждан над другими для объединения или противопоставления социальных групп, необходимость в укреплении ее, потребность в контроле поведения и действий людей обуславливают долговременный интерес господствующего в обществе субъекта, других влиятельных участников политического процесса к сохранению системы искажения информации как компонента системы управления.

Библиографический список

1. Иноземцев, В. Переосмысливая грядущее. Крупнейшие американские ученые о современном развитии // *Мировая экономика и международные отношения*. – 1998. – № 11. – С. 5-26.
2. Фурастье, Ж. Великая надежда XX века / Ж. Фурастье. – М.: Прогресс, 2001. – 183 с.
3. Julien, C. *Le suicide des democracies*. – P.: Grasset, 1972. – 316 p.
4. Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / А. Турен. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.
5. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества // *Новая технократическая волна на Западе*. – М.: Прогресс, 1986. – С. 330-342.
6. Masuda, Y. *The Information Society as Post-industrial Society*. – Wash.: World Future Soc., 1983. – 171 p.
7. Турен, А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества // *Новая технократическая волна на Западе* / А. Турен. – М.: Прогресс, 1986. – С. 410-430.
8. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1999. – 478 с.
9. Тоффлер, Э. Третья волна / Э.Тоффлер – М.: АСТ, 2010. – 784 с.
10. Лиллекер, Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты / Д. Лиллекер – М.: Гуманит. центр, 2010. – 300 с.
11. Онлайн и офлайн: откуда получают информацию россияне // *vsion.ru*. Пресс-выпуск № 2370.
12. О средствах массовой информации // *fom.ru/ smi-i-internet/11427*
13. Богл, Д. Битва за душу капитализма / Д. Богл. – М.: Изд-во Инст-та Гайдара, 2011. – 424 с.

V.A. Evdokimov

Omsk academy of the humanities

SYSTEM DISTORTION OF INFORMATION IN THE POST-INFORMATION SOCIETY

The author considers such eventual vector of change of industrial society as turning of this one into the post-information society, where disfigured information regularly prevails over accurate data and the system of distortion of facts serves as a component of system of governance. An attempt to define the main subsystems of distortion of facts in the post-information society is reflected also in the article.

Key words: system of distortion of information, industrial society, post-industrial society, post-information society.

References

1. Inozemtsev, V. Rethinking the future // *World economy and international relations*. – 1998. – № 11. – P. 5-26.
2. Furastie, J. *Le Grand Espoir du XXe siècle. Progrès technique, progrès économique, progrès social*. – Moscow: Progrès, 2001. – 183 p.
3. Julien, C. *Le suicide des democracies*. – P.: Grasset, 1972. – 316 p.
4. Touraine, A. *Return of the actor: Social theory in post-industrial society*. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. – 171 p.
5. Bell, D. *Social frames of the information society // New technocratic wave in the West*. – Moscow: Progress, 1986. – P. 330-342.
6. Masuda, Y. *The Information Society as Post-industrial Society*. – Wash.: World Future Soc., 1983. – 171 p.
7. Touraine, A. *From exchange to communication: birth of programming society // New technocratic wave in the West*. – Moscow: Progress, 1986. – P. 410-430.
8. Maslow, A. *Motivation and personality*. – Saint-Pet.: Euroasia, 1999. – 478 p.

9. Toffler, A. The third wave. – Moscow: АСТ, 2010. – 784 p.
10. Lilleker, D. Key concepts in political communication. – Moscow: Centre for the Humanities, 2010. – 300 p.
11. Online and offline: where the Russians draw information // vciom.ru. Issue № 2370.
12. On the mass media // fom.ru/ smi-i-internet/11427
13. Bogle, J. The Battle for the Soul of Capitalism. – Moscow: Gaidar Institute Press, 2011. – 424 p.

Автор статьи – **Владимир Анатольевич Евдокимов**, доктор политических наук, профессор, Омская гуманитарная академия, e-mail: evdokimovVA@list.ru.

Рецензенты:

Е.В. Безвиконная, доктор политических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет;

В.Г. Пузиков, доктор философских наук, профессор, Омская гуманитарная академия.

УДК 333.22/29

В. М. Кононов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Разработка отвечающих вызовам времени инновационных стратегий и реализация эффективной инновационной политики выдвигаются в число важнейших приоритетов глобального и национального развития. Если при становлении капиталистического уклада, перевернувшего основания человеческого бытия, главными агентами производства выступали капитал и труд, то в условиях постиндустриальной парадигмы происходит расширение границ производительного труда. Все более значимыми его силами становятся наука, образование, воспитание и культура. Развертывание человеческого потенциала неизбежно определяется как императив устойчивого инновационного развития общества, а значит, и как действенный фактор политики. Поэтому требуется существенная переоценка места и роли социальной сферы, взятой в формате науки, образования и культуры, превращающихся в основного движителя общественного развития. В этом своем содержании социальная сфера предстает как пространство, в котором формируются точки инновационного роста. А для России, до сих пор переживающей пертурбационные сдвиги, крайне важными остаются разработки концептуального и методологического типа, поскольку они определяют принципы и механизмы взаимосвязи между факторами и субъектами инновационного процесса. И каждую ситуацию – по-новому, особенно в ситуациях-метаморфозах, как в нынешнее время. Этот круг вопросов и определил содержательный пафос предлагаемой публикации.

Ключевые слова: инновационная политика, социальный и человеческий капиталы, человеческий потенциал, наука, образование, реальное производство, историческая ситуация, исторический кризис, субъект, объект.

Реальность бизнеса такова, что «лидер производит технологии, а аутсайдер производит вещи». Сегодня, учитывая характерную для мира высокую динамику генерации и реализации продуктов фундаментальных научных исследований в глобальной системе разделения труда, решающую роль приобретают как качественно новые технологии, так и качественно новые механизмы функционирования производства. Но разработка подобных технологий и механизмов (при всей их глобальной сущности) практически никогда не может исходить исключительно из всеобщих объективных моментов и абстрактно-всеобщих теоретических оснований. Такую картину (да и то, лишь в вероятности) можно было бы наблюдать при их переносе на практически пустое социально-экономическое и социокультурное место. В этом случае социально-практическая трансгрессия могла бы и реализоваться. Но, как правило, людям приходится быть не столько идеалистами, сколько материалистами – то есть исходить из объективной реальности общественной жизни, включая объективные и субъективные обстоятельства места и времени. Практические политики и экономисты обречены исходить из наличного ресурсного, в том числе и человеческого «материала», быть

эмпириками с гносеологической точки зрения, исходить из фактов, но никак не из фантазий и благих намерений. Они не могут разумно ни использовать, ни культивировать имеющиеся инновационный потенциал и реальную субъектность национальной жизни, включая экономику. Помимо прочего, в своем методе, помимо стратегических соображений, они неизбежно реагируют на историческую ситуацию, точнее – на ее изменение. Волей-неволей, а приходится опираться на наличную научную базу, на наличный человеческий и социальный капитал, на наличную систему их расширенного воспроизводства. А все это – в ракурсе мировой и региональной «раскладки сил», особенно в сложных ситуациях, включая и исторические метаморфозы. Главное в этом случае – иметь политическое желание и волю: не стоять на месте – искать, развивать, инвестировать в узком и широком смыслах этого слова. Ибо застоя не бывает, может быть либо движение вперед, либо – назад. Это знали еще древние римляне, но не предполагал М.С. Горбачев со своей «командой», когда давали характеристику «эпохи Л.И. Брежнева» как «эпохи застоя».

Все понятно, что уже сформировавшиеся, наличные научно-технический, социально-экономический, социогуманитарный, социокультурный потенциалы конкретной страны являются базисом, ее начальной позицией в глобальной системе разделения труда. С них надо начинать, их надо рационально развивать – культивировать.

История, как и мысль, не умеет «торчать на месте». Чтобы быть, им нужно двигаться. В этой связи представляется очевидным, что среди приоритетов национального развития большинства индустриально развитых государств существенное значение имеет разработка инновационных стратегий, формирование и реализация эффективной, отвечающей вызовам времени инновационной политики.

Современная «мир-экономика» (термин И. Валлерстайна), с высокими темпами научно-технического движения и роста доли интеллектуального фактора производства, ставит во главу угла задачу интенсификации фундаментальных исследований, а на их основе – развитие передовых технологий. А уж затем – выход с ними на мировой рынок для занятия и расширения в нем своей ниши в пространстве глобального хозяйства и мировой экономики. Интеллектуальные ресурсы (вместе с передовыми технологиями) не просто определяют перспективы национального хозяйства и экономики, но, что, видимо, не менее важно – отражают уровень безопасности и независимости страны, состояние ее реального экономического и политического суверенитета. А для нынешней России (как всем должно быть понятно без лишних слов) перевод всего нашего субконтинента на рельсы инновационного развития, являясь архисложным, становится архиважным. Это, впрочем, на ее пути случилось не раз и не два. Как отмечал В.В. Путин, «страна, которая не сможет пробиться в круг создателей новых, новаторских технологий, не просто обречена на зависимое положение. Доля глобального «пирога», которая достанется ее предприятиям, жителям этих стран, будет на порядок меньше, чем у лидеров» [1].

Вопрос тем более серьезный, что Россию вновь начинают «испытывать на прочность», причем уже всесторонне – во всех ее измерениях, включая социальные, политические и духовные. Испытывать извне и изнутри. Теперь уже в связи с «украинской современностью», с нынешней ее «метаморфозой» (используем эти нейтральные термины, поскольку история не завершена, и оценки ею не расставлены).

Здесь показательны статьи, опубликованные журналом «Pro et Contra» (практически это целый номер). В них позиция России в названном историческом действии характеризуется авторами однозначно отрицательно. По-пифийному, пророчатся и негативные последствия названной исторической метаморфозы для нашей страны, для ее модернизации, и (о, Боже!) для ее политического будущего: в России, дескать, «реализуется генеральная линия на демодернизацию. Причем скорость движения вспять многократно превышает ту, с которой до недавнего времени шли модернизационные процессы: в одночасье оказалось разрушено то, что строилось долгие годы, и на смену медленному поступательному движению

вверх пришло быстрое обрушение вниз... Разрушена тонкая пленка складывающейся новой нормальности, идет проседание страны и общества в топь – до старого сталинского советского фундаментализма» [2]. Вырисовывается политическая цель – сокрушение существующего политического режима в России, отстранение от власти ее нынешнего политического руководства. Но все не так просто. Возникли большие трудности и присовокупились новые проблемы.

Здесь в свои права вступают – конечно, в русле нашей темы – историко-ситуативный, философско-исторический и политологический анализы, взятые в единстве вопросов: «как есть?», «как может быть?», «как хотелось бы?», «на что можно надеяться?».

Ясно, что стратегической целью для России становится не просто преодоление возникших сложностей и напастей, но решение смысловой задачи самоопределения в новом «раскладе мировых политических сил». Объективные условия обстановки стали сложными. Надо отдавать себе в этом отчет. Причем это относится не только к элите и «политическому классу» (к ним, конечно, в первую голову), но и ко всему российскому сообществу граждан, т.е. всему гражданскому обществу.

Налицо всемирно-исторический кризис. И российский субъект данной исторической ситуации [3] в его условиях должен разумно действовать.

Это значит, во-первых, продолжить проникновение в объективное содержание обстановки; во-вторых, теоретически осмысливать ее «текучую» субъектность, постоянно меняющееся переплетение игроков; в-третьих, самоопределиться в качестве «со-субъекта» в этом сплетении мировых сил; в-четвертых, попытаться изменить историческую обстановку и всю ситуацию в свою пользу. Помимо этого (и, быть может, это главное), учиться продолжать начатое дело модернизации в ситуации кризиса. Ни в коем случае не покидать своего стратегического маршрута. Даже более того – в силу необходимости и по мере возможности попытаться использовать кризис в своих интересах, в нашем случае – это использовать его в целях инновационного развития. Это – выработка новых механизмов, обеспечивающих экономический рост. Иначе можно из субъекта всего постоктябрьского 1917 г. развития превратиться в простой объект, марионетку в игре т.н. «золотого миллиарда». Что мы, кстати, уже и пережили в эпоху «постсоветского, постсоциалистического расцвета». Однако последующее движение России показало, что она не потеряла свою пассионарность» (Л.Н. Гумилев).

В рамках российской политической «повестки века» уже определен ряд основополагающих направлений инновационной политики. Среди них – ориентация на длительное и конструктивное развитие инновационной среды, и на этой основе – повышение конкурентоспособности отечественных товаров на мировом научно-техническом и технологическом рынке, диверсификация международного сотрудничества, создание наукоемких отраслей промышленности, направленных на развитие национальной хозяйственно-экономической системы. А пребывание на мировом рынке в качестве *сырьевого придатка* (будем называть вещи своими именами) просто не разумно и не красиво, а значит, и постыдно. Использовать благоприятные природно-сырьевые условия – это разумно, но вечно уповать на них – безумно. В этом случае всегда есть опасность превратиться в заложников политически ангажированных мировых сил, да и больших социумов.

В мировой экономике, как и в прошлом, с силой объективной необходимости действуют потребности и интересы. Они сами по себе имеют убедительный мотивирующий характер. И лишь потом и на их основе – моральные и иные духовные принципы и соображения. Как бы к этому не относиться, но пока такова объективная реальность общественной жизни, в т.ч. глобальной.

Потому и получается, что в условиях глобальной конкуренции и открытой экономики невозможно догнать развитые страны мира по уровню благосостояния и эффективности, не обеспечивая опережающего прорывного развития в тех секторах российской экономики,

которые определяют ее специализацию в мировом хозяйстве и позволяют в максимальной степени реализовать национальные конкурентные преимущества [4]. Но не только.

России предстоит «выходить на площадку будущего», работать там, где действительность еще предстоит перед «мировым разумом» лишь в форме возможности. Но выходить на высокотехнологичной основе и с высококвалифицированным кадровым потенциалом. В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» и развивающей ее положения «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» определены основные направления инновационной политики России в рамках долгосрочного планирования. Среди них: создание благоприятной среды для развития инновационных институтов, дифференциация экономики, расширение поля инновационных преимуществ России, активная инновационная деятельность в рамках международного сотрудничества. Вместе с тем, как подчеркивает В.В. Путин, стратегия инновационного развития страны должна быть существенно пересмотрена. Эта работа требует системности, она не может не затрагивать самых различных своих сторон – от преодоления бюрократизма в осуществлении принимаемых решений до пересмотра самих оснований внешнеполитической деятельности и выбора геоэкономических партнеров.

В рамках же настоящей статьи хотелось бы выделить лишь один ее аспект. Уже в конце XIX века научной мыслью был поставлен вопрос о пересмотре границ производительного труда. В III томе «Капитала» К. Маркс озвучил тезис-гипотезу о превращении науки в непосредственную производительную силу. Веком позже, разрабатывая концепции постиндустриализма, Дж.К. Гэлбрейт, Д. Белл и др. внушали обществу идеологему: если в период классического капитализма главными агентами производства выступали капитал и труд (то есть материальные факторы расширенного общественного воспроизводства), то с последней трети XX столетия таковыми начинают становиться «духовные» факторы (наука, образование и даже воспитание). Многие отказывались верить этому. Но ведь, как и в случае с теорией идей «блистательного Платона» (Б. Рассел), случилось так. Поэтому весь послевоенный период и происходит переоценка цивилизационных ценностей, в частности – переоценка места и роли «социальной сферы» общественного воспроизводства в устойчивом развитии общества в целом, а в осуществлении инновационной политики – в частности.

Социологи Московского университета на примере многочисленных исторических катаклизмов просчитали, что если в результате социальной катастрофы, скажем, войны, в какой-либо стране была практически полностью разрушена производственная база, но сохранились научные и образовательные структуры и кадры, то эта страна поднималась из разрухи вчетверо быстрее, чем это было бы в противном случае. А это означает необходимость повышенного внимания к всемерному развертыванию человеческого потенциала как ведущего фактора инновационной политики. Собственно, именно в этом и состоит смысл активной логики современного инновационного развития.

Принципиально изменяется место человека как субъекта организационно-управленческой деятельности, даже взятой в ее повседневном виде. Да простится нам пространная цитата по этому поводу: «Размышляя о современном ему обществе, Макс Вебер писал, что оно основывается на трех «китах»: индустриализации, стандартизации, рационализации – все под крепкой оболочкой бюрократического начала. В теории управления в этот период заявил о себе тейлоризм – первая, ставшая позднее классической, школа науки о менеджменте. Фредерик Уинслоу Тейлор выстроил жесткую пирамидальную модель управления, эффективность которой ставилась им в прямую зависимость от безусловного и четкого выполнения низшими звеньями предписаний, идущих с самого верха. В этой иерархизированной системе рядовой участник производственного процесса неизбежно рассматривался как просто «винтик» или, говоря словами Маркса, как «часть частичной маши-

ны». В практике индустриального общества такая модель закономерно коррелировала с точным производством, давшим конвейер и олицетворенным Генри Фордом-старшим...

Современная эпоха такую картину мира отбрасывает... В условиях компьютерной революции человек уже не может оставаться инструментом, винтиком системы, более того – всемерное развитие человеческого потенциала становится универсальным требованием новой эпохи. Тем самым современное историческое время властно требует ликвидации всевластия бюрократических форм и в целом – утверждения развернутых демократических начал в своем социальном бытии» [5].

Более того, по-настоящему инновационная экономика может сформироваться только в определенном социокультурном контексте, и на ее основе стать частью инновационной культуры, основанной на гуманистических идеалах, творческой свободе, демократических политических ценностях. Особую роль в этом процессе призвана сыграть государственная политика в сфере науки и образования.

Укрепление механизмов инновационной структуры России, которое предназначено качественно повысить уровень инновационной деятельности, предполагает осуществление ряда приоритетных направлений инновационной политики [6]. Наиболее актуальными ее задачами являются следующие.

– Переход политической и социально-экономической структур на инновационный путь развития посредством увеличения инвестиций в человеческий капитал. Это позволит увеличить долю интеллектуальной собственности в объеме капитала предприятий (для сравнения, доля капитала интеллектуальной собственности в крупнейших инновационных компаниях мира составляет 80% [6]). Создание структурированной инновационной системы подобного типа позволит реорганизовать существующую модель инновационного развития, а также создать систему частной инновационной инициативы, которая снимет практически исключительную зависимость инновационной системы от источников бюджетного финансирования.

– Социально и теоретически обоснованная модернизация системы образования, которая в долгосрочной перспективе создаст эффективную систему кадрового обеспечения инновационной системы.

– Увеличение и рачительное, продуктивное использование государственных и негосударственных затрат на научно-технические и технологические разработки. Это расширяет возможности для приоритетного развития инновационных отраслей общественного воспроизводства.

– Создание такой инновационной инфраструктуры, которая позволит обеспечить эффективную работу всех участников инновационного процесса.

– Приведение институциональной базы инновационной системы в соответствие современным требованиям. Превращение чиновничьего аппарата из бюрократического «нароста» в «механизм» обеспечения инновационного развития. Это позволит преодолеть искусственные противоречия между сегментами системы, задаст объективные условия для качественного улучшения деятельности субъектов инноваций. Можно рассчитывать, что это позволит решить ряд проблемных моментов российской инновационной системы, прежде всего, нецелевое расходование средств.

– Развитие наукоемких отраслей промышленности и системная реорганизация действующих производственных фондов с целью обеспечения ритмичного роста экономических показателей.

– Создание современной системы технологического трансферта, нацеленной на качественное возвышение конкурентоспособности российских инновационных предприятий на внутреннем российском рынке. Оно же способно расширить и разнообразить систему стимулирования научно-исследовательского компонента производства и косвенно – внешнюю конкурентоспособность.

– Культивирование сети инновационного сотрудничества на различных уровнях.

Мировой опыт показывает, что реализация сценария инновационного прорыва возможна лишь при условии преодоления разрывов единого инновационного цикла. Его непрерывность обеспечивается интеграцией науки не только с образованием, но и с реальным сектором экономики, развитием и расширением форм, механизмов и каналов их взаимодействия. Одним из серьезнейших уроков предшествующего кризиса (2008–2010 гг.) явилось то, что российский социум не использовал открывающиеся возможности (в структуре экономики, в банковской системе, в системе «наука – производство») для нужд реальной экономики [7], в том числе – для подготовки необходимых кадров, причем, не только инженеров и техников, но и квалифицированных рабочих. А страны-лидеры мирового развития сумели после советских спутников и Ю.А. Гагарина интегрировать науку и образование с помощью развития университетских комплексов, различного рода сетевых структур, встроить их в национальные инновационные системы и обеспечить рост их вклада в экономический рост и конкурентоспособность своих стран. Успех интеграции образования и науки обеспечивается целым рядом национальных законов и программ, позволяющих реализовать эти возможности.

В настоящее время инновационный сектор отечественной экономики все еще обладает значительным потенциалом. Но во многих своих отношениях он не до конца выявлен и недостаточно освоен.

Показательны следующие количественные иллюстрации. В XX веке примерно 2/3 мировых инноваций, которые были внедрены в производственный процесс экономик развитых стран, были реализованы при использовании достижений советской и российской науки. А в настоящее время Россия на НИОКР по паритету покупательной способности тратит менее 2% от мировых расходов (для сравнения: у США – 35%, у ЕС – 24%, у Японии и Китая – примерно по 12%) [8]. В ходе прошлого десятилетия укрепился рост инвестиций в научную сферу, средний 7%-ный рост привел к тому, что их количество увеличилось почти вдвое и составило примерно 490 млрд. рублей. Данная тенденция характерна в среднем для стран ОЭСР за этот же период, однако российский рост инвестиций в науку превышает средние аналогичные показатели по Евросоюзу, но почти вдвое уступает показателям КНР.

Финансирование российской науки в основном зависит от средств федерального бюджета. Инструменты регионального финансирования развиты весьма слабо: так, лишь 1,5% всех выделенных средств в 2010 году поступило из региональных бюджетов.

Частный бизнес также участвует в процессе финансирования научной сферы, однако с учетом растущих расходов государства и снижения финансовой и технологической заинтересованности, его доля уменьшается с каждым годом, и на сегодняшний день лишь 25% всех средств, выделенных на науку, поступает от бизнеса. Для сравнения: ситуация в странах Европейского Союза значительно иная, около 60% всех инвестиций в науку принадлежит бизнесу; в КНР частный сектор тратит еще больше – 75-78%. Доля альтернативных источников финансирования науки в РФ минимальна, НКО и исследовательские университеты в нашей стране тратят менее 1% от общего инновационного развития. Создание структурированной инновационной системы современного типа позволит реорганизовать существующую модель инновационного развития, а также создать стимулы для частной инициативы, которая снимет зависимость инновационной системы социума от источников бюджетного финансирования [9].

Необходимой является и разумная реорганизация высшего и школьного образования, которое в нашей стране способно войти в число наиболее важных инструментов творческой, креативной, инновационной деятельности. Введение современного мирового тренда общего образования, так называемых компетентностных компонентов в образовательную систему Российской Федерации, подкрепляемое традиционной для страны опорой на ценности фундаментального научного знания, позволит снять нестыковки между сегментами

общего и высшего образования, а также будет стимулировать развитие потенциала будущего работника.

Инновации невозможны «без перечеканивания монеты» (Диоген Синопский) ценностей, без обеспечения социума и конкретных субъектов инновационной деятельности системой соответствующих морально-нравственных компонентов.

Решающим фактором всякого государственного строительства является психология, «дух» народа-строителя, писал в свое время И.Н.Солоневич. Это особенно важно в России и для России. «Духовный класс» России концепт национальной идеи, основанной на ценностях отечественных традиций, должен дополнить идеей развития – идеей конкурентоспособности экономики, конкурентоспособности страны и государства, способности народа к уверенному и стабильному развитию. Сильное государство сегодня – это государство, подкрепляемое инициативами гражданского общества, государство с сильной социальной политикой, с развитой духовностью и высокой культурой. Другими словами, с основаниями, расширяющими границы и возможности действенных субъектов инновационного процесса [10]. В утверждающееся сообщество народов Россия способна войти не только как страна, обладающая огромными природными богатствами, не только как мощная энергетическая и военная держава, но как государство, кроме всего прочего, сознательно, специально, системно культивирующее собственные инновационные потенциалы, человеческий и социальный капиталы, как страна с высокотехнологичным производством, высокой духовностью и передовой наукой.

Библиографический список

1. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации. Москва, Кремль, 12 декабря 2012 г. // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>.
2. Петров, Н. Россия в 2014-м: скатывание в воронку // «Pro et Contra». Том 18. – 2014, май–август. – С.58.
3. О методологии анализа деятельности субъекта в исторической ситуации см.: Большаков Н.Н. К вопросу о субъекте исторической ситуации // Философское освоение мира человеком: Сборник научных трудов / Под ред. проф. Б.А. Ерунова и Л.С. Мерзон. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1977. – С. 96-107.
4. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.
5. Современная российская политика / Под ред. В.И. Коваленко. – М., 2013. – С. 31-32.
6. См.: Хозяйственные системы инновационного типа. Теория, методология, практика. М., 2011. – С. 110-112
7. Примаков, Е.М. Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. М., 2014. - С. 31–52.
8. Гражданин. Общество. Государство: Россия в XXI веке. - М., 2014. - С.149- 150.
9. Более подробно см.: Селезнев П.С. Инновационные проекты современности: политико-экономический опыт для России. М., 2013. – 302 с
10. Более подробно см.: Современная российская политика / Под ред. В.И. Коваленко. - М., 2013. - С. 432–440.

V. M. Kononov

M.V.Lomonosov Moscow State University

HUMAN POTENTIAL AS AN EFFECTIVE FACTOR OF MODERN INNOVATION POLICY

Development of innovative strategies, forming and implementation of effective, meeting the challenges of the time innovation policy are put forward today in the most important national development priorities. However, if earlier, during the emergence of the capitalist structure that changed technological Foundation of human existence, the main agents of production were capital and labor, in our days, in the post-industrial paradigm, the rapid expansion of the boundaries of productive labor occurs. The purpose of the article is to substantiate the thesis of the increasing importance of science productive opportunities, education and - to some extent - even upbringing and culture. The full deployment of human potential in this regard must be defined as immutable imperative of sustainable development of society, as an effective factor of innovation policy. Fundamentally important is becoming a significant reevaluation of the place and role of the social sphere, which in such dimensions as science, education and culture becomes one of the

main drivers of modern social development, forming points of innovative growth, their connection with the needs of the real economy. In the context of difficult economic and geopolitical challenges facing Russia, extremely popular become conceptual development, defining the principles and mechanisms of complex relationships between the factors and actors of the innovation process, which is the purpose of the proposed publication. The article is addressed to the authorities and management, businesses, academia, the analytical community, students and graduate students specializing in the field of social Sciences and Humanities.

Key words: innovation policy, human potential, science, education, real economics

References

1. Address from the President of the Russian Federation Vladimir Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation. Moscow, the Kremlin, December 12, 2012 // the Official website of the President of the Russian Federation. Retrieved February 8, 2015, from <http://eng.kremlin.ru/transcripts/4739>.
2. Petrov, N. Russia in 2014: Slide into the funnel. *Pro Et Contra*, 18(May-august), 2014, pp.57-72.
3. About the methodology of analysis of the subject activity in the historical situation see: Bol'shakov N.N. To the question of a historical situation subject. *Filosofskoeosvoeniemirachelovekom*. Ed. by B.A. Erunova and L.S. Merzon. Leningrad, A.I. Herzen LGPI Publ., 1977. P. 96-107
4. Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation until 2020, № 1662-R. 2008, November 17. Retrieved February 1, 2015. from <http://government.ru/en/info/6217>.
5. Kovalenko, V. (Ed.). *Sovremennaya rossiyskaya politika [Modern Russian politics]* Moscow, 2013. Pp. 31-32.
6. Hozyaystvennyye sistemy innovatsionnogo tipa. *Teoriya, metodologiya, praktika [The economic system of innovation type. Theory, methodology, practice]*. Moscow, 2011. Pp. 110-112.
7. Primakov, E. *Vyzovy i alternativy mnogopolyarnogo mira: rol Rossii [Challenges and alternatives of the multipolar world: The role of Russia]*. Moscow, 2014. Pp. 31-52.
8. Grazhdanin. *Obschestvo. Gosudarstvo: Rossiya v XXI veke [Citizen. Society. State: Russia in the XXI century]*. Moscow, 2014. Pp. 149-150.
9. For more details see: Seleznev, P. *Innovatsionnyye proekty sovremennosti: politiko-ekonomicheskiy opyt dlya Rossii [Innovative projects of modernity: Political and economic experience for Russia]*. Moscow, 2013, 302 p.
10. For more details see: Kovalenko, V. (Ed.). *Sovremennaya rossiyskaya politika [Modern Russian politics]* Moscow, 2013. Pp. 432-440.

Автор статьи – Владимир Михайлович Кононов, кандидат философских наук, первый заместитель по науке и наукоемким технологиям ГД РФ, докторант кафедры российской политики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Рецензенты:

В.И. Коваленко, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

А.В. Федякин, доктор политических наук, профессор, Московский государственный университет путей сообщения.

**ОБРАЗОВАНИЕ В ТЕЧЕНИЕ ВСЕЙ ЖИЗНИ:
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРОБЛЕМЫ**

В статье идет речь о государственной поддержке образованию. Каждый человек, который не желает отстать от жизни, должен быть, в хорошем смысле слова, вечным студентом. Сегодня, разрабатывая проект федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», необходимо ввести в законодательство понятие «образование в течение всей жизни». Высказанные в статье идеи предполагается внедрять в федеральное законодательство, причём как в форме частных законодательных инициатив, так и в форме обновлённого проекта базового федерального закона, который, в соответствии с международными документами, будет называться законом об образовании для всех.

Ключевые слова: Закон РФ «Об образовании», Программы, «электронные университеты, государственная поддержка, федеральное законодательство

Образование в течение всей жизни, его государственная поддержка и законодательство в этой области необходимы, по меньшей мере, по трем причинам.

Причина первая. Как известно, современная цивилизация находится в стадии перехода к информационному обществу, и этот процесс сопровождается стремительным устареванием информации, включая знания. Очевидно, что этот процесс происходит с разной скоростью в разных областях. Нельзя путать обновление информации и обновление знаний: информация обновляется гораздо быстрее, поскольку в значительной мере состоит из «шума». И, тем не менее, не только информация, но и знания устаревают достаточно быстро. Принято считать, что в большинстве областей – каждые 5-10 лет, а в некоторых областях – каждые 2-3 года. Поэтому серьезные эксперты утверждают, что если прежде образование человек получал одно и на всю жизнь, то в настоящее время устаревают не только профессиональное, но даже общее (школьное) образование. Следовательно, каждый образованный человек, который не желает отстать от жизни, должен быть, в хорошем смысле слова, вечным студентом. И если прежде этот термин имел отрицательную коннотацию, то теперь эта формула превращается в категорический императив для каждого.

Причина вторая. Система образования через всю жизнь (непрерывного образования) и, в частности, дополнительное образование взрослых как центральное звено этой системы понесли серьезные потери в постсоветский период. В особенности это касается отраслевых институтов повышения квалификации в сферах промышленности и других областях народного хозяйства.

В свое время Председатель правительства Д. А. Медведев отмечал, что на Западе ежегодно повышают квалификацию 60-70% всех работников, а в России – только 5-10%. Другие эксперты называют и более неприятные для нас данные. Это тем более нетерпимо, когда гособоронзаказ или другие формы государственного финансирования, направленные на импортозамещение, наталкиваются на кадровые проблемы.

Причина третья, которая актуализирует интересующую нас проблему, состоит в том, что сфера дополнительного образования взрослых урегулирована федеральным законом в наименьшей степени по сравнению с другими элементами образовательной системы, причём началось это еще с принятия Закона РФ «Об образовании» в первой редакции. Как один из основных его авторов хочу сказать, что закон был ориентирован преимущественно на учреждения, которые реализуют основные образовательные программы, и даже примененное в нем определение образования к образованию дополнительному относится не вполне.

Как уже отмечалось, центральным звеном образования в течение всей жизни является система образования взрослых и, в частности, система дополнительного профессионального образования.

Напомню: первые версии законопроектов о дополнительном образовании были подготовлены Госкомвузом и Комитетом Госдумы второго созыва по образованию и науке, соответственно, в 1996 и 1997 гг. Ставший вскоре министром образования В. М. Филиппов заинтересовался данной проблемой, и совместной министерско-комитетской рабочей группой был подготовлен объединенный законопроект.

В 2001 г. законопроект успешно прошел 1-е чтение в Государственной Думе, однако правительство и Главное государственное правовое управление Президента дали к нему массу поправок. Практически все они были приняты ко второму чтению, причем, когда поправки были прописаны недостаточно четко, Комитет вносил их с формулировкой: «поправка Президента РФ в редакции депутата О. Н. Смолина». Однако несмотря на поддержку законопроекта правительством и предварительное согласование его с президентской администрацией, выполненное Минобрнауки, закон получил вето президента и процесс работы над ним вступил в длительную стадию согласительных процедур.

Мотивы президентского вето были изложены в письме президента № Пр-1436 от 08.08.2001. Приведу лишь один его фрагмент.

«... представляется необоснованным построение самостоятельной системы дополнительного образования, включающей в себя государственные образовательные стандарты дополнительного образования, органы управления дополнительным образованием, сеть специальных образовательных учреждений и организаций, осуществляющих деятельность в области дополнительного образования, а также объединений этих учреждений и организаций».

Судя по приведенной цитате, авторы президентского письма полагали, что систему дополнительного образования строит законодатель, тогда как в действительности ее не существует! Не существует тысяч учреждений дополнительного образования детей, включая дворцы, клубы, станции и т.п.? Не существует системы повышения квалификации и переподготовки кадров, включая факультеты, институты и академии? Другими словами, пытались запретить признание в законе того, что есть в реальности.

В течение целого года Комитет Госдумы по образованию и науке совместно с представителями Минобрнауки России пытался договориться с президентской администрацией о согласительных процедурах по этому закону. 27 сентября 2001 г. постановлением № 1901-III ГД Госдума приняла специальное обращение к президенту «О создании специальной комиссии в связи с отклонением Президентом Российской Федерации Федерального закона «О дополнительном образовании» с предложением создать специальную комиссию. Заявив о готовности принять все требования президентской администрации, Комитет, тем не менее, согласия на продолжение работы не получил. Взамен было предложено подготовить поправки к базовому закону в части дополнительного образования, т.е. начать работу практически сначала.

После того, как Госдума четвертого созыва голосами «Единой России» сняла законопроект с рассмотрения, Комитетом по образованию и науке была создана рабочая группа для подготовки нового законопроекта по данному вопросу. Его текст, разработанный при участии представителей пяти министерств и ведомств, а также экспертов общественных объединений, был направлен в правительство РФ и вновь получил отрицательное заключение.

В заключении на второй законопроект правительство РФ подвергло сомнению уже сами международные принципы образовательной политики. Цитирую: «Представляется необоснованным включение в число принципов государственной политики в области образования принципа “образование в течение всей жизни”». Впрочем, это далеко не первое ут-

верждение высокопоставленных отечественных чиновников на тему о том, что весь мир «шагает не в ногу».

К счастью, разрабатывая проект Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (ныне Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ), правительственные чиновники «забыли» о нецелесообразности введения в законодательство понятия «образование в течение всей жизни». К достоинствам данного закона (на взгляд автора, немногочисленным) можно отнести и два плюса, имеющие прямое отношение к нашей теме.

Данное понятие утвердилось в законе, причем в нескольких его статьях. Так, в статье 2, которая содержит основные определения, читаем: «обучение – целенаправленный процесс организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией, приобретению опыта деятельности, развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации получения образования в течение всей жизни». Правда, почему именно в таком контексте появляется данный термин, совершенно непонятно. Однако лучше не к месту, чем никак.

В статье 3 закона «образование в течение всей жизни» появляется уже в качестве одного из принципов государственной политики, как в свое время мы и предлагали. Цитирую: «1. Государственная политика и правовое регулирование отношений в сфере образования основываются на следующих принципах: <...>

8) обеспечение права на образование в течение всей жизни в соответствии с потребностями личности...».

Статья 5 закона увязывает данный принцип с правом на образование следующим образом: «4. В Российской Федерации реализация права каждого человека на образование обеспечивается путем создания федеральными государственными органами, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления соответствующих социально-экономических условий для его получения, расширения возможностей удовлетворять потребности человека в получении образования различных уровня и направленности в течение всей жизни».

И, наконец, пункт 2 статьи 10, описывающей структуру системы образования, может быть истолкован как раскрытие содержания интересующего нас понятия: «2. Образование подразделяется на общее образование, профессиональное образование, дополнительное образование и профессиональное обучение, обеспечивающие возможность реализации права на образование в течение всей жизни (непрерывное образование)». Правда, образование в течение всей жизни может в данном случае трактоваться и как результат взаимодействия элементов описанной выше системы.

Второй плюс закона в интересующем нас отношении – появление в нем специальных статей № 75 «Дополнительное образование детей и взрослых» и № 76 «Дополнительное профессиональное образование». В прежнем законе всей системе дополнительного образования была посвящена лишь одна статья, а преподаватели, например, институтов повышения квалификации неоднократно возмущались, почему их не отделили хотя бы от детей. Правда, в содержательном отношении разделение статей закону прибавило немного, и основные проблемы законодательного регулирования этой сферы сохранились, а отчасти усложнились с учетом особенностей характера современного законодательства. Перейдем к характеристике некоторых из этих проблем, составляющей основное содержание и смысл доклада.

Первое. Исключительно рамочный характер Федерального закона № 273, равно как и большинства принимаемых в настоящее время законов. Напомню: в первой редакции Закона РФ «Об образовании» 1992 г. содержалось 34 отсылочные нормы; во второй редакции 1996 г. – 42. В Федеральном законе № 273 таких норм 184. Первоначально предполагалось, что закон потребует 50-60 подзаконных актов, однако затем выяснилось, что их необходимо

более 100, причем многие из них до сих пор не приняты. Такая конструкция законодательных актов позволяет реально представить их содержание лишь тогда, когда появляются акты подзаконные. При этом даже абсолютно правильные идеи, вписанные в текст законодателем, могут быть представлены в подзаконных актах с точностью до наоборот.

Мы полагаем и полагаем, что федеральный закон должен быть несравненно более конкретным. Парламенту не следует «с чувством глубокого удовлетворения» передавать свои полномочия исполнительной власти. Напротив, необходимо расставлять «флажки», за пределы которых исполнительная власть выходить не вправе, и одновременно задавать ей основные направления деятельности. Именно эта позиция была изложена в проекте Федерального закона «О народном образовании», который не был поддержан большинством Государственной Думы, хотя даже в аппарате правительства РФ не публично говорили, что он много сильнее официального законопроекта. Сугубо рамочный характер принятого закона – одна из причин, объясняющая, почему при увеличении объема текста и числа статей он оказался значительно менее содержательным, чем даже предыдущая версия закона об образовании, многократно ухудшенная Федеральным законом № 122 от 22.08.2004 («о монетизации»).

Второе. Если говорить о дополнительном образовании детей, то в Федеральном законе № 273 гарантии такого образования практически отсутствуют. Интересно, что при принятии закона в первом чтении они еще существовали, хотя и в размытом виде. Однако между вторым и третьим чтениями в этом отношении был сделан шаг назад. При этом, как известно, существует указ Президента РФ № 599 от 7 мая 2012 г., который предполагает, в частности, что к 2018 г. половина всех детей, получающих дополнительное образование, должны делать это за счет федерального бюджета, а системой дополнительного образования в целом должно быть охвачено не менее 75% всех детей. Это очень неплохие показатели. Беда лишь в том, что если открыть Федеральный закон о федеральном бюджете на 2015-2017 гг., легко обнаружить, что ни рубля на дополнительное образование детей в этом бюджете не предусмотрено. Недавно я задавал этот вопрос на заседании правительственной комиссии по поддержке молодых талантов О. Ю. Голодец. В ответ услышал: социальный блок в правительстве выносил на согласование с Минфином, однако получил отказ.

Аналогичным образом и мы (группа депутатов) поднимали этот вопрос при обсуждении бюджета на 2015-2017 гг. во втором чтении. Однако наши поправки в интересах развития образования были отклонены.

Третье. Статус учреждений дополнительного образования в Федеральном законе № 273 прописан очень слабо. Между тем в альтернативном законопроекте «О народном образовании» и других законопроектах мы неоднократно предлагали (и намерены делать это вновь), чтобы этот статус был таким же, как статус учреждений, реализующих основные образовательные программы. Среди прочего, это означает, что одинаковыми должны быть и режим налогообложения, и льготы по аренде помещений (если такие льготы предоставляются), и другие преференции.

Четвертое. Статус работников системы дополнительного образования в новом законе также прописан крайне слабо, впрочем, как и статус большинства педагогических работников. Несколько лучше обстоит дело с учителями, которым в усеченном виде возвращено положение из Закона РФ «Об образовании» в редакции 1992 г., согласно которому их средняя заработная плата должна соответствовать уровню средней заработной платы по региону¹. Как известно, согласно указу Президента № 597 от 7 мая 2012 г., зарплата педагогов дополнительного образования должна достичь этого уровня лишь в 2018 г. Согласно же проекту Федерального закона «О народном образовании» и другим законопроектам, статус педагогов дополнительного образования должен быть таким же, как и педагогов, реализующих основные образовательные программы. Вообще, по моему глубокому убеждению, в рамках одной только школьной программы обеспечить многостороннее развитие личности

ребенка невозможно. Соответственно, труд тех, кто занимается т.н. внешкольным образованием, должен оплачиваться по тем же принципам и тем же размерам, что и труд работников общеобразовательных учреждений.

Пятое. Статус просветительских общественных объединений. Прежний закон содержал специальную норму (пункт 9 статьи 12), которая распространяла права и обязанности образовательных учреждений на те общественные объединения, которые имели в качестве главной уставной цели просветительскую деятельность. В новом законе этого нет. Просветительские общественные объединения попали в общий блок организаций, осуществляющих обучение, что, с нашей точки зрения, снижает их статус если не де-юре, то де-факто.

Шестое. Профессиональное обучение. Согласно необъявленной концепции Федерального закона № 273, оно во многом призвано заменить начальное профессиональное образование. Разделяя позицию многих профессиональных ассоциаций (например, Ассоциации машиностроителей), в процессе обсуждения закона мы неоднократно предупреждали о возможных двойных негативных последствиях такого решения:

во-первых, учащиеся системы начального профессионального образования имели целый ряд социальных гарантий, которые не установлены ни для студентов средних профессиональных учебных заведений, ни для лиц, проходящих профессиональное обучение. По расчетам экс-министра образования, академика РАО Е. В. Ткаченко, с введением нового закона государство сэкономило на учащихся бывших ПТУ около 40 млрд. рублей в год;

во-вторых, закон предоставил правительству право определять профессии и специальности, которые требуют среднего профессионального образования, а равно и те, по которым достаточно профессионального обучения. В результате, как и следовало ожидать, часть бывших направлений подготовки из сферы НПО перешла в сферу профессионального образования (т.е. обучения элементарным навыкам без повышения образовательного уровня).

Именно эта тема вызвала недавно бурные дебаты в Государственной Думе, в которых участвовали представители не только профсоюзов, но и правящей партии. Речь идет о предложениях Минобрнауки сократить перечень направлений подготовки квалифицированных рабочих примерно на 50 профессий и 100 квалификаций. По этому поводу на «круглом столе» «Единой России» члены Общественной палаты даже высказывались в том смысле, что в министерство попали иностранные агенты, чтобы лишить российскую промышленность квалифицированных кадров. Депутат А. Исаев (в то время председатель профильного Комитета, а ныне заместитель председателя Государственной Думы) заявил, в свою очередь, что фракция делает ставку на квалифицированный рабочий класс и не может допустить подобных вещей.

Добавлю к тому, что располагаю заключениями серьезных экспертов, согласно которым в связи с «новеллами» Федерального закона № 273 намечается серьезный кризис подготовки высококвалифицированных рабочих во многих регионах РФ. Особенно обостряется эта тема в связи с проблемой импортозамещения и расширением гособоронзаказа. Многим предприятиям приходится приглашать на работу глубоких пенсионеров, поскольку почти невозможно найти молодых высококвалифицированных рабочих по соответствующим специальностям.

Седьмое. Ситуация с обучением в автошколах. 1 октября 2014 г. на личном приеме Председателю правительства Д. А. Медведеву мною было передано специальное письмо по этому поводу. Вот фрагменты этого письма.

«В соответствии с принятыми руководством страны решениями, в России проводится масштабное реформирование сферы подготовки водителей транспортных средств, имеющее заявленной целью повышение уровня безопасности на автомобильных дорогах.

К сожалению, приходится констатировать, что в решении поставленной задачи допущены и продолжают допускаться ошибки, носящие системный характер. Одна из главных: вся подготовка водителей в стране, даже по категории «М» (мопеды), имеет теперь характер

обязательного профессионального обучения с присвоением профессии «водитель» (ст. 26 закона «О безопасности дорожного движения»). И это несмотря на то, что ст. 2 этого же закона определяет две категории водителей:

- использующих транспортные средства в личных интересах;
- занимающихся перевозочной деятельностью на профессиональной основе.

В соответствии с Постановлением Правительства России от 01.11.2013 № 980 «Об утверждении Правил разработки примерных программ профессионального обучения водителей транспортных средств соответствующих категорий и подкатегорий», Минобрнауки России были разработаны соответствующие Примерные программы профессионального обучения по всем категориям транспортных средств.

В нарушение указанного Постановления программы не были разработаны «на основе установленных квалификационных требований (профессиональных стандартов)», поскольку в настоящее время таких стандартов и квалификационных требований не существует. В результате содержание этих программ не соответствуют современным мировым требованиям, а местами противоречит здравому смыслу. Для профессиональных водителей предлагаемая подготовка недостаточно серьезна, а для «любителей» перегружена информацией.

Все улучшения новых Программ, по сравнению с предыдущими, свелось к резкому повышению требований, предъявляемых к материально-технической базе автошкол, что, по мысли разработчиков, является надежной гарантией качества обучения. Вопреки закону, одно из самых существенных требований к автошколе – обязательность наличия учебной площадки площадью не менее 0,24 гектар, было внесено в текст программ уже после прошедшего общественного обсуждения.

В результате сегодня не менее 75 процентов автошкол страны, ранее обеспечивавших потребности граждан и автотранспортных предприятий в обучении вождению автомобиля, неожиданно для себя оказались вне правового поля. Спустя почти два месяца после ввода в действие указанных выше Примерных программ, менее двух процентов автошкол страны признаны соответствующими принятым требованиям. Практически подготовка водителей в стране прекращена. Под угрозой лишения работы находятся не менее 150 тысяч квалифицированных специалистов, более двух миллионов граждан обречены на многомесечные очереди на обучение. С неизбежностью растет спрос на незаконные способы получения водительских удостоверений, созданы идеальные условия для выхода на новый виток коррупции в органах ГИБДД».

Содержание письма говорит само за себя. Прибавлю к нему лишь три замечания.

Во-первых, на мой взгляд, возросшие требования к материальной базе не приведут к серьезному повышению качества подготовки водителей. Если рассматривать ситуацию по известному принципу «цена – качество», то цена уже выросла значительно, а качество, если вообще и вырастет, то много меньше. Все международные исследования показывают: водителя нужно учить прежде всего в условиях реального дорожного движения, а готовить к этому гораздо проще в режиме компьютерного тренинга, чем на специальных площадках.

Во-вторых, новое законодательство затруднит развитие малого бизнеса, особенно на селе и в малых городах.

В-третьих, все это негативно скажется на состоянии российской экономики, которое Д. А. Медведев уже более года назад охарактеризовал выразительным словом: «кисляк». Несколько десятков тысяч безработных преподавателей автошкол и сотни тысяч потенциальных водителей, лишенных возможности использовать автомобиль для выживания в условиях кризиса, ситуацию явно не улучшат.

Восьмое. Расширение возможности неоднократного получения высшего образования в течение всей жизни. Нами подготовлен и внесен в Государственную Думу законопроект, который предусматривает возможность получения второго высшего образования на бюджетной основе в том случае, когда первое высшее образование гражданин получил за день-

ги. Мы полагаем, что это соответствует духу и букве 43-й статьи Конституции, которая позволяет получить на конкурсной основе бесплатное высшее образование, не уточняя, каким именно по счету это образование является. Как уже отмечалось, это соответствует и потребностям современной экономики, заставляющей работника неоднократно менять специальность, а то и профессию.

Девятое. Документы о дополнительном профессиональном образовании. На специальном «круглом столе», который проводился по этому поводу в Государственной Думе, рассматривались три основных варианта:

1) возвращение государственных требований и, соответственно, документов государственного образца. Минобрнауки высказалось в том смысле, что этот вариант нереален;

2) формирование специальных аккредитационных организаций, контролируемых государством, которые бы выдавали документы о дополнительном профессиональном образовании и занимались аккредитацией соответствующих организаций;

3) создание в этой сфере саморегулируемых организаций. Министерство такой возможности не исключало, но и поправки, предложенные нами при осуждении Федерального закона № 273 во втором чтении, не поддержало. В настоящее время вопрос остается открытым.

Десятое. Образование в течение всей жизни и электронное обучение. Как уже отмечалось, в современной России доля работников, ежегодно повышающих квалификацию, в 10–12 раз ниже, чем в развитых странах. Очевидно: с помощью исключительно традиционных образовательных технологий обеспечить повышение этого показателя на порядок невозможно. Убежден: как и в образовательной политике в целом, в данном случае электронное обучение является одним из ключевых направлений решения вопроса.

На уже упоминавшемся личном приеме у Председателя правительства Д. А. Медведеву 1 октября в специальном письме нами была предложена целая программа действий по этому вопросу. Вот ее основные пункты.

«1. О разработке и внесении в Государственную Думу проекта Федерального закона о внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», предусматривающего установление новой категории образовательных организаций высшего образования «открытый университет».

2. О внесении изменений в Положение о лицензировании образовательной деятельности (утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 октября 2013 года № 966), предусматривающих учет специфики лицензионных требований к осуществлению образовательной деятельности по образовательным программам с применением исключительно электронного обучения, дистанционных образовательных технологий. В частности, необходимо исключить:

- количественные показатели по площадям зданий, сооружений, помещений и территорий, находящихся у соискателя лицензии (лицензиата) на праве собственности или ином законном основании;

- наличие условий для охраны здоровья обучающихся.

3. О поручении Министерству образования и науки Российской Федерации разработать и внести изменения в федеральные государственные образовательные стандарты и федеральные государственные требования, предусматривающие специфику требований к условиям реализации образовательных программ посредством электронного обучения, в том числе используемых для лицензирования образовательной деятельности.

4. О разработке и принятии, исходя из опыта ведущих стран, государственной межведомственной программы развития индустрии электронного обучения.

5. О подготовке совместно с Комитетом Государственной Думы по образованию и Межведомственной рабочей группой по развитию электронного обучения и внесению в Го-

сударственную Думу проекта Федерального закона «Об индустрии электронного обучения». Аналогичные законы приняты в наиболее развитых в этом отношении странах.

6. Об организации проработки регламентов государственной экспертизы и регистрации электронных изданий образовательного назначения, используемых при реализации образовательных программ с применением ЭО и ДОТ, включая электронные учебники для общего среднего и профессионального образования, реализованные на машиночитаемых носителях и с применением облачных технологий.

7. В целях координации развития электронного обучения в России, в том числе в целях реализации вышеуказанных предложений прошу Вас рассмотреть вопрос о создании специальной правительственной комиссии по развитию электронного обучения и индустрии электронного обучения в России под Вашим руководством».

Резолюция Председателя правительства гласила: «Заместителю Председателя Правительства Российской Федерации О. Ю. Голодец. Минобрнауки России (Д. В. Ливанову). Электронные университеты развиваются в мире. Подготовьте предложения по регулированию этой сферы в нашей стране».

Однако на заседании межведомственной рабочей группы по электронному обучению 15 октября 2014 г. представители Минобрнауки озвучили предложение: поставить понятие «электронные университеты» в кавычки и считать, что такие университеты – это либо специальные подразделения вузов, либо некие просветительские организации, не имеющие отношения к высшему образованию. Тем самым, в очередной раз России предлагается идти другим путем по сравнению со всеми передовыми странами.

Берусь утверждать: такая позиция ставит отечественные вузы в неконкурентоспособное положение по отношению к вузам иностранным и фактически выталкивает российских граждан в иностранные электронные университеты, создавая этим университетам необоснованные конкурентные преимущества.

В заключение замечу, что высказанные здесь идеи предполагается внедрять в федеральное законодательство, причем как в форме частных законодательных инициатив, так и в форме обновленного проекта базового федерального закона, который, в соответствии с международными документами, будет называться Законом об образовании для всех. В свое время И. С. Тургенев отмечал, что знание – не только свет, но и свобода. Полагаю, право законодательной инициативы должно использоваться депутатами, представляющими интересы образования в парламенте, для того, чтобы сделать страну и более просвещенной, и более свободной.

Примечания

¹ До 2005 г. в законе действовало, но не исполнялось положение, согласно которому к средней заработной плате по экономике приравнивался не весь доход учителя, но то, что он получал за выполнение одной ставки (18 часов в неделю).

O.N. Smolin

The State Duma of the Russian Federation, Moscow

EDUCATION THROUGHOUT LIFE: LEGISLATION AND PROBLEMS

The article is about the government support to education. Every person who wants to go with the times should be a student forever in the best sense of the word. Developing today the Federal bill "On education in the Russian Federation", the concept of "education throughout life" must be introduced in legislation. The ideas expressed in the article are expected to be introduced in Federal legislation both in the form of private legislation and in the form of updated project of basic Federal law that shall be called the law on education for all in accordance with the international documents.

Key words: Russian Federation Law "On education", Programs, "e-universities, government support, Federal legislation

Автор статьи – **Олег Николаевич Смолин**, член-корреспондент РАО, доктор философских наук, профессор, депутат Госдумы РФ, г. Москва.

Рецензенты:

В.А. Евдокимов, доктор политических наук, профессор, Омская гуманитарная академия.

О.В. Волох, доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет.

УДК 349.3

В.Ю.Сморгунова, Е.Ю.Калинина

Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена
(г.Санкт-Петербург)

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЙНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ В РОССИИ

Основной научной и практической проблемой, рассматриваемой в данной статье, является определение понятия «семейное неблагополучие». Анализируются основные проблемы правового регулирования, которые возникают перед государством, находящимся в состоянии кризиса. Раскрываются некоторые наиболее важные аспекты семейного неблагополучия. Предлагаются к рассмотрению рекомендации органам государственной власти, социальным органам.

Ключевые слова: семейное неблагополучие, дети-инвалиды, оставление детей, социальное сиротство, инфантицид.

Семейное неблагополучие является одной из острейших социально-психологических проблем любого общества, решение которой связывается с вопросами государственной безопасности [1, с.3].

Неблагополучные семьи являются источником кризисов в молодежной и подростковой среде, фактором роста криминального и девиантного поведения, а также приводят к самоубийствам, число которых за последнее время заставляет задуматься о благополучии нашего общества в целом [2, с.15]. В последние годы, в связи с кризисом в нашем обществе, интерес к проблеме семейного неблагополучия значительно вырос, что обуславливает необходимость исследования причин, форм, динамики семейного неблагополучия и девиантного поведения, поиска более эффективных мер социально-психологической помощи – превентивной, профилактической, коррекционной, реабилитационной и т.п.

Наиболее сложными и болезненными проблемами современной России выступают семейное неблагополучие, жестокое обращение с детьми, социальное сиротство.

Причины, вызывающие семейное неблагополучие, взаимосвязаны и взаимозависимы. А.А. Затолокин, О.В. Шкеля [1, с. 3] к основным причинам семейного неблагополучия в России относят:

- 1) социально-экономические проблемы;
- 2) причины биосоциального характера (физические или психические болезни родителей, наличие в семье детей с проблемами в развитии, детей-инвалидов);
- 3) психолого-педагогические проблемы (кризис внутрисемейных отношений).

Одним из основных нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы вмешательства государства в жизнь неблагополучных семей с целью защиты интересов детей и подростков является Национальная стратегия действия в интересах детей на 2012–2017 гг. Создавая этот нормативно-правовой акт и программу действий на ближайшую перспективу, государство ставило своей задачей «обеспечение профилактики семейного неблагополучия, основанной на его раннем выявлении, индивидуализированной адекватной помощи семье, находящейся в трудной жизненной ситуации, оказываемой на межведомственной основе, приоритете воспитания ребенка в родной семье». В качестве первоочередных мер опреде-

лены: «оптимизация полномочий государственных органов по защите прав детей, нормативное закрепление порядка межведомственного взаимодействия по предотвращению семейного неблагополучия, социального сиротства, защите прав и законных интересов детей» [3].

Реализация важнейших положений Национальной стратегии предусматривает выполнение ряда мероприятий, направленных на преодоление имеющихся негативных тенденций и включающих:

1) разработку концепции государственной семейной политики в Российской Федерации и предложений по внесению изменений в законодательство в части семейной политики;

2) проведение мониторинга и подготовку предложений по внесению изменений в законодательство РФ в части уточнения категорий детей, находящихся в социально опасном положении и иной трудной жизненной ситуации, содержание понятий насилия и жестокого обращения с детьми;

3) внедрение новых технологий и методов раннего выявления семейного неблагополучия и оказания поддержки семьям с детьми, находящимися в социально опасном положении и иной трудной жизненной ситуации, социально-психологической реабилитации детей, пострадавших от жестокого обращения и преступных посягательств;

4) разработку комплексной модели медико-социальной реабилитации родителей, страдающих алкогольной зависимостью;

5) организацию обучения педагогических, медицинских, социальных работников и иных специалистов, работающих с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации, а также родителей по вопросам профилактики суицидального поведения, употребления психоактивных веществ, жестокого обращения с детьми» [3].

Другой не менее важный нормативно-правовой акт, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. также среди первоочередных вопросов выделяет регулирование семейного неблагополучия с целью защиты детей и подростков. И эта необходимость продиктована тем, что будущее современных детей и подростков – это будущее нашего государства. Но и современную семью, которая по ряду причин оказалась в положении, которое можно характеризовать как бедственное, необходимо поддерживать. Ведь наше государство в Конституции продолжает позиционировать себя как социальное. В ст. 7 говорится о том, что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [4]. Это очень важный выбор государства в современных условиях кризиса и неустойчивого развития, в трудной ситуации, в которой оказалась Россия на международной арене. В п. 38 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., сказано, что главными направлениями государственной политики в сфере обеспечения государственной безопасности на долгосрочную перспективу должны стать усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности, прежде всего детей и подростков [5].

Неблагополучный тип (проблемные, конфликтные, кризисные) семьи характеризуется наличием большого числа психологических проблем, которые возникают из-за неудовлетворения потребностей одного или нескольких членов семьи. Главной проблемой, как правило, является положение ребенка в семье и отношение к нему [2, с.15]. Однако именно семья является одним из главных институтов социализации личности, а внутрисемейные отношения играют особую роль в формировании личности. В семье человек получает первый опыт социального взаимодействия. Семья подготавливает ребенка к жизни, является его первым и глубоким источником социальных идеалов. Именно в семье большинство детей узнает, что значит быть отцом, матерью, как складываются семейные отношения. Здесь он впервые видит мир, пытается его понять и осознать. Это делает семью важнейшим институтом социализации ребенка. Семья передает детям социальный, культурный, нравственный опыт. И самое главное – она обеспечивает преемственность духовной культуры. Значит, ес-

ли происходит надлом или крушение этой первичной социальной подструктуры, то будущее детей может оказаться под угрозой. В подростковом же возрасте это может привести к необратимым кризисам, поскольку развитие психики человека зависит в основном от социального окружения и условий жизни, то есть стимулов, поставляемых средой (непосредственное окружение ребенка, обстановка, складывающаяся из конкретных жизненных ситуаций) [2, с.30].

До сих пор во многих государствах существует предвзятое отношение к детской инвалидности. В традиционном общественном сознании часто существует уверенность в том, что инвалиды – это проклятые люди, или что инвалидность является наказанием за грехи, совершенными ими или их предками. Во многих регионах к таким детям относятся как к неприкасаемым, исключают их из общественных отношений. Это относится к развивающимся странам, где особые дети не получают образования и живут в изоляции от общества. Многие вынуждены просить милостыню и живут на улице в условиях полной нищеты [1, с.8]. Часто такая ситуация происходит и в России.

Сейчас государство уделяет внимание проблемам взаимодействия общества и детей-инвалидов и интеграции детей с отклонениями в развитии в общество. Отличительной чертой образовательной политики в отношении инвалидов на современном этапе является переориентация системы специального коррекционного образования на интеграционную форму обучения в массовых учебных заведениях.

Однако меры, принимаемые государством в этом направлении, явно недостаточны. В Москве живут примерно 30 тыс. детей-инвалидов (оценка специалистов Центра лечебной педагогики). У всех таких детей в 20% случаев – это психические расстройства, столько же случаев врожденных аномалий, например, болезней сердца и системы кровообращения и других. Статистика болезней нервной системы, типа ДЦП, колеблется от региона к региону, и составляет от 16% до 35% всей детской инвалидности. Детей-аутистов в стране около 150 тысяч. Слепоглухих детей, то есть и слепых и глухих одновременно, в России насчитывается 12 тыс [6].

В настоящее время существует настоятельная необходимость изменить и дополнить нормы федерального законодательства, регламентирующего права детей-инвалидов, выработать механизмы неукоснительного исполнения уже принятых законов и в целом скорректировать государственную политику в отношении детства. Основной причиной массового нарушения права детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья жить и воспитываться в семье является тот факт, что за время, прошедшее после принятия ООН Конвенции о правах ребенка [7] и Стандартных правил обеспечения равных возможностей для инвалидов [8], органы государственной власти России так и не приняли надлежащих законодательных и организационных мер по созданию условий для обучения и реабилитации детей-инвалидов по месту жительства и коррекционно-педагогической помощи в раннем возрасте. И это несмотря на то, что все упомянутые выше Заключительные замечания Комитета ООН по правам ребенка содержали в качестве основной рекомендации предложение об ограничении практики помещения детей в интернатные учреждения.

Не менее тревожные опасения вызывает ситуация с социальным сиротством, которое является прямым следствием семейного неблагополучия. Ежегодно около 10 000 родителей лишают родительских прав и более 2500 детей забирают у родителей без лишения родительских прав, поскольку нахождение в семье представляет угрозу его жизни и здоровью [9].

Есть и положительные результаты государственной политики в вопросе регулирования данной стороны семейного неблагополучия в России. В 2013 г. численность детей, переданных на безвозмездную форму опеки (попечительства), на конец года составила 34 954, из них детей-инвалидов – 686. Численность детей, усыновленных российскими гражданами – 6 757, из них детей-инвалидов – 64 [10]. Конечно, пока эти цифры невелики, но главное,

что общество, наконец, задумалось и обратило внимание на эту серьезную социальную проблему. Правительство и общественные организации, со своей стороны, формируют положительное отношение общества к ситуации. Например, не так давно (7 сентября 2014 г.) в Москве впервые вручили Премию за вклад в развитие семейного устройства детей-сирот. Наградили и приемные семьи, и органы опеки и попечительства, и организации для детей-сирот, депутатов. «Мы хотим, чтобы престиж семьи, которая взяла себе на воспитание ребенка, был высок и значим в нашем обществе. Мы хотим, чтобы все дети были окружены заботой, вниманием, любовью», – заявила первый заместитель руководителя департамента социальной защиты Москвы Ольга Грачева [11].

Еще одной проблемой в России, как и в других странах, становится убийство или оставление без помощи (что равноценно убийству) новорожденных детей. В России очень остро стоит проблема инфантицида – убийства матерями своих новорожденных детей – только по официальным данным МВД РФ за 2010–2013 гг. были зарегистрированы 530 преступления, квалифицированных как убийство матерью новорожденного, и это лишь те случаи, которые удалось выявить [12].

До сих пор социальный феномен отказа от новорожденных детей на уровне обыденного сознания профессионалов и непрофессионалов рассматривается в связи с необходимостью немедленного оказания медицинской помощи детям, оставшимся в доме ребенка, а также психиатрического диагностирования женщин, осуществивших отказ. Но за пределами рассмотрения остаются причины, побудившие женщин отказаться от новорожденного ребенка, а также его последующей ресоциализации [13].

Очевидно, что основных причин оставления ребенка две. Во-первых, это проблемы с самим ребенком, то есть, например, его болезнь или инвалидность. Вторая проблема – самой матери. Эти проблемы в основном носят социальный характер: бедность, отказ отца ребенка признать его и осуществлять заботу за ним самим и женщиной, несовершеннолетие самой матери и т.п. [14].

Становится ясно, что в любом случае причины оставления новорожденного ребенка (а в худшем случае – его убийства) связаны напрямую с проблемой социального семейного неблагополучия. Следствием признания такого факта является обязанность государства принять срочные меры в связи с выполнением одной из своих наиважнейших конституционных функций, о которой говорилось выше.

С другой стороны, это и обязанность гражданского общества. Кризисное состояние общества привело к резкому падению уровня материального и нравственного благополучия семьи, вызывая рост количества сирот при живых родителях, – так называемых социальных сирот. Это явление свидетельствует о кризисе института семьи, негативном влиянии социума на формирование личности ребенка в социальном, духовно-нравственном, интеллектуальном и физическом аспектах его индивидуального развития [15]. Многие из матерей, бросающих своих детей, как бы повторяют наработанный стереотип поведения, так как многие из них на себе испытали последствия заброшенности при живых родителях [15].

Семейное неблагополучие, социальное сиротство и детская безнадзорность обусловлены наличием кризисных явлений, происходящих внутри семьи. В первую очередь, это нестабильность в ситуации развода, затем – дезорганизация семьи (конфликты между родителями). Таким образом, очевидно, что необходимо проведение с семьей социальной работы. Интегрированное влияние школы, различных служб, в том числе и социальных, требует сбора обширной диагностической информации – общих данных о семьях. Своевременное выявление функционально несостоятельных семей и коррекции стиля семейного воспитания позволяет предотвратить деструктивное влияние семьи на формирование личности ребенка.

В контексте работы, проводимой по профилактике социального сиротства, является работа в общеобразовательном учреждении. Эффективность деятельности по профилактике

социального сиротства определяется организационно-управленческим, социально-педагогическим, психологическим, нормативно-правовым и кадровым обеспечениями, что позволяет комплексно формировать эффективную модель единого социально-реабилитационного пространства по работе с неблагополучными семьями [15]. Координатором межведомственного взаимодействия субъектов системы профилактики является комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав. В соответствии со ст.9 Федерального Закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений» [16] между субъектами системы профилактики налажен механизм обмена информацией, создан банк данных семей «группы риска» и семей, находящихся в социально-опасном положении. За каждой семьей закрепляется специалист, отвечающий за социальное сопровождение семьи, составление индивидуальной программы работы, проведение социальных консилиумов, отслеживание результатов работы.

Сложившаяся социальная ситуация перед наукой и правоохранительной практикой ставит задачу изучения современного проявления семейного неблагополучия, особенностей семей группы риска и оказания им социально-педагогической помощи.

Анализ отечественной, зарубежной литературы, а также практики правоохранительной деятельности и деятельности социальных органов как в России, так и за рубежом показывает, что отсутствует единая и четкая классификация семей, отличающихся той или иной формой, степенью неблагополучия [1, с.182]. Это свидетельствует о необходимости продолжать активную работу как со стороны государства, так и со стороны гражданского общества в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Сморгунова, В.Ю. Семейное неблагополучие: проблемы политико-правового регулирования: монография / В.Ю.Сморгунова, Е.Ю.Калинина, Н.И.Пристанскова — СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2014. – 192 с.
2. Сморгунова, В.Ю. Проблемы политико-правового регулирования кризисов и суицидального поведения в подростковой и молодежной среде. Монография. / В.Ю.Сморгунова, Е.Ю.Калинина, Е.Г.Шадрина – СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2014. – 170 с.
3. Указ Президента РФ «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.» от 1 июня 2012 г. № 761. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.
4. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. N 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. N 7-ФКЗ) // Российская газета. Федеральный выпуск №4831 от 21 января 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/01/21/konstitucia-dok.html>
5. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. (Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537)// Российская газета. – 19 мая 2009 г. – Федеральный выпуск №4912. URL: <http://www.rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html>.
6. Сошинский, С.А. Дети-инвалиды: социальные проблемы и неожиданные открытия [Электронный ресурс] / С.А.Сошинский// Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/deti-invalidy-socialnyeproblemy-i-neozhidannye-otkrytiya>.
7. Конвенция о правах ребенка принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml
8. Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов. Приняты резолюцией 48/96 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1993 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disabled.shtml
9. Бяткиева, Б.А. Семейное неблагополучие как фактор роста безнадзорности несовершеннолетних/ Б. А. Бяткиева // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. - Элиста, 2012. - № 1. - С. 108-110.
10. Усыновление в России. Потрал Департамента государственной политики Министерства образования и науки РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.usynovite.ru/statistics/2013/8/>

11. В столице вручили премию «Крылья аиста» [Электронный ресурс]. // Усыновление в России. Потрал Департамента государственной политики Министерства образования и науки РФ. – Режим доступа: <http://www.usynovite.ru/massmedia/d60a7a68a8.html>

12. Социальный проект «Колыбель надежды». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.babyboxrf.ru>.

13. Костенко, М.А. Социальные детерминанты отказов от новорожденных: опыт эмпирического исследования [Электронный ресурс] / М.А.Костенко // МНКО, 2014. - №3. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-determinanty-otkazov-otnovorozhdennyh-opyt-empiricheskogo-issledovaniya>

14. Сморгунова, В.Ю., Калинина Е.Ю. Политико-правовой анализ возможностей государственного и общественного регулирования проблемы отказа от новорождённых/ В.Ю.Сморгунова, Е.Ю.Калинина // Менеджмент XXI века: управление экономикой знаний. Сборник научных статей по материалам XIV Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург 25-27 ноября 2014 г. - С.136-138.

15. Павленко, А.Э. Пути и средства профилактики социального сиротства в условиях кризисного социума [Электронный ресурс]. / А.Э.Павленко. – Режим доступа: <http://summa-rem.ru/nauchnyj-forum/elektronnyj-sbornik-nauchnykh-trudov/65-nauchnyj-forum/stati/dopolnitelno/voprosy-obrazovaniya-i-kultury/125-puti-i-sredstva-profilaktiki-sotsialnogo-sirotstva-v-usloviyakh-krizisnogo-sotsiuma>

16. Федеральный закон от 24 июня 1999 года N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (Редакция от 2 апреля 2014 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/04/04/profilaktika-dok.html>

V.Yu.Smorgunova, E.Yu.Kalinina

Herzen State Pedagogical University of Russia

State-legal regulation problems in Russia family trouble

The fundamental scientific and practical problem studied in this article is a legal definition of "family troubles". There are also reviewed basic problems of legal regulation arisen in a state of crisis. Some of the most important aspects of family troubles are investigated. The authors propose certain recommendations to public authorities and social agencies.

Key words: family troubles, children with disabilities, abandonment of children, social orphanhood, infanticide

References

1. Smorgunova V.Yu., Kalinina E.Yu., Pristanskova N.I. *Semejnoe neblagopoluchie: problemy politiko-pravovogo regulirovaniya: monografija* [Family troubles: challenges of political and legal regulation. Monograph.] Saint Petersburg.: Izdatel'skij Dom «Alef-Press», 2014. 192 p.

2. Smorgunova V.Ju., Kalinina E.Ju., Shadrina E.G. *Problemy politiko-pravovogo regulirovaniya krizisov i suicidal'nogo povedeniya v podrostkovoju i molodezhnoj srede. Monografija.* [Problems of political and legal crisis and suicidal behavior regulation in adolescent and youth milieu] Saint Petersburg.: Izdatel'skij Dom «Alef-Press», 2014. 170 p.

3. Ukaz Prezidenta RF «O nacional'noj strategii dejstvuj v interesah detej na 2012–2017 gg.» ot 1 ijunja 2012 g. № 761. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.pravo.gov.ru>.

4. Konstitucija Rossijskoj Federacii. Prinjata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrja 1993 g (s uchetom popravok, vnesennyh zakonami Rossijskoj Federacii o popravkah k Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 30 dekabrja 2008 g. N 6-FKZ i ot 30 dekabrja 2008 g. N 7-FKZ) // Rossijskaja gazeta. Federal'nyj vypusk №4831 ot 21 janvarja 2009 g. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.rg.ru/2009/01/21/konstitucia-dok.html>

5. Strategija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 g. (Ukaz Prezidenta RF ot 12 maja 2009 g. № 537)// Rossijskaja gazeta. – 19 maja 2009 g. – Federal'nyj vypusk №4912. URL: <http://www.rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html>.

6. Soshinskij S.A. Disabled children: social problems and unexpected revelations Deti-invalidy: social'nye problemy i neozhidannye otkrytija. <http://www.pravmir.ru/deti-invalidy-socialnyeproblemy-i-neozhidannye-otkrytiya>.

7. Konvencija o pravah rebenka prinjata rezoljuciej 44/25 General'noj Assamblei ot 20 nojabrja 1989 goda. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml

8. Standartnye pravila obespechenija ravnih vozmozhnostej dlja invalidov. Prinjaty rezoljuciej 48/96 General'noj Assamblei ot 20 dekabrja 1993 goda. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disabled.shtml

9. Bjatkieva B.A. Being as a Factor of Increase of Neglecting Minors. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN.* - Jelista, 2012. - № 1. - P. 108-110.

10. Usynovlenie v Rossii. Potral Departamenta gosudarstvennoj politiki Ministerstva obrazovaniya i nauki RF. <http://www.usynovite.ru/statistics/2013/8/>

11. V stolice vruchili premiju «Kryl'ja aista» *Usynovlenie v Rossii*. Portal Departamenta gosudarstvennoj politiki Ministerstva obrazovaniya i nauki RF. <http://www.usynovite.ru/massmedia/d60a7a68a8.html>
12. Social'nyj proekt «Kolybel' nadezhdy». <http://www.babyboxrf.ru>.
13. Kostenko M.A. ocial determinants of leaving children after their birth: a case study. *MNKO*, 2014. - №3. <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-determinanty-otkazov-otnovorozhdennyh-opyt-empiricheskogo-issledovaniya>
14. Smorgunova V.Ju, Kalinina E.Ju. Political and legal analysis of government and social regulation of the problems of abandoned newborns. *Menedzhment XXI veka: upravlenie jekonomikoj znaniy. Sbornik nauchnyh statej po materialam XIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Sankt-Peterburg 25-27 nojabrja 2014 g. - S.136-138.
15. Pavlenko A.Je. Ways and means of social orphans preventive measures in conditions of crisis social surrounding. <http://summa-rerum.ru/nauchnyj-forum/elektronnyj-sbornik-nauchnykh-trudov/65-nauchnyj-forum/stati/dopolnitelno/voprosy-obrazovaniya-i-kultury/125-puti-i-sredstva-profilaktiki-sotsialnogo-sirotstva-v-usloviyakh-krizisnogo-sotsiuma>
16. Federal'nyj zakon ot 24 ijunja 1999 goda N 120-FZ «Ob osnovah sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih» (Redakcija ot 2 aprelja 2014 g.) [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.rg.ru/2014/04/04/profilaktika-dok.html>

Авторы статьи:

Валентина Юрьевна Сморгунова, доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена (Санкт-Петербург), e-mail: prof_smorgunova@mail.ru

Елена Юрьевна Калинина, кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена (Санкт-Петербург), e-mail: bellaflor@mail.ru

Рецензенты:

С.Б. Глушаченко, доктор юридических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена;

Ю.Б. Шубников, доктор юридических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена.

РАЗДЕЛ 5 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

PART 5 ECONOMIC SCIENCES

УДК.658.511:61(075)

О.П. Зайцева, И.Н. Мавлина, О.А. Чистякова
Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск

УЧЕТНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Реформирование российского здравоохранения осуществляется сложно и противоречиво. Объективно усиливается значение учетно-аналитических аспектов реформирования как инструмента оптимизации деятельности учреждений. Экономические службы медицинских учреждений заинтересованы в комплексном решении проблемы роста эффективности, что возможно на основе формирования современной учетно-аналитической системы. Цель статьи – обобщение теоретических положений и разработка организационно-методических вопросов, связанных с ее формированием в учреждениях здравоохранения. Учетно-аналитическая система учреждения здравоохранения - это взаимосвязанная рациональная организация бухгалтерского учета, экономического анализа и внутреннего контроля, построенная на единой методологической основе, совокупности методик, системе первичных и адаптированных аналитических показателей оценки деятельности, предназначенная для обоснования управленческих решений. Сложность ее создания обусловлена недостаточным уровнем систематизации методических подходов к развитию указанных элементов и спецификой деятельности учреждений. Несмотря на более строгое регулирование бюджетного учета, авторы видят возможность наращивания вариантности в способах его ведения в учреждениях здравоохранения на основе формирования оптимальной учетной политики. Большое значение придается разработке методики организации внутреннего контроля. Внутренний контроль рассматривается как непрерывный процесс, состоящий из набора процедур, в т.ч. аналитических, и мер, организованных в учреждении и направленных на повышение качества функционирования учетно-аналитической системы, исключающей возможные нарушения законодательства и способствующей результативности управления. Особенность экономического анализа в том, что деятельность учреждения анализируется комплексно на основе разветвленной информации и адаптированной системы показателей. Практика применения финансового анализа в учреждениях здравоохранения выявила ситуации получения некорректных значений финансовых показателей, что свидетельствует о несовершенстве методики анализа финансового состояния, необходимости ее адаптации к типам учреждений здравоохранения. Предложена концептуальная схема построения учетно-аналитической системы учреждений здравоохранения.

Ключевые слова: учреждения здравоохранения, учетно-аналитическая система, особенности бюджетного учета и внутреннего контроля, система показателей и основные направления экономического анализа.

Реформирование российского здравоохранения осуществляется сложно и противоречиво, фундаментальная причина такой ситуации обусловлена, по мнению авторов, отсутствием сбалансированности между социальными и экономическими задачами (приоритетами) развития отрасли, своевременности и синхронистичности в их реализации. В частности, это проявляется в недостаточно эффективном расходовании бюджетных средств и недофинансировании медицинских организаций, неоднозначных последствиях от реструктуризации сети учреждений, отставании от необходимой эффективности деятельности и финансово-хозяйственной самостоятельности, неготовности многих учреждений успешно функционировать в нестабильной рыночной среде. Учреждения здравоохранения переходят на одноканальное финансирование на основе страховых принципов[1], более жесткое нормирование расходов, фронтальный поиск внутренних резервов оптимизации деятельности.

В этих условиях объективно усилилось внимание к учетно-аналитическому направлению реформирования как источнику информации о неиспользованных возможностях и инструменту оптимизации деятельности учреждений. Результатом стала трансформация бюджетного учета и отчетности (особенно в автономных и бюджетных учреждениях), их сближение с бухгалтерским учетом и отчетностью коммерческих организаций. Вместе с тем такие аспекты учетно-аналитического направления, как внутренний контроль и экономический анализ, не претерпели существенных изменений, остались недооцененными и недостаточно используемыми в системе управления учреждениями здравоохранения. Экономические службы медицинских учреждений, на которые возложена значительная доля ответственности за оптимизацию деятельности, заинтересованы в комплексном решении проблемы нахождения резервов роста эффективности, что возможно, по нашему мнению, лишь на основе формирования современной учетно-аналитической системы (далее – УАС).

Цель статьи – обобщение теоретических положений и разработка организационно-методических вопросов, связанных с формированием УАС учреждений здравоохранения.

Учетно-аналитическая система учреждения здравоохранения, в нашем понимании, – это взаимосвязанная рациональная организация бухгалтерского учета, экономического анализа и внутреннего контроля, построенная на единой методологической основе, совокупности методик, системе первичных и адаптированных аналитических показателей оценки деятельности, предназначенная для обоснования управленческих решений.

Сложность создания такой УАС во многом обусловлена недостаточным уровнем систематизации методических подходов к бюджетному (бухгалтерскому) учету, внутреннему контролю и анализу в экономической литературе, а также спецификой деятельности учреждений здравоохранения (рис.1).

Экономические проблемы деятельности учреждений здравоохранения, ее анализа и оценки эффективности отражены в трудах ряда ученых: Н.А. Головиной, Ю.А. Зурнаджянц, Ф.Н. Кадырова, Н.В. Кривенко, Кузнецовой, Л.Е. Никифоровой, Н.В. Рудлицкой, Н.В. Фадейкиной, Н.Л. Н.И. Яшиной и др. Работы М.Е. Прокушевой, Л.А. Катанаевой, О.Е. Качковой, Н.М. Парыгиной посвящены исследованиям в области бюджетного учета и организации внутреннего контроля в бюджетных учреждениях здравоохранения. Вопросы формирования учетной политики для целей бухгалтерского и налогового учета рассмотрены в работах Т.Ю. Дружиловской, Т.Н. Коршуновой, Н.А. Бреславцевой и др.

В то же время вопросы аудита бюджетной отчетности, организации внутреннего контроля и экономического анализа в бюджетных учреждениях отличаются слабой проработанностью в сравнении с другими секторами экономики. В большинстве исследований основное внимание уделяется общим тенденциям развития и реформирования здравоохранения на региональном и муниципальном уровнях, отработке методов оценки эффективности

управления или анализу его отдельных аспектов. Несмотря на многочисленные публикации, остаются нерешенными вопросы комплексного характера и значения, в том числе формирования целостной учетно-аналитической системы, построения управленческого учета и анализа, действенной учетной политики, системы внутреннего контроля, бюджетирования, ориентированного на результат, как инструментов, способных принципиально влиять на эффективность деятельности учреждений.

В бухгалтерском учете бюджетных учреждений здравоохранения сохраняются некоторые особенности, отличающие его от бухгалтерского учета в коммерческих организациях и обусловленные законодательством о бюджетном устройстве и бюджетном процессе. Порядок ведения бухгалтерского учета государственных (муниципальных) учреждений здравоохранения включен в состав бюджетных полномочий Министерства финансов РФ (ст. 165 БК РФ) [2] и конкретизирован в виде Единого плана счетов бухгалтерского учета [3].

Несмотря на более строгое регулирование бухгалтерского учета, авторы видят возможности наращивания вариантности в способах его ведения в бюджетных учреждениях здравоохранения, что обуславливает возрастание интереса к такому локальному нормативному документу, как учетная политика.

Согласно ст. 8 Федерального закона № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» под учетной политикой понимается совокупность способов ведения экономическим субъектом бухгалтерского учета [4]. Для любой организации учетная политика является тем распорядительным документом, без которого невозможно построение и ведение системы бухгалтерского учета. Бюджетные учреждения здравоохранения не являются исключением. Порядок ведения учета для данных хозяйствующих субъектов в нормативных актах детально не прописан, поэтому различные неурегулированные и неоднозначные вопросы в учете активов, обязательств, доходов, расходов и т.д. учреждения должны решать самостоятельно, фиксируя принятые решения в учетной политике.

Одним из таких вопросов является вариативное отражение на счетах бухгалтерского учета движения средств по видам финансового обеспечения. В соответствии с БК РФ учреждениям здравоохранения из бюджетов бюджетной системы РФ предоставляются: субсидии на возмещение нормативных затрат, связанных с выполнением ими государственного (муниципального) задания. Бюджетная субсидия предоставляется под планируемые объемы работ и услуг (например, количество посещений в поликлиниках), что стимулирует персонал на повышение объема и качества услуг, оптимизацию расходов.

Размер субсидии рассчитывается на основании нормативных затрат. Они делятся на прямые затраты, которые непосредственно связаны с оказанием данного вида услуги, и затраты на общехозяйственные нужды. В соответствии с типовой формой соглашения о порядке и условиях предоставления субсидий на возмещение нормативных затрат, связанных с оказанием по государственному заданию услуг (выполнением работ), учреждение вправе расходовать субсидии самостоятельно в целях оказания услуг, выполнения работ согласно требованиям к их качеству и (или) объему, определенным в госзадании. При этом учреждение не вправе покрывать часть нормативных затрат за счет субсидий, если оно ведет деятельность, связанную с оказанием услуг за плату.

Характерной особенностью ведения бухгалтерского учета в бюджетных учреждениях является применение метода начисления. С помощью метода начисления можно контролировать движение любых активов и обязательств. Специфика данного метода в бюджетном учете заключается в том, что до осуществления движения денежных средств по операциям зачисления поступлений в бюджеты РФ по доходам, по операциям расходования средств бюджетов РФ в оплату принятых бюджетных обязательств, в бюджетном учете необходимо провести начисление доходов (и увеличения дебиторской задолженности по доходам), расходов (и увеличения кредиторской задолженности перед поставщиками). С переходом на одноканальное финансирование средства бюджета полностью заменяются средствами фон-

да обязательного медицинского страхования (ОМС). Поэтому положения учетной политики учреждения следует дополнить корреспонденцией счетов по учету доходов и расходов, осуществляемых за счет средств ОМС, а также способами калькулирования единицы услуги, распределения косвенных расходов между источниками финансового обеспечения.

Одно из главных направлений реализуемой бюджетной реформы – бюджетирование, ориентированное на результат, предполагающее повышение роли внутреннего контроля и анализа при наличии внешнего контроля деятельности администраторов бюджетных средств [5, с.100]. В настоящее время эта программа становится основой и для здравоохранения. Оценка проблемных областей в системе внутреннего контроля учреждений, выявляемых в ходе анализа финансово-хозяйственной деятельности, показывает, что нецелевое использование денежных средств остается одним из основных нарушений.

Методика организации внутреннего контроля за деятельностью медицинских учреждений должна быть закреплена в учетной политике, так как является приоритетным направлением повышения финансовой устойчивости учреждения и эффективности использования ресурсов [6]. Внутренний контроль рассматривается авторами как непрерывный процесс, состоящий из набора процедур, в т.ч. аналитических, и мер, организованных в учреждении и направленных на повышение качества функционирования УАС, исключая возможные нарушения законодательства РФ и способствующей результативности управления.

К сожалению, в первичном звене здравоохранения сохраняется формальный подход к составлению (а должно быть – обоснование!) учетной политики, недопонимание ее роли как инструмента эффективной деятельности.

Экономический анализ также выполняет важные функции в системе управления учреждения. Его назначение в том, что он формирует методическую основу для планирования деятельности, разработки стратегии и тактики учреждения; обоснования оптимальных управленческих решений; выступает инструментом диагностики деятельности учреждения, выявляя в ней проблемные области и неиспользованные резервы. На его основе осуществляется контроль за выполнением плана финансово-хозяйственной деятельности (ПФХД), соблюдением нормативных затрат и принятых управленческих решений.

В настоящее время помимо коэффицентного, матричного, анализа, методов экономико-статистического анализа используются различные техники финансового моделирования: регрессионный анализ [7], многофакторный дискриминантный анализ [8]; анализ условной вероятности; метод экспертных оценок; метод аналогий; метод оценки финансового состояния; анализ выживаемости. Среди техник искусственного интеллекта, которые были успешно применены к проблеме экономического прогнозирования, можно назвать следующие методы: дерево решений; генетический алгоритм; нейронная сеть [9]; теория нечетких множеств; метод опорных векторов. В последнее время ряд финансовых теорий был успешно применен к проблеме прогнозирования банкротства, в частности: теория энтропии; теория разорения игрока; теория оценки опциона.

Экономический анализ рассматривается авторами как комплексное изучение финансово-хозяйственной деятельности бюджетных учреждений здравоохранения с целью повышения ее эффективности. Особенность анализа в том, что деятельность учреждения здравоохранения анализируется комплексно – с позиции экономической эффективности и одновременно с позиции медицинской и социальной эффективности. Цель и задачи экономического анализа деятельности учреждения здравоохранения представлены на рис. 2.

Подчеркнем другие особенности анализа. Организационная и экономическая специфика деятельности учреждений отражается в особенных объектах анализа и аналитических показателях. Принципиальным условием нормального функционирования любого учреждения здравоохранения является достаточность и своевременность его финансирования. Важная особенность состоит в том, что результативность анализа зависит от его способности агрегировать различные по своей аспектике данные, использовать более разветвленную ин-

формационную базу. Поэтому на начальном этапе формирования УАС учреждения должны быть решены вопросы структуризации: объектов анализа, аналитических показателей и необходимых направлений (видов) экономического анализа.

В настоящее время существуют различные подходы к системе показателей, используемых в анализе деятельности учреждений здравоохранения. Наиболее дискутируемым является вопрос оценки эффективности этой деятельности. Один из подходов [10], включающий, на наш взгляд, достаточно разнородные показатели и блоки, представлен на рис. 3.

По мнению авторов, обобщающие показатели эффективности выступают применительно к учреждениям здравоохранения «вершиной пирамиды анализа», а для получения ее достоверной комплексной оценки требуется не только система реалистичных частных показателей, обеспечивающая охват всех сторон и взаимосвязей в их деятельности, но и продуманная процедура их агрегирования (например, по принципу системы сбалансированных показателей или методов рейтингования, балльных оценок и т.д.). Поэтому не следует ограничивать экономический анализ деятельности учреждений здравоохранения только оценкой ее эффективности, как предлагается в некоторых публикациях [11, 12].

В проведении финансового и управленческого анализа имеются особенности в содержании и детализации процедур и показателей анализа деятельности разных по типу и профилю учреждений здравоохранения при сохранении общих принципов его осуществления.

Все более актуальным направлением экономического анализа становится оценка финансового положения государственных (муниципальных) медицинских учреждений, получившая развитие только в последние годы в связи с совершенствованием их бухгалтерской отчетности [13, 14]. При традиционном бюджетном финансировании, обеспечивающем гарантированность поступления средств, анализ финансового положения больницы или поликлиники не имел смысла [5].

В условиях сближения бюджетного учета с бухгалтерским учетом для коммерческих организаций расширились возможности расчета финансовых показателей на основе баланса государственного (муниципального) учреждения (ф. 0503730, 0503737), таких как: коэффициенты ликвидности, платежеспособности, рентабельности, оборачиваемости [11].

Практика применения коэффициентного анализа в учреждениях здравоохранения выявила ситуации получения некорректных значений указанных показателей, либо чрезмерно высоких, либо близких к нулю. Это свидетельствует о том, что методика анализа финансового состояния на основе коэффициентов требует доработки и адаптации к особенностям деятельности и типам учреждений здравоохранения. Поэтому на следующем этапе создания УАС необходимо сформировать модифицированный методический подход к анализу финансового состояния на основе абсолютных и относительных показателей, обосновать нормативные значения дифференцированно по типам учреждений и рекомендации для выработки профессионального суждения о характере финансового состояния и его динамике. Финансовое состояние учреждения неразрывно связано с уровнем его финансового обеспечения. Учитывая это, авторы предложили последовательность проведения и систему аналитических показателей финансового анализа деятельности учреждения [12].

В заключении отметим, что концептуальные основы построения учетно-аналитической системы учреждений здравоохранения требуют дальнейших исследований и глубокой проработки, рис. 4. Ее элементы (учет, анализ, внутренний контроль) пока остаются разрозненными в практике менеджмента учреждения здравоохранения. Учетная политика учреждения часто разрабатывается формально и не способствует повышению эффективности управления. Анализ финансового состояния даже в условиях сближения бухгалтерской отчетности учреждений и коммерческих организаций остается наименее разработанным направлением экономического анализа. Возможность полноценного применения финансового анализа в медицинских организациях дискутируется. Система показателей оценки финансового состояния и интегральной оценки эффективности деятельности четко

не определена и недостаточно адаптирована к результатам изменений в процессе реформирования здравоохранения.

В связи с этим авторы считают первостепенным:

– разработку организационно-методического обеспечения учетно-аналитической системы учреждений здравоохранения, направленной на усиление контроля за исполнением ими государственного задания, ПФХД (бюджетный аспект) и одновременно за эффективным использованием всех видов ресурсов (управленческий аспект);

– формирование эффективной учетной политики учреждения по принципам управления по результатам и современного аналитического инструментария, способных решать актуальные оперативные и стратегические задачи управления, такие как обеспечение стандартов качества медицинских услуг и обоснование их стоимости, повышение уровня финансовой обеспеченности деятельности, контроль обоснованности закупок в контрактной системе, укрепление финансового состояния и конкурентоспособности на рынке медицинских услуг;

– построение адаптированной системы сбалансированных показателей и разработку системы ключевых показателей деятельности с учетом специфики деятельности и критериев ее результативности в учреждениях здравоохранения.

Практическая реализация предложенных мероприятий позволит более полно характеризовать деятельность учреждения здравоохранения с учетом ее особенностей, мобилизовать внутренние резервы в целях обеспечения качества услуг и адаптации субъектов здравоохранения к динамично меняющейся внешней среде.

Библиографический список

1. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации. Ч.1, 2.
3. Приказ Минфина России от 01.12.2010 г. № 157н «Об утверждении Единого плана счетов бухгалтерского учета для органов государственной власти (государственных органов), органов местного самоуправления, органов управления государственными внебюджетными фондами, государственных академий наук, государственных (муниципальных) учреждений и Инструкции по его применению».
4. Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011 г. № 402-ФЗ (в ред. Закона от 04.11.2014 № 344 – ФЗ)
5. Кадыров, Ф.Н. Экономические методы оценки эффективности деятельности медицинских учреждений: учеб.пособие / Ф.Н. Кадыров. – М.: ИД «Менеджер здравоохранения», 2011. – 496 с.
6. Катанаева, Л.А., Качкова, О.Е., Парыгина, Н.М. Бюджетный учет и организация внутреннего контроля медицинских услуг в клинических диагностических центрах: монография. - М.: Издательская Торговая Компания «Наука- Бизнес-Паритет», 2012. – 182 с.
7. Патласов, О.Ю., Васина Н.В. Модели оценки кредитоспособности заемщиков – сельскохозяйственных организаций. // Финансы и кредит, 2013. – С. 18–24. Михайлов М.Н., Патласов О.Ю. Анализ финансовых показателей деятельности предпринимателей при оценке участников тендера. // Наука о человеке: гуманитарные исследования: научный журнал / гл. ред. А.Э. Еремеев – Омск: Изд-во НОУ ВПО «ОмГА», 2013. – №4. – С. 52. – 59.
8. Зайцева, О.П. Антикризисный менеджмент в российской фирме // Аваль (Сибирская финансовая школа). 1998. – №11–12.; Патласов О.Ю., Васина Н.В. Моделирование оценки возможности привлечения заемных средств предпринимательскими структурами // Аудит и финансовый анализ - 2009. – № 5 – С. 102 – 109.
9. Патласов, О.Ю. А. М. Самарин Нейросетевое моделирование оценки финансового состояния участников коммерческих тендеров и госзакупок. //Вестник СибАДИ, 2014. Вып. 4 (38). С. 135–144.
10. Зурнаджянц, Ю.А. Формирование аналитических показателей по направлениям деятельности медицинского учреждения // Вестник АГТУ, сер. Экономика, 2010. – № 1. – с. 178–187.
11. Головина, Н.А. Оценка эффективности функционирования национальной системы здравоохранения и ее субъектов на основе релевантного учетно-аналитического обеспечения // Сибирская финансовая школа. - 2013. - №5. - С.35–45.
12. Фадейкина, Н.В. Особенности менеджмента в сфере здравоохранения //Сибирская финансовая школа. - 2014. - № 5. - С. 22-23.

13. Приказ Минфина РФ от 25.03.2011 г. № 33н «Об утверждении Инструкции о порядке составления, представления годовой, квартальной бухгалтерской отчетности государственных (муниципальных) бюджетных и автономных учреждений».

14. Яшина Н.И., Яшин К.С., Артамонычева Е.В. Проблемы и подходы к оценке финансового состояния лечебно-профилактических учреждений для определения типов организаций // Экономический анализ: теория и практика. – 2014. - № 37 (388). – С. 44–57.

15. Зайцева, О.П., Мавлина, И.Н., Чистякова, О.А. Учетно-аналитическая система бюджетных учреждений здравоохранения: оценка состояния // Вестник СибУПК. – 2014. – №4.

Рис. 1. Особенности формирования учетно-аналитической системы учреждения здравоохранения

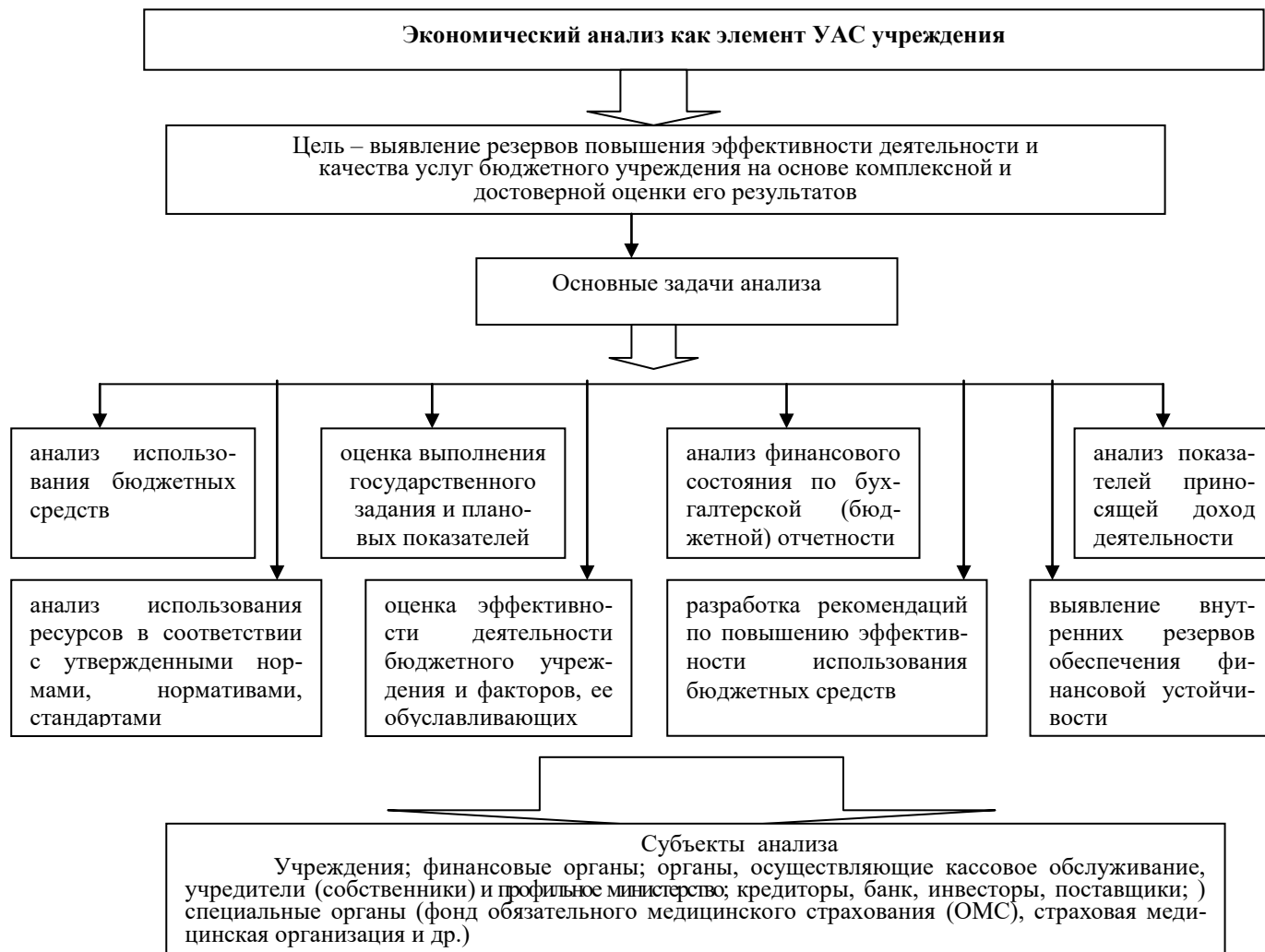

Рис. 2. Цель и задачи экономического анализа в УАС учреждений здравоохранения

Рис. 3. Показатели оценки эффективности деятельности учреждений здравоохранения [7]

Рис. 4. Концептуальная схема построения учетно-аналитической системы учреждения здравоохранения

O.P. Zaitseva I.N. Mavlina O.A. Chistyakova

Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk

ACCOUNTING AND ANALYSIS SYSTEM AS AN INSTRUMENT OF IMPROVING THE PERFORMANCE OF HEALTH CARE INSTITUTIONS

Implementing health care reforms in Russia is a complicated and controversial process. The role of accounting and analysis aspects of reforms as an instrument of increasing performance of institutions is becoming more important. Economic departments of health care institutions are interested in finding solutions to the problem of efficiency growth and that can be done by developing a modern accounting and analysis system.

The aim of the paper is to analyze the theoretical issues and to examine organizational and methodological aspects of developing an accounting and analysis system in health care institutions.

The accounting and analysis system in a health care institution is an efficient organization of an integrated system of accounting, economic analysis and internal control based on one methodology, basic and specific indicators of assessing performance for making well grounded management decisions. Such a system is not easy to create due to the specific activities of health care institutions and because methodological approaches to developing the elements of the system are not fully systematized. Though budgetary accounting is strictly regulated, the authors find it possible to apply different variants of accounting in health care institutions on the basis of optimal accounting policy.

Much attention is given to the methodology of organizing internal control. Internal control is seen as a continuous process containing procedures and measures aimed at improving the accounting and analysis system in a health care institution, increasing the efficiency of management and eliminating breaches of law.

In the process of economic analysis extensive data from different sources as well as specific indicators are studied on an integrated basis. The practical use of financial analysis in health care institutions showed that it can give

incorrect financial indicators. It testifies to the fact that the methodology of financial analysis is imperfect and should be adapted for health care institutions.

The authors offer a conceptual approach to developing the accounting and analysis system in health care institutions in conditions of current reforms.

Key words: health care institutions, accounting and analysis system, budgetary accounting and internal control, system of indicators and the main directions of economic analysis.

References

1. Federal'nyj zakon «Ob osnovah ohrany zdorov'ja grazhdan v Rossijskoj Federacii» ot 21.11.2011 g. № 323-FZ.
2. Bjudzhetnyj kodeks Rossijskoj Federacii. Ch.1, 2.
3. Prikaz Minfina Rossii ot 01.12.2010 g. № 157n «Ob utverzhdenii Edinogo plana schetov buhgalterskogo ucheta dlja organov gosudarstvennoj vlasti (gosudarstvennyh organov), organov mestnogo samoupravlenija, organov upravlenija gosudarstvennymi vnebjudzhetsnymi fondami, gosudarstvennyh akademij nauk, gosudarstvennyh (municipal'nyh) uchrezhdenij i Instrukcii po ego primeneniju».
4. Federal'nyj zakon «O buhgalterskom uchete» ot 06.12.2011 g. № 402-F3.
5. Kadyrov, F.N. Jekonomicheskie metody ocenki jeffektivnosti dejatel'nosti medicinskih uchrezhdenij: ucheb. posobie . F.N. Kadyrov. – M.: ID «Menedzher zdavoohranenija», 2011. – 496 p.
6. Katanaeva, L.A., Kachkova, O.E., Parygina, N.M. Bjudzhetnyj uchet i organizacija vnutrennego kontrolja medicinskih uslug v klinicheskikh diagnosticheskikh centrach: monografija. - M.: Izdatel'skaja Torgovaja Kompanija «Nauka- Biznes-Paritet», 2012. – 182 p.
7. Zurnadzh'janc, Ju.A. Formirovanie analiticheskikh pokazatelej po napravlenijam dejatel'nosti medicinskogo uchrezhdenija. Vestnik AGTU, ser. Jekonomika, 2010. – № 1. – pp. 178-187.
8. Golovina, N.A. Ocenka jeffektivnosti funkcionirovanija nacional'noj sistemy zdavoohranenija i eesub#ektov na osnove relevantnogo ucheto-analiticheskogo obespechenija. Sibirskaja finansovaja shkola, 2013, №5. - pp.35-45.
9. Fadejkina, N.V. Osobennosti menedzhmenta v sfere zdavoohranenija. Sibirskaja finansovaja shkola, 2014, № 5. - pp. 22-23.
10. Prikaz Minfina RF ot 25.03.2011 g. № 33n «Ob utverzhdenii Instrukcii o porjadke sostavlenija, predstavlenija godovoj, kvartal'noj buhgalterskoj otchetnosti gosudarstvennyh (municipal'nyh) bjudzhetnyh i avtonomnyh uchrezhdenij».
11. Jashina N.I., Jashin K.S., Artamonycheva E.V. Problemy i podhody k ocenke finansovogo sostojanija lechebno-profilakticheskikh uchrezhdenij dlja opredelenija tipov organizacij. Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika, 2014, № 37 (388). - pp. 44-57.
12. Zajceva, O.P., Mavlina, I.N., Chistjakova, O.A. Uchetno-analiticheskaja sistema bjud-zhetnyh uchrezhdenij z

Авторы статьи:

Ольга Петровна Зайцева, доктор экономических наук, профессор, Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск;

Ирина Николаевна Мавлина, кандидат экономических наук, доцент, Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск;

Ольга Александровна Чистякова, кандидат экономических наук, доцент, Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск;

Рецензенты:

Б.А. Аманжолова, доктор экономических наук, профессор, Новосибирский государственный технический университет;

Л.П. Наговицина, доктор экономических наук, профессор, Сибирский университет потребительской кооперации.

ВЛИЯНИЕ БАЗЕЛЬСКИХ СОГЛАШЕНИЙ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ

Статья раскрывает основы Базельских соглашений, их особенности и влияние на деятельность Центральных банков и развитие банковских систем.

Ключевые слова: Банк международных расчетов, Базельский комитет, соглашение, кредитный риск, банкротство банков, капитал, надзорный процесс, резервный капитал, антициклический капитал, стандарт.

Основанный в 1974 году при Банке международных расчетов Базельский комитет по банковскому надзору выпустил значительное количество рекомендаций в отношении нормативов банковской деятельности. Банк международных расчетов (БМР) – международная финансовая организация, в функции которой входит содействие сотрудничеству между центральными банками и облегчение международных финансовых расчетов; кроме того, это центр экономических и денежно-кредитных исследований. Целью БМР является содействие развитию сотрудничества между центральными банками, создание новых возможностей для международных финансовых операций и деятельность в качестве доверенного лица или агента при проведении международных платежных операций, переданных ему на основании договоров со сторонами-участниками.

Для реализации этой цели в 1988 году Базельский Комитет по банковскому надзору разработал первое Соглашение по достаточности капитала («Базель I»). Оно стало реакцией со стороны банковского сообщества и надзорных органов на случаи крупных потерь и банкротств банков, хеджевых фондов и институциональных инвесторов, наблюдавшихся в 70-80-е годы.

Основная цель этого соглашения – ограничение кредитных рисков с помощью принципов надзора. Главным принципом является определение достаточности капитала. Его минимальный размер устанавливается в размере 8% от суммы активов и забалансовых статей, определенной с учетом риска: *собственный капитал / сумма активов, взвешенных с учетом кредитного риска* $\geq 8\%$

Определение размера кредитного риска достигается умножением (взвешиванием) величины актива на весовые коэффициенты риска. Для этого активы по степени риска делятся на четыре группы, для которых приняты следующие значения весовых коэффициентов: 0, 20, 50 и 100. Чем выше риск, тем больше вес.

«Базель I» определял два уровня капиталов: уровень 1 – это акционерный капитал и объявленные резервы; уровень 2 – это дополнительный капитал (капитал второго уровня), к которому относят капитал низкого качества, скрытые резервы, доступные для банка в соответствии с законодательством страны и т. д. Капитал второго уровня в совокупности не должен превышать сумму капитала первого уровня.

Соглашение «Базель I» оказало заметное положительное влияние на работу банков. Рекомендации, разработанные для крупных международных банков, ныне стали учитывать банки и некоторые другие кредитные организации вне зависимости от их размера, структуры, сложности кредитных операций и особенностей рисков.

В 2004 году было опубликовано новое соглашение, утвержденное Базельским комитетом по банковскому надзору. «Базель II» состоит из трех основных компонент: минимальные требования к структуре капитала, надзорный процесс, рыночная дисциплина.

Первая компонента – минимальные требования к структуре капитала. «Базель II» сохраняет требования к достаточности капитала на уровне 8%. При этом вместе с кредитным

риском учитываются рыночный и операционный риски. Согласно новым требованиям к банковскому капиталу весовые коэффициенты риска распределяются не по видам активов, а по группам заемщиков.

Вторая компонента – надзорный процесс. Рассматриваются основные принципы надзорного процесса, управления рисками, а также прозрачности отчетности перед органами банковского надзора в применении к банковским рискам.

Третья компонента – рыночная дисциплина. Она стимулируется рядом нормативов информационной открытости банков, стандартов их связей с надзорными органами и внешним миром.

Базельский Комитет по банковскому надзору при подготовке «Базеля II» решал проблему совместимости Соглашения с национальными стандартами бухгалтерского учета.

«Базель II» включает требования по открытости информации о различных видах банковских операций, а также о методах, применяемых банком при оценке их риска. Это позволило бы участникам рынка получать ключевую информацию о надежности, рисковой уязвимости банка и его капитализации.

Внедрение «Базеля II» в российских кредитных организациях способствует повышению эффективности управления банковскими рисками, что приведет к повышению эффективности системы информационной безопасности. Однако эти требования доступны для осуществления лишь крупным банкам, так как такие крупные инвестиции на его внедрение и расходы на его поддержание не по карману мелким банкам.

Некоторой альтернативой соблюдения принципов Базеля могут служить «этичные финансы», не случайно мировой финансовый кризис 2008–2010 гг. не затронул немецкие Sparkasse (сберкассы, которые в отличие от ОАО «Сбербанк России» не осуществляют рискованные операции) и исламский банкинг [1].

После банкротства в 2008 году американского банка Lehman Brothers мировая финансовая и банковская системы оказались под угрозой развала. Это стало толчком для создания нового базельского соглашения. Заседавшие в швейцарском городе Базель в рамках работы Базельского комитета по банковскому надзору главы Центральные банки 27 ведущих индустриальных держав, включая Россию, 12 сентября 2010 г. приняли новые условия повышения устойчивости банков.

«Базель III» призван повысить финансовую устойчивость мировой банковской (и финансовой в целом) систем.

Прежде всего «Базель III» ужесточает требования к форме капитала первого уровня, который должен быть увеличен с нынешних (требования «Базеля II») 4 до 6 % активов, взвешенных по риску. Акционерный капитал вместе с нераспределенной прибылью должен быть также увеличен – с 2 % активов, взвешенных по риску, до 4,5 %. Также соглашением предусмотрено увеличение запасов капитала сверх регулятивного минимума, введение показателя оценки достаточности капитала (соотношение капитала и совокупных активов за вычетом резервов и без учета обеспечения), а также показателей краткосрочной (до 30 дней) и долгосрочной (до одного года) ликвидности.

Повышенные нормы установлены на резервный и стабилизационный капитал, и его должен иметь каждый банк. Вводятся резервный и антициклический буферный капитал. Резервный должен составлять до 2,5 % активов, антициклический – от 0 до 2,5 %. Финансовые институты обязаны ограничить выплаты бонусов и дивидендов, пока не будут выполнены требования по формированию буферных капиталов. Дополнительные инструменты, включавшиеся в расчет достаточности капитала, будут плавно выводиться из расчета достаточности капитала.

Таким образом, можно свести решения всех Базельских соглашений в единую сравнительную таблицу.

Сравнительная характеристика Базельских соглашений

Положение	Базель I	Базель II	Базель III
Методология	<p>Методологические подходы к определению и расчету регулятивного капитала жестко определены Базельским комитетом</p> <p>Ориентация на количественные показатели достаточности капитала</p>	<p>Допускается использование внутренних банковских методик определения рисков</p> <p>Ориентация на качественные показатели</p> <p>К количественным требованиям добавляются вторая и третья компоненты – надзорный процесс и рыночная дисциплина</p>	<p>Сохранение возможности применения внутренних банковских методик при определении рисков</p> <p>Введение нормативов, от выполнения которых зависят выплаты собственникам и управляющим</p> <p>Внедрение требований, связанных с организацией банковского надзора за соблюдением нормативов достаточности капитала и за соблюдением рыночной дисциплины</p>
Требования к капиталу	<p>Дифференциация коэффициентов достаточности капитала предусмотрена только в зависимости от кредитного рейтинга страны</p>	<p>Дифференциация коэффициентов достаточности капитала в зависимости от кредитного риска каждого заемщика</p> <p>Повышается чувствительность к рискам</p>	<p>Изменение структуры собственного капитала банков</p> <p>Повышение требований к достаточности капитала</p> <p>Создание резервного буфера</p> <p>Закладывается механизм контрциклического регулирования</p>
Риски	<p>Покрытие только кредитного риска</p> <p>Использование для оценки рисков стандартизированного подхода, определенного Базельским комитетом</p>	<p>Покрытие кредитного, рыночного и операционного рисков</p> <p>Возможность выбора подходов к измерению рисков, основанных на внутренних рейтингах</p> <p>Возможность привлечения независимых рейтинговых агентств для оценки рисков</p>	<p>Покрытие кредитного, рыночного и операционного рисков</p> <p>Возможность выбора подходов к измерению рисков, основанных на внутренних рейтингах</p> <p>Возможность привлечения независимых рейтинговых агентств для оценки рисков</p> <p>Необходимость отдельной оценки рисков кредитного и торгового портфелей банка</p> <p>Принцип прозрачности и раскрытия информации о принимаемых банками рисках и об управлении ими</p>

Однако, говоря о России, следует уделить внимание тому факту, что на 2012 год было запланировано завершить переход к «Базелю II»

На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что российские банки полностью не перешли к нормативам, установленным «Базелем II». Начало перехода российских банков на международный антикризисный стандарт («Базель III») было назначено на 1 апреля 2013 года.

Расчет капитала по новым базельским правилам банки должны будут вести параллельно с расчетом по российским стандартам. Однако переход к стандартам «Базеля III» будет постепенным (до 2019 года). Как утверждает ЦБ РФ, на первом этапе данного перевода – с апреля по октябрь этого года – достаточность капитала, рассчитанная банками по

новому, не будет использоваться регулятором в надзорных целях. В опубликованном проекте перехода на международный антикризисный стандарт расчета капитала не установлены минимальные планки достаточности капитала. Значит, не будет пока и санкций за их несоблюдение.

Тем не менее, отсутствие комплексности в системе управления рисками станет проблемой на пути перехода к Базельским требованиям. Оценка рисков на основе российской методологии несовершенна. Так же российские банки еще не обладают всеми необходимыми инструментами и практикой, чтобы организовать банковский надзор за соблюдением нормативов достаточности капитала и соблюдением рыночной дисциплины. «Базель III» серьезно усложнит жизнь банков, особенно в период внедрения новых норм. Наиболее очевидная сложность – необходимость наращивания капитала первого уровня, а также постепенное исключение из капитала всех гибридных инструментов. Это ограничит рост российской банковской системы из-за трудностей с привлечением дополнительного капитала, а требование по отказу от субординированных кредитов усилит эту проблему.

Сложность внедрения базельских требований в деятельность российских коммерческих банков можно уменьшить с помощью создания соответствующей нормативной базы, обеспечения банков достаточной информацией, уменьшения бюджетных ограничений, а также создания реальных экономических стимулов.

Библиографический список

1. Каирденов, С.С., Патласов О.Ю. Исламские банковские продукты: восприятие клиентов в светских государствах.// Наука о человеке: гуманитарные исследования. – Омск, 2013. – №4. – С. 25.-33; Oleg Yu. Patlasov. Financial analysis of borrowers and scoring modeling // Finance (Казжы), 2014. – №9 (8). – С. 245-253.
2. «Коммерсантъ» – [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://www.kommersant.ru>
3. В мире финансов – [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://inwfs.com.ua>
4. «Финансовый директор» – [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://fd.ru>
5. Информационно-правовой портал Гарант – [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://www.garant.ru>
6. Информационное агентство Bankir.Ru – [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://bankir.ru>
7. Свободная энциклопедия Википедия – [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>
8. Финансовая газета – [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://fingazeta.ru>

T.V.Zavgorodnyaya

Omsk branch of Plekhanov Russian University of Economics

THE BASEL AGREEMENTS IMPACT ON COMMERCIAL BANKING ACTIVITIES

The article reveals the basis of the Basel agreements, their characteristics and impact on the activities of Central banks and banking systems.

Key words: Bank for international settlements, the Basel Committee agreement, the credit risk of a Bank failure, the capital, the Supervisory process, reserve capital, countercyclical capital, standard

References

1. Kairdenov S.S., Patlasov O.Yu. Islamic banking products: the perception of the customers in secular states. Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya, Omsk, 2013, No. 4, p. 25.-33; Oleg Yu. Patlasov. Financial analysis of borrowers and scoring modeling. Finance (Kazhy), 2014, No. 9 (8). P. 245-253.
2. The Newspaper “Kommersant”. Available at: <http://www.kommersant.ru>
3. In the world of Finance. Available at: <http://inwfs.com.ua>
4. The magazine “Finance Director”. Available at: <http://fd.ru>
5. Legal information portal “Garant”. Available at: <http://www.garant.ru>
6. Bankir.Ru News Agency. Available at: <http://bankir.ru>
7. Wikipedia. The Free Encyclopedia. Available at: <http://ru.wikipedia.org>
8. Financial newspaper. Available at: <http://fingazeta.ru>

Автор статьи – Татьяна Васильевна Завгородняя, кандидат экономических наук, профессор, Омский институт (филиал) РЭУ им. Г.В.Плеханова

Рецензенты:

Л.А. Буч, кандидат экономических наук, главный бухгалтер, Финансовая Сберегательная Компания г. Омска;

Е.К. Кузнецова, кандидат экономических наук, доцент, Омский филиал Финуниверситета при правительстве РФ.

УДК658.3.012.4:001

Н.Ю. Изоткина

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

ОРГАНИЗАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МАЛЫХ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ООО «ЭЛЕКТРОМЕХАТРОННЫЕ СИСТЕМЫ», г. ТОМСК)

При переходе страны к рыночной экономике и выходу на мировой уровень от малых инновационных предприятий научно-технической сферы – технологических лидеров в зарождающихся отраслях экономики, развивающих новые производства и открывающих новые сегменты рынка, требуется повышение эффективности производства и конкурентоспособности продукции на основе внедрения достижений научно-технического прогресса, эффективных форм хозяйствования и современных методов управления.

Ключевые слова: интеллектуальная трудовая деятельность, малые инновационные предприятия, объекты промышленной собственности.

В настоящее время в соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности» № 217-ФЗ от 02.08.2009 г. образовательным организациям и научным учреждениям предоставлено право самостоятельно создавать хозяйственные общества – малые инновационные предприятия (МИП), применяющие результаты интеллектуальной деятельности, исключительные права на которые принадлежат этим учреждениям, а авторами являются профессорско-преподавательский состав и научные сотрудники. Закон направлен на создание благоприятных условий для эффективного развития малого и среднего бизнеса в инновационной сфере. Критерии отнесения хозяйствующих субъектов к малому бизнесу в отечественном законодательстве и за рубежом подробно описаны и проанализированы в научной литературе [1] Малые инновационные предприятия могут быть классифицированы по признакам: по объекту деятельности, по этапам инновационного процесса, по назначению инноваций, по степени риска, по типу выпускаемой продукции, по доле интеллектуальной собственности в стоимости окончательного продукта, по процедуре регистрации и пр. От руководителей и научно-технической элиты МИП требуется умение видеть альтернативы и перспективы развития бизнеса, принимать обоснованные организационно-управленческие новшества для укрепления и развития предполагаемого бизнеса в современных рыночных условиях, сохранения квалифицированных кадров фирмы – основу любого инновационного процесса. Организационно-управленческие новшества являются основой деятельности МИП и призваны ответить на следующие важные вопросы: в каком положении предприятие находится в данное время; в каком положении оно хотело бы находиться через пять-десять лет; каким способом можно достичь желаемого положения; что для этого необходимо предпринять?

Особенности организационно-управленческих новшеств в аспекте непрерывного развития фирм (оптимизация организационной структуры и функций фирмы, расширение ассортимента выпускаемой продукции, обладающей спросом, организация и развитие фир-

менной торговли, широкое распространение на рынках новшеств, продукции и труда бренда фирмы) показывают направление решения проблем трудовых отношений и трудовой деятельности работников НТС на основе создаваемых в фирме новшеств.

Сильные стороны МИП при высших учебных заведениях и научных учреждениях следующие: оперативное принятие управленческих решений, сокращающее длительность инновационного цикла; низкий уровень накладных расходов, благодаря прямым и персональным контактам с ними; отсутствие бюрократических процедур, благодаря минимальной управленческой иерархии.

Кроме того, учредителям и руководителям МИП должна быть свойственна высокая мотивация предпринимательской деятельности, несмотря на персональную ответственность за ее успех в условиях коммерческого риска. К мотивам инновационного предпринимательства можно отнести: возможность реализации собственных творческих проектов; высокую степень самостоятельности и свободы в принятии решений; утверждение высокого имиджа и творческое признание успеха в научно-технической сфере (НТС) и др.

Современная ситуация на рынке труда в России стимулирует необходимость максимальной активизации важнейшего ресурса – инновационно настроенных работников НТС, определяющих трудовые отношения и трудовую деятельность путем реализации инновационных стратегий бизнеса на основе создаваемых в фирме организационно-управленческих, продуктово-технологических и коммерческо-внедренческих новшеств (соответственно, оптимизация организационной структуры и функций инновационного предприятия, создания качественной и конкурентоспособной продукции МИП и технологии продажи (сбыта) новой или усовершенствованной продукции. В этих условиях необходимо регулярное повышение качества интеллектуальной трудовой деятельности (ИТД) наемных работников и трудового коллектива (НР-ТК) в МИП: организацией инновационного проектного обучения и мотивацией НР-ТК на создание объектов промышленной собственности (ОПС), разъяснением сути ОПС любого уровня новизны (мировой, страновой, отраслевой, региональной и муниципальной); требованием выполнения служебного технического задания, созданием конкурентоспособных новых технологий и продукции (НТП) любого уровня новизны. [1, 3 и 4].

Предлагается авторский подход к управлению МИП, заключающийся в соблюдении трех основных принципов.

1. Вовлечение в интеллектуальную трудовую деятельность как можно большего числа наемных работников и трудового коллектива, способных к самостоятельному принятию решений, созданию новшеств, внедрение которых дает высокие коммерческие результаты.

2. Повышение качества и конкурентоспособности интеллектуальной трудовой деятельности каждого отдельного работника и коммерческой пригодности разрабатываемых иминновых технологий и продукции на основе создания объектов промышленной собственности – требование менеджмента малого инновационного предприятия выполнять технические задания созданием новой или усовершенствованной конкурентоспособной продукции любого уровня новизны (мировой, страновой, отраслевой, региональной и муниципальной).

3. Установление правовых взаимоотношений работодателя и работника на момент выполнения служебного задания при создании служебных объектов промышленной собственности (прав собственности и оплаты интеллектуальной трудовой деятельности и т.п.).

В таблице 1 на примере ООО «Электромехатронные системы» показано более развернутое описание авторского подхода к управлению МИП.

Выполняя п. 3 авторского подхода управления МИП, находим противоречие между Федеральным законом 217-ФЗ и государственным кодексом РФ часть 4 относительно изобретений, полезных моделей, промышленных образцов и т.д., создаваемых профессорско-преподавательским составом и научными сотрудниками, являющимися работниками соз-

данных МИП, относительно исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Согласно ст. 1370 гражданского кодекса (ГК) РФ относительно ОПС (изобретение, полезная модель или промышленный образец), созданных работником в связи с выполнением своих трудовых обязанностей или конкретного задания работодателя, признаются соответственно служебным изобретением (полезной моделью, промышленным образцом и т.п.). Право авторства на служебное изобретение (полезную модель или промышленный образец) принадлежит работнику (автору). Исключительное право на служебное изобретение (полезную модель или промышленный образец) и право на получение патента принадлежат работодателю, если трудовым или иным договором между работником и работодателем не предусмотрено иное.

При отсутствии в договоре между работодателем и работником соглашения об ином работник должен письменно уведомить работодателя о создании в связи с выполнением своих трудовых обязанностей или конкретного задания работодателя такого результата, в отношении которого возможна правовая охрана. Если работодатель в течение четырех месяцев со дня уведомления его работником не подаст заявку на выдачу патента на соответствующее служебное изобретение (полезную модель или промышленный образец) в Патентное ведомство, не передаст право на получение патента на служебное изобретение (полезную модель или промышленный образец) другому лицу или не сообщит работнику о сохранении информации о соответствующем результате интеллектуальной деятельности в тайне, право на получение патента на такое изобретение, полезную модель или промышленный образец принадлежит работнику. В этом случае работодатель в течение срока действия патента имеет право использования служебного изобретения (полезной модели или промышленного образца) в собственном производстве на условиях простой (неисключительной) лицензии с выплатой патентообладателю компенсации, размер, условия и порядок выплаты которой определяются договором между работником и работодателем, а в случае спора – судом.

Если работодатель получит патент на служебное изобретение (полезную модель или промышленный образец), либо примет решение о сохранении информации о таких изобретении, полезной модели или промышленном образце в тайне и сообщит об этом работнику, либо передаст право на получение патента другому лицу, либо не получит патент по поданной им заявке по зависящим от него причинам, работник имеет право на вознаграждение. Размер вознаграждения, условия и порядок его выплаты работодателем определяются договором между ним и работником, а в случае спора – судом.

Особенно важен для гарантий прав автора п. 5 ст. 1370 ГК РФ, согласно которому изобретение, полезная модель или промышленный образец, созданные работником с использованием денежных, технических или иных материальных средств работодателя, но не в связи с выполнением своих трудовых обязанностей или конкретного задания работодателя, *не являются служебными*.

В таком случае право на получение патента и исключительное право на такие изобретение, полезную модель или промышленный образец принадлежат работнику, а работодатель вправе по своему выбору потребовать предоставления ему безвозмездной простой (неисключительной) лицензии на использование созданного результата интеллектуальной деятельности для собственных нужд на весь срок действия исключительного права либо возмещения расходов, понесенных им в связи с созданием таких изобретения, полезной модели или промышленного образца.

Что может быть в качестве «иное», если создание служебного ОПС прямо не указано в договоре найма в связи с выполнением работником трудовых обязанностей, так как исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, созданный творческим трудом, первоначально возникает у работника – как правило, его автора? Необходимость за-

ключения с работником отдельного договора на создание служебного ОПС при выполнении научно-исследовательских, опытно-конструкторских или технологических работ, в котором оговаривается: передача исключительных прав на результат интеллектуальной деятельности; получение заработной платы не является авторским вознаграждением (авторское вознаграждение – это сумма, подлежащая уплате за переданные имущественные права (как исключительные, так и неисключительные). Его размер зависит от объема передаваемых прав, а также от способов их дальнейшего использования. Выплата работнику заработной платы не защищает интересы работодателя при оспаривании принадлежности исключительных прав на служебный ОПС. Поэтому в отдельном договоре на создание служебного ОПС оговаривается размер авторского вознаграждения. Размер вознаграждения, условия и порядок его выплаты работодателем определяются договором между ним и работником, а в случае спора – судом. Вознаграждение может быть единовременным либо периодическим, в виде выплат роялти в процентах от стоимости продаж продукции.

Для организации эффективной интеллектуальной трудовой деятельности в малых инновационных предприятиях, создаваемых в соответствии с Федеральным законом 217-ФЗ при образовательных организациях и научных учреждениях, предлагается авторский подход к управлению МИП, являющийся актуальным и новым, применяемым в ООО «Электромехатронные системы». Предлагаемый авторский подход заключается в следующем.

1. Вовлечение в интеллектуальную трудовую деятельность как можно большего числа наемных работников и трудового коллектива, способных к самостоятельному принятию решений, созданию новшеств, внедрение которых дает высокие коммерческие результаты.

2. Повышение качества и конкурентоспособности интеллектуальной трудовой деятельности каждого отдельного работника и коммерческой пригодности разрабатываемых иминовых технологий и продукции на основе создания объектов промышленной собственности – требование менеджмента малого инновационного предприятия выполнять технические задания созданием новой или усовершенствованной конкурентоспособной продукции любого уровня новизны (мировой, страновой, отраслевой, региональной и муниципальной).

3. Установление правовых взаимоотношений работодателя и работника на момент выполнения служебного задания при создании служебных объектов промышленной собственности (прав собственности и оплаты интеллектуальной трудовой деятельности).

4. Для устранения противоречий между Федеральным законом 217-ФЗ и гражданским кодексом РФ часть 4 относительно изобретений, полезных моделей, промышленных образцов и т.д., создаваемых профессорско-преподавательским составом и научными сотрудниками, предлагаем авторский алгоритм взаимоотношений работодателя и работника при создании служебных объектов промышленной собственности, дающий право создавать хозяйственные общества и на основе владения объектами промышленной собственности профессорско-преподавательским составом и научными сотрудниками.

Библиографический список

1. Патласов, О.Ю. Субъекты малого и среднего бизнеса: критерии, структура, финансовый механизм / О.Ю. Патласов, А.В. Гордусенко // Омский научный вестник. – 2011. – № 6. – С.41-46.
2. Изоткина, Н.Ю. Интеллектуальная трудовая деятельность на основе владения объектами промышленной собственности: моногр. / Под общ.ред. проф. Гаги В.А. – Томск: Изд-во Томск.гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники. – 2013. – 132 с.
3. Учебные планы подготовки магистров. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edu.tusur.ru>.
4. Изоткина, Н.Ю. Интеллектуальная собственность: правовая охрана и оценка стоимости: электрон.учеб. пособие. – Томск: Изд-во Томск.гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники. Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр», рег. свид. №13729 от 24.06.2008.
5. Изоткина, Н.Ю. Разработка, производство и коммерциализация нового товара. Учеб.пособие./ Под общ.ред. проф. Ю.М. Осипова. Изд.2-ое, перераб. – Томск: Изд-во Томск.гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2012. – 115с.

**Пример внедрения авторского подхода к управлению МИП
в ООО «Электромехатронные системы»**

Авторский подход к управлению МИП	Организация ИТД в ООО «Электромехатронные системы»
1. Вовлечение в интеллектуальную трудовую деятельность как можно больше наемных работников трудового коллектива, способных к самостоятельному принятию решений, созданию новшеств, внедрение которых дает высокие коммерческие результаты.	В основном сотрудниками ООО «Электромехатронные системы» являются выпускники магистерской подготовки по программе «Проектирование и исследование мультикоординатных электромехатронных систем движения». В процессе обучения (по согласованным с ООО «Электромехатронные системы» учебным планам) магистранты изучают дисциплины, способствующие самостоятельному принятию решений, созданию новшеств, внедрение которых дает высокие коммерческие результаты. Магистерские диссертации выполняются по техническим заданиям, согласованными с руководством ООО «Электромехатронные системы», содержат продуктивно-технологические и коммерческо-внедренческие новшества, внедряемые в конструкторско-технологическую и программную документацию номенклатуры изделий, производимых и передаваемых заказчикам изделий. [2].
2. Повышение качества и конкурентоспособности ИТД каждого отдельного работника и коммерческой пригодности разрабатываемой ими новой продукции на основе создания ОПС — требование менеджмента МИП выполнять технические задания созданием новой или усовершенствованной конкурентоспособной продукции любого уровня новизны (мировой, страновой, отраслевой, региональной и муниципальной).	ИТД каждого отдельного работника и коммерческая пригодность разрабатываемой ими новой продукции на примере изделия «Высокоточная электромехатронная система позиционирования исследуемого образца рентгеновского микротомографа для исследования органических и неорганических объектов». Перечень ОПС разного уровня защищенности. 1. Патент РФ, №2505800, Мультикоординатная электро-мехатронная система позиционирования рентгеновского микротомографа. Авторы: Ю.М. Осипов, О.Ю. Осипов, М.Г. Шепеленко, В.И. Сырякин, А.Ш. Буреев. 3. Отчеты по НИОКР «Высокоточная электромехатронная система позиционирования исследуемого образца рентгеновского микротомографа для исследования органических и неорганических объектов». Авторы: Ю.М. Осипов, О.Ю. Осипов, Н.Ю. Изоткина, М.Г. Шепеленко. 4. Статьи в журналах ВАК Ю.М. Осипов., Б.Я. Вологдин. Мультикоординатные электромехатронные манипуляторы технологического оборудования // Доклады ТУСУР, 2010, № 2(22), С.127-129. 5. Конструкторско-технологическая и программная документация электромехатронной системы позиционирования согласно ТЗ. Авторы: О.Ю. Осипов., М.Г. Шепеленко, С.В. Комзолов.
3. Установление правовых взаимоотношений работодателя и работника на момент выполнения служебного задания.	На рис. 1 представлен алгоритм взаимоотношений работодателя и работника при создании служебных ОПС, позволяющий эффективно определить уровень стимулирования и защитить права работников.

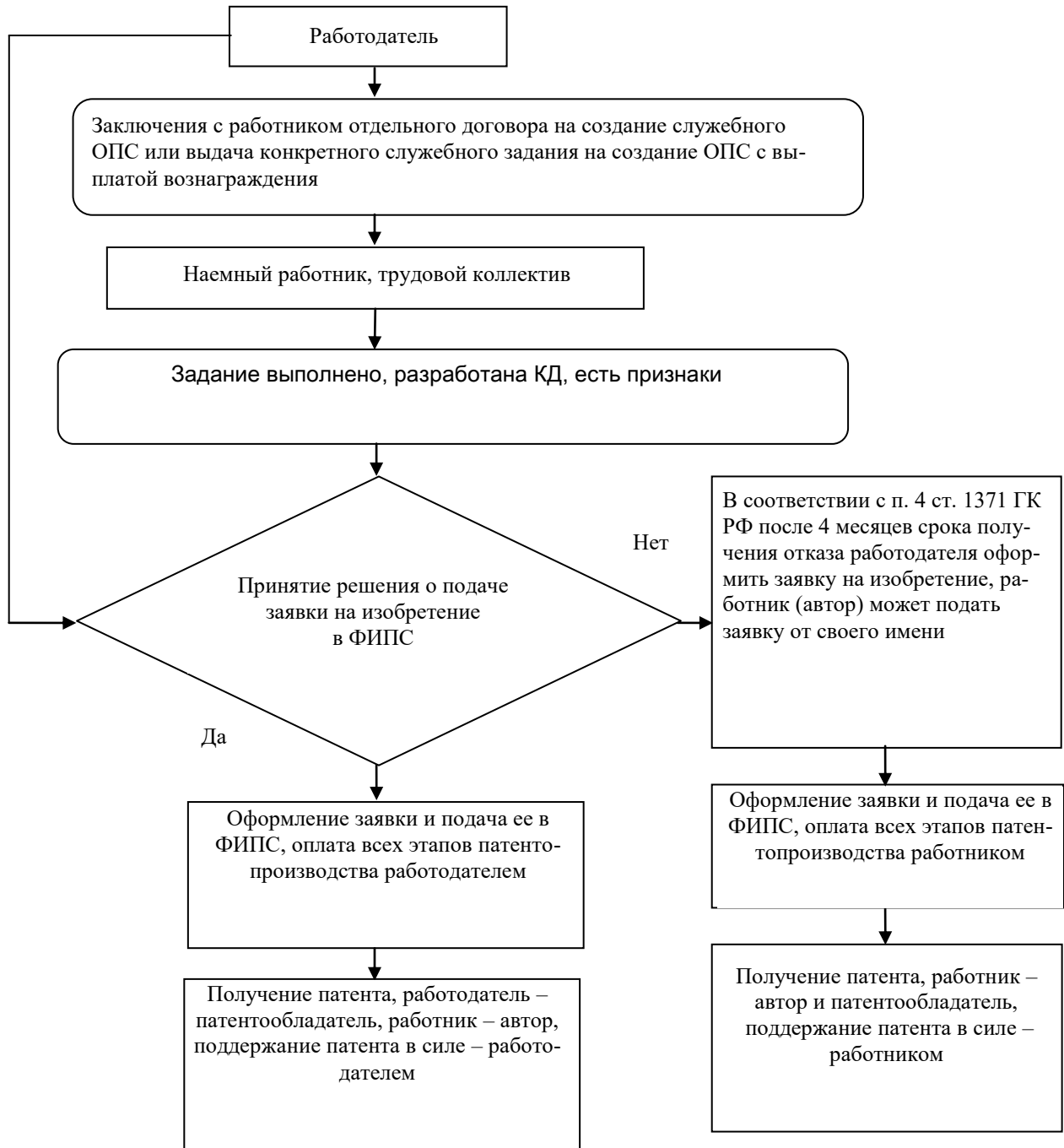

Рис.1 Алгоритм взаимоотношений работодателя и работника при создании служебных объектов промышленной собственности

NY Izotkina

Tomsk state University of control systems and Radioelectronics

**ORGANIZATION OF INTELLECTUAL WORK IN SMALL INNOVATIVE ENTERPRISES
(FOR EXAMPLE, THE COMPANY "ELECTROMECHATRONIC SYSTEM", TOMSK)**

When the country's transition to a market economy and opening to the world from small innovative enterprises in scientific and technical sphere - technology leaders in emerging industries, developing new production and opening new market segments, to increase production efficiency and product competitiveness based on the introduction of scientific-technical progress, effective forms of management and modern management methods.

Key words: intellectual work, small innovative enterprises, objects of industrial property.

References

1. Izotkina N.Y. Intellectualnajatrudovajadejatelnostnaosnovladienijaobjektamipromishlennosobstvennosti [Intellectual labor activity on the basis of ownership objects of industrial property: **monograph**]. Tomsk. *Publishing house of Tomsk.state University of systems control and Radioelectronics*, 2013, 132 p.
2. *Uhebnieplanipodgotovkimagistrov*. [Electronic resource], Access mode <http://edu.tusur.ru>.
3. Izotkina N.Y. Intellectualnajasobstvennostpravovajaohranaiozenkastoimosti [Intellectual property: legal protection and valuation: an electron. the textbook. manual]. Tomsk.registrationcertificateno 13729, 2008.
4. Izotkina N.Y. Razrabotka, proizvodstvo I kommercializacijanovogotovara [Development, manufacture and commercialization of a new product. The textbook.the allowance]. Tomsk. *Publishing house of Tomsk.state University of systems control and Radioelectronics*, 2012, 115 p.

Автор статьи – **Наталья Юрьевна Изоткина**, кандидат экономических наук, доцент, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники.

Рецензенты:

В.В. Пудкова, кандидат экономических наук, директор офиса коммерциализации разработок ТУСУР;

В.А. Трифонов, кандидат экономических наук, доцент, Юргинский технологический институт национального исследовательского Томского политехнического университета.

УДК 336.13

С.Н. Марков

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ БЮДЖЕТНЫХ РАСХОДОВ НА ОБРАЗОВАНИЕ: ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ И ВЗАИМОСВЯЗИ

Рассматриваются вопросы бюджетного финансирования сферы образования. Сформирована и описана концептуальная модель эффективности бюджетных расходов на образование, выделены основные элементы и функциональные взаимосвязи, обоснована практическая полезность и важность сформированной модели.

Ключевые слова: образование, бюджетные расходы, эффективность, результативность, концептуальная модель.

В условиях бюджетного реформирования в Российской Федерации актуальной становится проблема повышения эффективности бюджетных расходов во всех сферах бюджетной деятельности, в том числе и в сфере образования. Эта проблема заключается в том, что не всегда выделение дополнительных объемов бюджетного финансирования на образование приводит к улучшению качества предоставления образовательных услуг. Часть указанной проблематики нашла свое отражение в отдельных исследованиях [5, 6, 9, 12], что подтверждает актуальность данной темы.

В настоящее время в современной экономической литературе нет непосредственного толкования понятия «эффективность бюджетных расходов на образование».

Анализ отечественной и зарубежной литературы по вопросам трактовки понятий «эффективность» и «эффективность бюджетных расходов» показывает, что отсутствует единое понимание данных терминов. Одни экономисты определяют понятия «эффективность» и «эффективность бюджетных расходов» через отношение затрат и результатов (А.В. Бачурин, Ф.И. Шахмалов, Е.Е. Румянцева, А.О. Виричев), вторые – через степень ответственности результатов цели (М.П. Придачук), третьи отождествляют с результативностью (Л.П. Кураков, В.Л. Кураков, А.К. Осипов, В.Н. Аникин, О.В. Котлячков, Э.К. Конярова, Т.А. Ильина, А.Ю. Москвин).

Однако в связи с тем, что вывод об имеющейся эффективности бюджетных расходов на образование можно сделать только на основе сравнительного анализа эффективности бюджетных расходов на образование среди определенных территорий либо образователь-

ных учреждений, то требуется формирование нового подхода к понятию эффективности расходов бюджета на образование.

С нашей точки зрения, эффективность бюджетных расходов на образование – это сравнение объема бюджетных расходов на образование, использованного определенной территорией, с объемом, потенциально необходимым для достижения результатов деятельности, полученных образовательными учреждениями в сравниваемой территории.

При этом под потенциально необходимым объемом бюджетных расходов на образование понимается объем бюджетных расходов на образование сравниваемой территории, необходимый для достижения результатов деятельности, полученных образовательными учреждениями в сравниваемой территории, относительно территории, где получена наивысшая отдача от бюджетных расходов на образование.

Под отдачей от бюджетных расходов на образование будем понимать показатель, показывающий, какую часть результатов деятельности, полученных образовательными учреждениями в определенной территории, обеспечивает каждая 1 тыс. руб., затраченная из бюджета территории на образование в расчете на одного обучающегося.

Таким образом, основным отличием авторской трактовки «эффективность бюджетных расходов на образование» от существующих определений является включение в это понятие необходимости применения сравнительного анализа при оценке эффективности бюджетных расходов на образование.

Следует также отметить, что, с нашей точки зрения, «эффективность бюджетных расходов на образование» и «результативность бюджетных расходов на образование» – это разные понятия.

Результативность бюджетных расходов в Положении о докладах о результатах и основных направлениях деятельности (ДРОНД) субъектов бюджетного планирования определяется как «соотношение между результатами деятельности и расходами на их достижение, а также степень достижения планируемых результатов деятельности» [14]. С нашей точки зрения, «соотношение между результатами деятельности и расходами на их достижение» отражает эффективность бюджетных расходов на образование, а «степень достижения планируемых результатов деятельности» указывает на результативность бюджетных расходов на образование. Таким образом, в понятии «результативность бюджетных расходов», определенном в Положении о докладах о результатах и основных направлениях деятельности субъектов бюджетного планирования, содержатся сразу два понятия – «эффективность бюджетных расходов» и «результативность бюджетных расходов» [1].

С целью разграничения понятий «эффективность бюджетных расходов на образование» и «результативность бюджетных расходов на образование», под «результативностью бюджетных расходов на образование» будем понимать степень достижения планируемых результатов деятельности образовательных учреждений.

При достижении эффективности бюджетных расходов на образование необходимо руководствоваться принципами.

Под принципами эффективности бюджетных расходов на образование следует понимать основополагающие идеи, выражающие сущность эффективности бюджетных расходов на образование и определяющие основные требования, которыми необходимо руководствоваться в практической деятельности по достижению эффективности бюджетных расходов на образование.

Достижение эффективности бюджетных расходов на образование, с нашей точки зрения, возможно при реализации следующих принципов:

1) принцип индикативности, означающий необходимость проведения анализа динамики показателей результатов деятельности образовательных учреждений;

2) принцип экономичности, указывающий на необходимость экономии бюджетных расходов на образование;

3) принцип результативности, означающий, что в результате использования бюджетных средств на образование должно происходить улучшение показателей результатов деятельности образовательных учреждений.

В качестве показателей эффективности бюджетных расходов на образование можно определить следующие:

– отдача от бюджетных расходов на образование, рассчитываемая как отношение показателей результатов деятельности образовательных учреждений к объему бюджетных расходов на образование в расчете на одного обучающегося;

– процент эффективных бюджетных расходов на образование, рассчитываемый как отношение эффективного и фактически использованного объемов бюджетных расходов на образование;

– процент неэффективных бюджетных расходов на образование [8].

Можно определить следующие факторы, влияющие на эффективность бюджетных расходов на образование:

– политические факторы (уровень приоритетности развития сферы образования, направления бюджетной политики, стратегия развития образования, степень взаимодействия руководителей органов власти нижестоящих уровней с вышестоящими и др.);

– экономические факторы (состояние и уровень развития экономики, уровень платежеспособности населения, средняя заработная плата населения и педагогических работников и др.);

– финансовые факторы (объем бюджетных расходов, выделяемых на образование; методы бюджетного планирования и финансирования сферы образования, реализация государственных целевых программ на образование и др.);

– социально-демографические факторы (социальная структура населения; численность детей, получающих образовательные услуги; число мест в дошкольных образовательных учреждениях; престиж образовательных учреждений, показатели результатов деятельности образовательных учреждений и др.);

– правовые факторы (нормативно-правовое регулирование бюджетного финансирования сферы образования и др.);

– организационные факторы (специфика деятельности образовательных учреждений; совокупность органов, отвечающих за финансирование сферы образования и за оценку эффективности бюджетных расходов на образование и др.);

– кадровые факторы (квалификация руководителей и специалистов органов управления образованием и финансовых органов, а также педагогического персонала образовательных учреждений);

– информационные факторы (наличие информационной базы, доступность и полнота информации о показателях результатов деятельности образовательных учреждений и объемах бюджетного финансирования на образование и др.).

Действие данных факторов на эффективность бюджетных расходов на образование может быть как положительным (способствующим повышению эффективности бюджетных расходов на образование), так и отрицательным (способствующим снижению эффективности бюджетных расходов на образование).

Эмпирическое исследование влияния факторов на изменение эффективности бюджетных расходов на образование возможно провести с помощью корреляционно-регрессионного анализа, в частности, с помощью программного продукта Eviews, позволяющего выявлять наличие зависимости в анализируемых данных, и затем, используя полученные взаимосвязи, делать прогноз изучаемых факторов и результирующего признака.

Все данные факторы влияют не только на эффективность бюджетных расходов на образование, но и на объемы бюджетного финансирования сферы образования и показатели результатов деятельности образовательных учреждений.

Таким образом, вышерассмотренные факторы эффективности бюджетных расходов на образование указывают на возможность применения двух основных способов повышения эффективности расходов бюджета на образование:

- совершенствование механизма финансирования сферы образования;
- улучшение показателей результатов деятельности образовательных учреждений [9].

Определив понятие, способы повышения, принципы эффективности расходов бюджетов на сферу образования, а также факторы, влияющие на нее, можно построить концептуальную модель эффективности бюджетных расходов на образование (рис. 1).

Концептуальная модель эффективности бюджетных расходов на образование – это модель, представленная совокупностью элементов: понятие, принципы, факторы, показатели и способы повышения эффективности бюджетных средств на образование и связей между ними, определяющих смысловую структуру эффективности бюджетных расходов на образование.

Ресурсами, необходимыми, чтобы работала данная модель, являются финансовые и нефинансовые ресурсы.

К финансовым ресурсам относятся бюджетные расходы, выделяемые на сферу образования.

К нефинансовым ресурсам можно отнести отчет об исполнении бюджета, информацию о результатах деятельности образовательных учреждений (доклады об основных результатах деятельности, статистику результатов ЕГЭ, олимпиад, конкурсов и т.д.), трудовые ресурсы (работники образовательных учреждений; контингент образовательных учреждений; работники финансовых органов и органов управления образованием; работники органа, который необходимо уполномочить на проведение оценки эффективности бюджетных расходов на образование, и их квалификация).

Реализация предложенной модели позволит достичь таких эффектов, как снижение доли неэффективных бюджетных расходов на образование, повышение уровня образованности, улучшение результатов деятельности учреждений сферы образования и др.

Предложенная модель эффективности бюджетных расходов на образование показывает состав и взаимосвязь ее основных элементов, тем самым раскрывая сущность понятия «эффективность бюджетных расходов на образование».

Взаимосвязь основных элементов модели следующая. Понятие эффективности расходов бюджета на сферу образования позволяет определить принципы эффективности расходов бюджета на образование. Факторы эффективности бюджетных расходов на образование определяют способы повышения эффективности бюджетных расходов на образование и влияют на эффективность бюджетных расходов на образование в целом. Для реализации модели необходимы ресурсы. В результате применения модели могут быть получены определенные эффекты.

Таким образом, в результате исследования сущности эффективности бюджетных расходов на образование автором исследования получены следующие научные результаты:

1) сформулированы понятия:

– «эффективность бюджетных расходов на образование» – сравнение объема бюджетных расходов на образование, использованного определенной территорией, с объемом, потенциально необходимым для достижения результатов деятельности, полученных образовательными учреждениями в сравниваемой территории. При этом под потенциально необходимым объемом бюджетных расходов на образование понимается объем бюджетных расходов на образование сравниваемой территории, необходимый для достижения результатов деятельности, полученных образовательными учреждениями в сравниваемой территории, относительно территории, где получена наивысшая отдача от бюджетных расходов на образование. Под отдачей от бюджетных расходов на образование понимается показатель, показывающий, какую часть результатов деятельности, полученных образовательными учреж-

дениями в определенной территории, обеспечивает каждая 1 тыс. руб., затраченная из бюджета территории на образование в расчете на одного обучающегося;

– «результативность бюджетных расходов на образование» – степень достижения планируемых результатов деятельности образовательных учреждений.

2) определены принципы достижения эффективности бюджетных расходов, показатели эффективности бюджетных расходов на образование, факторы, влияющие на эффективность бюджетных расходов на образование, и способы повышения эффективности бюджетных расходов на образование;

3) построена концептуальная модель эффективности бюджетных расходов на образование.

Результаты исследования сущности бюджетных расходов на образование могут являться теоретической основой для разработки методических и практических аспектов повышения эффективности бюджетных расходов на образование.

Библиографический список

1. Бачурин, А. В. Интенсификация и эффективность / А. В. Бачурин. – М.: Экономика, 1985. – 264 с.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145–ФЗ (ред. от 03.12.2011 г.) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».
3. Виричев, А. О. Обоснованность и эффективность расходов бюджета: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Финансовая академия при Правительстве Российской Федерации. – М., 2003. – 220 с.
4. Кураков, Л. П., Кураков, В. Л. Толковый словарь экономических и юридических терминов / Л. П. Кураков, В. Л. Кураков. – М.: Чебоксары, 2002. – 748 с.
5. Маковецкий, М. Ю. Анализ международной и российской практики повышения эффективности бюджетных расходов в сфере образования / М. Ю. Маковецкий // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. - 2014. - № 41. - С. 59 - 66.
6. Маковецкий, М. Ю. Современные проблемы повышения эффективности бюджетных расходов в сфере образования / М. Ю. Маковецкий // Universum: экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн. - 2014. - 10 (10). – Режим доступа: <http://7universum.com/en/economy/archive/item/1622>.
7. Марков, С.Н. Оценка эффективности бюджетных расходов в сфере образования (Монография) / С.Н. Марков, О.Ю. Патласов // Издательский Дом: Palmarium Academic Publishing, 2013. – 168 с. – С. 68-88
8. Марков С.Н. Повышение эффективности бюджетных расходов на образование / Марков С.Н., науч. ред. О.Ю. Патласов (Монография) // – Омск: Изд-во НОУ ВПО ОмГА, 2013. – 187 с. – С.20-21
9. Марков, С. Н. Показатели эффективности бюджетных расходов на образование в Омской области / С. Н. Марков // Наука о человеке: гуманитарные исследования. - 2013. - № 4 (14). - С. 43-52.
10. Марков, С. Н. Способы повышения эффективности бюджетных расходов на образование / С. Н. Марков // Социально-экономические и правовые системы: современное видение: сборник трудов Международной научно-практической конференции. – Омск, 2013. - С. 54 - 60.
11. Марков, С. Н. Эффективность бюджетных расходов на общее образование / С. Н. Марков // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. - 2012. - № 4. - С. 75 - 80.
12. Методика оценки эффективности использования государственных средств: монография / А. К. Осипов [и др.]. – Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2006. – 276 с.
13. Москвин, А. Ю. Большой словарь иностранных слов / А. Ю. Москвин. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 810 с.
14. Постановление Правительства Российской Федерации от 06.04.2011 г. № 252 «О внесении изменений в Положение о докладах о результатах и основных направлениях деятельности субъектов бюджетного планирования» // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».
15. Придачук, М. П. Методы экономического анализа эффективности затрат на получение бюджетных услуг / М. П. Придачук // Финансы. - 2006. - № 5. - С. 27 - 29.
16. Румянцева, Е. Е. Новая экономическая энциклопедия / Е. Е. Румянцева – М.: ИНФРА-М, 2005. – 810 с.
17. Шахмалов, Ф. И. Теория государственного управления / Ф. И. Шахмалов. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002. – 638 с.

Современная трактовка термина «эффективность»

Определение	Автор
«Эффективность общественного производства – соотношение его конечного результата (эффекта) с затратами или используемыми ресурсами. Повышение эффективности характеризуется увеличением конечного продукта (национального дохода) при снижении затрат или используемых ресурсов на единицу прироста национального дохода» [1]	А.В. Бачурин
Техническая эффективность – «достижение целей, поставленных государственными службами», экономическая эффективность «оценивается с точки зрения производственных затрат к финансовым результатам» [15]	Ф.И. Шахмалов
«Эффективность деятельности – результативность экономической деятельности, определяемая как отношение полученного экономического эффекта и затрат, обусловивших получение этого эффекта» [4]	Л.П. Кураков, В.Л. Кураков
Эффективность – «степень соизмерения результатов с затратами; система показателей, характеризующих уровень использования производственных мощностей системы» [14]	Е.Е. Румянцева
Эффективность – «совокупная результативность работы, действия, системы мероприятий, являющихся следствием определенных материальных усилий» [10]	А.К. Осипов, В.Н. Аникин, О.В. Котлячков, Т.А. Ильина
Эффективность – «степень достижения поставленных целей» [13]	М.П. Придачук
Эффективность – «действенность, результативность, принесение результата» [11]	А.Ю. Москвин

:

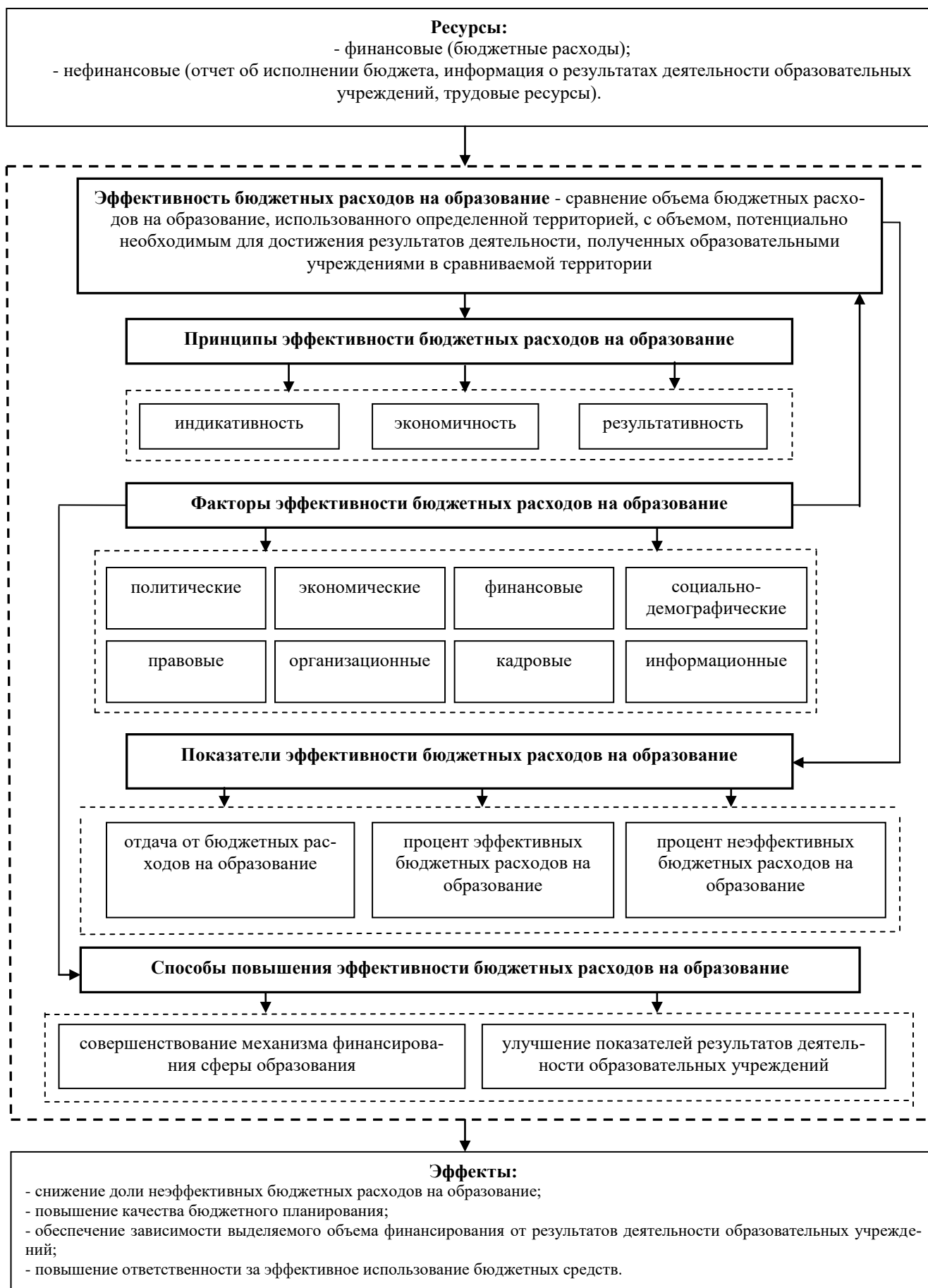

Рис. 1 – Концептуальная модель эффективности бюджетных расходов на образование

S.N. Markov

FGOBU VPO «Financial University under the Government of the Russian Federation»

**CONCEPTUAL MODEL OF EFFICIENCY OF BUDGETARY EXPENDITURE ON EDUCATION:
KEY ELEMENTS AND RELATIONSHIP**

The issues of budget financing of education. Formed and described the conceptual model of the efficiency of budget spending on education, highlights the main elements and functional relationships, stresses the practical usefulness and importance of the generated model.

Key words: education, fiscal spending, efficiency, effectiveness, conceptual model.

Bibliography

1. Bachurin A.V. *Intensification and efficiency*. Moscow, 1985, 264 p.
2. *Budget Code of the Russian Federation of 31.07.1998 № 145-FZ*.
3. Virichev A.O. *Validity and effectiveness of budget expenditures: Author. dis. ... Cand. ekon. Scienc.* Moscow, 2003, 220 p.
4. Kurakov L.P, Kurakov V.L. *Explanatory dictionary of economic and legal terms*. Moscow, 748 p.
5. Makovetskii M.Y. Analysis of international and Russian practice improve the efficiency of budget spending in education. *Economics and modern management theory and practice*, 2014, no. 41, pp. 59 - 66.
6. Makovetskii M.Y. Modern problems of increasing the efficiency of budget spending in education. *Universum: economics and law: the electron*, 2014, no. 10 (10). - Mode of access: <http://7universum.com/en/economy/archive/item/1622>.
7. Markov S.N. *Evaluating the effectiveness of budget spending in education (monograph)* / SN Markov, O. Patlasov // Publishing House: Palmarium Academic Publishing, 2013. - 168 p. - pp. 68-88
8. Markov S.N. *Improving the efficiency of budget spending on education* / Markov S.N., scientific. Ed. O Patlasov (Monograph) // - Omsk: Publishing House of LEU OmGAU, 2013. - 187 p. - pp.20-21
9. Markov S.N. Performance Indicators budgetary expenditure on education in the Omsk region. *The Science of Man: Studies in the Humanities*, 2013, no. 4 (14), pp. 43-52.
10. Markov S.N. Ways to improve the efficiency of budget spending on education. *Socio-economic and legal systems: a modern vision: a collection of the works of the International scientific and practical conference*, 2013, pp. 54 - 60.
11. Markov S.N. Efficiency of public expenditures on general education. *Research Institute of Finance. Financial magazine*, 2012, no. 4, pp. 75 - 80.
12. Osipov A.K. *Methods of assessing the effectiveness of the use of public funds: monograph*, Izhevsk, 2006, 276 p.
13. Moskvina A.Y. *Large dictionary of foreign words*, Moscow, 2007, 810 p.
14. Resolution of the Government of the Russian Federation of 06.04.2011, no. 252 "On Amendments to the Regulations on the reports on the results and main activities of the subjects of budget planning".
15. Pridachuk M.P. Methods of economic cost-benefit analysis for budget services. *Finance*, 2006, no. 5, pp. 27 - 29.
16. Rumyantsev E.E. *New Economic Encyclopedia*, Moscow, 2005, 810 p.
17. Shahmali F.I. *The theory of public administration*, Moscow, 2002, 638 p.

Автор статьи – Сергей Николаевич Марков, кандидат экономических наук, старший преподаватель, Финансовый университет при Правительстве РФ;

Рецензенты:

М. Ю. Маковецкий, кандидат экономических наук, доцент Финансовый университет при Правительстве РФ;
Н.Ю. Симонова, кандидат экономических наук, доцент, Сибирский институт бизнеса и информационных технологий.

ЛИКВИДНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТА, КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ И ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ ПРОФЕССИИ

Введено понятие «ликвидности специалиста». Выделены две стороны ликвидности. Предложен инструментарий повышения собственной ликвидности и цены труда.

Описана концепция жизненного цикла рабочей силы, профессии (специальности), карьеры. Доказана связь сокращения жизненного цикла компаний и профессий с ростом мобильности кадров, сокращением продолжительности трудового стажа на основной работе.

Ключевые слова: конкурентоспособность рабочей силы, маркетинг персонала, ликвидность работника, жизненный цикл карьеры.

Актуальность темы исследования аккумулируется следующими обстоятельствами. Последствия экономических санкций Запада уже отразились на повышении напряженности на рынке труда. По данным Росстата, в январе 2015 г. в численности экономически активного населения 71,8 млн чел. классифицировались как занятые экономической деятельностью и 4,2 млн чел. – как безработные с применением критериев МОТ (т.е. не имели работы или доходного занятия, искали работу и были готовы приступить к ней в обследуемую неделю); уровень безработицы (отношение численности безработных к численности экономически активного населения) в январе 2015г. составил 5,5% (без исключения сезонного фактора) [1]. Модернизация российской экономики сопровождается одновременно сокращением неэффективных рабочих мест и возникновением новых направлений занятости. Способность экономики генерировать экономические рабочие места приводит к сокращению безработицы при условии наличия рабочей силы, соответствующей новым квалификационным требованиям.

Профессионально-квалификационная структура рабочей силы имеет три аспекта: профессиональный, квалификационный и содержание квалификации [2]. В противном случае возникает «квалификационная петля», сдерживающая расширение занятости и препятствующая экономическому росту. Одним из последних нововведений стала ст. 195.1 Трудового кодекса РФ, устанавливающая понятия «квалификация работника» и «профессиональный стандарт». Под квалификацией работника понимается уровень знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы. Профессиональный стандарт определяется как характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности. Теперь важной задачей выступает синхронизация образовательных и профессиональных стандартов.

Основная задача маркетингового исследования конкурентов состоит в том, чтобы получить необходимые данные для обеспечения конкурентного преимущества на рынке. Для этого анализируются сильные и слабые стороны конкурентов, изучаются занимаемая ими доля рынка, реакция потребителей на маркетинговые средства конкурентов. Результатом таких маркетинговых исследований становятся выбор возможностей достижения наиболее выгодного позиционирования на рынке труда относительно конкурентов. Анализ конкуренции, естественно, проводится по трем направлениям: между работниками, между работодателями, между кадровыми агентствами [3].

Экономические словари определяют ликвидность (liquidity) как легкость, с которой различные активы могут быть превращены в наличные деньги; наличные деньги и их прямые эквиваленты имеют 100-процентную ликвидность. Используя этот терминологический подход, предлагаем понятие «ликвидность специалиста» рассматривать как легкость, с которой возможно его трудоустройство. Если рабочая сила является товаром, вполне возмож-

но говорить о ее ликвидности, например, в контексте: «На компьютерном рынке наиболее ликвидны профессии: специалист по компьютерной телефонии, инженер-системотехник, системный администратор, веб-дизайнер, продакт-менеджер по продукции».

Выделяются две стороны ликвидности: во-первых, легкость, с которой специалист может найти работу, во-вторых, легкость, с которой специалист может покинуть своего нынешнего работодателя. Естественно, чем выше ликвидность наемного сотрудника, тем актуальнее вопрос его удержания. Рассмотрим факторы, определяющие ликвидность специалистов и менеджеров:

1. Размер приносимого прямого дохода фирме, поэтому, к примеру, руководитель отдела продаж имеет более высокую ликвидность, чем начальник отдела рекламы.

2. Профильность – совпадение профильности сотрудника и работодателя. Весьма продаваем специалист по некоему товару или услуге из компании, основным продуктом которой и является этот товар или услуга. Например, в пресс-бюро наибольшую ликвидность имеет верстальщик; программист из компании-разработчика имеет более высокую ликвидность, нежели программист из непрофильной фирмы, адаптирующий чей-то программный продукт; в компьютерном кадровом агентстве «Enter» ликвидны консультанты.

3. Ранг специалиста или руководителя. С определенными оговорками можно утверждать, что ликвидность обратно пропорциональна ступени, занимаемой человеком в «табелли о рангах». Рядовой более продаваем, чем высший, так как для менеджера вероятность появления вакансии, как правило, будет ниже.

Как определить степень собственной ликвидности? Самый простой способ – направить свое резюме в кадровые агентства, не претендуя на какую-либо конкретную вакансию и не указывая максимальный уровень своих материальных притязаний. Количество предложений о работе, которые вы получите за определенный срок, является одним из показателей ликвидности.

Повышение собственной ликвидности – проблема достаточно серьезная. Большинство наемных работников волнует собственная цена на текущий момент и справедливость этой цены. Лишь некоторые задумываются о повышении ценности своей рабочей силы, но не о своей ликвидности на рынке труда. Причина кроется в том, что рост ликвидности не означает автоматического роста оплаты труда. Художники – специалисты по 3D-графике имеют более высокую ценность, чем верстальщики полос, но ликвидность первых ниже, поэтому без работы они могут находиться длительное время. Кроме того, заработная плата, например, бюджетников зависит не столько от работодателя, сколько от заработной платы, соответствующей принятой системе оплаты труда. Например, ликвидность доктора экономических наук в несколько раз выше ликвидности доктора ветеринарных наук, при этом, находясь на равноценной должности, например, профессора, они получают одинаковую заработную плату. Пример повышения своей ликвидности параллельно повышению своей ценности – это когда специалист по связям с общественностью становится рекламистом, а затем – маркетологом: и ликвидность, и ценность повысились, как и оплата труда.

Уровень ликвидности специалиста сопряжен с редкостью должности. Как правило, для кадровых агентств это сложные вакансии. Для самих специалистов информации по редким вакансиям обычно нет в свободном доступе, ими занимаются профильные агентства, о них узнают в учебных заведениях. К примеру, среди необычных вакансий кадровых агентств назывались: специалист-технолог со знанием рецептуры определенных пищевых добавок; специалист по социальным медиа; продакт-менеджер в онкологии для стартап фармацевтической компании; главный специалист по лояльности в сфере авиационного рынка с опытом в иностранных компаниях; инженер-прочник металлоконструкций; менеджер по маркетинговым количественным исследованиям и др.

Как и любой товар, рабочая сила обладает *потребительной стоимостью*, которая характеризуется параметрами:

– базовыми характеристиками, определяемыми предназначением рабочей силы определенного уровня и содержания профессиональных знаний, умений, опыта;

– физическими данными, определяемыми демографическими особенностями рабочей силы, а именно: полом, возрастом, семейным положением, расой, местом жительства и проч.

– расширенными характеристиками, определяемыми особенностями психомотивационного механизма профессиональной деятельности, целеустремленностью и активностью, работоспособностью, культурным уровнем;

– специфическими характеристиками, связанными с конкретными особенностями требований потребителя к качеству товара «рабочая сила»: ученая степень и звание; уровень профессиональной гибкости; степень географической мобильности; коммуникабельность; лояльность; владение персональным компьютером и конкретными программами; знание иностранных языков на определенном уровне; наличие водительских прав. Могут учитываться, например, наличие спортивных разрядов, служба в вооруженных силах, опыт операций в горячих точках.

Товар «рабочая сила» имеет множество составляющих. В укрупненном плане их можно представить как первичные («врожденные») и вторичные («приобретенные»). К первичным характеристикам персонала относят возраст, пол, национальность, расу, физические возможности, сексуальную ориентацию – это врожденные различия или устойчивые на протяжении всей жизни. Они являются ключевыми элементами для формирования имиджа и мировоззрения индивида. Вторичные характеристики (внешний круг) приобретаются в течение жизни человека, но также оказывают серьезное воздействие на самосознание и мировоззрение.

Жизненный цикл товара «рабочая сила».

Традиционно в маркетинге концепция жизненного цикла применяется к потребительским товарам, услугам. Жизненный цикл товара – это время существования товара на рынке, промежуток времени от замысла изделия до снятия его с производства и продажи. Воспроизводство рабочей силы также охватывает процесс производства, распределения, потребления, выбытия. Для специфического товара «рабочая сила» можно выделить три модели жизненного цикла:

1. Жизненный цикл совокупной рабочей силы в сфере использования.
2. Жизненный цикл специалиста (профессии).
3. Жизненный цикл карьеры специалиста.

Выбор модели обусловлен ролью и целями субъекта на рынке рабочей силы.

Модель жизненного цикла совокупной рабочей силы.

Для модели жизненного цикла совокупной рабочей силы в производственной сфере характерна зависимость между жизненным циклом производимого предприятием продукта и жизненным циклом совокупной рабочей силы.

Жизненный цикл совокупной рабочей силы можно изобразить в виде трех кривых применительно к отрасли и региону: спроса на рабочую силу; спроса на продукцию; прибыли.

Как правило, с выходом нового продукта на рынок и наращиванием объемов производства возникает дополнительный спрос на рабочую силу. На этапах роста спроса, зрелости продукта и насыщения рынка товаром сначала растет, а затем стабилизируется профессионально-квалификационный состав коллектива. При переходе к этапу спада спроса на товар возникает и постепенное снижение спроса на труд. При выводе нового продукта на рынок и при снижении спроса на еще выпускаемые товары возможно сокращение численности за счет временных работников, совместителей при сохранении «ядра» квалифицированной рабочей силы. Однако уменьшение спроса на труд может сопровождаться не только увольнением, но и, к примеру, снижением уровня оплаты труда, введением частичной занятости,

отправкой части персонала в вынужденные административные отпуска, переводом на неполное рабочее время с целью сохранения квалифицированной рабочей силы до нового подъема производства, а также осуществлением мероприятий по совершенствованию структуры профессионально-квалификационного состава.

В основу модели жизненного цикла рабочей силы заложена попытка учесть взаимосвязь между стратегическим и текущим планированием рабочей силы, выступающую в конкретном случае одним из обеспечивающих ресурсов производства, как фактор «труд». Залогом успешной реализации этой концепции является изменение самой философии производственного планирования, отношения экономистов-плановиков и маркетологов к оценке важности планирования «человеческих ресурсов», доведение до сознания менеджеров необходимости и принципиальной возможности согласовывать производственно-хозяйственную стратегию развития фирмы с перспективами развития персонала.

Жизненный цикл индивидуальной рабочей силы графически представляется в виде кривой отдачи и кривой доходов, на оси абсцисс откладывается показатель «деньги», а ординат – «периоды»: обучение и практика; выход на работу; производственная адаптация; трудовой период; повышение квалификации; временно незанятый (фрикционная безработица); безработный; переподготовка, смена профессии; предпенсионный возраст; выход на пенсию. Некоторые стадии для индивидуальной рабочей силы являются необязательными. Так, далеко не каждый побывал в статусе безработного.

Следует признать, что смена поколений означает и смену мотивации новых сотрудников из числа молодежи, взглядов на карьерный рост, корректировку их экономического мышления. Если у поколения Y новые технологии – это технологии будущего, то родившиеся между началом девяностых и серединой нулевых годов Generation Z развивались в период технологического бума и одновременно со слабыми ценностными установками к учебе. То есть в настоящее время рынок труда представлен поколениями X, Y и бэби-бумерами [4]. Кадровое агентство «Империя кадров», опросив представителей трех поколений: «беби-бума» (родились в 1945-1963 годах), X (1963–1983) и Y (1983–2003) выяснило различия поколений по проявлению себя в разных секторах экономики. Так, поколение «беби-бумеров» – это люди вечно молодые, года их не берут. Они чрезвычайно деятельны, стремятся к личностному росту и справедливому вознаграждению, нуждаются в присутствии командного духа и одобрении со стороны коллектива. Под стать их личностным особенностям и сферы деятельности: 12,5% из них заняты в транспорте, логистике и внешне-экономической деятельности; 11,4% – в недвижимости и строительстве; 10% – в административном направлении; 5,6% – в промышленном производстве; 4,8% – в розничной торговле. Поколение X в чем-то противоположность «беби-бумерам». Главное для них – свобода выбора. Они отличаются неформальностью взглядов, стремлением проявить свою индивидуальность, развиваться в течение всей жизни. Чаще всего они заняты в юриспруденции и нефтегазовой отрасли – 12,9%; в административной работе – 10,1%; в медицине и фармацевтике – 6,4%; в некоммерческих организациях – 4,6%; в спорте – 4,1%. Поколение Y знает себе цену. Главное для него – немедленное вознаграждение за проделанную работу. Но к работе «игреки» подходят очень ответственно, у них активная гражданская позиция, и вопросы морали для них не пустой звук. Профессионально они лучше всего проявляют себя в администрировании – 15,8%; в финансах и страховании – 6,8%; в искусстве и культуре – 6,7%; в IT и телекоммуникациях – 5,8%; в медицине – 5% [5].

Стратегическое управление, формирование портфеля стратегических проектов позволяют на основании жизненных циклов товаров принимать решения о долгосрочном распределении ресурсов, в том числе и труда. Наличие временного лага между стратегическим планированием производства и стратегическим планированием персонала создает некоторые трудности менеджменту. Так, при назначении на какую-либо должность менеджера предпочтение отдают прежде всего технологическим и специальным знаниям кандидата в

области того продукта, производством которого он призывается руководить, а не только общеуправленческой подготовке. Философия внутрипроизводственного управления в данном примере заключается в том, что по мере движения продукта по своему жизненному циклу доминирующими становятся различные виды управленческих знаний, стилей и подготовки.

Общим мировым трендом стало резкое сокращение жизненного цикла компаний в среднем до 10–30 лет, а у субъектов малого бизнеса – до 5–10 лет, причем не только по причине гиперконкуренции и дефицита инновационной культуры. Хотя в книге «Живая компания» Ари де Гиуса рассказывается о 30 компаниях с историей не менее 100 лет (Du Pont, Kodak, W.R. Grace, Vitsui, Sumitomo, Siemens и др.) с признанием ценности людей для компании, с организацией обучения, с формированием человеческой общности, терпимостью к инновациям и чувствительностью к окружающей среде и проч., но в целом новое тысячелетие ознаменовало позицию в саморекламе невозможности делать ставку в карьере на одну, пусть даже транснациональную компанию. Сокращение жизненного цикла профессий и специальностей также вносит коррективы в технологию карьерного роста и частоту переобразования персонала. Резко возросла роль тренингов не только как метода наращивания компетенций, но и как способа оценки креативности, коммуникативных навыков, обучаемости, дисциплины участников. Сократился жизненный цикл профессий, что потребовало частой профессиональной переподготовки, в том числе и с целью повышения собственной ликвидности как специалиста. Еще 20 лет назад не было 10 современных профессий; например, только последние 3 года стали востребованы специалисты по социальным сетям.

Сокращение жизненного цикла компаний и профессий приводит к росту мобильности кадров, сокращению продолжительности трудового стажа на основной работе. По данным Росстата, в 2011 г. 7,7 млн человек, или 11,3% занятого населения (без лиц, занятых в хозяйствах населения производством продукции для реализации), трудились по месту настоящей основной работы менее 1 года, в том числе 0,7 млн человек (1,1%) – менее 1 месяца. При этом доля работающих менее 1 года по месту настоящей основной работы среди наемных работников у физических лиц и индивидуальных предпринимателей была в 2,9 раза выше, чем у наемных работников предприятий и организаций. Среднее значение стажа трудовой деятельности по месту настоящей основной работы по всем формам занятости (без занятости в личном подсобном хозяйстве) составило 8,5 года, в том числе у работающих на предприятиях и в организациях – 9,1 года, индивидуальных предпринимателей – 6,5 года, наемных работников у физических лиц – 3,8 года [6].

Модель жизненного цикла специалиста.

Стадии жизненного цикла проходит и рабочая сила по определенной профессии, специальности или квалификации: от возникновения, стадии распространения, зрелости, насыщения до спада и вытеснения новыми. На стадии зарождения рабочей силы как товара и расширения сферы его применения спрос на него растет, в дальнейшем – становится устойчивым, на стадии угасания и отмирания – сокращается. Длительность каждой стадии определяется прежде всего жизненным циклом техники и технологии, породивших данную специальность (профессию, квалификацию), т. е. уровнем развития НТП. Яркий пример: машинист паровоза и кочегар уступили место машинистам дизель-локомотивов и электровозов.

Появившаяся профессия первоначально находится в «романтическом» периоде и на этапе зрелости превращается в рутинную. Быть трактористом, шофером в начале XX века было престижно и требовало высокой квалификации работника в тот период времени. Через 70–80 лет из интеллектуальной романтической превратилась в обыденный вид деятельности, а сегодня практически каждый имеет права на управление легковым автомобилем. Давно вышли из романтического периода геологи, врачи, летчики.

Несмотря на появление новых направлений на рынке IT-услуг, эти закономерности относятся и к занятым в информационных технологиях.

Программирование из искусства превратилось в рутинное ремесло, зачастую выполняемое отдельными заданиями, компонентами, силами интернациональных фрилансеров.

Во многом ускорение таких фазовых переходов связано с продолжающимся разделением труда и углублением специализации. Можно лишь условно приписывать результаты труда какому-то архитектору, конструктору, ученому, как правило, мы знаем эффективного менеджера (руководителя работ или проекта).

«Гребешковый» жизненный цикл профессии в России можно проиллюстрировать на примере профессии распространителя газет или печника, когда вновь в сельской местности возникла потребность в сооружении в домах русских печей, а в городе – каминов, в дачных домиках и банях – печей. Перед мировым финансовым кризисом в 2007–2009 гг. в России появился спрос на кредитных брокеров. Но не успели их начать готовить в системе высшего образования, как кризис выдал новую специальность на время из числа востребованных. Сегодня в России динамично растет спрос на SMM-менеджеров (Social Media Marketing) [7]. В ФРГ испытывают потребность в IT-специалистах – не столько программистах, сколько профессионалах, умеющих выполнять ремонт ноутбуков и другой компьютерной техники. Список самых востребованных профессий в США, составленный CNN Money и PayScale.com в 2010 г., возглавляют: Biomedical Engineer (инженер-биомедик), Telecommunications Network Engineer (сетевой администратор); Physician Assistant (ассистент врача); Software Architect (архитектор программного обеспечения); Environmental Engineer (инженер-эколог) [8].

Особый сегмент российского рынка труда – высококвалифицированные рабочие. Практически все выпускники учреждений начального профессионального образования находят работу по специальности. В 2013 г. спрос по различным рабочим специальностям значительно превышал предложение. Кроме того, современный уровень подготовки специалистов рабочих специальностей в Российской Федерации существенно уступает мировому. Как показали результаты международных соревнований среди рабочих профессий WorldSkills International (WSI), прошедших в Лейпциге в августе 2013 г., в которых впервые приняли участие учащиеся российских колледжей и ПТУ, занявшие последнее, 54-е место, качество обучения рабочих в нашей стране находится на низком уровне.

Дипломированные специалисты без опыта работы сталкиваются с трудностями при поиске работы по специальности. Сейчас больше всего вакансий, на которые согласны взять начинающих трудиться вчерашних студентов, – менеджеров по продажам, секретарей, ассистентов и курьеров. Довольно охотно берут к себе на работу молодых людей банкиры и страховщики. Много вакансий в сфере маркетинга и рекламы (рис. 1, 2) [9]. В ближайшие годы соотношение резюме и вакансий в специальностях, где нужно техническое образование, изменится в два или три раза в пользу соискателей – делают прогноз специалисты.

КОМУ ИЗ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ ЛЕГЧЕ УСТРОИТЬСЯ НА РАБОТУ?

Источник: Рекрутинговый портал HeadHunter.Ru

Рис. 1 Кому из выпускников вузов легче устроиться на работу?

В КАКИХ ОТРАСЛЯХ ЕСТЬ ВАКАНСИИ ДЛЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ?

Источник: Рекрутинговый портал HeadHunter.Ru (данные по России)

Рис. 2. В каких отраслях есть вакансии для молодых специалистов?

Модель стадий жизненного цикла специалиста рекомендуется для разработки планов подготовки и выпуска специалистов учебными заведениями, особенно для внебюджетных групп (подготовка на коммерческой основе в рамках государственных вузов и средних специальных учебных заведений) или в негосударственных учебных заведениях, а также для разработки концепции маркетинга частными кадровыми агентствами. Рост продаж (легкость трудоустройства) и прибыльность (относительно высокие доходы) необязательно являются признаками долговременного успеха на рынке рабочей силы. Товар может давать прибыль в течение 3–5 лет и более, но в стратегическом плане быть плохим объектом инвестиций. Например, если еще около 5 лет назад существовал достаточно высокий спрос на бухгалтеров, то теперь российский рынок труда насыщен этими специалистами, наметился спад спроса на тех из них, кто не имеет систематического высшего образования (окончивших лишь курсы). Аналогичная ситуация складывается и с банковскими специалистами, имеющими за плечами только банковские школы.

Жизненный цикл карьеры специалиста. Для специалиста является важным продвижение по службе. Карьера – это индивидуально осознанная последовательность изменений во взглядах, позиции и поведении, связанных с опытом работы и деятельности в течение трудовой жизни. Жизненный цикл карьеры специалиста описывается стадиями, через которые обычно проходят люди в процессе трудовой деятельности: дорабочий период, этап первоначальной работы, стадия стабильной работы (в том числе состояния временной занятости, нахождение в отпуске по уходу за ребенком, переквалификация с отрывом от производства), выход на пенсию (в том числе работающие пенсионеры по возрасту). При управлении развитием карьеры учитываются стадии жизни.

Индивидуальная рабочая сила имеет выход на рынок труда, как правило, в трудоспособном возрасте (иногда, правда, работают и дети), в этот период, когда не хватает знаний, умений, практического опыта, цена труда невысока. Далее возможен временный выход с рынка рабочей силы, скажем, для очного обучения в университете, и потом – возвращение в новом качестве, но опять же без опыта работы. Безработица перемещает рабочую силу из сферы целенаправленной полезной деятельности в сферу профессиональной пассивности. В течение трудовой жизни в определенные периоды максимально реализуются возможности, и уровень зарплаты достигает пикового значения (это приблизительно в 25–45 лет), возможны смены профессий. Завершается трудовой путь выходом на пенсию. Правда, многие пенсионеры, особенно в развивающихся странах, продолжают трудиться, иногда до физической смерти. В Японии и некоторых других странах прямая зависимость размера оплаты труда от стажа работы меняет вид кривой индивидуальной цены труда по этапам жизненного цикла рабочей силы. По финансовым соображениям экспертный совет по пенсионной реформе обсуждает в 2015 году возможность увеличения возраста выхода на пенсию; в Минфине России имеются прогнозные расчеты, основывающиеся на том, что с 2015 года возраст выхода на пенсию и у мужчин, и у женщин может быть увеличен до 62,5 года – поэтапно, по полгода за каждый год.

Индивидуальная цена труда (зарплата) определяет возможности расширенного воспроизводства рабочей силы (восстановление и улучшение физического состояния и повышение профессиональной квалификации).

Планирование карьеры специалистов исходит, во-первых, из потребностей фирмы заполнять вакантные места и, во-вторых, из потребностей персонала осуществлять карьерный рост. Прогресс в службе может достигаться не только при продвижении работника вверх по иерархической лестнице, но и при назначении его на другие работы (т. е. при смене функциональной области его деятельности) или на другие должности без изменения трудовых функций.

Методологической основой кадрового маркетинга выступают его концепции:

- 1) концепция эффективного формирования профессиональной рабочей силы;

- 2) концепция человеческого капитала (увеличение потребительской стоимости рабочей силы);
- 3) концепция продвижения товара «рабочая сила»;
- 4) ценовая концепция;
- 5) концепция традиционного маркетинга;
- 6) концепция социальных предпочтений;
- 7) маркетинг персонала в узком смысле является частью снабженческого маркетинга, поскольку его основная задача состоит в кадровом обеспечении продовольствия;
- 8) концепция потребительского выбора;
- 9) концепция внутриорганизационного маркетинга;
- 10) концепция эго-маркетинга (самомаркетинга) – системный подход к самореализации личности, когда человек в условиях конкуренции должен определить свое положение в обществе. Эго-маркетинг – программа реализации личности, которую может составить для себя каждый и которая мобилизует личность на конкретные действия [10].

Таким образом, концепция жизненного цикла рабочей силы представляет интерес, во-первых, в силу того, что жизнь товара «рабочая сила» в современных реалиях становится короче, во-вторых, новые профессии требуют значительных затрат для их освоения, т. е. увеличиваются инвестиции в «человеческий капитал», в-третьих, возможно предвидеть изменения в потребностях работодателей, конкуренции на рынке труда, в-четвертых, поскольку является основой планирования товара «рабочая сила» и его эффективного потребления.

Библиографический список

1. Занятость и безработица в Российской Федерации в январе 2015 года (по итогам обследований населения по проблемам занятости).- Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/36.htm
2. Патласов, О.Ю. Маркетинг-менеджмент рынка труда / О.Ю. Патласов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – С. 193.
3. Патласов, О.Ю. Маркетинговое управление рынком труда. – 2-е изд. / О.Ю. Патласов. – Омск, 2006. – С. 339.
4. Патласов, О.Ю. Маркетинг персонала: Учебник для бакалавров/ О.Ю. Патласов. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2015. – 384 с.
5. Батенёва, Т. Разные поколения и работают по-разному// РГ-Бизнес, 2014. - N946. 6 мая
6. Тенденции на рынке труда // Росстат. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B12_04/IssWWW.exe/Stg/d03/2-rin-trud.htm
7. Об этом см.: Социальные сети: развлечение или инструмент развития бизнеса? // Человек и труд. – 2012. – № 4. – С. 71–72.
8. Топ 20 самых востребованных профессий в США // U.S. Advice. Все про США. – URL: <http://www.usadvice.ru/2011/08/samye-vostrebovannye-professii-v-ssha.html>.
9. Дуэль А. Первая профессия // Российская газета. – URL: <http://www.rg.ru/2013/09/03/rabota.html>.
10. Патласов О.Ю. Цели, условия, доминаты, направления и концепции маркетинга персонала.// Наука о человеке: гуманитарные исследования.– Омск, 2013. – №2. – С. 46-55.

O.Yu. Patlasov

Vice – Rector Omsk Academy of the Humanities,

Vice – Rector, Omsk regional Institute.

LIQUIDITY SPECIALIST, COMPETITIVENESS AND LIFE CYCLE PROFESSIONS

The concept of "specialistliquidity" was introduced. Two side of liquidity were picked out. The tools to improve one's own liquidity and price of labour were suggested. The concept of labor force, profession (specialty) and career life cycle was described. The connection between the reduction of the companies and professions life cycle with the increase of mobility and the reduction of the duration of employment in the main job was proved.

Key words: competitiveness of labour force, marketing of personnel, liquidity of worker, life cycle of career.

References

1. Employment and unemployment in the Russian Federation in January 2015 (according to the results of population surveys on employment). Available at: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/36.htm
2. Patlasov O.Yu. Marketing-menedzhmentrynkatruda [Marketing management of labour market]. Tomsk, Tomsk Universaty Publ., 2000. P. 193.
3. Patlasov O.Yu. Marketingovoe upravleniye rynka truda [Marketing management of labour market]. 2nd edition. Omsk, 2006. P. 339.
4. Patlasov O.Yu. Marketing personala [Marketing staff]. Moscow, Publishing and trading Corporation «Dashkovi K.», 2015. 384p.
5. Bateneva T. Different generations work differently. RG-Biznes, 2014, No. 946. 6th of May.
6. Trends in the labour market. Rosstat. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/B12_04/IssWWW.exe/Stg/d03/2-rin-trud.htm
7. Social networks: entertainment or business tool? Cheloveki truda. 2012, No 4, p. 71–72.
8. Top 20 most popular professions in the U.S. U.S. Advice. Vse pro SShA. Available at: <http://www.usadvice.ru/2011/08/samye-vostrebovannye-professii-v-ssha.html>.
9. Duel' A. First profession. Rossiyskaya gazeta. Available at: <http://www.rg.ru/2013/09/03/rabota.html>.
10. Patlasov O.Yu. Objectives, conditions, direction and concept of the marketing staff. Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya. Omsk, 2013. No 2. P. 46-55.

© Патласов О.Ю., 2015

Автор статьи – **Олег Юрьевич Патласов**, доктор экономических наук, профессор, проректор, Омская гуманитарная академия, Омский региональный институт, e-mail: opatlasov@mail.ru.

Рецензенты:

Н.Е. Алексеев, кандидат экономических наук, доцент, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия;

А.М. Попович, доктор экономических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

О рецензировании. Автору, имеющему ученую степень доктора наук, следует приложить к статье две рецензии специалистов с ученой степенью доктора наук. Для автора, имеющего ученую степень кандидата наук, также необходимы две рецензии (двух специалистов – с ученой степенью доктора наук и кандидата наук или двух специалистов с ученой степенью кандидата наук, в последнем случае важно, чтобы рецензенты не представляли одну организацию). Аспиранты могут предоставить две внешние рецензии, данные специалистами с ученой степенью кандидата наук (см. приложение).

О содержании. В аннотации и заключительной части статьи необходимо указать новизну результатов исследования, область их применения, конкретные предприятия, организации, где данные исследования рекомендуются использовать.

Об оформлении. Статью необходимо набрать на компьютере в редакторе не ниже MS Word-2003, распечатать на бумаге формата А4 (210x297 мм). Оригинал должен быть чистым, не согнутым, без ручных правок, страницы пронумерованы. Окончательный вариант статьи должен содержать не более 8 страниц. Наряду с распечатанной представляется электронная версия (на лазерном диске либо по электронной почте). Авторский оригинал желательно представить в виде текстового файла с расширением .rtf. При отправке файлов по электронной почте необходимо использовать «присоединенный файл». Файлы большого объема можно сжимать общеизвестными архиваторами (ZIP, RAR). Распечатанный вариант должен полностью совпадать с электронным (!).

Поля. Снизу – 2,5; сверху, слева и справа – по 2 см.

Основной текст статьи набирается шрифтом Times New Roman Сут 12 пт. При необходимости можно применять выделение текста курсивом или полужирным шрифтом. Абзацный отступ 1 см. Межстрочный интервал одинарный. Ориентация книжная. Выравнивание текста – по ширине.

Ссылаясь на литературу, используют цифры, заключенные в квадратные скобки: [1]. Ссылки должны быть пронумерованы последовательно.

Если в тексте статьи содержатся таблицы и иллюстрации, то они должны быть пронумерованы (Таблица 1, рис. 1), озаглавлены (таблицы должны иметь заглавие, а иллюстрации – подрисуночные подписи) и помещены в самом конце статьи. В основном тексте *обязательно* должны содержаться ссылки на таблицы и рисунки.

Если в оригинале содержится текст на языке со специфическим алфавитом (старославянским, китайским и т.п.), этот текст включается в статью в виде иллюстрации.

Все виды выравнивания и отступы (в т.ч. абзацные) делаются средствами MS Word, а не вставкой лишних пробелов. Строки в пределах абзаца не должны разделяться символом возврата каретки (Enter).

В статье должен быть использован один вид кавычек – кавычки-«елочки» (« »).

Формулы. Простые внутрострочные и однострочные формулы могут быть набраны без использования специальных редакторов – символами (допускается использование специальных символов из шрифтов Symbol, Greek Math Symbols, Math-PS Mathematica BTT). Сложные и многострочные формулы должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Equation 2.0, 3.0. Смещение символов из текстовых редакторов с символами из редактора формул не допускается.

Таблицы оформляют в виде стандартных таблиц MS Word или создают с использованием возможностей MS Excel. Они помещаются на новой странице после списка литературы последовательно, согласно нумерации. Если таблица имеет большой объем, она может быть помещена на отдельной странице, а в том случае, когда она имеет значительную ширину, – на странице с альбомной ориентацией.

Иллюстрации размещаются на новой странице после таблиц (или списка литературы) последовательно, согласно нумерации. Если иллюстрация имеет большой формат, она должна быть помещена на отдельной странице, а в том случае, когда она имеет значительную ширину, – на странице с альбомной ориентацией. Иллюстрации могут быть сканированными с оригинала или выполнены средствами компьютерной графики. Допускается, а в случае с иллюстрациями большого объема (файла) приветствуется, размещение иллюстраций в отдельном файле. Подписи к иллюстрациям могут прилагаться на отдельных страницах. Если авторы по техническим причинам не могут представить электронные версии иллюстраций, в качестве иллюстраций принимаются черно-белые фотографии, рисунки, выполненные на компьютере или черной тушью от руки или распечатанные на лазерном принтере.

Иллюстрации предоставляются в виде стандартных графических файлов форматов GIF или JPEG. При сканировании желательно придерживаться разрешения не ниже 300 dpi.

В верхнем левом углу листа проставляется УДК (берется в библиотеке). Далее по центру жирным шрифтом Times New Roman Сут размером 12 пт. прописными буквами печатается *название статьи*, ниже обычным шрифтом (12 пт.) – *инициалы, фамилия автора*, строкой ниже – *полное название организации*. Ниже через строку помещается текст *аннотации* на русском языке, а также *ключевые слова*. Еще через строку помещают основной текст статьи.

Тексты примечаний. Если в тексте есть примечания, ниже основного текста набирается по центру жирным шрифтом заглавие «Примечания» и через строку помещаются тексты примечаний, пронумерованные числом в виде верхнего индекса (например, ¹).

Ниже основного текста печатается по центру жирным шрифтом заглавие «*Библиографический список*» и помещается пронумерованный перечень источников. Библиографическую запись для пристатейных списков, содержащих сведения об использованных или рекомендуемых источниках, составляют по ГОСТ 7.1-2003 (Потемкин, В. К. Социальное партнерство: формирование, оценка, регулирование / В. К. Потемкин, Д. Н. Казаков. – СПб., 2002. – 202 с.). Следование ГОСТу строго обязательно. Необходимыми элементами описания являются: указания места издания (СПб.), года издания (2002), *общего количества страниц* источника (202 с.) или конкретных страниц цитаты (С. 23).

Описание *электронного источника* должно производиться согласно указанному ГОСТу (Касатов, Н. С. Проблемы управления рисками [Электронный ресурс] / Н. С. Касатов, А. И. Шустов. – Режим доступа: <http://referat.ru/download/ref-10897.zip>, свободный).

Библиографические описания тщательно выверяются автором.

Примеры библиографического описания документов
(ГОСТ 7.1-2003)

Книга одного-трех авторов

Писигин, В. Ф. Свободное предпринимательство: препоны и надежды / В. Ф. Писигин. – Ульяновск : Симб. книга, 1992. – 103 с.

Мескон, М. Основы менеджмента : пер. с англ. / М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. М. : Дело, 1995. – 701 с.

Книга четырех и более авторов

Макроэкономика : учебник / Л. С. Тарасевич [и др.] ; общ. ред. Л. С. Тарасевича. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб. : СПбГУ, 1994. – 134 с.

Статья из сборника

Панарин, А. С. Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизованные ответы / А. С. Панарин // Социальная философия и философская антропология. – М., 1995. – С. 5–25.

Статья из журнала

Самоукина, Н. В. Работа социального психолога в банковской системе / Н. В. Самоукина // Вопросы психологии. – 1997. – № 4. – С. 48–57.

Диссертация

Габдрахманов, Ф. В. Региональная система предупреждения преступлений несовершеннолетних (опыт Республики Марий Эл) : дис. ... канд. юрид. наук / Ф. В. Габдрахманов. – М., 2000. – 193 с.

Интернет-издание

Шохов, А. Социальное партнерство [Электронный ресурс] / А. Шохов. – Режим доступа: <http://stalker.newmail.ru/quant.htm>

Текст на английском языке. Кроме текста публикации на русском языке приводится английский перевод: *фамилии автора (транслитерация), заглавия статьи, названия организации, аннотации, ключевых слов*, а также СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ В ЛАТИНИЦЕ (References).

Пристатейный список литературы на латинице (References) готовится отдельно от Библиографического списка и помещается либо сразу за списком, либо вместе с другим текстом на английском. Не допускается смешивать русский и английский текст в одной ссылке, а также сокращать список литературы на русском, перенося английские ссылки в References. Зарубежные ссылки требуется повторять и в том, и в другом списке.

Для списка литературы на латинице недопустимо применять российские ГОСТ 7.1-2003 и ГОСТ Р 7.0.5.-2008, рекомендуемые для списков литературы в русскоязычных источниках. Применяемые в этих ГОСТах знаки (// – двойной слеш, тире) не воспринимаются зарубежными системами.

Все списки литературы преобразуются в такой вид:

Author A.A., Author B.B., Author C.C., Author D.D. Title of article. *Title of Journal*, 2005, vol. 10, no. 1, pp. 44-55.

Рекомендуется следующая схема ссылки на статью:

- авторы (транслитерация);
- заглавие статьи на английском языке;
- название русскоязычного источника (транслитерация) курсивом;
- выходные данные либо только цифровые на английском языке.

Применение курсива для названия источника очень важно!

Author A.A., Author B.B. *Title of book* [Title of book]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 500 p.

Схема описания книги, монографии:

- автор(ы);
- название книги (монографии) – транслитерация и курсивом;
- [перевод названия книги, монографии в квадратных скобках];
- выходные данные: место издания – Moscow; изд-во на английском языке или транслитерация;
- Количество страниц в издании (105 p.)

Примеры описания источников:

Dragunova E.V. The basic provisions of the assessment of competitiveness of medium-sized manufacturing enterprises. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, vol. 1, no. 28, pp. 119–123.

Solov'eva E.A. The main directions of support of business activity in the Omsk region. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*, 2012, no. 2 (10), pp. 101–107.

Koshelev B.S. Mnogoukladnoe sel'skoe khozyaystvo regiona: sostoyanie, perspektivy razvitiya [Multistructured agriculture of the region: condition, development prospects : monograph]. Omsk, 2011, 384 p.

Reyngard Ya.R. *Agroekologicheskaya otsenka pochvennogo pokrova i rayonirovanie territorii Omskoy oblasti* [Agroecological assessment of a soil cover and division into districts of the territory of the Omsk region]. Omsk, 2009, 160 p.

Zotova M.V. *Transformatsiya krupnykh gorodov Rossii v tsenry makroregional'nogo vliyaniya*. Dis. doct. geogr. nauk [Transformation of the large cities of Russia into the centers of the macroregional influence]. Moscow, 2007, 461 p.

Существует достаточно много бесплатных программ для создания библиографических описаний на латинице. Описания можно создавать автоматически по предлагаемым стандартам для разных видов публикаций (статья, книга и т.д.). Пример ссылок на такие сайты: <http://www.easybib.com/>; <http://www.bibme.org/>

Обращаем Ваше внимание на то, что при оформлении электронного варианта текста статьи, последний следует организовать в отдельном файле, присуждая ему имя: **Петров А.С. Статья.**

Образец оформления текста статьи

УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (ПРОПИСНЫМИ БУКВАМИ)

И.И. Иванов

Полное название организации

Текст аннотации и ключевые слова на русском языке

Основной текст статьи

Библиографический список (на русском языке)

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛ. ЯЗЫКЕ

ФИО автора (транслитерация)

Полное название организации на англ. языке

Текст аннотации и ключевые слова на английском языке

Библиографический список (на латинице)

REQUIREMENTS FOR SCIENTIFIC ARTICLES

About the review. The author who has a degree of doctor of science should attach to the article two reviews of specialists with the scientific degree of doctor of Sciences. For the author who has a degree of candidate of Sciences also needs two reviews (of two specialists with the scientific degree of doctor of sciences and candidate of sciences or two specialists with academic degree of candidate of Sciences, in the latter case it is important that reviewers are of different organization). Postgraduate students can provide two external reviews given by specialists with an academic degree of candidate of Sciences (see Annex).

About the content. In the abstract and the final part of the article specify the novelty of the results of the study, their field of application, specific enterprises and organizations where the research data is recommended to be used.

About the design. The article should be typed on a computer in the text editor not less than MS Word 2003, print out on paper of A4 format (210x297 mm). The original should be clean, not bent, without manual corrections, all pages should be numbered. The final version of the manuscript should be no longer than 8 pages. Along with the printed version provide an electronic version (on CD or by e-mail). The author's original is better to provide in a text file with the extension .rtf. When sending files by e-mail use the «attached file» option. Large files can be compress by well-known archivers ZIP, RAR). The printed version should be the same as the electronic one (!).

Margins. Below - 2.5cm; top, left and right – 2 cm.

The main text should be typed in Times New Roman Cyr 12. If necessary text can be highlighted in italic or bold. Indention 1 cm. Line spacing - single. Portrait orientation. Text alignment by width.

Use numbers in square brackets: [1] when referring to the literature. References should be numbered consecutively.

If the text of the article contains tables and illustrations they should be numbered (Table 1, pic. 1), entitled (tables should have a title, illustrations should have captions) and be placed in the end of the article. The main text must contain references to the tables and figures.

If the original contains a text in a language with a specific alphabet (Slavic, Chinese etc) this text is included in the article as an illustration.

All types of alignment and indention (including paragraphical) are made by means of MS Word instead of inserting extra spaces. Lines within a paragraph should not be separated by a carriage return symbol (Enter).

The only type of quote marks used in the article is «herring-bone» quotes (« »).

The formulas. Simple in-row and one-row formulas can be typed without using special editors but in symbols (using special characters from the font Symbol, Greek Math Symbols, Math-PS Mathematica BTT). Complex and multi-line formulas should be typed in the formula editor Microsoft Equation 2.0, 3.0. Mixing symbols from the text editors with the symbols from the equation editors is not allowed.

Tables are arranged in the form of standard tables in MS Word or by means of MS Excel. They are placed on a new page after the list of references consecutively, according to the numbering. If the table is large it can be placed on a separate page, and in case it has a considerable width it should be placed on the page in landscape orientation.

Images are displayed on a new page after tables (or after the list of references) consistently, according to the numbering. If the image is large it should be placed on a separate page, and in case it has a considerable width it should be placed on the page in landscape orientation. Illustrations can be scanned from the original or executed by means of computer graphics. It is allowed, and in case illustrations are of a large volume (file) it is welcomed, to put illustrations in a separate file. Captions can be attached on separate pages. If the authors cannot provide the electronic versions of the illustrations for technical reasons, black and white photographs, computer drawings or black ink free-hand drawings and printed on a laser printer are accepted.

Illustrations are provided in the form of the standard graphics file formats: GIF or JPEG. When scanning it is desirable to adhere to the resolution not less than 300 dpi.

In the upper left corner of the sheet UDC is placed.

Text in Russian. The title of the article is typed in the center with capital letters in bold font Times New Roman Cyr size 12 PT. The initials and surname of the author is typed below in normal font 12 PT. The next line is the full name of organization. The annotation text and keywords are typed over a line. The main text of the article is placed over another line.

Type the title «References» and numbered list of sources in bold in the center below the main text. Arrange a bibliographic record for the pre-article lists containing information about the used or recommended sources according to GOST 7.1-2003.

Texts of notes. If there are text notes, type the heading «Notes» in bold at the center below the main text, and place the texts of notes in a line, numbered with the Superscript (for example, ¹).

Texts in English. Give English translation: *surname of the author (transliteration), title of article, name of organization, abstracts, key words*, and a LIST of LITERATURE IN LATIN script (References).

All references should be given in such a way:

Author A.A., Author B.B., Author C.C., Author D.D. Title of article. *Title of Journal*, 2005, vol. 10, no. 1, pp. 44-55.

We recommend the following article link scheme:

- the authors (transliteration);
- the title of the article in English;
- the name of the Russian-language source (transliteration) in italics;
- the date-line or only digital in English.

Author A.A., Author B.B. *Title of book* [Title of book]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 500 p.

Book description scheme, monographs:

- author(s);
- the title of the book (monograph) – transliteration and in italics;
- [translation of the title of the book, monograph in square brackets];
- The date-line: place of publishing – Moscow; publishing house in English language or in transliteration;
- The number of pages in the edition (105 R.)

The examples of sources description:

Dragunova E.V. The basic provisions of the assessment of competitiveness of medium-sized manufacturing enterprises. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, vol. 1, no. 28, pp. 119–123.

Solov'eva E.A. The main directions of support of business activity in the Omsk region. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*, 2012, no. 2 (10), pp. 101–107.

Koshelev B.S. Mnogoukladnoe sel'skoe khozyaystvo regiona: sostoyanie, perspektivy razvitiya [Multistructured agriculture of the region: condition, development prospects : monograph]. Omsk, 2011, 384 p.

Reyngard Ya.R. *Agroekologicheskaya otsenka pochvennogo pokrova i rayonirovanie territorii Omskoy oblasti* [Agroecological assessment of a soil cover and division into districts of the territory of the Omsk region]. Omsk, 2009, 160 p.

Zotova M.V. *Transformatsiya krupnykh gorodov Rossii v tsenry makroregional'nogo vliyaniya*. Dis. doct. geogr. nauk [Transformation of the large cities of Russia into the centers of the macroregional influence]. Moscow, 2007, 461 p.

Please, note that an electronic version of the article should be arranged in a separate file by giving it a name: *Petrov, A.S. Article*.

Sample of the article text formatting

UDC

THE TITLE OF THE ARTICLE (IN CAPITAL LETTERS)

I.I. Ivanov

Full name of organization

The text of abstracts and key words in Russian language

Main text of the article

References (in Russian)

THE TITLE OF THE ARTICLE IN ENGLISH. LANGUAGE

The name of the author (transliteration)

Full organization name in English language

Text of the abstract and keywords in English

References (in Latin)

**Негосударственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Омская гуманитарная академия**

ПРИГЛАШЕНИЕ

III-й Всероссийский конкурс с международным участием на лучшее научное издание в области гуманитарных наук (среди преподавателей высших учебных заведений и практических работников)

НОУ ВПО «ОМГА» проводит конкурс на лучшую научную книгу среди преподавателей высших учебных заведений и практических работников с целью поддержки авторских коллективов, повышения качества научных изданий, а также развития научного информационного обмена в области гуманитарных наук.

Конкурс проводится по следующим направлениям:

1. Психология и педагогика
2. Менеджмент
3. Экономика
4. Реклама и связи с общественностью
5. Филология и журналистика

К конкурсу принимаются работы, изданные в 2014 году в виде монографий, учебников и учебных пособий (не менее чем в **трех** экземплярах). По окончании конкурса книги не рецензируются и не возвращаются.

Крайние даты:

1 февраля 2015 г. – начало приема конкурсных материалов

31 мая 2015 г. – окончание приема конкурсных материалов

Подведение итогов – не позднее **30 июня 2015 г.**

Положение о Всероссийском конкурсе с международным участием на лучшее научное издание в области гуманитарных наук (среди преподавателей высших учебных заведений и практических работников) размещено на сайте НОУ ВПО «ОМГА» <http://academy.omga.su/news.php>.

Книги принимаются по адресу: 644105 г. Омск, ул. 4-ая Челюскинцев 2А, каб. 104

Все материалы должны сопровождаться заявками.

На каждое издание оформляется отдельная заявка (форма приведена ниже).

**Заявка
на участие в III Всероссийском конкурсе с международным участием
на лучшее научное издание в области гуманитарных наук ***

Фамилия Имя Отчество (полностью) участника или участников (если книга написана в соавторстве); <ul style="list-style-type: none">• учёная степень участника (ов), учёное звание участника (ов);• должность участника (ов)	
место работы (полное название организации, Ф.И.О., ученое звание и ученая степень руководителя организации, почтовый адрес с индексом (чтобы выслать благодарственное письмо)	
почтовый адрес участника (ов)	
контактный телефон участника (ов)	
электронный адрес участника (ов)	
вид научной работы для участия в конкурсе (монография, учебник или учебное пособие)	
полное название научной работы для участия в конкурсе	
год издания, издательство	
объём научной работы в страницах и печатных листах	
направление научной работы (в соответствии с Приглашением)	
Краткая аннотация	

С условиями конкурса ознакомлен и согласен (подпись автора (ов)) _____

* все поля таблицы Заявки обязательны для заполнения

Вопросы можно задать по телефонам: 8-(3812)-68-35-90 ; 8-(3812)-29-00-52 Или написав электронное письмо по адресу: E-mail: omga-konference@mail.ru

Будем рады сотрудничеству!